
ФАНТАСТИКА
84

ФАНТАСТИКА-84

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

Сборник научно-фантастических повестей, рассказов и очерков

84(0)6
Ф 22

Составитель Спартак Ахметов

Художник Роберт Авотин

Ф $\frac{4702000000-246}{078(02)-84}$ 110–84

Повести и рассказы

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

САГАН-ДАЛИНЬ

— Ну как, Варя? — Константин показал на термометр, прикрепленный рядом с притолокой двери. Термометр показывал пятьдесят три градуса.

— Костя!.. — Варя подняла к лицу рукавицы, дула в беличий мех; рукавицы были двойные, сверху вязаные, внутри сделанные из беличьей шкурки. Дыхание не все уходило в них, оседало на шубку блестящим инеем.

— Я тебе говорил... — сказал Костя.

— А я не жалею! — Варя опустила рукавицы, засмеялась. — Все равно мы опять на Байкале!

Байкала не было видно, хотя аэродром находился в километре от берега. Стоял неподвижный белый туман, густой и плотный. Тишина... Так бывает на Байкале, когда столбик термометра опускается ниже пятидесяти.

— Ну, ну, — сказал Костя, понимая, что Варя храбрится. Он отговаривал ее: подождем до весны. Варя только вертела головой: сейчас, сейчас!

И вот они опять на Байкале.

На этот раз они ничего не увидели. Самолет поднялся из Иркутска в тумане и опустился в молочной мгле.

За ними пришел автобус. Вместе с шофером они перенесли в автобус аппаратуру.

— Закрываю! — сказал шофер простуженным басом, поспешно захлопнул дверь.

В автобусе окна на палец заросли инеем. Смотреть можно было только через лобовое стекло, подогреваемое электричеством. Но и через него ничего не было видно, кроме белой дороги и тумана по сторонам.

Так они доехали до поселка, автобус остановился. Где-то близко глухо прогудел тепловоз.

— Костя, БАМ! — воскликнула Варя.

Но шофер махнул рукой вслед тепловозу:

— Пошел назад. Впереди еще и дороги нет — тоннель.

— Тоннель?..

— Прямо к Байкалу, — сказал шофер. — Там и город построим.

— Как называется город?

— А еще нету названия. Придумывают.

Пока переносили вещи, шофер рассказывал, что тоннель го-

тов, завтра последний осмотр, и будут вызывать приемочную комиссию.

— Что-то у вас тяжелое в чемодане? — спросил он. — Приборы? Вы изыскатели?

— Костя, — спросила Варя, — мы изыскатели?

— Во времени... — непонятно для шофера ответил Костя.

Им отвели комнату в общежитии, с двумя окнами, неожиданно теплую.

— Больше всего боюсь, — сказал Константин, — как бы не растрясло аппаратуру.

К счастью, больших поломок не оказалось, пришлось закрепить лампы, перепаять два контакта; ток пошел, индикаторы вспыхнули.

— Ну вот! — облегченно вздохнула Варя.

Константин присел на табуретку возле стола. Варя пристроилась с ним рядом.

— Помечтаем?

Константин засмеялся:

— Ты все такая же.

Вспомнили, как два года тому назад были в Листвянке, любовались летним Байкалом, слушали его музыку. Видели за горизонтом белый город в утреннем свете.

— Северобайкальск! — сказала тогда Варя.

Позже они видели Северобайкальск по телевидению, на фотографиях. Город выглядел совсем иначе, чем тот, в утреннем свете. Может, это был другой город? Какой?

Загадка мучила их два года. Непростые годы — наполненные поиском и работой.

— Все зависит от нашего сознания, — утверждала Варя. — Какую-то часть его, электронный поток, мы можем направлять в прошлое из будущего.

Костя занимался техникой. Сконструировал корону, шлем, и теперь электронный поток, усиленный электрическим полем, свободнее пробивал толщу времени. Не надо было напрягаться, как тогда, летом, в Листвянке. Стоило только обоим подумать, настроиться на волну, и они видели близкое или дальнее время, наблюдали события. Наверно, если бы умели разгадывать речь по движению губ, они бы знали, о чем разговаривают, спорят люди. Но ведь это целая наука — читать по движению губ. Если хоть раз почувствовал дуновение ветра на лице, — там, в будущем или прошлом, — это значит, действительно открывается новое, о нем надо думать, к нему идти.

Они видели Казань, когда ее штурмом брали войска Ивана Грозного — это шестнадцатый век! Они уходили дальше, в дремучую нетронутую тайгу — тысячу лет назад тайга распространялась почти до Москвы; впрочем, тогда еще и Москвы не было. Забредали еще дальше — в бронзовый век.

Но часто все это виделось точно сквозь сетку, похожую на водную рябь.

— В чем дело? — спрашивал Константин. — Аппаратура?

Копался в приборах, усиливал, уменьшал поле. Рябь не проходила.

— Может быть, это от местности? — предположила Варя. — Вспомни сны над Байкалом, — так они с Костей называли виденные картины, — аппаратуры у нас не было!

— Без техники далеко не уйдешь, — возражал Костя.

— Техника помогает, не спорю, — отвечала Варя. — Но, Костя, милый, мне все-таки думается, что там, на Байкале, уникальнейшие условия. Мы видели Чехова, город, и никакое электрическое поле не помогало нам! Я не знаю, почему это, может быть, там земля, почва излучает какую-то эманацию. Надо ехать туда, проводить опыты там!

— Может быть, и от почвы... — кивал головой Костя. Продолжал копаться в приборах.

Пока не пришло это, неожиданное.

Они наткнулись на лесной пожар. Огонь шел лавиной, вскидывался на деревья как зверь. Пламя доставало до неба, птицы падали огненными комками.

Это было страшно. Варя крикнула:

— Выключи!

Костя выключил, все исчезло.

Но комната у них оказалась полной дыма.

Отпуск им дали в январе. И они сейчас же решили ехать. Настояла, конечно, Варя.

— Город, Костя, все-таки это другой город. И мы увидим Байкал!

Они были влюблены в Байкал. Мечтали о нем. И как ни заманчиво было новое, открывшееся перед ними — как попал дым лесного пожара к ним в комнату? — они решили повторить опыты на байкальской земле.

— Нас ждут еще бóльшие неожиданности, — говорила Варя.

— Зима... — осторожно возражал Костя.

Варя настаивала:

— Хочу город! Кроме того, Костя, нам постоянно мешает сетка.

Это было верно, рябь не спадала с глаз.

— Может быть, здесь, под нами, слишком много руды? — говорила Варя. — Курское магнитное железо проходит под Белгородом, Орлом?

— Думаешь, под Байкалом меньше железа?

— Костя, тебе хочется спорить?

Спорить Константин не хотел. Но лесной пожар не выходил у него из головы.

«Может быть, Варя надумала посмотреть зимний Байкал? — согласился он. — Пусть посмотрит».

Но раньше они поставят опыт.

— Аппаратура готова, — говорит Костя, — в этом задержки нет. Но лучше, если мы помечтаем завтра. Утро вечера мудренее.

Варя смеется:

— Тогда поцелуй меня!

Ночью прояснилось, высыпали колючие льдистые звезды. В седьмом часу восток начал белеть, обозначились горы.

Просыпался поселок. Скрипуче звенели шаги по морозному снегу, где-то прогревали мотор автомашины.

— Костя! — Варя глядела в окно. — Утро будет розовым. На далеких гольцах багрянец.

С минуту они глядели на горную цепь, на синий сумрак долины, оранжевые дымы, вставшие над поселком.

Потом Варя пошла готовить завтрак. Костя вернулся к приборам. Но Варя постоянно возвращалась к окну, в разгоравшемся утре ей было видно, что делается в поселке.

Видела площадь, каменное здание — контору. К крыльцу подошла машина. Еще Варя увидела полотно железной дороги, несколько зеленых вагонов, застывших на рельсах. Рельсы выходили из глубины долины и кончались, не доходя до склона горы, насыпь, однако, продолжалась и сквозь огромный зев, тоннель, входила в гору. Окна в конторе освещены, в комнатах двигались люди, силуэты были видны сквозь запорошенные снегом стекла. «Куда-то собираются, — подумала Варя. — А, — вспомнила слова шофера, — осматривать тоннель».

С крыльца конторы спустились несколько человек, пошли к машине.

— Костя, — сказала Варя, — сейчас они поедут.

— Кто? — спросил Костя.

— Обследовать тоннель.

Костя оторвался от аппаратов, подошел поглядеть.

И тут у них с Варей одновременно возникла мысль:

— У тебя все готово? — спросила Варя.

— Все.

— Наденем шлемы.

До отказа распахнула на окне занавес, Костя придвинул стулья.

Оба надели шлемы и, когда автомашина тронулась, стали смотреть ей вслед.

Через минуту автомашина скрылась в тоннеле.

— Тоннель, тоннель... — повторяла Варя. Костя повторял за ней: «Тоннель...» Они настроились на вйдение.

Окно перед глазами исчезло, надвинулась темнота. Но это вблизи. В отдалении свет фар скользил по серой щебенке и цементным стенам тоннеля.

— Тоннель... — повторяла Варя. Костя мысленно вслед за ней — тоже.

Потом вдруг свет исчез. Так бывает в опытах, когда мысль пробивается сквозь время.

Но тут послышался голос:

— Что такое — туман?..

Варя и Константин вздрогнули: голос прозвучал будто в комнате, а может, у них в ушах.

Темнота продолжалась. Варя и Константин сидели с закрытыми глазами неподвижно, это способствовало успешному продолжению опыта.

Голос — опять в комнате и как будто в ушах — повторил:

— Откуда туман?

Варя и Константин открыли глаза. Но темнота не исчезла. И это было такой же неожиданностью, как голос. Обычно, когда откроешь глаза, все возвращалось на свое место — комната, если опыт проходил в комнате, берег или поляна, смотря где начинался опыт. Сейчас к Варе и Константину комната не вернулась. Вокруг стояла тьма. И это потрясло их — никто не в силах был сказать слова.

Вдруг обоим в глаза ударил ослепительный день: небо, зелень тополей, солнце. Варя и Константин невольно зажмурились. Сквозь кроны деревьев увидели белую, с розовым, едва заметным отливом, — стену. И еще увидели сквозь зелень крон буквы.

— Что это? — крикнул в испуге голос. И все исчезло.

Но исчезло не потому, что прозвучал голос. Какую-то долю секунды Варя и Константин видели тополя и стену. Раздался легкий звон, падение осколков стекла — в одном из приборов лопнула лампа.

Костя кинулся к аппарату заменить лампу. Под рукой лампы не оказалось, пришлось раскрывать чемодан, доставать лампу, ставить в прибор. На все это ушло пять-семь минут.

Но когда поломка была устранена, увидеть продолжение того, что было перед глазами, не удалось: опыт был безнадежно нарушен. Константин с досадой выключил остальную аппаратуру.

Как и когда возвратилась из тоннеля машина, Варя и Константин не видели.

Разочарованные, они позавтракали молча. Повторять опыт не имело смысла. Из практики они знали, что поймать утерянную минуту почти невозможно, для этого надо было часами ша-

рить на ощупь. Молча они оделись, вышли из общежития посмотреть поселок.

Смотреть-то особенно было нечего: одна улица, полотно железной дороги — вокзала еще не было, — гора, подходившая к поселку вплотную. На все достаточно было взгляда.

Хотелось видеть совсем не это. Хотелось видеть мечту. Она была рядом, здесь.

— Дорога одна, — говорили им вчера в общежитии. — Не заблудитесь.

Они пошли по дороге.

Ходьба разогрела их. Неудача опыта отошла в сторону. О самом опыте не говорили. Заботило их другое.

— Что мы все-таки видели, Костя, вспомним!

— Небо видели, — сказал Костя. — Тополя.

— Стену, — продолжила Варя, — и на ней буквы: СА. И на конце Н с мягким знаком.

— Точно, — согласился Костя. — На конце Н с мягким знаком.

Оба несколько секунд помолчали.

— В общем, надпись мы не прочли, — сказала Варя.

— А догадаться можно?

Еще раз перебрали буквы. Ничего не сложилось.

Вернулись к опыту. Опять к буквам. Начали повторяться. Но тут дорога обогнула гору, в свете яркого дня, солнца перед Варей и Константином блестел Байкал.

Свидание с Байкалом всегда событие. Это Варя и Константин заметили еще в прошлой поездке. Утром, вечером, днем Байкал всегда неожиданный, новый. Он как голубой лотос — свежий и нежный. Даже сейчас, в зимний день, — что бы казалось — мороз и лед? — Байкал не теряет извечных цветов и красок. К берегу, к скалам он прильнул изрытой торосистой кромкой. Но ведь это — серебро и хрусталь, в каждом изломе солнце! А дальше — Варя вскинула руку, — дальше уходил чистый ледяной панцирь, зеркало — опять волшебное зеркало! И в нем каждой зазубриной отражался далекий, с противоположного берега, горный хребет. В нем отражалось небо, это придавало льду голубизну. Под ним светилась вода, и это голубизне прибавляло зелени. Местами по льду тянулись — ветер их положил — наносы, похожие на перистые застывшие облака. Сочетание голубого, зеленого, белого было радостным, праздничным. Праздник отражался у Вари в глазах.

— Костя, — говорила она. — Костя!

Медленно они шли по смерзшейся гальке. Она не шуршала, не перекатывалась под ногами — потрескивала. Это был ни с чем не сравнимый зимний звук. Варя смеялась.

— Почему ты молчишь? — подняла лицо.

— Все молчит, — сказал Константин.

Действительно, все молчало, завороженное.

Но это не было молчанием леса или молчанием степи. Это проникновенное, торжественное безмолвие — первобытная тишина.

— Как на другой планете, — попыталась выразить чувство Варя.

— Нет, — не согласился Костя. — Солнце — наше.

Они обернулись к солнцу, которое сейчас, в полдень, стояло над горизонтом на высшей точке. Солнце грело. Едва касалось лица, но чувствовалось, что гладит кожу словно рукой ребенка.

— Да, — согласилась Варя. — Солнце земное.

Они продолжали глядеть. Справа суровым торцом подходил к Байкалу хребет. Обрывался отвесно в глубь озера. Продольные трещины рассекали камень, и Константин подумал: вот почему дорогу не повели по берегу — пришлось бы снять миллионы кубометров породы, и любой оползень сбросил бы дорогу с обрыва. Правильно было сквозь хребет прорубить тоннель.

При воспоминании о тоннеле пришла на память неудача в утреннем опыте. Вместе с досадой мелькнула какая-то мысль, но тут же ушла, Костя не уловил ее.

Варя тянула влево, куда уходил Байкал, — на юг, на юг. Плоский заснеженный берег и ледяное зеркало уходили тоже на юг, терялись в пространстве и в сиянии дня. Варя смотрела туда, и Константин отметил в ее глазах рассеянное, смутное выражение.

— Слушаешь? — спросил он.

— Да.

— Что слышишь?

— «Нордическую сюиту» Грига...

А потом солнце пошло на склон. Стали меняться цвета Байкала. Синева зеркала потемнела, снежные наносы приобрели оранжевый цвет, стали похожи на лисьи хвосты. А вода подо льдом почернела, как вороненая сталь.

И опять Константину что-то почудилось из прошедшего опыта. Он взглянул на Варю. Рассеянность исчезла с ее лица, над переносицей появилась морщинка. Варя о чем-то думала.

— О чем ты? — наклонился к ней Костя.

— Мы, — заговорила она, — когда шли сюда, перечислили все, что видели сегодня в опыте: небо, тополя, стену. Буквы.

У Кости снова шевельнулось в душе что-то недосказанное, подспудно тревожащее.

— Но мы, — продолжала Варя, — не сказали о том, что мы почувствовали.

— Да, да... — Костя мучительно вспоминал.

— А может, мы боялись признаться?

— Варя...

— Тогда я скажу, Костя, чтобы все это ие мучило тебя и меня: иам в лицо оттуда, от тополей, пахнуло зиоем летнего полдня!

Оии вернулись в поселок так же, как и вышли, — пешком.

На крыльце общежития их встретили девушки — Варя с некоторыми позиакомилась вчера, разговаривала.

— Новые постояльцы? — обратились девчата к Варе и Коистантину. — Где вы ходите целый деиь? Вы, иаверио, и иовость ие знаете?

— Какую иовость?

— Наши ребята побывали в двадцать первом веке!

— Что? — спросил Костя.

— Прямо из тоннеля врезались в будущее.

— Сейчас в клубе рассказывают. Пойдемте.

Варя и Констаитии оторопело глядели иа девчат.

— Газету привезли, — девчонки сбежали с крыльца. — За седьмое июля!..

Стайкой перебежали дорогу.

Варя и Констаитин, ие заходя в общежитие, пошли вслед за ними.

Клуб помещался в конторе, в большем ее крыле. Это было совсем недалеко, но Варе и Косте показалось, что до ступенек клуба оии шли вечиость. И по ступеиькам подиимались вторую вечиость.

В иебольшом зале было битком. Полушубки, куртки, платки. В спешке раздеваться иикому не пришло в голову — кто как был.

Варя и Коистантин кое-как примостились в уголке иа скамье. Они ие поиимали, что происходит.

На сцеие, бросавшей в зал сияиие ламп, за столом, покрытым красиой скатертью, как в торжествеииую революциоииую годовщиину, сидели три человека: совсем молодой париишка, как вскоре выясиится — водитель автомашииы, второй молодой парень — комсорг и товарищ постарше — прораб. Оии о чем-то переговаривались вполголоса, перед прорабом лежал газетиый лист.

— Давай иачииай! — слышалось там и тут из зала.

— Чего тяиуть?..

Раздались два-три хлопка в ладоши, но тут же смолкли.

Встал комсорг:

— Товарищи, произошло событие.

Варя и Констаитин вздрогнули. Оии слышали этот голос!

— Необычайиое событие, — продолжал комсорг.

В зале стояла полиая тишииа. Варе казалось, что она слышит, как у иее в груди бьется сердце.

— На сегодня, — продолжал комсорг, — было намечено осмотреть тоннель перед сдачей, завтра комиссия. Мы и поехали вот втроем, — комсорг показал на товарищей. — Машину взяли открытую: смотреть по сторонам.

— Ближе к делу, — тихо, но явственно сказал кто-то в зале.

— А дело началось сразу, — перестроил рассказ комсорг. — Не проехали километра — нырнули в черный туман.

— Черный туман... — Опять из зала.

— Не перебивайте, — сказал прораб.

Комсорг продолжал:

— Дорога едва виднелась, а потом и вовсе исчезла — как в пропасть.

— Я попытался нажать на тормоз, — вставил водитель, — но ничего не ощутил под ногой, точно оказался в воздухе.

— Все мы оказались в воздухе, — подтвердил комсорг, — будто все пропало вокруг. Ощущение такое.

— Неприятное ощущение, — поднял глаза от газеты прораб; во время рассказа он неотрывно глядел на нее, будто сторожил газетный лист.

— Но тут разом наступил день, — продолжал комсорг, — и мы с машиной оказались на перроне большого вокзала. Было ровно четверть двенадцатого — показывали электрические часы. Над часами большими буквами надпись: Саган-Далинь. Впереди перрон, рельсы закруглялись немного, и виден был город. Город и назывался Саган-Далинь.

На этих словах комсорг остановился в волнении.

Поднялся шофер:

— Я дал полное торможение, потому что на перроне ходил народ: может, пассажиры, может, встречающие. Все остановились, повернули к нам головы.

— И то сказать, — вставил прораб, — летний день, деревья в зелени, а мы в полушубках, в ушанках.

— Да, — опять заговорил комсорг. — Летний горячий день. Кто-то из пассажиров крикнул: «Смотрите-ка!» Другой подошел к машине: «Откуда вы?..» Мы глазели по сторонам и ничего не могли ответить. Почему лето? Почему город?.. Василий, — кивнул комсорг на шофера, — пришел в себя раньше всех. Машина остановилась перед киоском Союзпечати, женщина раскладывала газеты. Василий соскочил с сиденья: «Дайте газету!» Она дала ему газету.

— Даже плату не спросила, — вставил шофер. — Наверно, от удивления.

— Василий, — опять продолжал комсорг, — вернулся на место, и тут все исчезло. Мы оказались в тоннеле. Последнее, что я помню, — часы на вокзале показывали двадцать две минуты двенадцатого...

Казалось, что зал оглох. Потом в полный голос кто-то спросил:

— Что в газете?

Прораб взял в руки газету и прочитал:

— «Северобайкальская правда». — Повернул газету к залу, показал заголовок. — Дата есть, — продолжал, — среда, седьмого июля 2003 года. Номер есть. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Даже цена есть: три копейки.

Зал напряженно ждал.

Прораб повернул газету заголовком к себе:

— Передовая: «Быть второму БАМу!» Правительственное постановление: «Утвердить проект постройки Байкало-Алтайской железнодорожной магистрали — второго БАМа». Тут и карта есть: дорога от Северобайкальска до Барнаула.

Кто-то из первых рядов подошел к сцене, попросил газету. Прораб, перегнувшись через стол, отдал газету. Человек пробежал глазами по листку, повернулся к залу и, тряхнув головой, сказал:

— Все правильно: второй БАМ!

В зале захлопали в ладоши, крикнули: «Ура! Даешь второй БАМ!»

Варя сжала Константину руку. Рука была горячая, и Варя поняла, что Костя волнуется. У нее самой стоял в горле ком, который она не могла проглотить. Но в пожатии ее руки Костя понял мысль: «Что мы наделали!..»

Между тем зал повел на троих за столом перекрестное наступление:

— Что вы разглядели еще?

— Что у вас спрашивали?

— Как были одеты люди?

— Какие еще в газете статьи?..

Из-за стола отвечали, что был ветер, но все равно было жарко, люди одеты по-летнему. Больше ничего не спросили, видимо, не успели. А что в газете — так газета уже пошла по рядам.

— Осторожнее, — предупреждал прораб, — не порвите!

Зал шевелился, гудел, можно было расслышать отдельные реплики: «Вот это здорово! Это — да! А ведь не врут: правда были!»

Варя, наклонившись к уху Константина, шептала:

— Костя!..

Константин ждал газету, она пришла к ним, хотя они с Варей сидели в предпоследнем ряду. В зале между тем возникала дискуссия:

— Что же все это значит?

За столом разводили руками.

— Давайте предположения, — кто-то требовал в зале. — Гипотезы!

Гипотезы появились:

— Коллективная галлюцинация?

— Сон?

— Может, в тоннеле усыпляющий газ?..

— Но газета!..

Газета отвергала сны и галлюцинации.

Варя в сотый раз повторила:

— Костя!..

Костя чувствовал, что все у него под ногами колеблется, не находил объяснения.

— Надо сказать, — настаивала Варя. — Возьми слово.

Константин медлил.

Но тут шофер автобуса, вчерашний знакомый, перекрыл голоса простуженным басом:

— У нас тут приезжие из Москвы. Может быть, объяснят?

Варя дернула Константина за рукав. Костя поднялся. Боком возле стены пошел к сцене. На него смотрели со всех сторон. На Варю тоже смотрели.

На сцену Костя не поднялся. Прошел в первый ряд, повернулся к залу.

— Я скажу немного, — заговорил он. — Мы поставили опыт. — Он кивнул в сторону Вари, затаившей дыхание: как у него получится, Костя редко выступал перед аудиторией. — Опыт мы провели вдвоем, — продолжал Костя, — и говорить о нем официально мы не уполномочены. Да и сказать еще, по существу, нечего. Мы только открыли первую страницу в исследованиях. Дальше идет область догадок, предположений.

Ход науки, — вы об этом знаете со школьной скамьи, — остановить нельзя. Был когда-то век пара, век электричества. Затем пришел век атома, кибернетики, электроники. Сейчас наступает новый век — мыслетехники и покорения времени.

Зал слушал. Варя поглядывала на соседей, на ряды голов впереди — никто не разговаривал, не было шепотков.

— Мы еще не знаем, как это происходит, — говорил Костя. — Пытаемся понять, овладеть этим процессом. Первый шаг показал, что это возможно. И мы очень рады, что этот шаг сделали вместе с вами.

— Что же это получается? — спросил кто-то позади Вари. На него тотчас шикнули: «Не мешай!»

— Несомненно одно, — продолжал Костя, — что фантастика о времени, начатая еще со знаменитой машины Уэллса, кончилась. Мы побывали в будущем. Это реальный факт.

Костя на секунду остановился. Зал слушал.

— Мысль, — продолжал он, ему надо было вздохнуть, — наверное, можно направить не только во времени, но и в пространство. Тогда она станет средством межзвездной связи, про-

никнет в области, куда не долетит ни один корабль, куда долететь не хватит тысячи жизней. Может быть, такие сигналы идут к нам из космоса, мы не научились их принимать. Но мы научимся.

Тишина стояла немыслимая. Варя чувствовала ее как жар. Ей хотелось глотнуть холодного воздуха. По лицам, по глазам она заметила, что и у других такое же состояние, и радостно подумала, что зал воспринял объяснение Кости. Пусть оно было самым информативным. Люди поняли сущность события, почувствовали себя участниками того огромного, необычайного, о чем говорил Костя. Варя не хотела восторженных криков, оваций, хотя в душе она чувствовала восторг. Главное, что эти люди восприняли объяснение, что они захвачены тем огромным, неведомым, к чему они — Варя и Константин — приложили столько труда и усилий.

— И еще несомненно, — продолжал Костя, — то, что мы видели и что здесь написано, — Костя взял со стола газету, развернул перед залом, — это наше завтра, товарищи. Наше непременное завтра!

И тогда зал грянул аплодисментами.

Газету Варя и Константин выпросили у прораба до утра под честное слово и, придя в общежитие, прочитали ее от доски до доски. Рифтовое происхождение озера, новые плавательные бассейны в Тынде, бальнеологический комплекс Саган-Далиня; теннисный чемпионат в Байкальске — победительницей вышла Тоня Дамшаева. Передовицу выучили наизусть. Правительственное постановление выучили. Действительно, второй БАМ — это здорово.

— Я тебе говорила, — сказала Варя, — что на Байкале мы опять встретим необычайное.

— Сбылось предсказание, — сказал Костя. — Но что все-таки произошло?

— Ты сам сказал — страница в исследовании.

— Ты ничего не объясняешь.

— Я ошеломлена, как и ты. Как все. А в технике разберись — почему лопнула лампа?

Константин отошел к приборам, стал проверять соединения, настройку полей.

Варя молча наблюдала за ним. В сознании ее вставал белый город — Саган-Далинь. Мечта в названии и поэзия! Может быть, это город поэтов? Мечтателей и влюбленных?

А ведь Саган-Далинь — это цветок, вспомнила она. В прошлой поездке на гидробиологической станции в Котах они видели этот цветок — сибирский рододендрон. Саган-Далинь — местное название цветка. Прекрасное название. Прекрасный город.

И это совсем недалеко — двадцать лет по времени отделяют город от них. Если даже не удастся второй, третий опыт, они с Константином доживут до 2003 года. Увидят город таким, каким он предстал перед ними тогда на берегу, в Листвянке, и промелькнул сегодня сквозь ветви тополя. Боже мой, а вдруг и им с Костей можно переместиться в будущее?..

— Варя, — окликнул ее Константин. — Здесь не так соединены триоды. Поэтому лопнула лампа.

Варя сделала усилие оторваться от белого города.

Костя вернулся к приборам и к своим мыслям: «Страница в исследовании...» Но то, что случилось сегодня, уже не страница, даже не глава в их исследованиях — революция. Мало того, что воля его и Вари увлекла в будущее группу людей, оттуда удалось выхватить материальный предмет. Это уже качественно новая область. Нужно изучать электронный поток, создать лабораторию, исследовательский институт!

Но что с триодами? Получается новая схема.

Костя достал блокнот, углубился в расчеты. Складывалось что-то совсем другое.

Варя прошлась по комнате. Вернулась, опять пошла. Костя взглянул на нее. Думает, решил он: у Вари над переносицей стояла та же упрямая морщинка.

Строчки в блокноте ложились одна к другой. «Как они вернулись?» — вспомнил Константин троих парней. Пробыли в будущем семь минут. И все это время аппаратура работала на этих... соединенных триодах. А что, если применить именно эту схему? Увеличить число триодов, усилить лампу?..

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

ЛЮБОВЬ К ПАГАНИНИ

Еще с вечера Мерва не покидало ощущение чего-то нехорошего, гадливого, предчувствие неких грядущих каверз. Тревога сквозила в мерном подрагивании листьев гиперовощей и дубояблонь в саду за окном. В упорядоченном строю сиреневых, рыжих, фиолетовых квазиоблаков определенно таился подвох. Часам к десяти стал накрапывать дождь, и его шепоты и шорохи будоражили изощренный слух Мерва. Как и всякий закоренелый холостяк, Мерв опасался превратностей судьбы: новых знакомств, внезапного закабаления женщиной, приглашений к полетам на другие планеты, равно как и самих полетов, а пуще всего — инспекторов Лиги Умственного Труда. Эти твари, подобно микробам, проникали во все щели бытия, и ухо с ними надлежало держать востро.

Мерв включил видеатор кругового обзора, искусно срабо-

танный под древнюю японскую вазу. Картина на экране была вполне заурядной. Пара авиэток вспахивала ночные небеса. Стая перелетных эвкалиптов кружила над уродливым небоскребом. Вскоре крылатые деревья опустились средь зарослей Висячих Садов. На улицах среди муравьиного потока мобилей, пневмодилижансов, гравикарет сиротливо кувыркались автоперекати-поле.

«Странно, откуда же повеяло бедою? — размышлял Мерв. — А что, если затаиться, отложить нынче ночное бдение... Или махнуть на денек-другой на Землю, в Тибетский заповедник, к примеру, а то и подальше куда. Или, как в прошлый раз, на пляжи старушки Луны»...

Порассуждав таким образом, Мерв все же решил не придавать значения смутным ощущениям, тайным предзнаменованиям и предчувствиям.

И, как выяснилось довольно скоро, тут он и дал промашку.

К десяти часам Мерв вывесил на флагштоке своего бунгало три светящихся шара — красный, голубой, белый. Пусть знают, что и он, Мерв, как и положено добропорядочному поселенцу, участвует в лотерее Невиданных Радостей. Затем Мерв замкнул на пневматические присоски окна и двери, погасил везде свет и потайным ходом из спальни ринулся в святая святых — лабораторию, днем замаскированную под чулан, который был битком набит старьем. Тут громоздились допотопные реокраны, псевдоинтеграторы, гравиякоря, нейрозащелки, торчал заржавленный остов психотрона, висело чучело двуединорога с Плутона, тускло мерцали реторты невообразимых форм, размеров и расцветок. И вся эта рухлядь была увита проводами, обрывками биоканатов, мнемошлангами, утлой паутиной в палец толщиной, непрестанно творимой парой прирученных альдебаранских пауков, беззлобных тварей, чем-то смахивающих на двух престарелых вепрей.

Оказавшись в чулане, Мерв нажал одну из панелей на блоке управления — тотчас все чудесным образом переменилось. Реторты, якоря, нейроприсоски, вепреобразные пауки провалились в бункер, а на их место явились приборы и аппараты, совершенству которых мог бы позавидовать кое-кто даже из Института Обратимых Пространств. Эх, кабы тамошние горе-академики сочувственно отнеслись в свое время к его, Мерва, идеям, многое изменилось бы нынче.

Тяжкое воспоминание об Институте Обратимых Пространств надолго лишило Мерва привычного спокойствия духа. Склонившись над проектом коренного преобразования климата на Нептуне, изобретатель время от времени на огромном листе фольги делал пометы цветным мини-лазером (собственной конструкции) и бормотал не без тайного злорадства:

— А вот горный этот кряж мы перетащим сюда!.. А сию бомбочку взорвем здесь, да-с, дабы льды расплавились и мо-

ре явилось, а точнее же — океан! Тут вот лесостепь запланируем, там муссончиков подпустим, смерчи взрастим океанские!.. А проектик-то анонимно в Звездную Конфедерацию и пошлем. И поглядим, как вы тогда запоете, поборники непрерывного отдохновения!.. А проектик-то нептунианский занумеруем для нашего архива, под номером девять тысяч сто двадцать девятым пойдет проект.

Было далеко за полночь, когда Мерв заметил божью коровку, медленно ползущую по краю стола. Несколько последних ночных бдений он порою замечал это крохотное насекомое, однако не придавал ползучей твари никакого значения. Теперь его заинтересовал идеально правильный геометрический узор на крылышках. Вот завершенное создание матери-природы, рассуждал Мерв. Тут ни прибавить, ни отнять, ни-ни, пустая затея, как говорится, миллиарды лет эволюции.

Коровка божья между тем остановилась, потопталась на месте, двинулась дальше. Справедливости ради следует упомянуть, что Мерв не очень-то обожал животных, растения, а тем паче насекомых. И тому наличествовала причина. Давненько, в пору изобретательских безумств юности, он, помнится, предложил какому-то ведомству один из своих первых проектов — микротелерадиоинформатор, сработанный под божью коровку. И что же! Ему показали от ворот поворот: это-де и нефункционально, и нецелесообразно, и оскверняет наши устоявшиеся представления о живой природе. «С вас, моя милая, с вас начались мои мытарства, — шептал Мерв. — Целых два месяца угрохал тогда на вашу милость; ловил в лесу, в трубе аэродинамической продувал, узор крыльев разглядывал в лупу... Эх, пролетели веселые годы, как пролетел пучок нейтронов», — вспомнился припев из давно забытой студенческой песни.

Умиленный Мерв извлек из ящичка сверхувеличительное стекло и склонился над божьей коровкой, любуясь совершенством природных форм. Вдруг он оторопел: под линзой отвратительно шевелило усами-антеннами и переступало манипуляторами. Будь ты трижды проклята! Механическая дрянь! Вместо головы в нее был вмонтирован кристалл, он монотонно вспыхивал еле заметным пламенем.

«Все кончено. Пойман с поличным за очередным изобретением!» — безошибочно оценил обстановку Мерв за мгновение до того, как схватить полипинцетом микроинформаторшу и швырнуть ее под ультрапресс. «Крыгг-краггг-крыггг!» — заскрежетало внутри ультрапресса.

— Не делайте глупостей, поселенец Мерв, — услышал пойманный с поличным довольно-таки внятный голос неведомо откуда. Он огляделся. В полуметре над столом зависла еще одна псевдокоровка. Голос явно исторгался оттуда, из нее.

— Спокойно, поселенец Мерв. Говорит старший инспектор Биик. Вас застали на месте преступления. Не пытайтесь скры-

ться. Бунгало накрыто бронированным колпаком. Все три подземных хода перекрыты. («И о ходах подземных пронюхали, дьяволы», — выругался про себя Мерв.) Не поможет и ваш пресловутый механический крот, на котором вы улизнули от закона прошлый раз: под бунгало подведена ферритовая плита. Время на размышление — пять минут. Добровольная сдача в руки властей намного облегчит вашу участь. Повторяю: время на размышление...

Не выпуская из виду коровку-вещунью, Мерв пятился к двери. Он нащупал ручку, легонько повернул, выскочил из лаборатории вон. Теперь оставалось сделать то, что он предусмотрел на случай провала: уничтожить вещественные доказательства. Он представил себе чулан со всем его воистину бесценным содержимым, которому суждено было в мгновение ока обратиться в молекулярную пыль, и тут же бестрепетно задействовал субстерилизатор...

Когда четверть часа спустя старший инспектор Бинк с двумя дюжими молодцами помоложе одолели наконец все пневмо-, электро-, фото- и прочие затворы в вилле и нагрянули в спальню Мерва, последний беззаботно почивал среди своих многоразличных холостяцких причуд — дестабилизаторов меланхолии, увлажнителей озонированного воздуха, распылителей лунного света, имитаторов океанической зыби и тому подобных устройств, о назначении и принципе действия (и воздействия) коих можно было строить самые отчаянные гипотезы.

— Подымайтесь, Мерв! — устало выговорил Бинк. — Довольно комедию ломать.

Мерв раскрыл глаза, потянулся, как кот, насильственно зевнул, пробубнил:

— Убирайтесь вон! Мне осточертели бесконечные провокации вашей Лиги. Я свободный поселенец Марса, а потому буду на вас жаловаться.

Старший инспектор Бинк извлек из довольно объемистой сумки, висящей у него на плече, две стереографии и небрежно протянул Мерву.

— Любуйтесь. Изобретатель Мерв собственной, так сказать, персоной. В частной, следовательно, запрещенной законом лаборатории. Перед одним из своих многочисленных проектов. Заметьте: многочисленных, между тем как Марсианский Кодекс допускает для каждого поселенца не более одного проекта либо изобретения на протяжении целой жизни. Ко всем прочим преступлениям, вы позволили себе заниматься интенсивным умственным трудом на протяжении четырех с лишним часов. Хронологическая микросетка видна довольно четко, не правда ли, Мерв? На этом вот снимке отсчет времени 22.36, а вот тут — 03.18. Секунды не в счет, зачем мелочиться? Столетие, год, месяц и число прибор зафиксировал на обороте снимков.

Мерв так и заскрипел зубами от бессилия. Впрочем, зубовный этот скрежет был принят как должное Бинком и его подручными.

— Теперь, поселенец Мерв, разблокируйте уникальный ваш чулан. Внутри его порхают два приборчика из тех, что так не понравились вам. С божественными пятнышками на спинках.

— Там не может быть никого. Даже самой завалящей молекулы, — угрюмо ухмыльнулся Мерв.

— Опять ошибка, гражданин Мерв. Они там. Целехоньки. Они скрупулезно засняли процесс преступного разрушения вашей уникальной лаборатории, обращения всего ее содержимого в молекулярную пыль. Разумеется, с разверткой во времени. Не делайте удивленное лицо, поселенец Мерв. Им ваши ультрапрессы и субстерилизаторы нипочем. Как теплый июльский дождичек для их живых сестричек божьих коровок. — Бинк устало провел рукой по слипающимся глазам. — Кстати, я забыл вам предъявить разрешение на доскональный осмотр бунгало. Извольте взглянуть. Сегодня же вами займется Верховный Эмиссар нашей Лиги.

* * *

Небо на востоке расцветало огнями побежалости, чем-то напоминая работающие дюзы межзвездного лайнера. Угас Знак Всеобщего Успокоения — зеленый мерцающий нимб над стреловидным небоскребом. Многоцветные жилые дома и виллы, стадионы, храмы Красоты, дворцы Элегических раздумий медленно, торжественно поднимались на гравитационных платформах, кружились в небе, дабы опуститься на новое место. Каждое утро лик города преображался до неузнаваемости. «ДЕНЬ ПОЧИТАНИЯ СОСЕН» — обозначились в небесах письмена километровых размеров — название очередного обязательного для всех празднества. Пройдет несколько часов — и счастливые, довольные собою поселенцы выпорхнут на проспекты, площади, скверы. Город затопит кипящая волна карнавальных шествий, хоровых распевов, танцевальных братаний, речитативов во славу изящных чувств.

Верховный Эмиссар Лиги Умственного Труда — пожилой, дочерна загорелый, с благородной проседью в висках — восседал в старинном кресле под чрезмерных размеров стереокопией боттичеллиевской Венеры. Пред ним на овальном столе покоилась пухлая груда документов. То были черные папки с золотым тиснением на корешках, копии проектов и изобретений, микростереофильмы, донесения информаторов — короче, все то, что именовалось «делом Мерва».

— Располагайтесь поудобнее, Мерв, — негромко произнес Эмиссар и указал на роскошный диван, инкрустированный дра-

гоценными каменьями. — Разговор предстоит долгий и, как вы сами понимаете, последний.

Вы уже давно, точнее — с юношеских лет, противопоставили себя обществу, и вот печальный итог — теперь вы законченный рецидивист.

— Выбирайте выражения, Эмиссар. Я не рецидивист. Я законченный изобретатель, если угодно, — огрызнулся Мерв, не подымая глаз.

— Это одно и то же. Как еще называть того, кто, пренебрегая законом, беспрестанно бомбардирует общество прожектами, предположениями, изобретениями. Вспомните, с чего вы начали. — Эмиссар раскрыл папку, пошелестел бумагами. — Начинали вроде бы невинно, благопристойно... Лунная катапульта... Турбозаградитель для самумов... Трансформатор ядовитых выхлопных газов и ароматические углеводороды...

— Углеводы, — поправил Мерв, любивший точность.

— А дальше — прямо оторопь берет... Джомолунгмоход — коляска для массовых экскурсий на высочайшую вершину мира... Выпрямитель полупараллельных миров. Поглотитель почти всех веществ...

— Кроме радиоактивных. Однако впоследствии я разработал приставку, которая позволила...

— Индикатор инвариантности пространства, — перебил Мерва Эмиссар. — Реализатор сновидений. Чего только не рождалось в вашем разнузданном воображении. Вас уговаривали, увещевали, предостерегали. Вы дважды побывали в долгосрочном отдохновении — сначала на Полуострове Непрерывных Радостей, потом в Оазисе Поголовных Удовольствий. Однако ничто не помогло. Это по вашему наущению летучие механизированные банды юнцов по ночам расковыривали бетонные автострады, а на их месте высевали цветы — лютики, незабудки, васильки и эти... как их... одуванчики.

— Не только лютики и одуванчики! Люцерну сеяли, рожь, сверхскороспелую пшеницу, — опять уточнил Мерв. — Движение за всепланетный перенос дорог возникло стихийно, я всего лишь идею подытожил, не более. Поймите: дороги занимают теперь около половины всей Марсианской поверхности. Почва, столетия лежащая под ними, плодородна, как на Земле во времена Адама и Евы. В прочих же местах она истощилась неимоверно, засорена удобрениями. Какой смысл закупать хлеб и мясо на Арктуре, Альдебаране? Достаточно перенести дороги на новое место, и, пожалуйста, получай рекордные урожаи!

— «Рекордные урожаи», — презрительно хмыкнул Эмиссар. — Чем альдебаранская снедь — мука, иль мясо, иль яйца — хуже наших? Ничем не хуже. Доставка продовольствия с ближайших к нам звезд отнюдь не обременительна для общества. Ко всему прочему, торговые налаживаются контакты, это коечто значит. А вот ваша деятельность, Мерв, обрекает планету

на бесконечную, бессмысленную реконструкцию. Дай вам волю — и все будет тотчас перерыто, перекопано, переставлено, передвинуто, перепланировано, переделано. Давно, давно пора было остановиться, Мерв!

— Остановиться в развитии равнозначно гибели, — процитировал Мерв любимую фразу. — Закон диалектики. Неукоснительный.

— Именно поэтому и обнародовали вердикт о строгом ограничении изобретений, — парировал Эмиссар. — Не мне объяснять вам, что законы природы в конечном счете исчерпаемы. Сейчас на Марсе шестьсот миллиардов бывших землян. Если каждый, подобно вам, начнет измышлять прожекты, даже гениальные, потомкам нечего будет изобретать. Позаботимся же о них, как пеклись о нас невежественные предки.

— Любопытствую, как они пеклись, предки-то невежественные?

— К примеру, возьмем древние Афины. Там каждый, кому заблагорассудится, мог выйти на центральную площадь и перед всем честным народом предложить любое нововведение, любой проект. Одобрили всегласно — получай в награду из рук верховной жрицы золотой амулет, знак высшего общественного признания. Отвергли проект — сие же мгновение вкуси яблока отравленного... Пораскиньте умом, Мерв, много ль находилось в древних Афинах охотников изобретать?

Эмиссар замолчал.

Молчал и посрамленный прожектер. Нежданно блюститель закона вновь заговорил:

— Архимед, Кеплер, Ньютон, Менделеев — в глубокой древности на той же Земле каждый обогатил науку одной-двумя великими идеями, не больше. А могли бы, ох как могли. Да не прельщались, видно, гении количеством. О качестве первоиаперво помышляли. И низкий поклон им: кое-что оставили и нам, грешным, над чем стоит голову поломать.

Мерв отвечал почти не размышляя:

— Не на одних Кеплерах да Архимедах свет клином сошелся. Случались и многогранные творцы. Герон Александрийский. Неттесгеймский Агриппа. Парацельс. Сансеверо Сансеверино. Леонардо да Винчи.

— Грешно не знать историю! — сурово отрезал Эмиссар, так что не должно было остаться сомнений: уж кто-кто, а он историю знает. — Да будет известно, что большую часть своих гениальных догадок Леонардо укрыл от современников, возможно, не желая отбивать у потомков хлеб насущный. Сколько уж веков минуло, а вот поди ж ты: историки то и дело натыкаются на проекты Леонардовы. Тут тебе и обводнение Сахары, и плазменный генератор, и подземный буер — всего не сочтешь. Хотите последнюю новость из Академии Леонардо? — Эмиссар

провел ладонью по сиреневой панели сбоку стола, и сразу же металлический голос завещал как бы ниоткуда:

— Позавчера, 23 июля, неизвестный автор прислал в Академию электронно-оптическое устройство, которое позволяет проникнуть за горизонт картин Леонардо да Винчи. Не вполне понятным способом итальянский мастер сумел на своих полотнах добиться пространственного эффекта. Он запечатлел пейзаж на несколько километров за черту горизонта.

Эмиссар движением руки укротил металлический голос и произнес с оттенком безразличия:

— Очередное анонимное устройство. «Неизвестный автор прислал» — и все тут. Знаем мы этих неизвестных, ниспровергателей законопорядка, недовольных и временем, в котором жи-

вут, и Марсом, иа котором обитают. Затаился такой в щели, как змий, и ну проектиками дичайшими бомбардировать белый свет.

И чего иекоторым ие хватает? Мы вериули Марсу почву и атмосферу. Искоренили болезии. Продлилн жизнь человеческую до трех-четырех столетий, дальше уж иекуда. Из обширного Марсиаиского Кодекса ныие действуют всего-иавсего иесколько закоиов. А пока что из-за таких преступников, как вы, Мерв, и подобиых вам эксплуататоров собствеииого мозга, иам приходится содержать ораву экспертов, общественных информаторов, механических осведомителей.

— Наподобие тех божьих коровок, что вы подсуиули мие.

Эмиссар встал, оперся растопыреиными пальцами левой руки иа стол; кистью правой руки он, рассекая слова, совершал отрывистые движеиия, как бы прикасаясь к кнопкам, от иажатия которых зависело существоваиие других планет, а то н миров.

— Вы опасиый фаиатик, Мерв. Опасиее, чем я предполагал. Никакого суда не будет. Потрудитесь выслушать иаше высочайшее решение. Властью, ввереииой мне Лигой Охраиы Умственного Труда, я осуждаю вас как рецидивиста к пожизиеиному пребыванию в Долине Неотвратимых Наслаждеиий. — Эмиссар наиес рукой последиий невидимый мазок, после чего сел и сказал иа удивлеиие ласково: — Отиыие и для вас, Мерв, настала эра миогообразиых развлечеиий, чувствеииых услад. Там, в Долиие, у вас будут все возможиостн для наслаждеиия красотой бытия. И лишь одиого вы будете лишеиы — возможиости изобретать, переиначивать все вверх диом. Порханье стрекоз, песия иволги, пугливые стайки рыб в сонных заводях, мазурка Шопеиа в потоках луииого света — это ли ие счастье?

— Ваше решеиие бесчеловечио, — прохрипел Мерв, чуть растягивая слова. — Но я ие в обиде на вас. Вы отражеиие столь же бесчеловечной эпохи, где изобретателям иет места. О, родись я в другое время — да в три дия прославился бы на века.

— В какое такое другое время? — сощурился Эмиссар. — В тех же древиих Афинах? При Аттиле? При Джордаио Бруио? При Галилее?

— Например, в двадцатом веке, особенно в его коице. Тогда число изобретений удваивалось каждые десять лет. Вот где был истиииый рай для изобретателей. Да, оии жили как аигелы в раю. И иикто ие смел устраивать на иих охоту наподобие той, что вы измыслили сегодия иочью... Эх, в двадцатом веке благодатиая нива изобретательства взращивала такие плоды, что...

— Довольио, Мерв, разглагольствовать! — загремел Эмнссар. — Для фанатиков, подобных вам, смысл истории сокрыт за

семью печатями. Но я помогу вам прозреть. Предлагаю пари. Сейчас 8.40. Ровно в полдень мы телетранспортируем вашу особу в конец двадцатого века. Испытаете, легко ль прославиться на века. Итак: если там, на Земле, в течение трех дней заинтересуются хотя бы одним вашим проектом, считайте себя здесь свободным. Если нет, то интенсивность неотвратимых наслаждений в Долине будет увеличена до верхнего предела. Решайте!

Мерв не раздумывал ни секунды.

— Я выиграю пари, — выдохнул он. — И первое, что сделаю, когда снова стану свободным, — предложу проект реконструкции вашего кресла. Оно нефункционально. Слишком низкие подлокотники. Слишком прямая спинка. Слишком жесткая конструкция. Все это затормаживает умственную деятельность. Пагубно влияет на течение мозговых процессов.

Эмиссар расхохотался.

— На сей раз вы правы. Это точная копия кресла, в котором всю жизнь просидел философ Кант. И потому ничего не мог изобрести, — отвечал Верховный Эмиссар Лиги Охраны Умственного Труда.

* * *

День первый.

В полдень Мерв обнаружил себя стоящим на обочине шоссе, по которому с жутким ревом неслось неукротимое стадо автомобилей. На юге, километрах в десяти, утопал в сером тумане город, хотя на небе не было ни облачка. Несколько раз Мерв выбрасывал вперед руку с растопыренными пальцами, пытаясь привлечь к себе внимание водителей, — безрезультатно. Так прошло полчаса. Наконец ему повезло: грузовик притормозил, свернул на обочину, и шофер, приоткрыв дверцу, крикнул:

— Хелло, парень, садись, подвезу.

Кабина дышала зноем, как металлургическая печь. Пахло бензином, отработанным маслом. Мерв указал на туман, объявший город, поинтересовался:

— Почему выключили там ультрапоглотители?

Шофер, молодой, небритый, в кепочке набекрень, изумленно воззрился на него.

— Ультрапоглотители, которые уничтожают отработанные газы над городом, — пояснил Мерв.

— Да ты, кажись, с Марса свалился, браток, — обиженно сказал шофер. — Ни о каких ультра-мультра я и слыхом не слыхивал. А между прочим, кое-что в технике кумекаю, да и журнальчики кой-какие почитываю.

Далеко не все понял Мерв из слов попутчика, однако счел нужным заметить:

— Если их еще нет, надо немедленно изобрести. Отработанные газы ядовиты. Кому можно предложить проект ультрапоглотителей?

Тот, в кепчонке, недоверчиво покосился на Мерва, переключил скорость, обогнал несколько грузовиков и лишь тогда ответил:

— Эти штуки по части Бюро Изобретений. Оно в центре, рядом с муниципалитетом. Как раз мимо будем проезжать, я тебя и ссажу, коли не шутишь. Ты, сдается мне, нездешний. Промежду прочим, сумасшедший дом оттудова как раз недалеко — рукой подать.

Возле Бюро Изобретений, серого пятнадцатиэтажного здания, взору Мерва явилась внушительная очередь. Человек эдак сто двадцать, не меньше, определил он на глазок. И, как выяснилось вскорости, жестоко ошибся, ибо в очереди он оказался пятьсот тридцать седьмым. Именно это число вывел на ладони Мерва химическим карандашом благообразный старичок.

— Дождись следующего очередника и ступай изобретай дальше. Проверка очереди по вторникам и субботам. Соображаешь? — складно, как по невидимой книге, бубнил старец.

— Да сколько ж это надо ждать? — так и ахнул Мерв.

— Месяц, а то и два, если заявка и документация в порядке. Что ты на меня уставился, будто я по-марсиански заговорил. Документация, понял? — И старик, загибая пальцы, начал перечислять: — Заявление по сути изобретения, отпечатанное на машинке, описание изобретения, чертежи в трех проекциях, уведомление о...

— Какие справки, какие такие уведомления, — возмутился Мерв. — Да я изобрел установку, нужную позарез всему человечеству. Тут каждый день промедления стоит жизни десяткам, сотням тысяч тонн биомассы. Если сегодня же, сейчас же не уничтожить смог над всеми городами Земли, это поведет к чудовищным мутациям рода человеческого в будущем. — Мерв поднял со скамейки прутик и начал чертить на песке проект ультрапоглотителя.

Старик, вначале принявший самое живое участие в проекте, под конец Мервовых объяснений начал вести себя довольно-таки странно. Сначала он тер виски, вслед за тем несколько раз высморкался в клетчатый платок, покуда наконец не достал из кармана пузырек с таблетками, отвинтил крышку и проглотил сразу три таблетки.

— Ничего не попишешь. К примеру, Архимеда и Эдисона из тебя не получится, факт. Слаб в инженерии, да и по математике хромаешь... Поступай-ка ты сперва в колледж. Подучись как следует, а уж там изобретай. Дело наше основательных знаний требует, иначе пропадешь. Я вон не чета тебе и по опы-

ту, и по годам, а уж три десятка лет хожу туда-сюда, по фирмам-концернам, изобретение пытаюсь пробить, среди магнатов давно уже свой, а все не получается.

— Что вы изобрели? — угрюмо спросил Мерв.

— Вечную спичку. Даже заядлому курильщику такой одной спички на всю жизнь хватило б, за глаза хватило б, ручаюсь! Раскинув мозгами, сколько деревьев под топор не пойдет, если спичка вечная в каждом доме. А вот надо ж, тридцать лет уже пробить изобретение не могу, — вздохнул старик, видимо, в состоянии сильного душевного волнения.

Точно ветром сдуло Мерва от серого пятнадцатиэтажного здания.

День второй.

Второй день был затрачен без остатка на хождения по учреждениям и инстанциям самых различных наименований. В частности, Мерв посетил:

1) НИИ очистки атмосферы континента от вредных примесей и газов;
2) санитарно-эпидемиологический центр;
3) суперфирму Дымприборсэлектротягой;
4) фирму Автопыльцемент;
5) . . . .
26) компанию «Дженерал химик».

Везде его выслушивали со вниманием, идею одобряли в принципе и, глянув на часы или сославшись на занятость, вежливо рекомендовали, куда именно и к кому именно мог бы он еще обратиться со своим новшеством. В том, что ультрапоглотитель позарез нужен человечеству, не сомневался никто. Однако...

День третий.

Третий день оказался совершенной копией дня второго, с той лишь разницей, что на сей раз Мерву удалось посетить двадцать девять учреждений.

Везде его выслушивали со вниманием, идею одобряли в принципе и, глянув на часы или сославшись на занятость, вежливо рекомендовали, куда именно и к кому именно мог бы он еще обратиться со своим новшеством. В том, что ультрапоглотитель позарез нужен человечеству, не сомневался никто. Однако...

* * *

Незадолго до полудня рокового последнего дня Мерв, обманув бдительность секретарши научно-популярного журнала «Инженерные новости», ворвался в кабинет главного редактора. Он дважды повернул торчащий в двери ключ, затем ключ вытащил и зажал в кулаке. При виде подобного самоуправства редактор и бровью не пошевелил: он и не такое видывал на

долгом своем веку. Не отрываясь от чтения гранок очередного номера, он снял телефонную трубку и сказал:

— Розалия, у меня когда сегодня коллегия? — после чего, видимо, выслушав ответ Розалии, распорядился: — Машину пусть подадут в четверть первого... А в вашем распоряжении, — тут редактор впервые посмотрел на Мерва, и Мерв заметил, что редактор чем-то неуловимо смахивает на Верховного Эмиссара Лиги Охраны Умственного Труда, — а в вашем распоряжении не больше десяти минут. При условии, что ключ водворите на его законное место.

Мерв глянул на часы. Было 11.53.

— Я посланец другого мира. Точнее, мира будущего, — сказал твердо Мерв и поразился густому тембру собственного голоса.

— Занятно, занятно, — потер переносицу редактор. — С изобретателями гравипланов и вечных двигателей беседовать доводилось, притом многажды, да и не только в этом кабинете. А вот с посланцами из будущего... — И он развел пухлыми волосатыми руками, выказывая не то сожаление, не то радость.

Мерв достал из бокового кармана пиджака сложенный вчетверо листок бумаги, подошел к столу и протянул листок. То был схематический чертеж ультрапоглотителя и краткое его описание. Редактор минуты полторы-две изучал документ, потом откинулся на спинку кресла и с шумом выдохнул из себя воздух.

— Занятно, занятно. — Его пальцы бегали по столу, точно по невидимой клавиатуре. — Честь и хвала потомкам, присылающим нам, грешным, такие подарки. Для трибуны смелых идей вполне могло бы подойти, можно опубликовать. Если, конечно, имеется справка из Бюро Изобретений.

— Справка?!

— Справка о том, что это, — редактор помахал чертежиком в воздухе, — не является изобретением. В противном случае надо ультрапоглотитель запатентовать. В Бюро Изобретений.

Круг замкнулся. Было 11.53. Мерв слышал, как пульсирует кровь в ушах. Уже понимая, что все кончено, что он обречен на путешествие в Долину Неотвратимых Наслаждений, он сбивчиво заговорил:

— Не удивляйтесь, я скоро исчезну, как бы растаю в воздухе... Но до того мгновения я бы хотел высказать идею... Как помочь делу изобретательства? Генерирование новых идей немыслимо в сутолоке и стрессах современной вам жизни. Гениальные открытия — удел одиночек, плоды напряженных раздумий в тишине. Тут в полном смысле потребны годы одиночества... И вот я слышал, будто существуют такие люди, которые... в силу определенных причин... как бы это выразиться поточ-

нее... устранены из общества... обречены, так сказать, на одиночество.

— К сожалению, такого рода личности пока еще есть и у нас. Пережитки прошлого. Некоторые из этих граждан пользуются одиночеством и тишиной довольно длительное время, иногда свыше десяти лет, — вздохнул редактор.

— И славно, и славно, — потирал руки Мерв. — Поверьте мне, существует замечательное средство двинуть цивилизацию вперед, я имею в виду нацелить таких людей на изобретательскую деятельность. У них же идеальные условия.

Мерв схватил лежащую на столе ручку и начал быстро испещрять чистый лист бумаги письменами. Впоследствии редактор не раз и не два перечитывал этот странный документ, пока не заучил его наизусть. Документ представлял собой таблицу из десяти пунктов.

Суть потребного изобретения	Срок умаления одиночества
Активизатор вкусовых ощущений	1—2 года
Макрорегуляртор уличного шума	2—3 года
Преобразователь выхлопных газов автомобилей в ароматические углеводы	3—4 года
Препарат против облысения	До 10 лет
Теория единого этноисторического поля	5—6 лет
Выпрямитель полупараллельных миров	До 10 лет
Дисперилизатор причинности	5 лет
Машина времени	До 10 лет
Таблетки от женской ревности	Досрочное прекращение одиночества
Формула бессмертия	Досрочное прекращение одиночества

В этот замечательный день редактор первый и последний раз в жизни не поехал на коллегию, ибо ровно в 12.00 загадочный посетитель исчез, как бы растаял в воздухе.

* * *

В полдень Мерв обнаружил себя в роскошно обставленной гравикарете, скользящей по извилистой дороге к Долине Неотвратимых Наслаждений.

* * *

. . . .

...И когда тяжкие чугунные ворота с литыми вензелями в духе викторианской эпохи захлопнулись за его спиной, прямо над собою он узрел материализовавшиеся из ничего письмена. В целебном воздухе Долины, над лавровыми и миртовыми зарослями, над благоухающими апельсиновыми рощами пылало неоновым мертвенным светом будущее Мерва. Впоследствии Мерв не раз и не два перечитывал этот странный документ, пока не заучил его наизусть. Документ представлял собой таблицу из десяти пунктов.

Суть потребного изобретения	Срок умаления одиночества
Взращивание и воспитание собаки	1—2 года
Чтение древних авторов в подлиннике	2—3 года (за 1 автора)
Изготовление скрипки (то же альта, контрабаса)	3—4 года
Ежедневная пастьба стада (за каждый год пастьбы)	До 10 лет
Постройка ветряной мельницы	5—6 лет
Посадка и взращивание дерева (за каждый год взращивания)	10 лет
Регулярное пение в хоре (за каждый год пения)	5 лет
Разведение певчих птиц (за каждые 100 штук)	3—4 года
Вскапывание рвов вокруг собственного жилища по способу древних римлян	До 10 лет
Торжественная клятва о пожизненном отказе от изобретательской деятельности	Досрочное освобождение

И лизала обросшее лицо его лягавая, и горланили приручаемые дрозды на ветках шелковицы, и барашки блеяли, вторя пастырю, распевающему басом романс «Среди миров незнаемых», и текла беседа со стариной Еврипидом возле мельницы ветряной, время от времени прерываемая звуками скрипичного чародейства. С Еврипидом они сошлись на любви к Паганини.

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

ТЕНЬ В КРУГЕ

Фантастическая повесть в письмах

Письмо первое

«Небо светлело, и лучи косиулись сиегов, разбросав желтые угли по сугробам. Далеко, за лесами и полями, готовился к отлету межзвездиый сиаряд. Теперь Эрто, пожалуй, ие поспел бы к старту. Путь его пролегал в иных измереиях, где гармоиия космических пустот уступала место ритмам холмов и перелесков, мерной текучести земиых ветров...»

Я иачииаю письмо строчками из рассказа, который Вам очеиь хорошо знаком. Герои его — зеленые человечки. Верите ли Вы в страиных, иеуловимых пришельцев? Если да, то ие противоречит ли это иевыдуманиой гармоиии космических пустот и подлииным фактам?

Когда-то европейцы высадились на Азорских островах, затеряиных посреди Атлаитики, иа полпути между Европой и Америкой. И что же? На самом западиом острове этого иеобитаемого архипелага оии обнаружили древнее камеииое изваяиие: великаи всадиик простирал руку через океаи, туда, где иаходилась Америка. Быть может, эта история в числе других ведет нас в иезапамятиые времеиа, когда коитакты с пришельцами были обычны? Не вспомнить ли, кстати, атлаитов и Атлантиду, Шамбалу, Беловодье и Лемурию?.. ИРИНА ЛАТЫШЕВА.

Письмо второе

...Увереи, что в бескоиечиой вселеииой иайдутся и обитаемые миры. Об этом говорил еще Джордано Бруио, за что осуждеи святой инквизицией и сожжеи иа костре. Зелеиые человечки — собирательиое имя пришельцев, оио в ходу у скептиков. Не зиаю, как вели бы себя последиие, окажись оии вдруг в прошлом, во времеиа Бруно. Не исключеио, что оии помогали бы иивквизиторам подкладывать дрова в костер.

Об исторических параллелях. Найдеиы древиие иадписи, ясио показывающие, что в Приднепровье во втором тысячелетии до иашей эры говорили примерио иа том же языке, что и в Этрурии. Славяиские имеиа богов, оказывается, древиее, чем можно вообразить. Но для меия это отиюдь ие свидетельство палеоконтактов. Просто после Трояиской войны праславяие-этруски переселились иа Апеииииский полуостров и прииесли туда с собой культуру Триполья. Нет пока доказательств существоваиия и общей колыбели миогих языков и племеи — Атлаитиды.

Бронзоволикие, светлоглазые, почти двухметрового роста атланты скорее всего потомки кроманьонцев, расселившихся по Европе, а ие космических пришельцев. Будут найдены когда-нибудь и предкн кроманьонцев, занимающих сейчас обособлеиное, отграниченное снизу место на верхней ступени эволюции. АВТОР ЗАИНТЕРЕСОВАВШЕГО ВАС РАССКАЗА.

Письмо третье

Благодарю за письмо. Не знаю, вправе ли я говорить с Вами о том, что меня волнует (сомнения эти, бесспорно, могут кому-нибудь показаться не заслуживающими виимаиия), но позвольте все же узнать: как отиеслись бы Вы к терпящим бедствие на чужой плаиете? ИРИНА.

Письмо четвертое

Если когда-инбудь мне представится возможность помочь терпящим бедствие, я немедленно это сделаю. Но о чем речь? Мы еще не достигли других планет, и вряд ли приходится рассчитывать на это в ближайшее время. (Автоматические корабли и космические станции не в счет.) Кто нменно и где попал в беду? ВЛАДИМИР.

Письмо пятое

Меня ие устраивает Ваш ответ. Разве Вы не догадались, что именно хотела я сказать? Вы же фантаст. Потому я и обратилась к Вам, что мне трудно иайти человека, готового понять меня. И теперь, когда нужно проявить хоть немного смелости, Вы пасуете. Разумеется, попал в сложную ситуацию иеземной корабль. (Прнзовите на помощь рассуждеиия о множественности обитаемых миров!) Представьте себе обычную в общем ситуацию. Пятеро иноплаиетян изучали Землю. Трое иаходились на окололунной орбите вместе с кораблем. Двое спускались на Землю на десантном боте (так, кажется, называются малые исследовательские суда). Были собраиы гербарии, коллекцин, сняты копии книг и видовых фильмов. Бот приземлялся много раз, но чаще в труднодоступных райоиах — в горах, пустынях, на безжизненных островах. Разумеется, случалось это и в обитаемых районах, но бот тотчас уходил в отдалениые укрытия. В последнем десанте участвовал всего один инопланетяиин — из-за недомогания второго десантника. И вот этот инопланетяиин остался один в районе Туле, на западиом побережье Греилаидии, потому что бот был сбит. Для меия остается загадкой, почему ие сработала гравизащита, мгновеино уводящая боевую ракету с курса. По иесчастью, бот был принят за разведывательиый самолет без опознавательиых зиаков. ИРИНА.

Письмо шестое

Признаться, меня весьма озадачило Ваше письмо. Быть может, Вы решили написать фантастический рассказ и в столь необычной форме делитесь со мной замыслом? Как все это понимать? ВЛАДИМИР.

Письмо седьмое

Неужели эта простенькая история вызывает у Вас недоумение? Хорошо же. Я высылаю фото десантного бота. Можете обратиться к специалистам: они подтвердят, что снимок подлинный. ИРИНА.

Письмо восьмое

Получил фото. Благодарю Вас. Чем я могу быть полезен уцелевшему десантнику? И еще: каким образом у Вас оказалось фото? И вообще при чем тут Вы? Извините за резкость, но шутка Ваша, если только это шутка, мне все же непонятна. ВЛАДИМИР.

Письмо девятое

Вы спрашиваете, при чем тут я? Но потрудились ли Вы показать снимок эксперту? Если нет, прошу это сделать. Собственно, только после этого нужно было бы объяснить Вам, при чем тут я. Но я сделаю это сейчас, несколько опережая события. Десантник, который остался в одиночестве на гренландском побережье, — женщина. Еще точнее: это я. ИРИНА.

Письмо десятое

Экспертиза, к сожалению, подтвердила подлинность снимка, так что я поставлен перед необходимостью получить от Вас новые доказательства достоверности происшедшего, не говоря уже о Вашем личном участии в этой предполагаемой экспедиции. ВЛАДИМИР.

Письмо одиннадцатое

Представляю себе, что получилось бы, если бы я обратилась к человеку менее осведомленному. Это похоже на известную притчу (сборник притч погиб, к сожалению, вместе со многими другими материалами нашей экспедиции). Что делать в моем положении? Вы и представить себе не можете, какие неожиданности подстерегали меня, когда я тайком пробиралась к ближайшему порту, чтобы оказаться наконец на борту

норвежского траулера. Не буду описывать свои злоключения. Вам не дано их понять. В конце концов меня подобрали туристы-лыжники, и началась моя новая жизнь, под чужим именем естественно. Так я оказалась в Мурманске, потом — в Петрозаводске. Во время своих странствий я искала человека, который мог бы мне повернть. Выбор пал на Вас. Случайность? Возможно. Я вызвала Вас на откровенность своим первым письмом. Теперь я убедилась, что диалог утомителен, нелегок. И почему это люди, увлеченные какой-то идеей, часто проходят мимо ее воплощения, даже не узнавая родное детище? Вам нужны новые доказательства? Пусть будет так. Высылаю конверт с гибким листом. На листе или, лучше сказать, в листе смонтирован преобразователь и приемопередатчик для связи с окололунным кораблем. Там, на дальней орбите, они еще ничего не знают о судьбе очередного десанта. Прошло лишь два месяца по вашему календарю, а программа рассчитана на пять. Вы сами сделаете то, что должна сделать я: дадите им знать о происшедшем. Вы должны достать долгоиграющую пластинку с записью сонаты ми минор Корелли. Включите проигрыватель, поставьте пластинку и, держа за уголок лист, который я выслала, прочитайте вслух мое третье письмо к Вам, начиная со слов: «Пятеро инопланетян изучали Землю...» Музыка, звуки служат нам для передачи модулированных сообщений в пространстве. Кроме того, музыка не вызывает помех коротковолновикам. Но будьте уверены; самые чувствительные в Солнечной системе приемники настроены на сонату Корелли. Вы тотчас получите ответ, точнее, знак, что передача принята на борту. Тем самым Вы поможете мне: до сих пор я не смогла достать пластинки с записью Корелли. ИРИНА.

Письмо двенадцатое

Я сделал Все, о чем Вы просили меня. Когда зазвучала сонатата, я прочитал третье Ваше письмо. Как только я произнес фразу о самолете, гибкий пластиковый лист засветился мягким, как будто солнечным светом, хотя на улице был темный спокойный октябрьский вечер. А настольная лампа вдруг погасла на мгновение. Где-то во мне, в тайниках моего сознания прозвучало: «Спасибо за помощь!» Слова эти сопровождались музыкальной фразой из Корелли. Если это не ответ, то что это? Может быть, Вы объясните?.. Голос был женский, низкий, бархатный. ВЛАДИМИР.

Письмо тринадцатое

Имя женщины, которая Вам ответила, — Танати. На корабле нас было двое. Теперь, когда Вы как будто убедились в правдивости моих писем, прошу выслать мне диск с записью и лист, если Вас это не затруднит. ИРИНА-РЭА.

Письмо четырнадцатое

Одна деталь противоречит самому духу события, о которых Вы рассказываете. Я имею в виду контакт между цивилизациями. По-видимому, он состоялся? Но если так, почему мы с Вами это допустили? Контакт — это музыка разума, это новые диковинные корабли на стапелях, затем — в сверкающем от звезд пространстве, затем — на новых неведомых землях-планетах. Это событие необыкновенное, ко многому обязывающее обе стороны. Легче всего изобразить встречу братьев по разуму в кино или повести, следуя традициям. Написано об этом немало, но кто поручится, что в книгах отыщется хоть одна правдоподобная ситуация, предвосхищающая события?

Высылаю Вам запись музыки Корелли. Постоянно думаю о том вечере, когда она звучала так обещающе. ВЛАДИМИР.

Письмо пятнадцатое

Спасибо за сонату Корелли. Теперь я могу поддерживать связь с кораблем. Утрачены собранные материалы, и я не знаю, как их теперь восстановить.

Вы спрашиваете относительно возможности контактов. Контакты непозволительны, если они охватывают сразу широкий круг людей. Многое тогда изменяется, и нет никакой решительно возможности вернуть события в исходную точку и начать все снова. Представьте, что подобный факт стал всеобщим достоянием. Мгновенно придет в действие механизм, который связан с социальным расслоением во многих странах и другими известными вам явлениями. Начнется борьба за контакты, за использование их в своих целях. Это изменит ход развития, эффект в конечном счете получится отрицательный. Как это ни странно, но контакты — не панацея от бед.

Контакты личные, например наша с Вами переписка, допустимы. Иногда они желательны. Во всяком случае, Ваши письма я жду с нетерпением. Расскажите о себе. РЭА.

Письмо шестнадцатое

Если Вас интересуют гербарии и коллекции, я мог бы связаться с моим другом, который работает в Томском ботаническом саду. Нетрудно написать в Киев, в Ташкент, что касается Главного ботанического, то это как раз проще всего, ведь я почти коренной москвич. С этого «почти» я начинаю рассказ о себе в надежде, что и Вы напишете несколько слов, которые будут для меня бесценным подарком (не забывайте о моей профессии).

Я не помню отца, да и не могу его помнить: осталось лишь несколько пожелтевших фотографий, которые моя мать, затем

тетка хранили как зеницу ока. Родился я перед самой войной, в дальневосточном городе. Помню снежные метели, сугробы, долгие зимние вечера, а весной — аквамариновую бухту моего детства, где даже в апреле еще плавали льдины, а рядом с ними то тут, то там появлялись нерпы, охотившиеся за рыбой. Над бухтой бродили цветные облака — розовые, жемчужные, коричневые, синие. Нигде позже таких облаков я не видел. И с весны до осени особенный смолистый запах доносили ветры с гор, где на каштаново-серебристых под солнцем каменных горбах зеленел кедровый стланик.

Помню трудный месяц, когда мать не хотела мне говорить об отце. Запомнилось ее лицо, я и теперь вижу ее такой, какой она была тогда. Наконец я узнал: отец погиб в боях под Харьковом.

Вскоре я потерял мать. После войны мы перебирались с теткой моей в Москву, к родственникам. Затем — школа, новые друзья, голубятни близ Андроникова монастыря, катанье с крутого холма на санках.

Порой вдруг вспоминается широкая лента Амура, горящие дома на его берегу, товарные вагоны нашего поезда, безнадежно застрявшие в тупике ввиду боевых действий против Квантунской армии. В августе сорок пятого, когда мы перебрались в Москву, было жарко, солнечно. Много западнее, под Челябинском, дым от заводских труб висел пеленой, маревом, солнце было горячим и красным. Я впервые в жизни держал в руке стакан молока и боялся притронуться к нему губами. А в жарком багряном зареве над городом шар солнца медленно опускался и горел как уголь в паровозной топке.

Много лет спустя я прочел письма отца к матери и многое пережил заново. Отец мой сибиряк, участвовал в гражданской войне; окончил рабфак, потом технологический институт. Мать говорила, что выглядел он всегда молодцом, и, когда началась война с Германией, отец ушел на фронт добровольцем, несмотря на возраст. Впрочем, мне так и не удалось установить, сколько лет ему тогда было: два сохранившихся документа — брачное свидетельство и старая курортная книжка — расходятся в этом. По-видимому, ему было уже пятьдесят... ВЛАДИМИР.

Письмо семнадцатое

Вы как будто читаете мысли на расстоянии. Это удивительно. Я-то думала, что это удается только мне. Ваш рассказ так заинтересовал меня, что я хочу услышать продолжение. До этого письма я по какой-то неуловимой ассоциации думала как раз о Вашем отце. Вскрываю конверт — и будто по мысленной моей просьбе слова вдруг складываются в строки, по которым удается проследить судьбу человека.

Сибирь я видела на выпуклом селенировом стекле нашего

корабля, зато всю разом. Огромный лесистый край, завораживающий своими просторами и светлыми лентами рек. Маленькая подробность: тайга из космоса кажется оранжевой, даже коричневой, но вовсе не синей и не зеленой, как об этом пишут. Это нетрудно исправить и в Ваших рассказах. То же, впрочем, относится к тропическим лесам. Только пустыня не меняет своего цвета, и с огромной высоты выглядит она точно так же неприглядно, как и вблизи. Но космические снимки получают с помощью светофильтров, и цвет в конце концов восстанавливается, что ввело в заблуждение не только Вас. РЭА.

Письмо восемнадцатое

Мне предстоит ответить на Ваш вопрос, и, сев за письмо, я раздумывал, как это лучше сделать. Потом решил: буду рассказывать так, как я рассказывал бы своему другу. Итак, об отце. Зимой двадцатого года красноармейцы без единого выстрела овладели Красноярском. Белые сдались, армия Колчака, по существу, перестала существовать. Позже отборный корпус генерала Каппеля, отступая с боями, пройдет по байкальскому льду навстречу японцам, оккупировавшим Забайкалье. Но тридцатой дивизии, преследовавшей белых, еще предстояли бои близ монгольской границы.

Сохранилось фото: дом в Иркутске, перед ним — группа красноармейцев. Дом украшен плакатами, рядом с домом — самодельная трибуна и сделанная из снега фигура бойца с винтовкой. Мой отец стоит во втором ряду. Мать особенно берегла эту фотокарточку, и теперь она открывает мой альбом. Именно под Красноярском и начинался боевой путь отца: он вступил добровольцем в тридцатую дивизию и прошел с ней путь до низовьев Селенги. Второе фото моего альбома запечатлело Гусиноозерский дацан, резиденцию ламы-ахая, главы буддистов в Сибири. Мой отец стоит у трофейного «мерседеса». Рядом красноармейцы. Поездка к ламе была необходима, чтобы получить разрешение ловить рыбу и охотиться. Коренное население этих мест — буряты считали и рыбу и птиц неприкосновенными. Запасы продовольствия в тридцатой дивизии подходили к концу, и комдив Грязнов отрядил два «фиата», два «мерседеса», взятых у колчаковцев, для дипломатической миссии в Гусиноозерский дацан, где находился трехэтажный дворец ламы. Здание дворца было украшено двумя золотыми оленями с колесом между ними и казалось величественным и грозным. Позже я встречал репродукцию этой фотографии в какой-то книге. Миссия Грязнова принесла успех: лама объявил верующим, что запрет на ловлю рыбы и отстрел дроф не распространяется на красноармейцев. Думаю, что трофейные машины и кавалькада всадников произвели на ламу впечатление.

Позже отец был ранен на монгольской границе. В то время

район этот был опасным: белоказаки то и дело совершали настоящие разбойничьи экспедиции.

Я не знаю, почему буддистам запрещено ловить рыбу и стрелять птиц, но полагаю, это как-то связано с их убеждением, что душа человека после смерти переселяется в другое существо. Значит, убить птицу — почти то же, что убить человека. Если у Вас было время познакомиться с жизнью и учением Будды, то Вы не могли не обратить внимание еще на одну деталь: краеугольный камень учения — это отрицание богов. Будда был атеистом, причем самым убежденным, но по прошествии нескольких сот лет он по иронии судьбы сам был провозглашен богом и его учение извращено невежественными последователями. ВЛАДИМИР.

Письмо девятнадцатое

Злой рок преследует экспедиции на вашу планету. Экспедиций было уже три. Первая исчезла бесследно. Мы можем только гадать, что произошло. Вероятней всего, следы ее когда-нибудь отыщутся на дне морском. Трагедия произошла так давно, что мы редко вспоминаем о ней. Зато второй полет остался у нас в памяти. Мы достоверно знаем, что тогда случилось. Столкновение с метеором из роя кометы Галлея (который опережает саму комету) вывело из строя приборы. Затем последовала неудачная попытка приземлиться в районе невысоких гор, покрытых тайгой. Но расчет, проведенный вручную, был неточен. В атмосфере произошло изменение траектории корабля, обшивка перегрелась. Раскаленное тело, лишенное управления, рыскало над тайгой, все еще пытаясь приземлиться в безлюдном районе. К этому времени в живых остался только один член экипажа. Он принял единственно правильное решение: катапультироваться. Парашют опустил его в районе Подкаменной Тунгуски. С ним вместе была выброшена рация и автомат записи данных. Думаю, нам повезло: одно сообщение с Земли все же поступило к нам. Затем аппаратура записи и передачи данных отказала, спасшийся член экипажа оказался в тайге, и ему ничего другого не оставалось, как перейти к выполнению последнего варианта. Что такое последний вариант? В нашем понимании это приспособление к местным условиям, использование подручных средств и среды обитания для спасения жизни. И одновременно — сокрытие случившегося. Никто не должен был подозревать о присутствии на Земле инопланетянина. Нужно было стать таким, как все, стать человеком Земли. Это не так уж трудно сделать, ведь мы внешне такие же, как вы.

Почему я пишу Вам об этом? Да потому, что не оставила надежды найти того человека. Ведь он, вероятно, жив. Прошло, правда, более семидесяти лет с тех пор, но был он тогда юн и здоров настолько, насколько это позволял парадокс хода вре-

мени в быстродвижущихся замкнутых системах. К тому же стареем мы медленно. Да, наша экспедиция предполагала провести поиск, но теперь из-за потери бота это неосуществимо. И только я еще на что-то надеюсь. Вы можете спросить: почему именно я? Скажу прямо: тот член экипажа — мой отец. Я не помню его, мне не было и года, когда он улетел вместе со второй экспедицией, но у матери остались фото... Прошло двадцать лет, и я стала участницей третьей экспедиции. Наши судьбы в чем-то схожи между собой: Вы потеряли отца, и я его потеряла. Теперь Вы лучше поймете меня. РЭА.

Письмо двадцатое

Из Вашего письма следует, что корабль приземлился незадолго до того, как мимо нашей планеты должна была пройти комета Галлея. Место падения и время соответствуют так называемому Тунгусскому диву. Вы об этом, вероятно, знаете. В тайге и сейчас еще сохранились следы. Падение сверкающего шара изменило ландшафт на сотнях квадратных километров. Напоминаю Вам об этом для того, чтобы уяснить важную деталь. Экспедиция Томского университета исследовала район катастрофы. Предполагалось, что торф должен законсервировать атомы космического вещества, принесенного шаром из неведомых далей. Эти атомы должны войти в состав органических молекул мхов. Оказалось, что торф сохранил атомы изотопов водорода и углерода, принесенные неизвестным объектом, и состав этих изотопов соответствует кометному веществу. Значит, это была небольшая комета. Вывод не подлежит сомнению. Вы же пишете о корабле.

Я готов был бы согласиться с Вами, если бы речь шла о комете Аренда-Ролана, появившейся значительно позже, в 1957 году. Как известно, у этой странной кометы вместе с обычным хвостом, направленным от Солнца, был узкий, как луч, второй хвост, направленный к Солнцу. Этот аномальный хвост не был похож ни на одно небесное явление, известное до тех пор. Он появился внезапно и внезапно же исчез. Кроме того, комета излучала радиоволны, что явилось полной неожиданностью для астрономов. Излучения были очень стабильны, как если бы работали два радиопередатчика. Некоторые ученые предполагают, что комета Аренда-Ролана не что иное, как межзвездный зонд, запущенный инопланетной цивилизацией для изучения Солнечной системы. Обнаружив на Земле разум, зонд послал сигналы, не понятые и не расшифрованные до сих пор. Затем комета Аренда-Ролана прошла мимо нас и удалилась, исчезнув из поля зрения приборов.

Но Вы пишете именно о Тунгусском объекте, который был типичной малой кометой. Не могу принять Вашу точку зрения, пока не пойму, что же тогда произошло в тайге. Если можете — объясните. ВЛАДИМИР.

Вы спешите с окончательными выводами. Сторонники кометной гипотезы опубликовали много статей и книг; Вы, разумеется, их успели изучить. Вероятно, другие предположения, в том числе и гипотезы Ваших коллег, прошли для Вас бесследно. Напомню сначала, о чем там шла речь. Прежде всего о свечении неба. Оно наблюдалось в течение нескольких ночей после катастрофы. Что это за явление? Это, по сути, солнечный свет, отраженный частичками кометного хвоста. Таков должен быть ответ. Но белые ночи, наступившие после взрыва, вовсе не были похожи на светящийся кометный хвост. Некоторые горные породы, взятые из района эпицентра, при нагревании сильно светятся. Это термолюминесценция. В других местах Сибири она не наблюдается. Напомню Вам и о мутациях. Можно говорить о новом виде муравьев в районе катастрофы, который там сформировался под влиянием неизвестных излучений. Один Ваш коллега писал в свое время о ядерном взрыве. Не разделяю эту точку зрения, и все же Вы должны были внимательнее отнестись к изысканиям в глухой сибирской тайге. Прошу Вас ознакомиться с работами А. В. Золотова, доказавшего, что кварцевые эталоны времени ведут себя более чем странно в районе эпицентра: они отстают на две секунды в сутки, что во много раз превосходит допустимую погрешность. Все это опубликовано. Теперь о том, что не опубликовано ни в одной книге.

Я писала о последнем варианте. Мой отец вынужден был оставить все надежды на спасение корабля. Он знал, что помощь придет не скоро и ему придется остаться на Земле. В то же время он обязан был скрыть факты: даже просто сведения о случившемся означали бы наше вмешательство в дела Земли, в развитие вашей цивилизации. По крайней мере, до поры до времени отец обязан был молчать. И он молчал. Но в тайге остались следы. Лес был повален на огромных пространствах. Отец ничего не мог с этим поделать. В атмосферу были выброшены частицы вещества, вызвавшие белые ночи в Европе и Средней Азии. И с этим отец ничего не мог поделать. У него оставался к моменту катастрофы единственный автономный источник энергии. И он решил замаскировать непосредственные следы катастрофы, которые могут быть обнаружены в последующих экспедициях.

Он попытался это сделать, используя последнюю оставшуюся в его распоряжении энергию. Насколько ему это удалось — судите сами. Во всяком случае, до сего дня кометная гипотеза, вызванная к жизни изотопным составом торфа, продолжает привлекать внимание. Отец успел рассчитать состав и рассеяние космического вещества, которое должны были обнаружить уже после его смерти.

Давайте будем считать, что каждый из нас может задавать любые вопросы. И если мы еще в силах припомнить через

столько лет то, что было, давайте это сделаем не откладывая. Те несколько часов, которые мы отдадим прошлому, не пропадут бесследно. Остается горечь, когда мы оба приблизимся к далекому-близкому, коснемся его мыслению и снова окажемся в сегодняшнем дне с его быстропреходящими заботами. Остается как бы едва уловимый аромат, потом и он растворится, как запах кедрового стланика на сопках, когда выпадает первый снег. Странная просьба, не правда ли? Как-то Вы поймете меня? Наверное, Вы похожи на отца. На обратной стороне бумажной обложки первой Вашей книги — портрет, который мне об этом рассказал. Вы удивитесь, может быть: ведь я не знаю, как выглядел Ваш отец. Отвечу на это в следующем письме. Сейчас же у меня к Вам три важных для меня и для Вас вопроса.

Вопрос первый. Можете ли Вы назвать место и год рождения Вашего отца на основании документов о рождении?

Вопрос второй. Жив ли кто-нибудь из друзей детства Вашего отца или из его знакомых того времени?

Вопрос третий. Что вы знаете о родителях отца? РЭА.

Письмо двадцать второе

Ну что ж, я снова пускаюсь в путешествие во времени. Прикрываю глаза и вижу сибирскую деревню Олонцово на берегу Лены. Рубленые дома, деревянный тротуар, запахи смолы и меда; босоногая девочка с лукошком, полным брусники, смотрит на меня удивленными серыми глазами. Почему так удивлена эта босоногая жительница Олонцова с первым урожаем брусники в плетеной корзинке? Не догадались?

Потому что я — чужой. Я городской, в костюме и полуботинках, с портфелем в руке, где сложены рубашки, два полотенца, бритвенный прибор и сетка от комаров. Да, я взял накомарник, и не потому, что наслушался рассказов о комарах и мошке, а потому, что на Дальнем Востоке еще в далекие дни детства познакомился с этими микроскопическими хозяевами тайги. Но день ясный, ветреный, к тому же оказалось, что в конце августа здесь нет этой напасти, и можно дышать полной грудью.

Как Вы догадываетесь, в тот самый день я искал дом, где родился отец. Я обошел всю деревню из конца в конец. Напрасно. Дома я не нашел. Я переночевал на сеновале у одинокой старушки Марфы Степановны. Помню лицо ее цвета печеной картошки, изрезанное морщинами, как лик деревянного якутского идола. Утром эта женщина позвала меня на чай, заваренный листьями малины, я достал из портфеля сахар и печенье. Наконец я решился задать ей вопрос. Звучал он примерно так же, как строчки из Вашего письма.

Женщина промолчала, будто не слышала моих слов. Минула тягостная минута. И оиа негромко так сказала:

— Всех помню... — И вернула мне фото.

— Отца тоже помните? — спросил я, волнуясь. — Помните?

— Нет, — сказала она коротко, и это «нет» как бы повисло в воздухе.

И больше на эту тему мы ие говорили. Нужно ли добавлять, что в сельсовете я не иашел никаких документов об отце?

Так кончилась тогда моя поездка, и я никогда больше не ездил в Олонцово, словно чувствуя неведомый запрет. Трудно, может быть, понять это. ВЛАДИМИР.

Письмо двадцать третье

Вы сообщали о книге, в которой есть фото Вашего отца. Я нашла ее. Случилось это так. Любимое место мое в читальном зале было занято, и я прошла к стеллажам, где пылились энциклопедии и справочиики. Тут я увидела молодого человека, вероятно, студента, который листал эту книгу. По описанию я узнала дворец ламы. Студент перевернул страницу, но я ее запомиила и запечатлела в памяти. Трехэтажное здание с оленями и колесом между ними, автомобиль, группа всадников на втором плане, красиоармеец у «мерседеса»... Потом я взяла эту книгу. Села за стол, и что-то мешало мие, я медлила, не могла решиться. Вот и фото. Я снова и снова всматривалась в черты его лица. Сердце сжалось: это был мой отец. Таким я знала его с детства по многим портретам и кинофильмам.

У него внимательные, широко расставлеиные светлые глаза, в них как будто застыло удивлеиие. Это немного мальчишечье выражение глаз меня особенно привлекало в нем, я узнавала его даже на кадрах, запечатлевших отлет экспедиции, когда лица участииков видны сквозь выпуклые саленировые стекла. Смеялся ли он, обнимал ли мать, рассказывал ли он ей о чем-то своем — всегда жило в глазах это выражение, которое, впрочем, не так легко передать словами. Удивление — да... Но не только. Это был еще и вечный вопрос к окружающему, к себе, к людям. Я говорю «к людям», не делая различий между вами и нами. Он тот же на знакомом Вам фото. Годы, испытания, лишения, горе и утраты не изменили его, он тот же, мой и Ваш отец. У меня было достаточно времени, чтобы проверить это. РЭА.

Письмо двадцать четвертое

Вам удалось вернуть меня в прошлое. Но Вы тут же захотели так изменить это прошлое, чтобы я перестал узнавать знакомые до боли его приметы. Судите сами, могу ли я по-

вернть Вам на слово, если даже возможность считать Вас моей сестрой не склоняет меня на сторону Ваших предположений. Предположений. Иначе я не могу это назвать. Как видите, я не спешу объявить себя хотя бы наполовину инопланетянином.

Ваше письмо подействовало на меня так, что я готов был припомнить каждый день и каждый час свой. Снова я на берегу синей бухты, и мы с товарищем босиком идем по серому песку, где отлив оставляет за собой пряно пахнущие ленты и нити морской травы. Справа ползет тень крутобокой сопки, к зеленому загривку которой клонится предвечернее солнце. Мы забираем влево, где свет и алмазы капель на бурой гриве замшелых камней, где на дне оставшейся лужи видны морские ежи и улепетывающий краб. И следы заполняются водой, когда мы носим камни, складываем их так, чтобы получилась стенка, перегораживающая лужу надвое. И еще стенка, и еще... Потом, оглядываясь на уходящее солнце, вылавливаем из лужи рыбью мелочь, которая ослепла в мутной воде и не может скрыться.

Там, куда Вы меня позвали, я вижу долину, синюю от ягод, с тремя прозрачными протоками. Перепрыгивая через них, я ощупью, не глядя, нахожу голубику. Потом протоки сливаются, я закатываю брюки до колен, выхожу на перекат, но вода сбивает меня с ног, и я вдруг понимаю, что надо быть вместе с течением, плыву, меня выносит к большому камню, где я поднимаюсь. Колени еще дрожат, но страх, первый страх в моей жизни уже побежден. Река отныне становится моим союзником. Позже, много лет спустя, она будет мне сниться. И густая жимолость у подошвы сопки, и лиственничный лес на пологом склоне, и полосатый веселый бурундук, сидящий у серого пня, расколотого некогда молнией, — все это осталось, все это не придумано. И нет места ничему другому. Что крепче этого может привязать меня к детству, где нет и намеков на тоску по иному миру?

Вы просили документальных доказательств и старались быть точны во всем. Теперь пришла моя очередь просить у Вас подобных же подтверждений. Не задаю вопросов. Очевидно, Вы сами знаете, какие вопросы я мог бы задать. ВЛАДИМИР.

Письмо двадцать пятое

Бессонная ночь. Только перед рассветом из рук моей выскользнула книга. Я искала примеры, которые помогли бы нам понять друг друга. Что же это за книга? «Сарторис» Фолкнера. Цитирую.

«По обе стороны этой двери были узкие окна со вставленными в свинцовую оправу разноцветными стеклами — вместе с привезшей их женщиной они составляли наследство, которое мать Джона Сарториса завещала ему на смертном одре... Это

была Вирджиния Дю Пре... оиа приехала в чем была, привезя с собой лишь плетеную корзинку с цветными стеклами».

В эту же иочь я прочла Брэдбери. И тоже о стеклах.

«Ему снилось, что он затворяет наружную дверь — дверь с земляничными и лимонными окошками, с окошкамн цвета белых облаков и цвета прозрачной ключевой воды».

И вот уже холодное марсианское небо становится теплым, и высохшие моря зарделись алым пламенем. Давайте и мы понаблюдаем мир через цветные стекла воображеиия.

Итог этих наблюдений вот каков: автор «Сарториса» заимствовал землянично-лимонное окошко у Брэдбери, фантаста. Да, Рэю Дугласу Брэдбери едва мииуло семь лет, когда был опубликован «Сарторис» Фолкнера, и все же это не парадокс. Казалось бы, ответ получен давно: в будущее и прошлое проникнуть не удастся, машииа времени немыслима. Но даже у вас появились сообщения, что информация может преодолевать временной барьер. Гарольд Путхофф и Рассел Тарг из Станфорда семь лет назад доказали это.

Вас интересуют их опыты?.. Сначала они выяснили природу поля, передающего зрительиые образы на большие расстояния. Природу его выяснить не удалось, зато по счастливой случайности кому-то из них пришло в голову принимать и регистрировать зрительную информацию заранее. Слово «заранее» здесь требует пояснения. Один человек, участник опытов, направлялся на машине к аэродрому, порту, зданию необычной архитектуры или другому объекту. Обычно, когда он в сопровождении учеиого оказывался у избранной цели и сосредоточивался, то другой участник, находившийся за много километров в лаборатории, принимал информацию и рисовал на чистом листе бумаги аэродром, порт или здание. Но вот человеку-приемнику дали задание нарисовать объект на час раньше, когда другой участник еще не увидел его. Никому из них не было сообщено о том, что рисунок выполняется заранее. Но рисунок тем не менее удался на славу. Сотни раз повторяли опыт, и результат его убеждал, что информация может поступать из будущего.

Не буду отклоняться от нашей темы и пояснять, как это происходит. Важен факт. Нам он был известен очень давно. Любой из нас, если только пожелает, может передать информацию или зрительные образы в прошлое, в будущее, преодолев время и пространство. Для этого нужна не техника, а подготовка, способности, воля. Зрительные образы осязаемы; человек может обмануться, приняв их за реальность. Иллюзия? Тем не менее иллюзия полная, совершенная. Любопытно, не правда ли?

Теперь вместе с Вами перекинем мостик в прошлое, о котором Вы размышляли в письме (и я благодарна Вам за эти размышления, они позволили мне найти ключ к давним событиям). Начнем с того, что Вы находились тогда за тысячи ки-

лометров от фронта, где воевал наш отец. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, как он хотел увидеть сына. Увидеть, понимаете? И он должен был это сделать! У меня на сей счет сомнений нет. Вспомните эту встречу. Она должна была состояться. Неужели прекрасная память не поможет Вам восстановить подробности, к ней относящиеся? Это могли быть считанные мгновения — припомните их! В трубке детского калейдоскопа видны лишь правильные цветные узоры. Постарайтесь рассмотреть в ней стеклышки, создающие иллюзию. Маленькое отклонение от геометрии, не так ли?.. РЭА.

Письмо двадцать шестое

Пытаюсь взглянуть на окружающее сквозь земляничные стекла воображения. Только там, в первом и наиболее ярко отразившемся в памяти моего детства периоде, аромат земляники нам был неведом. Были сизые ягоды голубики, черные бусины водяники, или шикши, янтари спелой морошки.

Море я и вовсе не хочу рассматривать ни через какое волшебное стекло. Потому что был один памятный туманный день, и был огромный пляж, куда мы прибыли на лодке, и странно теплая для этих широт вода, когда можно было бродить босиком по колено в воде. У коричневых обрывов горел костер — живое красное пламя его я вижу до сих пор. Во время отлива я прижимал ногой крабов к плотному песку и бросал их к костру. Нас было трое. Мой старший товарищ Гена Ерофеев и его отец Василий Васильевич взяли меня в эту поездку с собой.

После ухи и чая я забрался на уступ, бросил несколько ветвей стланика на камни, лег на спину и смотрел на ряднину тумана, спускавшуюся по склону сопки. В моем рассказе я приближаюсь к тому мгновению, о котором Вы просите сообщить. Вот оно, это мгновение. Я вдруг чувствую, что поодаль от меня присел на россыпь глинистого сланца человек. Будто бы этот человек в запыленной, вылинявшей от солнца гимнастерке, перепоясанной брезентовым пояском, в кирзовых сапогах, и в руке у него пилотка. Я вижу его краем глаза, но понимаю, что могу помешать ему, что ли, и оглядываться не надо. Так прошло с полминуты, и лицо этого человека я не успел рассмотреть. Хотел обернуться к нему, да вдруг услышал:

— Как живешь, малыш?

Я ничего не ответил. Замер. Понял, что вопрос был адресован мне. И снова услышал:

— Не горюй!

И когда я обернулся, его не было. Пропал он так неожиданно, что я спрашивал себя: правда или показалось? Но четыре этих слова остались во мне навсегда.

А рядом со мной лежало яблоко. Я сразу понял, что это мне. Я надкусил его. Оно было кисло-сладким, хрустящим,

вкус его запомнился на всю жизнь. Немудрено: ведь я впервые видел настоящее яблоко.

Мие кажется, Вы правы: редко пытаемся мы загляиуть внутрь калейдоскопической трубки и часто не замечаем цветиых стеклышек, а видим лишь нх отражеиия в зеркале. Эпнзод, о котором я рассказал, можио считать доказательством страииой гипотезы, которую я услышал от Вас. Прн иепременном, конечио, условии, что он ие был случайностью.

Вериемся ко второму перноду моего детства. Это было уже в Москве на Школьиой улнце. Жил я у тетки иа втором этаже кнрпнчиого дома, рядом с Аидроинковым монастырем. У развалнн моиастыря зимой мы катались иа саиках, склон холма круто спускался к Яузе, и ребятия любила это место. Зимой сорок седьмого, в однн нз ясиых дией, я собнрался туда после школы, но был наказаи иа уроке пеиия. За что — не помию. Учнтель наш, Сергей Фомнч, так рассердился, что оставил меня в пустой комиате на час. Это было со миой впервые. И вот я снжу в этой комиате, окиа ее залиты солицем, и солиечные зайчикн как бы в насмешку надо мной пляшут иа полированной крышке рояля. Я смотрю в окио н внжу воробьев, которые устроилн возню у матовых, наполиеных светом сосулек, свисающих с крышн. С минуту я иаблюдаю за иими, потом оборачнваюсь и внжу человека у рояля. Человек этот в сапогах, иа ием гимиастерка, подпоясаииая брезеитовым ремешком, н я узнаю его со спииы. А он, оборачиваясь, говорит:

— Ну-ка, споем, малыш, вот эту песию, — н иесколько аккордов словио вдруг усыпили меия, и я пел точио во сие, и звучала удивительная музыка. То была иародиая песия, н слова ее неожнданно для себя я вспомиил, хотя раиьше знал только мотнв.

И когда прозвучал последнний аккорд, я услышал:

— Мие пора, малыш. Прощай.

И я встрепеиулся. Что это было? Комиата пуста, иад окном шумят воробьи, солице опускается на крыши дальиих домов у Абельмаиовской заставы, свет его резок и багров. Щемящее чувство одиночества было иепереиосимо. Я уронил голову иа подокоиинк, закрыл глаза, чтобы не расплакаться. В ушах моих снова зазвучали знакомые аккорды, но я ие подиял головы, так как знал, что человека за роялем ие было.

Теперь я хотел бы рассказать о том, что пронзошло пять лет спустя. Мне исполиилось уже трииадцать лет. Летом я поехал к бабке моей по матерн, которая жила на окраине Веиева.

Помию теплое нюньское утро...

Листья хмеля за стеклом горят зелеиыми огиямн на солице, я приоткрываю окно, сдерживаю дыхаиие, потому что вижу у палисадинка Надю. Рядом с ией двое сверстииков, и одии нз них, повернув голову к окну н не видя еще меня, крнчнт:

— Пошли на речку!

Теперь я толкаю оконную раму так, что хмель тревожно шуршит и с листьев срывается крапивница и взмывает до конька крыши. Прыгаю из окна на мягкую серую землю, расталкиваю высокие мальвы, бегу к изгороди, перепрыгиваю ее. Остановившись рядом с ними, стараюсь не смотреть на Надю. Стараюсь быть впереди, когда мы выходим на дорогу, ведущую к речке.

В руке у Нади стеклянная банка с крышкой: если мы поймаем окунька или вьюна, она принесет его домой и он будет жить в банке, пока старый белый кот не выловит рыбку лапой.

— Надя, дай понесу банку! — говорит Серега.

— Нет, я, моя очередь! — Я подхожу к Наде и протягиваю руку, и рука Владика и моя рука встречаются с ее рукой, мы отталкиваем друг друга, и дело неожиданно доходит до драки. Мы катаемся с Владиком по траве, выкатываемся на колею и наконец, серые от пыли, встаем, а Надя укоризненно качает головой и советует посмотреть в зеркало.

Вдруг кто-то предлагает: идем пшеничным полем. И мы сворачиваем на тропу, желтые стебли и колосья бьют нас по рукам, еще минута — и мы, забыв об осторожности, сходим с тропы, собираем колоски, на ладонях наших остаются теплые беловатые зерна, вкус которых нам хорошо знаком. И тогда появляется далекая тень на тропе.

— Объездчик! — кричит Серега.

Мы бросаемся врассыпную. Надя бежит за мной. Я вижу, как стремительно приближается к ней конник с плеткой в руке. Останавливаюсь. Потом что-то словно подталкивает меня, я бегу назад, успеваю схватить Надю за руку, мы падаем, и я закрываю ее от удара. Свист плетки, мгновенный страх, заставляющий нас вжаться в серую сухую землю!.. И в тот же миг — необъяснимое. Точно большая теплая ладонь погладила меня по коротко остриженным волосам, наступила тишина, в которой я услышал тот же знакомый голос:

— Мне пора, малыш. Не горюй!

Когда мы поднялись, не было ни объездчика, ни страшного его вороного коня. Налетел порыв ветра и пригнул желтые стебли к земле. И снова — тишина, волнующая, полная скрытого смысла.

Позже, студентом уже, я прочел стихи. О Наде.

«В садах, на полянах, в цветах укрываясь, в туманах теряясь, зарей озаряясь, во всем божьем мире, в любом кратком миге была ты везде и повсюду.

Зефиры носили над этой землей твое имя; листвы шелестенье и рокот волны, обдавшей каменья, — все было дыханьем дыханья, рожденного только устами твоими».

Я знаю эти стихи наизусть. Написаны же они кем-то в на-

чале века. Может быть, первым шептал их я. Потом их записал поэт, живший на пятьдесят лет раньше меня. Согласно Вашей гипотезе так могло быть...

«На небе вечернем средь звезд я, бывало, твои лишь выписывал инициалы, а если глаза опускал к горизонту — в мальчишеских грезах меж стройных березок выискивал взором твой мягкий девический контур.

Повсюду бывая, незримо везде успевая, во всех моих мыслях, желаньях, — ах, где ты ни пряталась! — тобою душа моя полнилась вечно, любовь из нее изливалась к тебе бесконечно, как слава святых озаряет их святость».

Это все, что я могу сообщить Вам о необыкновенных встречах. ВЛАДИМИР.

Письмо двадцать седьмое

Весь вечер я пыталась представить бухту, и скалы, и мальчика, который бредет по отмели. Мне казалось, что я отчетливо различаю солдата в поношенной гимнастерке, странным образом попавшего на этот дикий берег, потом словно и впрямь надвигался туман, о котором Вы писали, и видение постепенно исчезало. Я старалась удержать его, но солдат не возвращался, и не было на берегу мальчика, моего брата...

Раньше я не могла и помышлять о встрече с Вами. Теперь мне хочется попросить разрешения на эту встречу. Думаю, у меня есть право увидеть своего земного брата, и я хочу, чтобы это мое право подтвердили на корабле. Но кто знает, будет ли так, как я хочу...

Достала где-то цветную открытку с видом Андроникова монастыря. Зеленый от травы скат, внизу Яуза, старые стены, святые ворота. Я мысленно вошла в эти ворота, обошла монастырь, прикоснулась к белым камням его храма, потом увидела площадь, улицы, низкое солнце над холмом. Увидела то, что когда-то было близко отцу и Вам. Пишите о себе. РЭА.

Письмо двадцать восьмое

Отец бывал в Москве нечасто. Перед войной он жил в приморском дальневосточном городе, который стал первым городом моего детства. Но вторым была Москва.

Мне все труднее рассмотреть прошлое в резком, неискаженном повседневностью свете. Поздним вечером я шел по своей Школьной улице, где дома с заколоченными окнами сиротливо ожидают своей участи: их скоро снесут. Я заходил во дворы. Над головой шумели высокие тополя и акации. С улицы не видно деревьев, не видно волшебного пространства дворов, наполненных когда-то нашими голосами. Нет уже каменных пристроек у тридцатого дома, и нет деревянного флигеля с пожарной

лестинцей, куда мы забнрались в сорок пятом и позже смотреть салют. Это улнца московских ямщиков, едннственная в своем роде.

Сиротливо высится кирпнчная стена, отделяющая мой двор от соседнего. Над ней когда-то верещали стрижи, я забирался на гребень ее, и солнце слепило глаза так, что я не видел ни двора, нн сараев, ни дома, ни флнгеля. Этот резкнй свет я помню отчетливо, как будто часть лучей еще и сейчас не угасла, как будто они до сих пор ослепляют, и гаснут лишь по мере того, как тускнеет в сознанин вся картина.

Наверное, от отца досталась мне ностальгическая иатура. Думаю так: чем выше уровень цнвнлизацин, тем больше объем памяти. Я встречал и встречаю людей, которые не испытывают особой тоски ни по прошлому, ни по будущему. Память сдерживает развитие многих качеств, в том чнсле таких противоположных друг другу, как агресснвность и творческие возможиости. От памяти удобней избавиться. Но что такое творчество без памяти?..

Я умею мысленно переноситься в любое место. Бессонной ночью закрываю глаза и иачинаю странный полет. Внизу будто бы вижу я горы, море, знакомую реку, тайгу. Я лечу над лесом, пока не засыпаю. В другой раз я вижу деревенскую околицу блнз Венева, речку Осетр с крутымн берегамн, вечернее поле, балку с темным холодным ручьем. Я лечу над полем так низко, что пугаю перепелок, они вырываются из душистой травы и стремительно исчезают в серо-синей дали. И воспомииания о полетах во сне сами похожи на сиы. ВЛАДИМИР.

Письмо двадцать девятое

Я говорила с Танати н с руководнтелем экспедиции. Трудно передать подробиостн этого разговора. Наши былн взволнованы тем, что мое предположение подтвердилось и иа Земле у меня есть брат. Я намекнула, что мне надо увидеть Вас. Руководнтель оборвал меня, спросил резко, знаю ли я самые простые вещи, которые ие может не знать участник дальнего полета. «Но это мой брат, — воскликнула я. — Брат!» Ои возразил: «Да, но он представнтель иной цивнлизации, а коитактов с другой цивнлизацней быть не должно, коитакты нзменят будущее, лншат людей самостоятельности, неужели Вам это не ясно? Письма можно подделать, фотографии сфабрнковать, но если станет фактом контакт, знаете что начнется? Не мне Вам это объяснять, Рэа. Но даже если вдруг было бы получено разрешение с нашей планеты, мы должны помннть о Туле в Гренлаидни. Туле, еслн хотите, — это символ несостоявшегося контакта». Я поняла безнадежность моего положення, но не сдавалась. В конце концов он заявнл, что наша встреча возможна в том случае, если Вы станете участиком экспеди-

ции и после ее завершения улетите с нами на нашу планету. Прошу Вашего согласия. Ответьте мне. РЭА.

Письмо тридцатое

Рэа, во многом я сам виноват. Наверное, я был недостаточно внимателен к Вам и не успел сказать главного, хотя и пытался это сделать. У меня никогда не будет другой земли, кроме этой. К тому же у меня здесь много дел и проектов. По вечерам я думаю о светлых редколесьях, где господствует даурская лиственница, о глухих болотах, заросших багульником, водяникой, о голубичных зарослях, о бегущих по распадкам ручьях. Как здорово набрать в котелок воды, развести на камнях костер и, пока варится чай с брусникой, представить, что идешь тропой отца.

Но когда я побываю там, я смогу съездить наконец в Венев, где не был четверть века. Человек изъездил пол-Европы и пол-Азии, а в Венев выбраться не смог. Вам, думаю, это понятно. Так уж я устроен. Воспоминания заменяют мне порой действительность.

Помните, я рассказывал об этрусских и славянских древностях? Кажется, только теперь удалось нащупать, разгадать, найти правила перевода с этрусского. Они просты. Согласные в ту далекую пору звучали глухо. Вместо «о» слышался чаще всего звук «у». Вместо мягкого знака в конце слова ставилась буква «и». Вообще же, слова писались так, как произносились. Налицо и переосмысление — минуло без малого три тысячи лет! Вот несколько этрусских слов. Уна — юная. Ми — я. Мини — меня. Тур — дар. Тит — дид, дед (имя в значении «старейший»). Зусле — сусло. Ита — эта. Али — или. Пуя, поя — жена (буквально «поилица»). Пуин — буйный (буквально «опоенный», от обычая подносить хмельную чару певцу произошло имя певца — Боян). Карчаже, карчазь — кабан (корень этого слова остался в глаголе «корчевать»). Тупи — топь, потоп, кара. Зар, жар — жар. Лаутни — людин, люди (звука и буквы «ю» не было). Туле — делить (корень «тул» — «дол» в слове «доля»). Клувень — головень, головастик, гвоздь. Знлак — слич, предводитель. Схин — сгинуть.

Нужно восстановить память об этрусках, их городах в Италии, их музыке, обычаях, живописи, древних книгах, которые уничтожило время. В чем состоит трудность? Многие надписи переведены неправильно, это тормозит и мою работу. «Ми пуин карчаже» — эту надпись на фигурке из слоновой кости, изображающей кабана, переводят так: «Я пуниец из Карфагена...» Вряд ли пуниец из Карфагена написал бы это этрусскими буквами. Нужно переводить так: «Я буйный кабан». Вещи у этрусков часто говорили о себе сами.

«Мини мулуванеце авиле випена» — так звучит другая надпись. Надписи на изделиях древних мастеров часто начинаются с местоимений «я», «меня». Текст этот переводится так: «Меня посвятил Авл Вибенна». Но кому посвятил Авл Вибенна свое произведение? Это неясно. А ведь именно это должно явствовать из надписи прежде всего. Нужно переводить иначе: «Меня художник Авила (выполнил)». Мулуванец (мулюванец) — художник, так это слово звучит по-украински и сегодня. Я мог бы еще долго говорить об этрусках, о том, как я прочел их Книгу Мумии, найденную случайно в Александрии, их надписи на вазах, бронзовых зеркалах и предметах культа.

За моим окном — звездная ночь. Остается запечатать письмо. ВЛАДИМИР.

Письмо тридцать первое

Я так и предполагала... и ни на что не надеялась. Мое письмо оказалось ненужным, зряшным. И все же я нашла способ встретиться. Я увижу Вас! И я получила на это разрешение. Ведь я могу появиться так, как умеем это делать мы. Вы увидите меня, я увижу Вас. Может быть, мы успеем сказать друг другу несколько слов. Это будет перед отлетом, через девять дней.

Вы согласны? Еще одно: прошу Вас ни в коем случае не публиковать моих писем к Вам. Разве что с подзаголовком «фантастика». Это обязательное условие нашей кратковременной встречи. РЭА.

Запись в дневнике

Странное недомогание. Будто невидимая рука протянулась к сердцу. И жмет, жмет. Легко, но чувствительно. Нет, это не болезнь. Что-то другое, посерьезней.

Однажды это уже было со мной. У Андроникова монастыря. Память очертила не то круг, не то петлю времени...

Сохранился снимок: два мальчугана у стен монастыря; снимал кто-то из взрослых. У одного в руках мяч. Это я. Другой, рядом со мной... Что я знаю о нем? Жил он на той же Школьной улице. У него были сестра и мать. Отец погиб на фронте, как и у меня. Однажды я пришел к нему. Мы спустились в полуподвал. Вошли в комнату.

Слева — койка, накрытая темным сбившимся одеялом, справа — стул с выщербленной спинкой, прямо — подобие обеденного стола. И обед — два ломтика жареного картофеля на сковородке. Но обедать он не стал. Мы пошли играть на улицу. Пережидали ливень в подъезде, бродили по улице босиком. Бежали грязные ручьи. Небо было высоким, чистым, холодным.

И новые воспоминания...

Август и сентябрь сорок пятого — время желтых метелок

травы, ряски в Лефортовских прудах, теплых красных вечеров. Над храмом Сергия в Рогожской скользят и верещат стрижи. На высоком берегу — развалины Андроникова монастыря. Где-то здесь впадал в Яузу ручей Золотой Рожок. (Над светлой струей ручья в Андрониковом монастыре останавливался Дмитрий Донской после битвы на Куликовом поле. Воины пили воду ручья. У Спасского собора монастыря похоронен Рублев.)

...Рядом стучали колеса. Над рельсами струились горячие потоки воздуха. Синие рельсы отражали московское небо. Несколько шагов вдоль полуразрушенной монастырской стены — и вдали возникал Кремль с его пасмурно-розоватыми башнями, тусклыми шатрами, величавой колокольней, зубцами стен и куполами храмов. Высоко взбегал он на холм, отделенный от нас толщей воздуха над низкими крышами. С маковки нашего рогожского холма виден был он то четко и ясно, то размывчато, словно сквозь матовое стекло.

У стен монастыря — разноголосица, звонкие удары по мячу. Мальчишеский футбол. Второй тайм. Играем в разных командах. Вот он, мяч. Еще один бросок — и я ударю по воротам. Он бежит слева, этот мальчик. Я отталкиваю его. Не так уж заметно для других это мое движение плечом и рукой. А судьи нет. И он падает. Стоп. Я особенно внимателен, воспроизводя в памяти именно этот вечер.

Под красноватым солнцем на пыльной траве мы отдыхаем, разговариваем, смеемся, и перед нами линия за линией открываются охваченные закатным пламенем улицы и проспекты. В удивительный час предвечерней ясности на улицах мало людей, редко ходят трамваи, почти нет машин. Город словно отдыхает от великого труда. Так оно и было. Закатный свет окрашивал прошлое и настоящее, и осязаемые нити его тянулись в будущее. И он всегда вспыхивал в памяти, когда я снова, хотя бы только мысленно, приходил туда, на этот удивительный холм с его пыльной травой, несказанным дымным воздухом заводской окраины, с желтыми стенами домов, которые так явственно светились...

Я оттолкнул его не только от мяча. Он исчез из моей памяти. Мы больше не друзья. Да, именно тогда это и случилось, и с того вечера мы не встречались на улице, я несколько раз потом видел его издалека, но не подходил. И он — тоже... Вот какая история произошла с тем мальчиком и со мной.

Почти физически ощущаю этот толчок. Как будто это было сегодня. Не надо бы так! Возникают ассоциации. Андроников монастырь. Щемящая боль. Игра в футбол. Ушедшая дружба. Ассоциации? Ну нет. Не только. Пробив канал в косном времени, вернулась давняя боль. Именно ее чувствую я сердцем. Разве нет? Это не болезнь. С ней я бы справился — трудно, но возможно. Я встречал людей, которые тоже могут это делать — лечить биополем.

Я знаю, как необъяснимое тепло нагревает ладонн. Иногда рука ощущает как будто бы дуновение. Иногда — будто бы искрнвление пространства. Бнополе?.. Впрочем, дело не в названнн. Нужно сконцентрировать волю. Тогда пальцы похожи на магннты, но стрелка компаса при этом бегает все же по другой причине: бнофнзнческое поле и магннтное не одно и то же.

Вернадский пнсал о пространстве-временн живых органнзмов. Именно так. Стонт, пожалуй, перечнтать его перепнску, чтобы лучше понять то, о чем пнсала сестра.

Петля временн... Ведь это август сорок пятого — те двое, с мячом. Снимок тусклый, пожелтевшнй, еще десять-двадцать лет — н время сотрет наши лнца. Как жаль. А сейчас нужно поехать туда. Не принесут радости встречи и намеченные на будущее поездки, еслн в прошлом осталась хоть малая вина.

Немедля! Прнчина — там. На поездку — час. Не более.

...Ветер над Яузой. Морщнт мутную воду, гонит пыль по выщербленному асфальту в сторону Костомаровского моста. Вот он врывается на холм, шелестнт травой Яр точно вздыхает. Затрясся куст под стеной. Снова тншина... Вот оно, то место.

Меня не удивляет, что желання человека, умеющего излучать биополе, нсполняются: я это знаю. Фантастично лишь то, что я так отчетлнво помню Москву сорок пятого... Это почтн реальность — воспомннання о ней. Больше всего на свете я хотел бы увндеть этих ребят. И футбольный мяч у стен монастыря. Мне безразлнчно, как это называется: телепортация, иллюзия или даже путешествне во временн. Это возможно, сестра права. И я смогу... Пора нсправнть ошнбку и донграть матч честно.

Пасмурный день. У монастыря ни души. И трава, трава. Как тогда.

Странный порыв теплого ветра. А трава не шелохнется. Пробился сквозь облака закатный луч. Знакомые мне ожндания несказанного, неповторимого.

Впрочем, вот онн появнлнсь.

Трое, четверо... еще четверо. И тот мальчуган. У него в руках мяч. Я срываюсь с места легко, стремительно. По-мальчишечьи. Передо мной сквер. Справа — предзакатное солнце. Облака вдруг исчезлн. Чистый багряный свет... Третий тайм.

Еще одна запись в дневнике

Необыкновенно стремительный полет над тайгой, в вечернем небе над пеленой облаков яркие, как радуга, полосы — следы заката. Полуявь, полусон, но главное помнится так ясно, что н сейчас вижу глаза ее на фоне распадка с белыми цветамн.

Удивительно это: за восемь часов полета я пересек почти половину земных меридианов. Быть может, для того, чтобы оказаться у них на планете, потребовалось бы времени даже меньше. Пусть так, но я не согласен. Я все же не променяю рейс в город моего детства на гиперпространственный и безвозвратный полет в окрестность Магелланова облака или в любую иную окрестность.

Был ясный день. В долине реки Уптар на россыпях серой гальки цвели заросли кипрея в рост человека. Через полчаса автомобильной езды на взгорье показались знакомые дома, я попросил шофера проехать к бухте по старым улицам, но мы так и не смогли приблизиться к морю. Улочки узкие, с неповторимым обликом: деревянные дома залиты солнцем, за деревянными изгородями — дикие цветы, багульник, ольха.

...Спустился к бухте, разделся, вошел в воду. Начался отлив. Я шел по сверкающим лужам, добрался до большой воды, поплыл. Тело обожгло студеными струями отлива. Нырнул, открыл глаза, рассматривая морских ежей, рыбьи стаи, ватаги раков-отшельников. Вынырнул и поплыл к отвесному обрыву, где у подошвы сопки обнажилась полоса светлого песка. Потом развел костер и грелся, сидя у огня, пока солнце не упало за гористый мыс. И, возвращаясь в город, я вспомнил ее.

Вот как все произошло.

Примерно через час после отлета из Москвы я задремал. Вдруг во сне зародилась необъяснимая тревога, словно кто-то преследовал меня. Я проснулся. В салоне тускло горели крохотные лампочки. Сосед слева спал, накрывшись газетой, и похрапывал во сне. Тревога улетучилась, я нажал кнопку, стюардесса принесла минеральную воду, я поблагодарил ее и откинулся в кресле. Но спать расхотелось. Вдруг я увидел рядом с моим креслом женщину. Она стояла и наблюдала молча за мной. Я встал. На ней было темно-зеленое платье с отложным воротничком и вышитым цветком, похожим на цветок мальвы. Она быстро проговорила, слегка наклонив голову:

— Я думала, ты выше ростом.

— Нет. Я не великан, — улыбнулся я. — Шатен среднего роста, как многие. А ты удивительно хороша собой, сестра... несмотря на возраст. — И тут я разглядел цветок на платье, он был, наверное, живым.

— Ну вот я пришла и увидела тебя, — сказала она с едва уловимой интонацией горечи. — Еще минута, и мы попрощаемся. Хорошо, что многое мы успели сказать в письмах. Я рада, что встретила тебя.

Она приблизила свое лицо, и в этот момент мне навсегда запомнились ее огромные, серые с синевой глаза, где таились готовые вспыхнуть искры.

— Я увижу скоро дом нашего отца, Рэа.

— Я знаю. Береги себя, брат. — Она задержала мою руку

в своей, словно не хотела расставаться. И тихо так сказала:
— Смотри, какие облака...

Я оглянулся, посмотрел в иллюминатор, увидел облака, светившиеся от закатной радуги. Когда обернулся, ее уже не было.

Подошла стюардесса, спросила:

— Кто эта женщина? Почему она была не на месте?

— Она подходила узнать, когда прилетаем.

— Но ее нет в салоне! И на посадке не было.

— Вы что-нибудь слышали о зеленых человечках? — спросил я, вспомнив вдруг, с чего началась переписка.

— Но это выдумка! — воскликнула стюардесса.

— Конечно, выдумка, — согласился я. — И ваша точка зрения мне понятна. Лично я, правда, иногда думаю иначе. Сейчас, например, когда в иллюминаторе видна вон та неяркая звездочка, на которую можно и не обратить внимания. Кто знает, что за миры откроются нам когда-нибудь. Но только тогда, не раньше, мы с вами увидим снова женщину в зеленом платье с цветком мальвы..

...А воображение мое очертило круг, и в нем оказались моря и океаны — воды их бороздили корабли с тугими звенящими парусами. Круг расширился. По лону земли, по белым пескам, среди тридцати зеленых хребтов шумели семьдесят семь играющих рек.

И девяносто девять рек бежали, сливаясь, по красным пескам, среди медно-желтых гор, у янтарных подошв ста семи утесов.

Солнце всходило над первым и вторым мирами. Над обоими мирами в волшебно-прозрачной выси плыл сверкающий воздушный фрегат. Внизу, пересекая ленты ста семидесяти шести рек, накрывая загривки хребтов, бежала его тень.

И возникли слова:

«С тобой мы шли, и ночь была все краше, и свет гнал тьму, и стало людно вдруг. И тень шагнула в человечий круг, и понял я, что имя ей — Бесстрашье».

ИГОРЬ МАРТЬЯНОВ

ИХ ПОГУБИЛА ЛУНА!

После обеденного перерыва в наш отдел зашел ответственный секретарь редакции Костя Ледков и сказал:

— Старик, выручай. В областном музее открылась новая экспозиция о службе быта города. Шеф распорядился дать тридцать строчек в номер. Послать больше некого...

Я с досадой отложил начатый очерк и отправился выполнять это не очень-то престижное журналистское задание.

В музее было, как всегда, немноголюдно. Я быстро заполнил блокнот нужными сведениями и уже собрался уходить, как увидел группу школьников во главе с молоденькой учительницей. Юные экскурсанты направлялись в зал, где рассказывалось о прошлом нашей Земли. Что-то заставило меня последовать за ними, тем более что не был я в этом зале с детских лет. Ребята с интересом стали рассматривать музейные экспонаты, в том числе изображения вымерших древних животных, шумно обмениваться впечатлениями.

— Дети, тише, — сказала учительница. — Здесь вы видите, как выглядели пресмыкающиеся, населявшие нашу планету около двухсот миллионов лет назад. Вот здесь изображение игуанодона, внешне напоминающего кенгуру. Ходил он на задних ногах и лишь изредка касался земли передними короткими конечностями. Высота этого динозавра была около четырех, а длина — до десяти метров. Питался он в основном растительностью. А рядом настоящий гигант животного мира — бронтозавр, достигавший длины двадцати пяти метров. Передвигался он уже с помощью четырех ног...

Учительница продолжала свой рассказ, и я поймал себя на том, что слушаю ее объяснения с не меньшим интересом, чем школьники.

Вскоре посыпались вопросы. Одна из девочек спросила, почему все эти гиганты не дожили до наших дней.

— На этот счет, ребята, выдвинуто немало гипотез, — ответила учительница. — Тут и резкое изменение среды обитания, и солнечная радиация, и многое другое. Но к окончательному твердому выводу о том, что погубило динозавров, ученые пока не пришли.

— Ерунда, их погубила Луна, — вдруг услышал я за спиной чей-то тихий голос. Обернувшись, увидел служителя музея — пожилого худощавого человека. Его реплика показалась мне неуместной и странной, и я не сдержал саркастической улыбки.

— Вижу, не верите? Что ж, ваше дело, — обидчиво сказал он.

— Простите, я не специалист по ископаемым животным, однако в ваше утверждение трудно поверить даже дилетанту.

— Вот, вот... И многие другие не верят. А я все же остаюсь при своем мнении, — проворчал старик.

Мне не захотелось с этим чудаком спорить, тем более что надо было спешить в редакцию. Поэтому, уходя, я назидательно произнес:

— Верят, папаша, только в те гипотезы, которые имеют хотя бы какие-то доказательства!

— У меня есть такие доказательства! — крикнул мне вслед старик.

Как ни странно, но этот музейный служитель несколько дней не выходил у меня из головы. Кто он? Непризнанный гений?

Фантазер? Психопат?.. Наконец, чтобы не мучить себя догадками, я решил позвонить директору музея Лидии Георгиевне, с которой был немножко знаком.

— Вы про Порфирия Игнатьевича спрашиваете? — отозвалась она. — Ну что могу я о нем сказать? Пенсионер, бывший учитель зоологии... Да, на первый взгляд немножко чудаковат, увлечен какими-то исследованиями, кажется, из области астрономии. В общем, человек своеобразный, но к служебным обязанностям относится добросовестно, а это для нас главное. Я бы советовала вам самим с ним познакомиться...

«В самом деле, почему бы и не познакомиться? — подумал я. — В молодости я тоже увлекался астрономией, задумывался над тайнами Вселенной. И даже пытался писать научно-фантастические рассказы».

И вот однажды вечером, узнав адрес этого человека, я отправился к нему на квартиру, не зная, насколько доброжелательно он отнесется к моему незваному визиту. Но все опасения оказались напрасными. Бывший учитель зоологии меня сразу узнал и оживился.

— А, Фома неверующий!.. Какими судьбами, чем обязан?

Я объяснил, что заинтересовался его «Лунной гипотезой». На лице старика появилась радостная улыбка:

— Что ж, я с удовольствием вам ее изложу. Только посидите немножко, у меня ужин доваривается.

Пока Порфирий Игнатьевич заканчивал на кухне свои кулинарные дела, я успел оглядеть его небольшую комнату. Все в ней свидетельствовало, что проживает здесь одинокий мужчина. Бросалось в глаза обилие книг и журналов, разложенных в беспорядке, где только можно. На шкафу я заметил небольшой телескоп и какие-то непонятные приборы. А на стенах висело несколько уже изрядно выцветших акварельных пейзажей, видимо, сделанных хозяином квартиры много лет назад.

— Ну вот, теперь я весь в вашем распоряжении, — сказал Порфирий Игнатьевич, минут через пять вернувшись из кухни. — Только представьтесь, пожалуйста.

Я назвал себя, добавив, что имею техническое образование.

— Очень хорошо, значит, мы лучше поймем друг друга! Итак, вам непонятно, как наша романтическая Селена, на которой помешались поэты и влюбленные, могла погубить динозавров? Действительно, на первый взгляд такое утверждение звучит странно, особенно для человека, мало знакомого с далеким прошлым нашей Земли.

— Да, я, пожалуй, отношусь именно к таким людям.

— Ну ничего, — отозвался старик. — Сейчас мы мысленно отправимся с вами в глубь веков, в далекую мезозойскую эру. На нашей планете к этому времени создались очень благоприятные условия для развития животного и растительного мира. Вслед за рыбами и земноводными, в триасовом периоде появи-

лись пресмыкающиеся. Наша планета вращалась в то время в иесколько раз быстрее, что способствовало испаряемости древиего океаиа. Частые мощиые ливии создавали миожество озер и болот, буйиая растительиость покрывала всю сушу и мелководья. К небу тяиулись причудливые кроиы громадиых деревьев — хвощей, каламитов, сингиляриев и других.

Цеитробежиый эффект, умеиьшавший силу земиого притяжеиия, особеиио на экваторе и прилегающих к иему широтах, иакладывал отпечаток на развитие не только растительиого, а и животиого мира. Природа могла позволить себе создать таких гигаитов, как броитозавры, стегозавры и прочие звери, а также летающие ящеры. Несмотря иа огромиый вес, передвигаться по земле и летать им было сравительно легко.

— Но причем здесь все-таки Луна? — перебил я.

— Не спешите, дойдем и до иее, — отозвался мой собеседиик. И продолжал: — Наша старушка Земля обращалась в то время вокруг Солица в гордом одииочестве. Лишь изредка сближалась оиа иа расстояиие всего нескольких миллиоиов километров с небольшой бледио-желтой плаиеткой. И каждый раз оии воздействовали друг иа друга своим тяготением. Особеино заметио от таких встреч измеиялась орбита малой плаиеты. И в коице концов оиа вынуждена была превратиться в спутиицу иашей Земли. Это случилось где-то в коице мезозойской эры...

— Да, существует такая гипотеза, — отозвался я. — Но все же каким образом, став спутииком Земли, Луиа погубила древиих великаиов?

— Сейчас все поймете, — сказал Порфирий Игиатьевич. — До этого «брачиого союза» Земля вращалась быстро и довольно равиомерио, а ее жидкое ядро было зиачительио больше. И вот, когда оиа обзавелась Луной, в ее иедрах и водах возиикли мощиые приливные явлеиия. Оии стали тормозить вращеиие, вызывать разломы в твердой коре. В результате возиикли сильные землетрясеиия, заговорили тысячи иовых вулкаиов. Потоки раскалеииой лавы и ядовитые газы уиичтожали все живое. А небо заволокли плотиые чериые тучи из дыма и пепла, сквозь которые трудно было пробиться солиечиым лучам. Вот что иаделала эта земная спутиица!

Порфирий Игиатьевич иемиого передохиул и продолжал:

— А иаша Земля все замедляла свое вращеиие, и в довершеиие прочих бед уцелевшим гигаитам все трудиее стаиовилось передвигаться. Их тела, конечности и весь оргаиизм ие был приспособлеи ко все увеличивающемуся земиому притяжеиию. Все это, вместе взятое, и послужило причииой резких измеиеиий в животиом и растительном мире.

— Но почему же в дальиейшем Луиа стала такой безобидной?

— Так ли уж безобидиой? — возразил хозяии квартиры. —

Уже давно замечено, что землетрясения чаще всего случаются в дни новолуний и полнолуний, особенно если Луна в это время оказывается вблизи перигея. И сейчас она тормозит вращение нашей Земли, но очень медленно. А в то далекое время процесс торможения шел значительно активнее.

— Почему вы так считаете? — спросил я.

— Для этого существовал ряд причин, — ответил старик. — Во-первых, жидкое ядро нашей планеты было больше. Во-вторых, оно еще не «притерлось» к твердой коре. В-третьих, сама Земля вращалась быстрее. Ну и, в-четвертых, расстояние до Луны было тогда меньше, что очень существенно. Вас это убеждает?

— Не совсем, — признался я. — Скажите, «в-четвертых» — лишь предположение?

— Не только предположение. Это почти точно доказано. В частности, на основании многолетних наблюдений и изучений лунных затмений. Некоторые из ученых подозревают, что продолжающееся медленное удаление от нас Луны вызвано постепенным уменьшением гравитационной постоянной. Впрочем, для нас с вами важна не причина, а следствие!

— И все же, как мне кажется, в настоящее время «взаимоотношения» двух космических тел почти нормализовались и стабилизировались, — заметил я.

— Да, почти так. Земля сейчас вращается достаточо равномерно, крупных катаклизмов не происходит. А животные и растения в своих размерах приспособились к существующей силе тяжести и не превышают разумных размеров.

— А вы знаете, — вспомнил я, — еще Эдуард Константинови Циолковский говорил о том, что размеры людей и всех других существ зависят от силы тяжести.

— К этому же выводу пришел в свое время и Галилей, — отозвался Порфирий Игнатьевич. — Природа — искусный конструктор, у нее все, до мелочей, точно рассчитано.

Некоторое время мы сидели молча. Музейный служитель ждал, видимо, оценки своей гипотезы, а я напрягал ум, пытаясь найти в ней уязвимые места. Но тщетно, все казалось допустимым, логичным.

— Почему же вы публично не выступите с этой интересной теорией? — спросил я.

Хозяин квартиры слабо махнул рукой:

— Где уж мне, старому дилетанту, вступать в дискуссии со светилами науки! К тому же эта теория разработана лишь в общих чертах и еще недостаточно аргументирована.

— И все же она интересна во многих деталях. А что, если я сам попытаюсь о ней написать?

Старик немного подумал, затем сказал:
— Что ж, пишите. Только не указывайте моей фамилии.
...И я выполнил эту скромную просьбу Порфирия Игнатьевича.

ЛЮДМИЛА ОВСЯННИКОВА

МАШИНА СЧАСТЬЯ

День наступил. Обычный, рабочий. Солнце холодное, меднолобое. Как-то грустно. Я всю дорогу не могу понять почему?
— Вы что, машин не боитесь? — прохожий за рукав придержал: — Так и несчастью быть недолго.
Машина — счастье.
Машина — несчастье.
Слова соединились и зазвучали. Машина счастья есть, живет рядом.
Вчера дом засыпал постепенно. Сначала замолкли дети, потом перестали стучать каблучки, шаркать подошвы и, наконец, остался лифт — один как перст на весь дом.
Я лежала и слушала его. Он где-то внизу выжидающе звякал железом, потом мерно пыхтел по этажам, и вдруг ахала дверь и оживали шаги. Машина счастья кого-то привезла.
Я никак не могла согреться и поэтому не засыпала.
Где же ты? Где же твои шаги? Машина счастья, привези мне их, ну, пожалуйста!
И в ответ опять звякало железо, опять постукивало сердце машины, и, шумно вздохнув, она останавливалась на моем этаже. Широко распахивалась дверь. Нет, шаги не твои, замерли около чужой квартиры.
А машина уже летела вниз к земле, к траве и деревьям. «Я лечу на землю! Кто со мной? Торопитесь! Я сейчас полечу обратно вверх, высоко, далеко, до Луны и обратно».
И ты вошел в лифт, тебя уговорила машина, ты забыл, что не так высоко, как Луна, всего на 6-м этаже живем мы с Сережкой и очень давно ждем тебя.
Ты пролетел мимо, не заметив, что мы не погасили в кухне свет и завернули картошку в одеяло.
Что ж, машина счастья не может привозить счастье всем сразу — у нее слишком слабые плечи и маленькая кабина, а счастье, наверное, большой и тяжелый груз.
Ты летел и летел, а я смотрела из окна, не вставая с постели.
Вот ты уже подлетел к Луне, вот скрылся за ее блестящим лбом.

Солнце разбудило меня, потом Сережку.

— А папа не приехал?

И пока я думала, рассказать ли ему про машину счастья, он спросил:

— Может быть, он нас разлюбил?

— Да, — вздохнула я, — он улетел в машине счастья.

— Мама, но его машина называется космической ракетой, и ты всегда плачешь, когда он улетает. Даже когда он совсем близко — только на Луне, ты за него боишься, как будто он такой же маленький, как я. Это не машина счастья.

Сережка опустил голову, прикрыл глаза и вдруг крепко-крепко их зажмурил и даже сжал кулачки.

— Я вижу, вижу: папа сидит на корточках в своем белом скафандре, пересыпает красный песок, вот он поднял блестящий камушек, отряхивает перчатки, кладет — смотри, смотри, мама!

Может быть, уже все перемешалось в нашем мире — папы-космонавты, ясновидящие дети, машины, которые соединяют этажи, города и планеты. И только все дальше разбегаются сердца. Одному нужен грохот реактивного двигателя и консервный воздух скафандра, другому пока только лунный камушек в коллекцию, а мне?

Резко зазвенел колокольчик у двери. Лифт все-таки указал перстом на нашу квартиру. Я пробежала по короткому коридору, как будто взлетела на Карадаг. Голубой фирменный бланк радиограммы с Лунодрома: «Извини, что улетел не попрощавшись. Буду через неделю. Полетим все вместе отпуск Черное море. Целую всегда ваш земной человек». А машина счастья уже пыхтела внизу, снова кого-то впускала в тесную кабину. Сережка прижался и почти твоим голосом сказал: «Не нужно мне камней ни с Луны, ни с Марса — у Черного моря столько разноцветных камушков! Хватит на все коллекции».

ЮРИЙ МОИСЕЕВ

ПРАВО НА ГИПЕРБОЛУ

— Господи, твоя воля, еще одного привезли! — с досадой воскликнул дежурный поста Эмоциональной службы № 987, откладывая в сторону любимую газету «Вечерний звон» и прислушиваясь к невнятным возгласам и возне в коридоре. Дверь распахнулась, и на середину комнаты, явно за счет милосердно сообщенного ему ускорения, стремительно вылетел немолодой грузный мужчина с выпуклыми глазами, перекошенными склеротической яростью, и деликатным чубчиком, сбившимся с определенного судьбой места.

— Возмутительно! — кинул он дежурному, отдуваясь. — Не успел я в своей речи употребить всего три эпитета и одну гиперболу, как ваши сотрудники стащили меня с трибуны. Это неслыханный произвол!

— Вы продолжаете преувеличивать, — хмуро сказал дежурный, подавая задержанному упавшую шапку.

— Профессор международного права Фильдекосов, — представился арестованный и, слегка наклонившись, доверительно добавил: — В отставке.

— Капитан Иванов.

— Очень приятно! — с автоматизмом воспитывавшихся людей в один голос проговорили они и приступили к делу: один — обвинять и не верить ни одному слову задержанного, а другой — оправдываться и доказывать свою правоту, зная, что ни одному его слову не поверят.

— Вы должны были бы, профессор, подавать пример другим гражданам, будучи юристом... гм... в отставке, а вы сами нарушаете.

— Капитан, это сплошное недоразумение. Ну посудите сами. Всего три эпитета и одна гипербола! Кому они могли принести ущерб?

— Он ничего не понимает! — возмущенно воскликнул один из сопровождавших. — Надо заставить его пересдавать права на публичное выступление.

— Спокойно, сержант Петров. Я уважаю ваше профессиональное право на волнение, но им не следует злоупотреблять. Доложите обстоятельства дела.

— Слушаюсь, капитан! — вытянулся тот. — Во время юбилейного торжества в честь академика Пташечкина задержанный употребил следующие выражения... Одну минуту... — Сержант начал поспешно перелистывать записную книжку.

— Не трудитесь, — брюзгливо буркнул задержанный. — Я употребил, говоря о роли академика Пташечкина, слова «гениальный», «талантливый», «эпохальный» и гиперболу «корифей мировой науки».

— Вы совершили большое преступление, — грозно вымолвил капитан, даже побледнев от негодования.

— Я понимаю, — уныло ответил Фильдекосов, — и признаю, что бессовестно солгал во всех четырех случаях. Но полагаю, смягчающим обстоятельством можно считать то, что я выступал перед коллегами, которые, разумеется, не поверили ни одному моему слову, уважительно промолчав из вполне понятной профессиональный солидарности. Пусть даже и неверно истолкованной, — жалобно добавил он, поняв по глазам капитана, что его аргументация неубедительна.

— Да, но там были и студенты, — вставил сержант.

— Это возмутительно в конце концов! — Профессор вскочил со стула и яростно накинулся на оторопевшего сержанта. —

Как вам не стыдно, молодой человек, — кричал он, потрясая кулаками, — говорить о том, о чем вы не имеете совершенно никакого представления! — Он неожиданно зарыдал. Глотая слезы вместе с водой из стакана, который поспешно подал ему капитан. Профессор бормотал: — Вы думаете, почему я вышел в отставку? Почитайте-ка с мое лекции современным молодым людям. Как я ни воздерживался от эпитетов, гипербол и других украшений речи...

— Попрошу не забываться! — строго одернул его капитан.

— Простите, я оговорился. Как ни старался, я невольно время от времени переходил установленные границы. Если на Ученом Совете меня критиковали довольно снисходительно, то студенты не прощали. Когда я смотрел с кафедры на всех этих молокососов, я видел в них своих судей, беспощадных судей. Они переставали верить в то, что я говорил. Я видел в их глазах ледяное недоверие, безжалостное презрение, в лучшем случае, безразличие. Поэтому я решил вовремя устраниться.

— Но неужели вы не признаете внутреннюю логику и справедливость законов о публичных выступлениях?

— Да, признаю, но только умом, а сердцем не могу — это сильнее меня.

— В таком случае я вынужден настоятельно рекомендовать вам воздерживаться от каких бы то ни было трибун. Это ваш первый привод в Эмоциональную службу?

— Да, первый, — пробормотал профессор.

— Прекрасно, но чтобы он был и последним, я обязан вновь ознакомить вас с Законом о публичных выступлениях. Располагайтесь поудобнее и прошу быть внимательным.

Настоящий Закон, — почти наизусть начал капитан, расхаживая по комнате, — принят Советом Мира и распространяется на все континенты и острова, на все города и поселения Земли, за исключением вновь осваиваемых, особо опасных планет.

История нашей цивилизации с совершенно беспощадной убедительностью доказывает опасность каких бы-то ни было преувеличений, каких бы то ни было даже самых малейших отступлений от правды. Иногда говорят, что у каждого народа, каждого человека, каждого века — своя правда. Это тяжкое заблуждение.

Есть правда человека свободно жить, свободно верить и свободно высказывать свои сомнения, если это не угрожает непосредственной гибелью жизни и достоинству другого человека. И свобода и правда неразделимы.

Самое опасное и для общества в целом, и для отдельного человека — фанатически, не рассуждая, уверовать в какую-то доктрину, какой бы привлекательной она ни казалась. В кровавых войнах, через которые прошло человечество, погибли миллионы людей, защищая, как правило, совершенно вздорные

идеи. Погибли потому, что находилнсь почти под гнпиотическим влиянием фанатиков — самых гиусных существ, когда-лнбо иаселявшнх Землю.

На первых стаднях многих всепланетных трагедий зловещую роль играли и публичные выступления фанатиков, как устные, так н печатиые. Мелодраматнческое преувелнчеине одних и трусливое умолчание о других фактах смещало реальную оценку любого события. И благородство нли низость конечиых целей ие имелн никакого зиачення. Отступленне от правды делало ннзкую цель еще более преступной, благородная же цель становилась преступной. И так называемое едниомыслие, которое достигалось в результате обмана, — не больше, чем мираж, вызванный страхом, апатней илн же массовым психозом. Там, где начнналась тайна, начиналась ложь. Там, где начиналась ложь, начиналось преступлеине. Это едииственная непреложная правда, выстраданная многими поколеииямн людей.

Человек драгоценен своей иидивидуальиостью, своим бесконечно индивидуальиым опытом, драгоцеиен тем, чем он отлнчается от других людей. Еслн же он такой, как другие, то он простое повтореине. И тогда — зачем ои ? Прнчем это не простое повторенне, а возможное ослаблеиие человечества, умеиьшение его шаисов, если не победить, то выстоять в потеициальном столкновении с гнпотетнческой ниоплаиетной сверхцнвилнзацней. Эта проблема, вероятнее всего, окажется статистической, а нтог мы можем узиать слишком поздно для нас, землян.

Кроме того, понскн одиномышлеииков, потребность в обращении ниакомыслящих — это иедостойиая слабость, и, если это носнт слншком иастойчивый характер, несомненный признак ущербности пснхики. И цивилнзованное общество обязано всемн силами бороться с этим. Наша цивнлизация — союз гордых, снльиых, свободиых, разиых рас. Каждая раса — союз гордых, сильиых, свободиых, разиых людей.

Человека сделало человеком Слово — Мысль, которой он впервые обменялся с другнм человеком. С этой точки зрения Слово — величайшее благо. Но оно может стать и величайшнм злом. Поэтому обращение к эмоцноиальиому мнру человека иеобходнмо поставнть под контроль общества, чтобы исключить нарушеиие закоиов разума.

Исходя из этнх предпосылок Совет Мнра постановляет:

— счнтать преступленнем против человечности возбуждеине иеуправляемых эмоций как в больших массах людей, так и у отдельиого человека;

— обязать ораторов выступать спокойно и аргументированио;

— запретнть употребленне в речах троп: эпитетов, гипербол, метафор н т. д.;

— ввести пернодnческне экзамены иа право публичных выступлений.

Капитан устало провел ладонью по лицу, словно смахивая накопившееся раздражение, остановился перед сидящим в унынии профессором и негромко спросил:

— Достаточно убедительны для вас, достаточно доказательны положения этого Закона?

— Разумеется, да! — поспешно откликнулся тот.

Капитан в раздумье смотрел на него и медленно, словно размышляя вслух, сказал:

— А как вы полагаете, профессор, насколько справедливо соображение о том, что обращение к эмоциональному миру человека всегда означает своеобразное признание в бедности, недостаточности логических аргументов? Ведь можно было бы предположить в качестве рабочей гипотезы, что эмоции просто выполняют роль фона, который придает особую достоверность точным фактам? Какой-то писатель прошлого задорно утверждал, например, что правда для вящей убедительности должна быть сдобрена известной порцией лжи.

Профессор с опаской, исподлобья взглянул на капитана, помялся и наконец решился:

— Мне всегда казалось, заметьте, я не утверждаю этого, что разум человека далеко не всегда может принять доводы логики, самые стройные и обоснованные выводы. Для этого нужно, чтобы человек находился в определенном настроении, которое можно вызвать, обратившись к его сердцу.

— Но ведь это означает, что в принципе возможно возникновение атмосферы, когда человек примет совершенно алогичные доводы и уверует в самые вздорные вымыслы.

— Трудно надеяться на безошибочный труд. Как говорили древние, путь к звездам лежит через тернии.

— Над вами, профессор, странную для нашего времени власть имеют все эти так называемые крылатые мысли. Вам не кажется, что эти расхожие стандарты — это шоры, подсказка, догматы веры, стремление навязать будущему рецепты прошлого. А ведь недаром потерпела такой сокрушительный крах старая система образования, когда школьников накачивали фактами, вместо того чтобы научить мыслить самостоятельно, научить у ч и т ь с я.

— Да, но учиться можно только на основе прошлого опыта.

— И в значительной мере только опыту прошлого, — мягко сказал капитан. — Но вернемся к юбилею академика Пташечкина. Скажите, откуда возникает это настойчивое стремление к драматическим преувеличениям? Человек честно, творчески работал в избранной им области науки, прожил интересную жизнь, но приходит его юбилей, и просто уму непостижимо, что говорится о его гениальности, одержимости, некой, видите ли, самоотверженности, бесконечной жертвенности, прямо-таки патологическом альтруизме. Не кажется ли вам, профессор, что это даже не очень тонкая форма проверки человека на устойчи-

вость к бессовестной лести, что это практически унижение человека?

— Мне ваша аргументация, капитан, представляется чересчур парадоксальной, и простите, несущей немалый заряд эмоциональности, которую ваша служба пытается как беса изгнать из человека.

— Что ж, пожалуй, — нехотя улыбнулся капитан, — но это уж издержки профессии.

Их прервал настойчивый стук в дверь. На пороге появился величественный даже не старик, а именно старец, с седыми, ударяющими в желтизну кудрями до плеч и горделиво возносящейся над бренностью мира лопатообразной бородищей. Вид его был бы вполне респектабелен, если бы не красноречивые лица двух патрульных, которые ввели старца в приемную, и некоторая небрежность в его туалете — по-видимому, следы избыточной независимости при задержании.

Профессор в растерянности поднялся и еле вымолвил:

— Академик Пташечкин? Вы?..

— Капитан, — начал один из патрульных, — академик Пташечкин в ответной речи на своем юбилее, продолжавшейся сорок пять минут, не только с видимым удовлетворением принял преувеличенные славословия в свой адрес, но и выразил явную готовность дополнить своих коллег. В частности, он сказал...

Капитан остановил его досадливым жестом и, со вздохом взглянув на отложенную газету, предложил задержанным сесть, раскрыл брошюру с текстом Закона и монотонно начал:

— Настоящий Закон принят Советом Мира и распространяется на все континенты и острова, на все города и поселения Земли, за исключением вновь осваиваемых, особо опасных планет...

ЭРНЕСТ МАРИНИН

ПОСЛЕЗАВТРАШНИЕ ХЛОПОТЫ

В восемнадцать тридцать двери НИИФПа захлопнулись за Шустеровым. В ушах еще звучали оскорбительно-вежливые голоса лощеных профессоров и наглые реплики из зала. Он не помнил, как спустился по мраморным ступеням, как прошел вдоль стриженых кустов и пересек улицу. Перед глазами что-то блеснуло, он остановился и, прикрыв глаза, продолжал считать про себя — уже третью тысячу.

—Ну что, решитесь вы наконец? — прозвучало над ухом.

— Что, простите? — не понял он.

— Я говорю: решитесь вы наконец войти в это прибежище побежденных и смирившихся?

Шустеров растерянно огляделся и понял, что стоит перед витриной магазина. Рядом приветливо улыбался незнакомец — тощий, длинный, с ехидным хрящеватым носом и растянутым до ушей тонкогубым ртом. Шустеров подумал и кивнул.

— Ну и умница, — незнакомец уже сводил его по деревянным ступенькам в прохладу подвальчика. — Так, одному вам никак нельзя, надо только вдвоем. А сколько? Целую? Вы не подготовлены, и мне не хочется, третьего нам не дано, да и не нужен он вовсе, давайте рублевочку, вот, ласточка, нам маленькую, дай тебе бог хорошего мужа, вроде меня, спасибо... Ну пошли, пошли, что вы стоите на дороге, люди торопятся, вот-вот закроют, да покрепче держите свой рулон, побежали, пока машин нет, теперь вот сюда, я сам за кустик лавочку уволок, а теперь сели, вот и славно...

Незнакомец откинулся на спинку садовой скамьи, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, оттянул небрежный узел потертого галстука. Сморщил нос под мягкими лучами вечернего солнца.

— Да не стесняйтесь, отколупывайте жестяночку, сумеете ведь, вас, кстати, как? Лев Иванович? Славно, люблю, когда имя осмысленное, сам я вот Александр, что означает «защитник мужей», неплохо, верно? А по отчеству — Филиппович, но не Македонский, а просто так... Ну что вы сидите, пейте уж, не стесняйтесь, ну обделите меня, господи, вам же нужней... Вот и молодец!

Шустеров передал ему чекушку, выдохнул и обтер губы. Александр Филиппович ловко выхватил из кармана пиджака сырок «Волна» и сунул Шустерову в руку.

— Жуйте, жуйте. Мне не надо, чтоб вы захмелели, мне с вами разговаривать хочется. Думаете, я зачем к вам пристал? Чтоб поговорить. Я человек одинокий, холостяк, а знакомые все женатики, обремененные, у них времени на дружескую беседу нет, а мне она единственная радость, я вас и подловил. — Он хлебнул из горлышка, смешно скривился, потянул носом воздух, отломил уголок сырка.

— И о чем мы будем говорить, Александр Филиппович?

— Говорить? А сначала я буду вас вычислять, это моя любимая игра. Ну-ка... Ага. Так-так. Ну, с вами все ясно. В общем, вы попали на черную полоску и пошли вдоль.

— Как это?

— Да что вы, в самом деле... Ну, жизнь — она ведь как зебра: белая полоска, черная, белая, черная...

— И верно тогда, — невесело усмехнулся Шустеров.

— Значит, так. Во-первых, от вас ушла жена — не умерла, вы тогда не сняли бы кольцо, только на другой палец... а вы сняли, вон полоска незагорелая. Во-вторых, слава богу, что ушла, вам давно ее надо было выгнать, что это за жена, если мужик сам пуговицы пришивает? Не любила? Нет, раньше лю-

била, вы б иначе не женились, не то лицо у вас... Разлюбила. А почему? Лицо незагорелое, под глазами круги — гуляете мало, значит, много сидите, значит, ей внимания не хватало... Над чем же сидите? Рулон... Вышли из института физических проблем, а рулон с собой. Значит, не тамошний, гость. Докладывали, значит, а они это... долбанули. А что ж вы докладывали? Диссертацию? Вряд ли, папка больно толста, у физиков таких толстых диссертаций не бывает... Погодите-ка... на среднем пальце правой руки вмятина, в кармане чешская цанга... э-э, брат, да вы вообще дикий — что, проектировщик?

— Конструктор, — признался Шустеров.

— Ну что-о вы, Лев Иванович, в самом деле, что вы туда полезли? Нынешняя физика — она не для любителей, там с образным мышлением делать нечего, а математику вы ведь так себе?..

Шустеров сцепил зубы. Сегодня ему это хорошо дали понять.

— А не расстраивайтесь, плюньте. Математика — это что? Это азбука для слепых. Нет у человека образного мышления, не может зажмуриться и увидеть, ну и начинает выписывать формулы, там-то видеть не надо, там ведь по правилам: возьми здесь, подставь сюда, перенеси в левую часть, преобразуй, теперь считай восемь лет, а потом уж можешь сесть, построить график и увидеть. Вся математика — чтоб описать значками, чего глазом не видишь. Не представляешь сил — сочиняй векторы, кривую нюхом не чуешь — бери производные, анализируй. И вообще все это подстроили шпионы кибернетических миров: роботы пространственного воображения не имеют, им цифирь подавай, вот они исподволь и приспособили этот мир, чтоб на цифирьке держался, чтоб им легче вползти — а потом оккупировать и узурпировать... Вы ведь и сами небось считали, где-то бутылки совали, чтоб пустили на большую машину, фортран этот нелепый зубрили — было дело?

Шустеров оторопело кивнул. У него начинала кружиться голова — не то от водки, не то от необычного собеседника.

— Стоп, Лев Иваныч, вы меня уже насчет психопатии оцениваете?

Шустеров подумал и искренне удивился:

— Слушайте, а ведь верно пора, а я еще и не подумал!

— И не надо, потому что я вовсе не псих, просто немножко не такой — но ведь это не значит ненормальный, а? Что такое норма? Так, как большинство? Или как немногие, но лучшие? Не усмехайтесь, скромность тут ни при чем, нужно просто трезво оценивать ситуацию. К примеру, я не умею ходить по ступенькам — ненормальный, да? А может, я летать умею — так зачем мне ходить по ступенькам? Вы не умеете орудовать математикой — ненормальный? А зачем вам, если вы просто видите? Кстати, а что вы там такое увидели?

— Как мне объяснили — привидение, — вздохнул Шустеров.

— Чудесно! Восьмой год мечтаю увидеть привидение, и не выходит. Ну а конкретнее?

— Непротиворечивую модель стационарной Вселенной.

Александр Филиппович задрал брови и приоткрыл рот. Потом вздохнул и сказал:

— Ладно, гордыня так же нелепа, как и скромность. Кто-то умный сказал, что порядочный ученый должен уметь объяснить свою теорию пятилетнему ребенку. Допустим, я ребенок — объясняйте.

Шустеров потянулся было к рулону, за плакатами, но Александр Филиппович скривился:

— Да ну их, лучше так, на пальцах. Мне надо, чтоб картинка на глазах прорисовывалась.

— Ладно, — согласился Шустеров и полез в карман за сигаретой. Затянулся. — Есть на свете три гадких явления: парадокс Ольберса, красное смещение и реликтовый фон.

Александр Филиппович кивнул и сказал:

— А мне очень не нравится хабеас корпус и трирарка в сито.

— Это еще что? — захлопал глазами Шустеров.

— Понятия не имею, — признался Александр Филиппович. — Потому и раздражает. Ладно, так что там с вашими гадостями?

— По порядку. Парадокс Ольберса: почему ночью небо черное? Само собой, потому что темно. А почему темно? Ведь если Вселенная бесконечна в пространстве, звезд в ней примерно поровну во все стороны, и хоть они далеко и каждая дает мало света, но их много — и потому все небо должно светиться как Солнце. А оно не светится. Вы скажете: а космическая пыль?

— Скажу, — согласился Александр Филиппович. — Это очень в моем характере — сказать о космической пыли.

— Так вот: если бы ее было столько, чтобы заслонять свет, она бы сама нагрелась и светилась. А она не светится. Что ж выходит — Вселенная не бесконечна в пространстве? Или во времени? Да, говорят о н и.

— Судя по вашему тону, — осторожно вмешался Александр Филиппович, — они — это все, кто думает не так, как мы с вами.

— А вы думаете так, как я, правда? — обрадовался Шустеров.

— Конечно, как же я могу думать иначе? Раньше я ничего этого не знал и ничего, естественно, не думал. Теперь вы мне рассказываете, я что-то от вас узнаю и начинаю думать так, как вы рассказываете, то есть так, как вы, и никак иначе.

Шустеров рассмеялся и повертел головой.

— Ладно, я потом изложу и их точку зрения, но сперва про красное смещение. В двух словах: линии в спектрах дальних галактик смещены от номинального положения к красному концу спектра. Они и объясняют это эффектом Допплера: мол, галактики удаляются от наблюдателя, то есть от нас с вами, и чем дальше галактика, тем больше скорость удаления. В уголовно-процессуальном кодексе природы это называется законом Хаббла. А если так — что было до того? По арифметике выходит, что десять-двадцать миллиардов лет назад все галактики были в одном месте. Там было тесно и жарко, и называлось это по-простому Первоатомом, а по-умному — точкой сингулярности. А потом грянул Большой Взрыв, в вихрях которого возникли частицы, атомы, звезды, галактики — и разлетелись во все стороны. Кто большую скорость получил при взрыве, улетел дальше, кто меньшую — поближе. В общем, эта теория мне шибко не нравится.

— Я вас понимаю, — отозвался Александр Филиппович.

— Ладно, — сказал Шустеров. — Ладно. У теории Большого Взрыва есть две альтернативы. Во-первых, теория непрерывного творения, согласно которой возникновение вещества во Вселенной идет непрерывно и до сих пор возникают местные уплотнения, которые и распихивают Вселенную. В какой-то мере это сходится с гипотезой Амбарцумяна, который считает ядра активных галактик местом современного звездообразования. Еще подозрительны на этот счет гипотетические белые дыры, хотя, может быть, это одно и то же.

— Наверняка! — сказал Александр Филиппович. — Давайте про третью альтернативу, да простят нам лингвисты такой оборотец.

— Нет, с лингвистикой более-менее, потому что это альтернатива не теории Большого Взрыва, а допплеровскому объяснению красного смещения. Есть такая гипотеза старения фотонов: пока они летят миллионы и миллиарды лет сквозь космос, часть энергии теряется на взаимодействие с электромагнитными и гравитационными полями, что-то рассеивается на пыли и виртуальных...

— О господи! — вздохнул Александр Филиппович.

— ...частицах, — продолжал Шустеров. — А когда фотон теряет энергию, он меняет цвет в сторону покраснения. Понимаете, и никто ведь в принципе не отрицает, что такое возможно: как про черные дыры — так пожалуйста, воздействует гравитация на свет, а как красное смещение — все забыли сразу!

— Это уж просто бестактно, — признал Александр Филиппович.

— Более того, тупо! Жить в мире, где действует второе начало термодинамики, закон неубывания энтропии — и в то же время верить, что возможно движение материального объекта в материальной среде без диссипации энергии — это, из-

вините за грубость, естественнонаучный идеализм и самодовлеющий идиотизм! — Шустеров перевел дух и сердито запыхтел сигаретой.

— Здорово! Что здорово, то здорово! Как сформулировано: самодовлеющий идиотизм! Цицерон!.. Но вообще аргумент серьезный. Вы, я вижу, склоняетесь к гипотезе старения?

— Обязательно! Мало того что она соответствует наиболее общим законам природы, она еще и эстетически привлекательна, потому что не нарушает совершенный космологический принцип! Красное смещение объясняет, парадокс Ольберса тоже: темно, потому что свет от дальних объектов до нас просто не доходит...

— Но вы упоминали еще какую-то третью гадость — как с ней?

— А-а, реликтовый фон, будь он проклят! Они его считают главным доказательством существования в прошлом горячей Вселенной, то есть пресловутого Большого Взрыва! Они как толкуют: мол, в момент взрыва выделилось излучение с температурой десять миллиардов градусов, а потом за десять миллиардов лет оно претерпело мощное красное смещение и теперь соответствует температуре 2,7 Кельвина.

— Ну и как вы выкручиваетесь из этого антикварного фона?

— А-а! Вот тут и начинается самое интересное, так сказать, мой личный вклад...

— Действительно, — согласился Александр Филиппович, — что может быть для нас интереснее, чем наш личный вклад?

— Иронизируете? Как хотите. Могу и не рассказывать.

— Уже не можете. Лопнете, если не расскажете. Валяйте.

Шустеров обиженно помолчал, но потом улыбнулся и сказал:

— Ехидный же вы экземпляр, любезный Александр Филиппович!

— И тем горжусь. Но прошу, продолжайте. Вы распалили мое любопытство, теперь я не успокоюсь, пока не услышу. Будьте милосердны!

— Ладно... Знаете, на американских деньгах написано: «в бога мы верим». Американцы добавляют: «...а остальное наличными». Вот примерно так и у нас получается. Есть у нас бог — Эйнштейн. Мы в него верим парадно и громогласно. Но что же дальше? Или чистой верой и ограничимся? Я попробовал пойти вслед за Эйнштейном и продвинуться еще хотя бы на шаг. Он с чего начал? Принял аксиому, что скорость света постоянна. Отсюда последовал вывод: материальный объект не может перемещаться быстрее света. Но что такое электромагнитные колебания? Это колебания, то есть регулярное движение — в самом широком смысле — чего-то в чем-то. Раз есть ограничение скорости, значит, должно быть и ограничение частоты!

Александр Филиппович присвистнул и мягко улыбнулся.

— Красиво... Очень симпатично вы это придумали, Лев Иванович... И куда же отсюда бежит тропинка милая?

— Вам правда понравилось? — обрадовался Шустеров. И застенчиво признался: — Самому нравится... А дальше вот что: звезда излучает непрерывный спектр. Где-то у него есть максимум, но нам важно, что этот спектр не тянется бесконечно за ультрафиолет и рентген, а где-то кончается: может, на десять в тридцатой герц, а может, еще где, не знаю, да и неважно — кончается, и все. И вот этот свет летит к нам и претерпевает красное смещение — по какой причине, сию минуту неважно. Оранжевые кванты становятся красными, зеленые — желтыми, фиолетовые — синими, невидимые ультрафиолетовые — видимыми фиолетовыми... и так далее. Но! Но не бесконечно, а до победного конца! Важно, что и при самых больших красных смещениях эти кванты-оборотни не будут выныривать из невидимости в видимость бесконечно. Раньше или позже кончатся. Кстати, еще один аспектик к парадоксу Ольберса...

— Бог с ним, с Ольберсом! Где реликтовый фон?

— Сейчас! Раз есть ограничение по частоте, а значит, и по выныриванию, то на достаточно больших расстояниях весь свет рассеется и до нас не дойдет. А что дойдет? Свет от звезд, находящихся внутри сферы конечного радиуса. В виде двух компонентов: то, что осталось после красного смещения, и то, что рассеялось, диссипировало. Вылейте стакан кипятка в ведро ледяной воды — получите ведро воды, нагретой до двух градусов. Вылейте свет звезды в бог знает сколько кубических парсеков космоса — и получите вакуум, нагретый до двух и семи десятых Кельвина. Ваш любимый реликтовый фон.

— Здорово. Элегантно. Эстетически привлекательно. И вы, значит, пришли в НИИФП и им все так и выложили. И что ж о н и?

— Что, во-первых, все это бездоказательно, а те доказательства, что я привожу, не убедительны. Во-вторых, что я не знаю математики и вообще дурак. И в-третьих, даже если все это правда, то как насчет лямбда-члена?

У Александра Филипповича полезли кверху брови. Шустеров поспешил объяснить:

— Эйнштейн, чтобы получить стационарное решение уравнений общей теории относительности, ввел в них так называемый лямбда-член: гипотетическую силу отталкивания, нам пока неизвестную. А о н и не любят признавать, что нам что-то неизвестно! Эйнштейн, чудак, признавал, а эти умники и так обходятся!

— А в самом деле, как насчет лямбда-члена?

— Не знаю! Но скажите: мы все знаем? Все силы нам известны? Я думаю, если на протонах, электронах и всяких там

ли-мезонах живут людишки, то им ни за что не догадаться о гравитации: сильное и слабое взаимодействие знают, электромагнитные силы, а гравитацию — нет, на их уровне она слаба и теряется за более сильными силами. Так что и мы наверняка не знаем каких-то сил, слишком слабых на нашем уровне. А может, просто не догадываемся. Допустим, известная нам часть Вселенной вращается вокруг общего центра — вот вам и отталкивание, обычные центробежные силы. Или еще: а может, галактики имеют электрический заряд? Одинаковый. Он и создает отталкивание. И вообще, не отталкиванию надо искать объяснение, а притяжению — вот где загадка! Дальнодействие проклятое... А-а...

Шустеров махнул рукой и принялся искать спички. Александр Филиппович молча улыбался. И вдруг Шустерову показалось, что улыбается он снисходительно, сразу стало обидно, захотелось уйти. Да кто он такой, ты перед ним душу изливаешь, выношенное-выстраданное выкладываешь, а он улыбается, снисходит! Шустеров сцепил зубы и пробормотал:

— Совсем вас заговорил. Извините. И спасибо за сочувствие. Вы меня, как говорится, поддержали в трудную минуту. А теперь я уже в форме и мне пора. Надо идти работать — что бы там ни говорили академики, как бы кто ни улыбался, все равно — надо работать. — Он встал и начал собираться.

— Нет уж, — строго возразил Александр Филиппович. — Сядьте и не горячитесь. Если вас обидела моя улыбка, приношу самые глубокие извинения. Тем более искренние, что вы ее истолковали совершенно превратно. Улыбался я от удовольствия, очень люблю увлеченных людей, общение с ними доставляет мне радость и эмоциональный комфорт... Ну сколько вам говорить, садитесь, черт подери!

Шустеров растерянно опустился на скамью, не выпуская из рук папки и рулона с плакатами.

— Так вот. По поводу того, что вы мне тут изложили, могу сделать четыре заявления. Первое: мысль о существовании предельной частоты колебаний, по-моему, красива и заслуживает развития. Второе: ваша теория в общем для меня, неспециалиста, менее убедительна, чем допплеровское толкование красного смещения, так как нарушает принцип экономии мышления. Вы привлекаете три гипотезы: старение фотонов, предельная частота, силы отталкивания. Противники обходятся одним фактом: эффектом Допплера. Правда, сам этот принцип что-то доказывает, только пока нет фактов... Третье: скорее всего все эти споры напрасны, и имеют место оба явления — и перемещение галактик, и старение фотонов. Природа-матушка вовсе не экономна и реализует все возможности, не противоречащие ее основным принципам. Четвертое... впрочем, с этим пока повременю. Оставлю на потом с коварными целями: чтоб вас снедало любопытство и вы не порывались уйти...

Он снова улыбался, но теперь эта улыбка больше не казалась Шустерову оскорбительной.

— Ну, Лев Иванович, вы больше не сердитесь? Вот и умница. Давайте лучше закурим.

— Но зачем вам, вы же не курите!

— А побаловаться! — серьезно объяснил Александр Филиппович. — И вот теперь самый главный вопрос: почему вы взялись за эту проблему? Вас что не устраивает: общепринятое толкование или нестационарная Вселенная?

— Хм, — ответил Шустеров, приподняв брови и выпятив нижнюю губу. — А ведь вы правы, именно второе! Не то чтобы не устраивало, скорее не нравится, но причина действительно эмоциональная. Понимаете, — продолжал он доверительно, — теория Большого Взрыва молчаливо допускает некую инициирующую силу. Для краткости назовем ее богом. А мне это не нравится. Правда, закрытая модель Фридмана, то есть пульсирующая Вселенная, не требует бога, но вот она меня уже не устраивает. Потомков жалко, да и себя: стараешься, что-то делаешь в этом мире, как-то его улучшаешь, а он все равно сгорит при ближайшем сжатии Вселенной! Особенно теперь, когда после открытия массы нейтрино многие стали склоняться именно к закрытой модели. Видно, — он слегка улыбнулся, — биология взыграла. Хошь не хошь, а надо бороться за сохранение своего биологического вида на веки вечные. А как его сохранишь, если ему негде будет обретаться?

— Вот мы и добрались до главного. — Александр Филиппович отбросил сигарету и повернулся к Шустерову. — Именно так. Надо бороться. И теперь я могу сделать четвертое заявление. Справедлива именно закрытая модель, и это вызывает весьма серьезную тревогу у Союза Объединенных Человечеств. Настолько серьезную, что мы, эмиссары Союза, были направлены на все населенные планеты...

— Чего-чего? — скривился Шустеров. — О господи...

«Елки-палки, — думал он, — ну что за день! Мало мне было Кривозубова с его сворой, так еще этот маньяк, наш черноземный Адамски! Только зеленых человечков не хватало...»

— Вы совершенно не правы, — сдержанно сказал Александр Филиппович. — Я не имею ничего общего с Кривозубовым, я не маньяк и не шарлатан.

— Александр Филиппович, кончайте цирк. Вы, конечно, сильный телепат, но это вовсе не доказывает, что вы пришелец. Я сам телепат, хотя и не такого уровня.

— Тоже мне телепат! В карты Зенера играется... — Он скривился. — Вот Фома неверующий! Вылавливал его три месяца, а теперь изволь доказывать, что ты не верблюд! Ладно, вы, телепат, принимайте!

И тут в мозгу оторопевшего Шустерова вспыхнули и замелькали невероятные картины, где было красное маленькое солн-

пе в зените, бесконечная оранжевая и малиновая растительность, из которой в совершенном беспорядке торчали округленные углы строений, высокие тощие люди в невиданных одеждах, а то и без них, предметы, возникающие из ничего и шлепающиеся на землю, возможно, экипажи, потому что из них появлялись люди, какие-то невообразимо громадные корпуса, вдруг ночь и звездное небо, наполовину затянутое кисеей Млечного Пути... И сквозь все это пробивалась такая волна ностальгии, что Шустеров поверил.

— Это у вас... там? Откуда вы, Александр Филиппович?

— Да. Это — у нас. Дома... — Он вздохнул и помолчал.

— Ну хорошо... — Шустеров взволнованно дышал. — Да, лучше один раз увидеть! Я верю... Но это так трудно! Вы настолько земной, даже чудачества лишь усиливают убедительность!

— Господи, Лев Иванович, о чем вы... Хороши мы были бы, если б в нас сразу можно было признать чужаков! Что, кино про Штирлица не видели? Разведчик должен быть абсолютно аутентичен...

— Так вы разведчик?

— Уже нет. Теперь я контактер. Вы, конечно, догадываетесь, что, раз я здесь, то мы успели пройти дальше вас. Но ненамного. Знали бы вы, сколько у нас еще консерваторов, до тупости нелепой осторожности! Как вы сказали, самодовлеющий идиотизм... Да мы должны были выйти на контакт еще двадцать лет назад! Страшно подумать, сколько людей погибло от войн и болезней, сколько сил, энергии вы растратили, открывая то, что нам давно известно... Столько времени! Вы могли бы так рвануться вперед! Вот вы хотя бы с вашими изысканиями — это же дикая смесь бреда и гениальных догадок. К вашим мозгам еще б настоящие знания!..

— А что ж вы раньше не установили контакт? Или чужих осчастливить никогда не поздно, успеется?

— У нас тоже не просто, Лев Иванович. Долго спорили. Одни стояли за немедленный контакт, чтоб вовлечь ваш мир в общий процесс познания, овладения и все такое прочее. А другие категорически возражали: какой контакт, дикари, чудовищная диспропорция между техникой и обществом, империалисты, неофашисты, феодалов как собак нерезаных — и все размахивают ядерными бомбами! Ну кому охота связываться с такими, знания им дарить, тащить силком в нормальную жизнь, к делу приставлять? Да пропади вы пропадом, наведете дома порядок — тогда можно и за общие дела браться. Вот такое мнение возобладало, ну и решили повременить с контактом.

— Они боялись! — Александр Филиппович недовольно шмыгнул носом.

— Что ж, можно понять... — Шустеров покивал головой. — Выходит, и у вас, как у нас...

— А что вы хотите — тупость есть неотъемлемое свойство любого разума. Ну, скажем, не тупость, а осторожность...

— Ладно, дело прошлое... А почему же теперь мнение переменилось и вы все же решились на контакт?

— Лев Иваныч, я отвечу, только давайте походим, а то уже ноги отсидел. Я папку возьму, чтоб вам легче было, хорошо?

Они двинулись в глубь парка, туда, где не было уже статуй и афиш, асфальта и плевательниц, где парковые аллеи незаметно переходили в лесные тропинки.

— На контакт решились, потому что созрели условия. Вы сами говорили об открытии массы нейтрино. Теперь, когда модель Вселенной определена, людям должно быть ясно, что на мир надвигается опасность — пусть очень отдаленная, но неминуемая и, главное, общая, от которой не спасет ни богатство, ни индивидуальное бомбоубежище, ни океан. Теперь вы наконец сможете забросить свои нелепые свары, угнетение, эксплуатацию, расизм, войны. Неужели понимание всеобщей опасности не поможет человечеству излечиться от детских болезней?

— Отнюдь, — оттопырил губу Шустеров. — Чего вдруг? Люди с сорок пятого года сознают всеобщую опасность, а что из того?

— То есть как что?! — выкатил глаза Александр Филиппович. — Да, войны не прекращаются, но войны локальные, не грозящие существованию вида гомо сапиенс. И что важно: так сложилось именно после осознания сперва обоюдности, а потом и всеобщности опасности. Но есть и другой аспект...

— Ну, вы совсем как лектор по международному положению...

Александр Филиппович покрутил головой и усмехнулся:

— Вот народ! Как вы чувствительны к форме выражения мыслей! Чуть затасканный оборот — и все, это вам скучно, это вы осмеиваете и игнорируете... Ладно, я про другое. С ядерным оружием все же не аналогия. Вы надеетесь, что разум восторжествует, то есть люди сумеют сдержаться и не применить этих сверхбомб. А от сбегания галактик никакая сдержанность не спасет. Это же не воля человеческая решает, просто так устроена природа. Так что выхода нет: хотите спастись — давайте работать вместе. Мы поможем вам решить сегодняшние проблемы, и скорее беритесь за дело!

Шустеров глубоко задумался. А потом медленно покачал головой.

— Не торопитесь, Александр Филиппович. Мы вас не звали с вашими готовыми знаниями и решениями. Мы хотим учиться по-настоящему, а не списывать с чужих шпаргалок.

А по-настоящему — значит, сами. И дело тут даже не в гордости. Элементарный расчет — нельзя целому человечеству превратиться в интеллектуальных нахлебников, мы ведь учиться разучимся, а потом вообще думать перестанем. Есть и другая сторона: шок, унижение при встрече с таким интеллектуальным превосходством, а из-за него — комплекс неполноценности, неверие в свои силы и возможности. Вы человек симпатичный, Александр Филиппович, и намерения у вас самые что ни на есть благородные, но худшей услуги не придумал бы и враг. Нет уж, мы как-нибудь сами, вот этой головой, вот этими руками. Проваливайте вы с вашим контактом, ладно? Хотите наблюдать — наблюдайте, хотите шпионить — шпионьте, надеюсь, войной на нас не пойдете?

— Мы этим не занимаемся, — холодно ответил Александр Филиппович.

— Ну и слава богу. А насчет контакта — погодим. Может, там попозже, когда чуть выбьемся из неуспевающих... А пока благодарим покорно, заходите другим разом. Вот так. — Он остановился, расставив ноги, уперев руки в бока и, набычившись, глядел на собеседника.

— А вот так не хотите? — Александр Филиппович скрутил кукиш и повертел им перед носом у Шустерова. — Черта с два! Фигушки! Видал... — Он чуть успокоился, сунул руки в карманы и буркнул: — Сигарету дайте.

Нервно попыхтел, извергая клубы дыма, и забормотал:

— Ишь ты, как в нем кровя взыграли! Гордые оне какие! Сами, понимаешь, хотят! Сопляки! — И вдруг сразу успокоился и повеселел. — Слушайте, Лев Иваныч, вы кто — инженер?

— Ну...

— И что — все сами узнали? И таблицу умножения вывели, и все эксперименты повторили от Ньютона до наших дней, и святой инквизиции про вращение Земли доказывали, а? Не слышу ответа! Ах, вас учили! В школе, да? И в вузе? А какого ж черта вы не протестовали, гордость свою не отстаивали? Не боялись разучиться думать?

— Это было изучение человеческих знаний, а не чужих!

— Но не своих личных! Знания вы поглощали независимо от источника, даже если их добыл впервые какой-нибудь рабовладелец, идеалист, мракобес... Или это просто внеземной национализм прорезался, и свой мракобес вам ближе и дороже любого инопланетянина? Ну, будьте честным, скажите, что так, а? Молчите?

Он снова чиркнул спичкой и затянулся.

— Болтун... Догонят они! Нас сто тысяч человечеств, у нас целые планеты только и заняты переработкой и распространением научной информации среди членов Союза, а эти щенки в одиночку догонять собрались! Да, мозги вам достались от-

личные, такие во всей Галактике поискать, сможете, много сможете — но в коллективе! А заниматься интеллектуальными растратами, разбазариванием мыслнтельных мощностей — не позволим! Вы этому миру не хозяева, он наш общий, так что нечего тут самостийно управляться!

— А, собственно, какое вам дело до нашего прогресса илн отставания? Вас сто тысяч человечеств, на кой вам малограмотные провинциалы?

— Болван! И болтун! Что вы мне в нос своим комплексом неполноценностн тычете? Да поймнте наконец, нужны вы! Нужны! Хоть вы и без царя в голове, мягко говоря. Дожилн до такого возраста, а все не знаете, зачем на свете живете! Из века в век, как попки, — ах, вечные проблемы, ах, где ты, смысл жизни, ах, поиски себя...

— Вы, Александр Филиппович, наслушались обывателей и идеалистов. С этнм как раз все в порядке.

— Ну-ка, ну-ка! И каков же этот ваш порядок?

— А таков: нелепо ставнть вопрос об абсолютном смысле жнзни. В разные эпохи в разных странах этот вопрос решался по-разному. Для нас, например, смысл жнзни — освобождение людей от социальной несправедливостн, угнетения человека человеком...

— Велнколепно! Да, это — смысл жизни. Для человека. Для нескольких поколений. А потом? Что, как коммунизм построили, так жизнь смысл потеряла? Поймите, это не смысл жизни, это ближайшая цель — великая, прекрасная, но всетакн временная цель. Дальше надо глядеть, дальше! И не спешите отбрасывать элементарную биологию. Да, смысл жнзни — это продление своего бнологического вида. У вас — своего, у нас — своих. Выделим общее: продление существования разумных биологических объектов. А это означает в первую очередь сохранение мира, где живем мы, вы и прочие разумные биологнческие субъекты. Дайте сигарету! Впрочем, нет, не давайте.

Он вдруг остановнлся, повернулся к Шустерову и торжественно объявил:

— Уважаемый Лев Иванович! Вы первый представнтель гомо сапиенс, с которым Союз Объединенных Человечеств вступил в официальный контакт. Мы просим вас быть нашим консулом на планете Земля и, если можно так выразиться, чрезвычайным и полномочным пророком...

— А почему именно я?

— А потому что у вас мозгн варят, потому что вы подготовлены. И не ортодокс, вас убедить можно — да я вас уже убедил, верно?

— Н-ну...

— Не кокетничайте! И потому, что не боитесь рот раскрыть. Ладно, я продолжаю. Объединенные Человечества счнтают, что

время для контакта наступило, поскольку вы, люди, самостоятельно открыли опасность, надвигающуюся на все разумные виды вообще: будущее сжатие Вселенной и обращение ее в сингулярность. Ваша планета необходима Союзу как форпост для дальнейшего продвижения к внешней части Галактики. К сожалению, сказочка о нуль-транспортировке пока остается сказкой, мы продвигаемся от мира к миру мелкими перебежками, необходимы опорные базы. Мы обращаемся к планете Земля с просьбой и настоятельным призывом: помогите! Вы нужны! Нужна планета — как ступень в лестнице, нужна великая интеллектуальная мощь миллиардов людей. Без этого не достичь нашей цели, не предотвратить сжатия Вселенной...

— Да уж больно далека опасность, какая-то нереальная...

— Слушайте, вы! Вы себе представляете, что такое сжатие Вселенной? Ни черта! Вы ж тут знаете, что расширяется или там сжимается все пространство вообще! Додуматься до такой нелепости! Да мы про это в жизни не узнали бы, свет так и отсчитывал бы свои триста тысяч километров в секунду, безразлично, сжатые они или растянутые — и никакого красного смещения! А оно есть! А потом будет — фиолетовое, а тут уж станет по-настоящему тесно и жарко, пространство не растянется и не сожмется, его просто будет все меньше и меньше между галактиками, звездами, между солнцами и планетами... ну вас к черту, дайте сигарету!

ГЕННАДИЙ РАЗУМОВ

ЗА ЛЕСОМ, У МОРЯ...

Они были одни на всем свете. Не было рядом ни высокого берега, заросшего зеленой густой травой и низкорослым ветвистым кустарником, ни желто-серой широкой полосы длинного пляжа, ни пенящихся волн с белыми гребешками. И не было огромного многоэтажного дымного города, монотонно шумевшего недалеко за платановой рощей, за высокими скалистыми холмами.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, на старом растрескавшемся пне, обросшем мхом и древесными грибами. Ее мягкие прохладные пальцы лежали в его широкой шершавой ладони. Она склонила голову к его плечу.

— Ты любишь меня? — прошептала она, чуть коснувшись его уха губами.

— Очень, — выдохнул он, еще крепче обняв ее за плечи.

Они были одни во всем мире. Вокруг стояла насыщенная ароматом моря ночная прохлада. Черное низкое небо, усеянное

россыпями блестящих звезд, колыхалось над ними, двигалось, волновалось.

— Смотри, сколько звезд, — сказала она, закинув голову назад и обняв его за шею.

— А сколько их падает, — он помедлил немного, потом добавил: — Знаешь что? Загадай желание.

— Я хочу, чтобы нам всегда-всегда, всю жизнь было так же хорошо, как сейчас... Вон, эта наша с тобой звездочка. Гляди, какая она большая, красивая... И как долго падает. — Она, счастливо улыбаясь, смотрела на небо, по краю которого медленно плыла яркая оранжевая звезда.

Что-то было необычное в ее неторопливом скользящем падении. Другие падающие звезды быстро, стремительно прочерчивали небосвод, а эта опускалась как-то осторожно, неуверенно.

Конечно, она, как и все, тоже падала, приближаясь к горизонту, тоже бледнела, тускнела и, казалось, вот-вот исчезнет совсем. Но вместе с тем эта звезда существовала как-то иначе, как-то по-другому. Она одновременно исчезала и, наоборот, становилась с каждой минутой все больше, все ощутимее.

Трудно, невозможно было объяснить это ощущение, но безотчетный страх вдруг охватил все ее существо. Какая-то непонятная, странная тревога, как ветер, как шквал, неожиданно обрушилась на нее и стала стремительно и неумолимо нарастать, закрутила, понесла. Лоб покрылся испариной, похолодели руки, ноги, тело пробила дрожь.

— Ой, мне страшно! — вскрикнула она, почувствовав на себе чей-то пристальный пугающий взгляд. — Что-то приближается к нам, все ближе, ближе, уже здесь...

— Ну, что ты, родная, не бойся, я же с тобой, все в порядке. — Он крепко прижал ее к себе, обнял.

Но она видела, вернее, чувствовала ЭТО. ОНО было огромное, жуткое. Она не знала, что это, не могла объяснить свое состояние. Но ЭТО было, оно смотрело ей прямо в глаза, даже не в глаза, а куда-то внутрь, в самую ее суть, в душу.

И где-то в подсознании вдруг родилась мысль, что она должна выдержать этот страшный леденящий, парализующий взгляд, она не должна сдаваться, должна смотреть, смотреть, смотреть...

Вспомнилось, в детстве кто-то говорил: если в лесу встретишь волка, надо глядеть ему прямо в глаза, и зверь первый не выдержит взгляда человека, повернет назад, отступит.

Но это был не зверь. Это было нечто более свирепое, ужасное, невидимое, необъяснимое. Ничего общего с каким-то там волком, знакомым, понятным, совсем нестрашным, ЭТО не имело. ОНО было неосязаемым, невидимым и неслышимым, ОНО излучало какие-то волны, лучи, которые давили, жгли, леденили, оковывали все ее тело, все ее существо.

— Неужели ты ничего не чувствуешь, не видишь? — Она вцепилась в руку своего любимого. — Почему ты такой бесчувственный? Ну, смотри же, смотри. Вон туда, в сторону моря, или нет... в сторону гор.

Она вдруг поняла, что не знает, где ЭТО находится, откуда ОНО смотрит на нее. И от этого стало еще страшнее. Она попыталась собраться, сосредоточиться, найти ответ на мучившие ее вопросы. Только бы не опустить глаза, не сдаться. Впрочем, почему глаза? Нет, она вся должна сопротивляться, бороться, преодолеть ЭТО.

Ах, почему же он, ее родной, близкий человек, с которым у нее всегда такое взаимопонимание, который всегда так чутко улавливает любое, даже самое крохотное изменение ее настроения, почему сейчас, в эту необычную, страшную минуту, он так глух, так слеп и бесчувствен? И у нее нет сил его растормошить, разбудить от этой нелепой, недопустимой спячки...

— Ну, успокойся, милая моя, дорогая. — Он крепко обнял ее за талию. — Что же это с тобой происходит? Ты вся дрожишь. Тебе холодно? Давай-ка, я тебя укрою, согрею.

Он укутал ее плечи своей плотной длинной курткой, надвинул ей на голову шерстяную шапку. Но это нисколько не помогло. Неужели он не понимает, что от ЭТОГО курткой и шапкой не спасешься?

— Отвлекись ты от своих тревог. Думай о чем-нибудь другом. — Он неторопливо просунул руку в карман куртки, достал сигарету, зажигалку, закурил, глубоко затягиваясь и пуская длинные струйки дыма. — Гляди, мотыльки улетают от табачного дыма. Это мотыльки-однодневки. Подумать только, ведь они живут всего только день-два, и для них это вся их большая жизнь. Они даже не знают, что позавчера был дождь и что на следующей неделе зацветет акация. — Он помолчал немного, потом добавил, задумчиво глядя куда-то вдаль: — Вот и мы с тобой те же однодневки. Живем всего-то ничего по сравнению с горами, морем, звездами. Удивительная она штука — время.

Какой же он все-таки бесчувственный! Так легко, так спокойно рассуждает о посторонних вещах, когда сейчас надо сосредоточиться только на одном, надо понять, что происходит вокруг, почему так тревожно и страшно.

Что делать, что предпринять? Может быть, позвать на помощь, закричать? Но кого? Где-то неподалеку, кажется около холмов, есть спасательная водная станция. Там крепкие, сильные ребята, аквалангисты, водолазы, они помогут. Боже мой, какая чушь! Они ничего, совсем ничего не могут. Здесь нужно что-то совсем другое.

И тут ее осенило: только их любовь, привязанность друг к другу, их чувства могут сейчас помочь. Только он, ее дорогой человек, должен тоже ЭТО увидеть, почувствовать. И тогда

они будут спасены. Да не только они — весь мир, эта изумрудно-зеленая трава, эти кусты, стройные ветвистые деревья с пахучими белыми цветами, темно-коричневые горы и холмы и большой, шумный их родной город за платановой рощей.

— Дорогой, — прошептала она, совсем обессиленная, — пожалуйста, поцелуй меня.

...Звездолет-автомат-робот № 1932-Н резко форсировал двигатели, выдвинул гравитационную защиту и, выполнив двойной маневр, завис в орбитальном полете над планетой «З». Объективы видеофонов корабля развернулись для кругового обзора и медленно заскользили по поверхности планеты, внимательно осматривая на ней каждую впадину и возвышенность. Плотные потоки геофизической информации потекли в магазины памяти анализирующего вычислительного устройства.

Планета «З» согласно дбцикской классификации была маленьким космическим телом, вращавшимся вокруг небольшой периферийной звезды. Она почти целиком состояла из расплавленной каменной массы, и лишь самая верхняя ее часть была твердой и плотной. Но именно эта корка прочных горных пород позволяла использовать планету для размещения на ней очень важного объекта: космического маяка, который должен был снабжать астронавигационной информацией дбцикские звездолеты, делающие межгалактические рейсы.

Планета удачно располагалась на пересечении нескольких дальних трасс, и ничто не должно было помешать превращению ее в навигационный объект. Вот для чего в огромных трюмах звездолета-автомата ровными рядами стояли круглые металлические контейнеры-цистерны с азотнокислотным пластифицирующим составом, предназначенным для полной стерилизации поверхности планеты. Убрать все, что хоть как-то могло затруднить работу космического маяка, — было основной задачей звездолета-автомата № 1932-Н, посланца Дбцикского галактического института.

На корабле господствовала строгая машинная иерархия. Во главе всех служб стоял Командир — управляющее устройство. Он ставил задачи Анализатору, принимал оперативные решения и давал команды Исполнительному и Наблюдательному комплексам.

После обобщения первых сведений о физических параметрах планеты «З» Командир задал главный вопрос Анализатору:

«Есть ли жизнь на планете?»

Ответ последовал однозначный:

«Суровые геологические и климатические условия наличие жизни исключают».

Командир дал команду изменить траекторию полета. Звездолет перешел на другую, сниженную орбиту, и видеофоны опять забегали по поверхности планеты. Новые порции более подробных сведений поступили в анализирующее устройство.

Они наложились на предыдущие, столкнулись с ними, где-то заместили их, где-то легли рядом. И вдруг на новый запрос Командира Анализатор ответил:

«Есть жизнь. Низшие формы».

Командир сверился с Программными блоками, оценил обстановку и скомандовал:

«Разведочный зонд в работу».

От звездолета отделился большой круглый аппарат с сотнями объектов, щупов и манипуляторов, размещенных по всей его поверхности. Повисев некоторое время в верхних слоях атмосферы, он выбрал зону исследований, провел мелкомасштабную съемку района посадки и пошел на снижение. Через некоторое время зонд приземлился на небольшой ровной площадке, окруженной со всех сторон плотной стеной темно-зеленых широколиственных деревьев.

Стереоскопы заскользили по неподвижной мозаичной зеленой массе, прочерченной угловатыми линиями светло-коричневых веток. Строчка за строчкой полетела новая информация на корабль: древесная растительность со стеблевидными органами поглощает углекислоту, производит кислород...

На мгновение поток остановился — в приемное устройство поступило непонятное наблюдение: флора проявила способность к движению, листья заколыхались, закрутились. Что это, внутренние силы, разумная жизнь? Нет, это просто ветер.

Снова забегали стереоскопы по глухим лесным чащобам, по травянистым ромашковым полям. И вдруг снова — стоп. На опушке леса появилось живое существо также биологического типа — четыре подвижные суставчатые опоры, удлиненное туловище, опущенная вниз голова.

Зонд сделал несколько резких движений, изменил цвет своего покрытия, потом послал ряд звуковых, световых и электромагнитных сигналов. Но животное на все это никак не среагировало. Оно лишь на мгновение подняло голову, с полным безразличием посмотрело в сторону незнакомого предмета и, неторопливо повернувшись, пошло к лесу, не проявляя больше никакого интереса к инопланетному аппарату и его сигналам.

После этого с корабля поступил приказ: «Перейти к обследованию прибрежной зоны».

Зонд поднялся в воздух, сделал несколько больших разведочных кругов и полетел к морю.

Внизу расстилалось высокое горное плато, покрытое густыми лесами, прочерченными извилистыми нитями рек и неровными пятнами озер. Возле широкой прибрежной полосы горное плато сменилось длинным уступом, заросшим травой и кустарником. Зонд сделал плавный вираж, развернулся по курсу и быстро пошел вниз.

У моря было голо и пусто. Песчано-галечная пляжная отмель ровным пологим откосом уходила под набегающие на нее

волны. Только их монотонные, однообразные всплески нарушали ночную тишину.

Но вот широкоугольные объективы зонда задвигались, следуя за новым неожиданным объектом: небольшой летательный аппарат появился над морем. Он размахивал длинными изогнутыми крыльями, издавал звуки высокой частоты и что-то выискивал в морской воде. Ни на какие сигналы он не отвечал.

Поиск разумной жизни пока не давал результатов.

И вдруг индикаторы зонда, настроенные на улавливание энергетических полей, активно заработали. Все измерительные приборы, датчики, манипуляторы, все приемные и передающие устройства насторожились, пришли в полную рабочую готовность.

Откуда-то со стороны, из-за кустарника, распространялось необычное рассеянное излучение. Это были волны разной длины и частоты, которые шли сначала непрерывным потоком, потом прерывались, появлялись вновь. Ни одно из размещенных на зонде опознавательных устройств не могло расшифровать эти сигналы и давало сбой на первых же ступенях исследования.

Что это за новый вид энергии, какого он состава, какого происхождения?

Подчиняясь команде оперативной Подпрограммы, разведочный зонд покрыл себя экраном, невидимым в диапазоне волн планеты «З». Затем он взлетел, сделал несколько обзорных ультраснимков местности и после долгой настройки аппаратуры поймал наконец эпицентр излучения.

Его источником было биополе небольшой интенсивности и размеров. Оно находилось на пляже за устьем широкого ручья, обросшего кустами, и принадлежало двум странным живым существам, которые сидели у моря на старом срезе дерева и время от времени обменивались друг с другом порциями энергии. Одно из этих существ обладало большим биополем и передавало его другому.

Непонятен был и такой факт: излучение нигде здесь у моря не прерывалось, не исчезало, оно тянулось далеко вдоль береговой зоны и уходило куда-то за лес. Надо было продолжать исследования.

Разведочный зонд поднялся выше, изменил плоскость наблюдения и, развернувшись по азимуту, направился вслед за потоком биоэнергии. Он пролетел над грядой крутых скалистых холмов, над большим массивом густого высокого леса и вышел к широкой морской террасе, окаймленной полукруглой ступенчатой стеной гор. Сразу же за лесом к ним прижимались вытянутые кверху стройные каменные коробки, амфитеатром спускавшиеся к морю.

Сотни тысяч прямоугольных, пирамидальных, цилиндрических сооружений образовывали длинные улицы, освещенные

многочисленными гирляндами столбчатых светильников. Кое-где между зданиями двигались такие же живые существа, как и те, которые остались за лесом у моря. Они то появлялись из своих каменных жилищ, то исчезали в них, некоторые пользовались для передвижения удлиненными плоскими устройствами на колесах. Другие что-то передвигали, поднимали, строили.

А где-то неподалеку от этого лежал еще один город, поменьше, за ним третий, четвертый, пятый. Все побережье было застроено и заселено меньшими колониями подвижных живых существ, которые, по-видимому, и были истинными хозяевами планеты.

Разведочный зонд закончил исследование, поднялся на исходную орбиту и вернулся на звездолет, где возник решающий диалог между двумя главными машинами корабля.

Командир:

«Чем объяснить, что слабые существа, состоящие из органических тканей, существуют, выживают и даже создают цивилизацию в этом их неустойчивом мире, раздираемом землетрясениями, вулканами, магнитными бурями, штормами?»

Анализатор:

«Вот новые результаты хронометрологического анализа. Они дают исчерпывающий ответ: время на планете «З» идет иначе, чем у нас. Хроноускорение здесь таково, что один дбцикский час соответствует ста годам «З»-го времени. Поэтому жители планеты не замечают сильных тектонических толчков и разрывов каменной коры, через которую прорывается раскаленная магма. По их представлениям серьезные катаклизмы случаются крайне редко. Во всяком случае, в промежутках времени, проходящего между такими катастрофами в жизни их планеты, десятки и сотни поколений успевают прожить свою жизнь, ничего так и не заметив».

Командир:

«Ясно. Итоговый вопрос: какие ликвидационные меры следует использовать до азотнокислотной обработки поверхности планеты?»

Анализатор:

«Здесь применимы средства уничтожения обычного типа, ничего специфического наш анализ не показывает».

Командир:

«Но есть еще биоизлучение обитателей планеты».

Анализатор:

«Это хронобиологическое поле существует лишь в узком временнóм диапазоне. Мы материализуем его и уничтожим».

Командир:

«Исполнительному комплексу приготовиться к работе по Программе Н1932. Пустить в действие деструкцирующее излучение с опережающим его опробованием на отдельных индивидумах — жителях планеты».

В днище корабля открылся люк, из него выдвинулся лучеметный монитор. Его наводящий визир пробежал по рябой поверхности моря и вышел на пологий береговой откос. Потом он пошарил по пляжной полосе, проскользнул по лесному платановому массиву, перескочил через кустарник и вышел на Цель...

Он обнял ее, поцеловал. Как уютно, как безмятежно-спокойно она обычно чувствовала себя в его объятиях. Теперь же было совсем не так. Его большая спина с широкими плечами ни от чего не отгораживала, не защищала, его крепкие руки не поддерживали. Он казался каким-то вялым, слабым, безвольным. Из них двоих теперь она была сильной и решительной, теперь она отвечала за них обоих, за всех, за все.

Она крепко сжала его пальцы и встала, потянув за собой. По небу плыли мохнатые обрывки черных рваных туч, с моря дул резкий, порывистый ветер, бросавший в лицо холодные колючие капли редкого дождя, перемешанные с солеными морскими брызгами.

И вдруг каким-то непостижимым образом, буквально краешком сознания она увидела, почувствовала ЭТО. Наконец-то! ОНО обрело реальность, стала по-настоящему ощутимым, видимым. Вот, еще мгновение, и она уловила его образ.

ОНО было лучом. Узким, искрящимся оранжевым лучом. Он упал сверху, с неба, проскользнул по поверхности моря и стал шарить в платановом лесу, зажигая верхушки деревьев ярким ядовито-желтым светом. Потом луч выскочил на опушку, потоптался на круглых кочках, заросших высокой травой, перепрыгнул через неровные ряды старых замшелых пней и выбежал на пляжную отмель. Острые оранжевые языки пламени вспыхнули над камнями и галькой мертвенно-бледное серое свечение покрыло песок. Потом луч расширился, превратился в толстый бесформенный столб и медленно двинулся на людей. Все ближе, ближе...

— Нет! Нет! — вскрикнула она в ужасе. — Нужно бежать. Быстрее, быстрее.

Хотя куда бежать? в горы? Нет, они не помогут, они далеко. Домой, в город, к людям? Туда тоже не добежишь, не успеешь.

— Не надо, милая, успокойся, — он снова обнял ее за плечи, — разве ты не чувствуешь, какая ты стала смелая, волевая. Ты же все умеешь, все можешь.

Что же это такое происходит? Неужели даже теперь он по-прежнему ничего не чувствует, ничего не видит и не слышит?

Но, может быть, это не он, а она ошибается, и в действительности вовсе ничего нет, и все это только сон, галлюцинации, сумасшествие?

Она крепко зажмурила глаза, но сквозь веки еще явствен-

нее увидела, как неумолимо приближается, подступает к ним смертоносиый страшный луч.

Впрочем, теперь это уже не луч и не столб. Это целая стена, огненная, брызжущая большимн острыми искрами и рваными хлопьямн пламенн. Она постепенно придвигается к инм все блнже и блнже, захватывая все живое иа своем пути.

Вот и рой иежных нгривых мотыльков, недавно улетевшнх от сигареты, ничего не заметил и врезался прямо в огонь, сгорел в нем, растаял, исчез.

А вои чайка в иебе. Она тоже приближается к смертельной преграде. Стой, птнца, остановнсь! Не маши так стремительно своими сильнымн гибкими крыльями. Чувствуешь, что несет тебе навстречу вегер? Запах гари, тлена. Не лети туда, поверни иазад, поблнже к горам. Ты ведь можешь, у тебя такие быстрые крылья. Нет, она тоже ннчего не виднт, белая красавица чайка. Вот и последний рывок ее стройиого упругого тела. Оборвался легкий стремнтельный птичий полет, только иесколько опаленных перьев закружилось над морем, медленно опускаясь на воду.

Совсем уже рядом — гибель, смерть.

Но вдруг она почувствовала: что-то вокруг нее н в ией самой нзмеиилось. Потускиелн краски, приглушнлись звуки, ослабли запахн. Напряжеине стало спадать, и весь тот ужас, который только что ее так волиовал, отодвииулся куда-то в сторону. Все окружающее поблекло, отошло за какую-то странную полупрозрачную стену, которая с каждым мгновением стаиовилась все больше. Сплошная сферическая поверхность куполом нависла над головой, отгородила от всего света.

Стало как-то тихо, спокойно, мнрно. Перед глазами побежали чьи-то лица, близкне и чужие, знакомые двухэтажные деревянные дома, засиеженный горбатый переулок. А вот и оиа сама, первоклашка, с коньками-«снегурками» на валенках, в длиннополом зимием пальто и шапке-ушаике с кожаиым верхом.

Сфера стала вращаться, растягиваться, наполняться иовыми запахамн, звуками. Растянулось и время. Горбатый переулок выпрямился расширился, превратнлся в просторную ровиую улнцу. Ннзеиькие домики частиого сектора сменились белоснежными миогоэтажкамн. А это нх дом-башня! Возле подъезда бурно цветет акация, косо подстриженные кусты навнсают над крашеиой деревяиной скамьей. А вот он стоит рядом, глаза его смеются, радуются, любят. Он протягивает к ией руки и зовет:

— Иди сюда! Я давно уже жду тебя здесь.

Но что это? Его лнцо вдруг бледнеет, расплывается. Дома, улнца, кусты — все растворяется в густом белом тумаие. Потом и ои рассекается, растекается в разиые стороиы.

Вокруг все было по-прежнему. Пляж, море, горы, небо, звезды.

Но где же ее любимый?

Он исчез.

Встревоженная, она вскочила на ноги, оглянулась. Его нигде не было. Яркие сполохи желтого огня бушевали далеко в стороне, за ручьем. Неужели враг направляется к городу? Какой ужас: теперь гибель грозит еще и ее близким, родным, всем, всем.

Она побежала. Рыхлый песок расползался под ногами, ветки кустарника до крови царапали руки, лицо. Она споткнулась о камень, упала, больно ушибла ногу. Что делать, где взять силы? Ей сейчас нельзя расслабляться, надо заставить себя встать. Она поднялась на ноги, шатаясь, сделала несколько шагов и, превозмогая боль, снова побежала.

Вот и ручей. Он глухо рокочет между камнями, ворочает серую гальку. Одинокий куст опустил ветви в быстрое течение пенящейся воды.

Еще издали она увидела его. Он лежал на спине, запрокинув голову и раскинув ноги. Куртка, зажатая в правой руке, свешивалась в воду, шапка валялась рядом. Она подбежала к нему, склонилась над его головой. Милый, дорогой! Дышит. Значит, жив, еще жив...

В этот момент стена за ручьем зашевелилась, меняя форму и величину, повернулась к людям прямым острым краем, вытянулась в длину и выплеснула перед собой пригоршни желтого огня. Потом она совсем изменила обличье: свернулась снова в луч, в острое огненное копье, пику и, разбрасывая вокруг себя брызги сверкающих искр, ринулась вперед.

Не подпустить, остановить! Она бросилась наперерез приближавшемуся врагу, вытянула руки и вдруг кончиками пальцев ощутила перед собой уже знакомую ей полупрозрачную гибкую завесу. Она потянула ее на себя и, не удержавшись на ногах, упала. Большой сферический купол накрыл их сверху и, как в прошлый раз, быстро уплотнился, отвердел, окреп.

Удар последовал тут же. Оглушительный грохот потряс все вокруг, ослепительное пламя взметнулось вверх. Огненный луч сломался, раскололся на куски. Его обломки свалились на землю, сникли, поблекли и торопливо поползли к морю. Они зашипели в воде и упали на илистое дно, исчезнув в нем навсегда.

Он открыл глаза и посмотрел на нее долгим непонимающим взглядом. Потом встрепенулся, попытался приподняться на локтях, но не удержался и упал снова. Сил у него совсем не было. Она обняла его, поцеловала.

— Родной ты мой, очнись, встань.

Он опять приоткрыл глаза, узнал ее, улыбнулся.

— Я же хотел увести его от тебя подальше, — прошептал

он, чуть шевеля губами, — но сил не хватило, я потерял память, сознание.

— Ничего, ничего, милый, все уже хорошо, все прошло, все кончено. — Она заплакала и протянула руку, пытаясь нащупать только что спасшую их завесу. Но ее не было.

Рядом шелестели листья приземистого куста, у самой воды шуршала галька, перекатываемая морской волной, и где-то совсем близко, за платановой рощей, шумел их родной город.

А над головами низко нависало бархатное небо с крупными ярко мерцающими звездами. И одна из них, маленькая оранжевая падающая звезда, медленно скользила по краю небосвода, уменьшалась, тускнела, пока совсем не ушла за бледнеющий горизонт.

СТАНИСЛАВ ГАГАРИН

АГАСФЕР ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ЛЕБЕДЯ

Низкие рваные облака неслись над застрявшим во льдах теплоходом. Экипаж и пассажиры, рискнувшие постичь романтику полярного круиза, с нетерпением ждали помощи от ледокола. Но «Ермак», затеявший проводку каравана в проливе Вилькицкого, едва освободился и был сейчас на переходе от входа в Карское море к архипелагу Норденшельда.

Погода была ненастной. Ветер заходил от норд-остовой четверти к весту, и его переменчивость то поджимала к берегу ледовое поле, в которое неосмотрительно вошел «Вацлав Воровский», и это весьма не нравилось капитану, то вновь разряжала лед, и тогда начинались тщетные попытки теплохода самостоятельно вырваться из западни.

Впрочем, серьезному сжатию судно не подвергалось, да и «Ермак» радировал, что на рассвете он подойдет к «Воровскому».

Пассажиры объявили, что пребывание во льду и последующее вызволение с помощью ледокола носит запрограммированный характер. Оно имеет целью наглядно показать, какую опасность представляло сие в «старое доброе время», а теперь это сущий пустяк для современного плавания в Арктике.

Пассажиры приободрились, у всех появился аппетит, вечером были танцы, люди веселились, не подозревая, как ловко успокоил их первый помощник капитана, известный в пароходстве остряк Игорь Чесноков.

К часу ночи народ угомонился, и первый помощник капитана решил обойти судно перед тем как прилечь вздремнуть немного до прихода ледокола.

Он начал обход с носовых помещений, где жила команда,

по левому борту вошел в опустевшнй танцевальный салон, заглянул на камбуз, где бодрствовала ночная смена, готовясь к завтрашнему дню, спустился в машинное отделеиие, пошутнл со вторым механнком по поводу крепости шпангоутов-ребер их «коробки» и, осмотрев корму, двннулся по правому борту, чтобы, пройдя его, закончить обход на мостике, в рулевой рубке.

Когда Чесноков мииовал среднюю часть пассажирского корндора, он услыхал за поворотом приглушенный неясный шум. Игорь остановнлся, прислушался.

— Нет, — сказал сдавленный голос, — нет... Теперь ты не уйдешь...

Затопали ногами, донеслось рычание, чертыхнулись, потом неожиданно донесся смех.

— Ведь я не протнв, — произнес второй голос, веселый и спокойный. — Почему вы так нервничаете?

— Сейчас увндишь... Пошлн!

Чесноков шагнул вперед. Не нравнлнсь ему эти голоса в поперечном корндоре, очень не нравнлись... Еще немного, и он увидит тех, кто блуждает среди ночи по судну.

И тут погас свет. Вндно, переходнлн на другой генератор, механик говорил ему об этом.

Первый помощник услыхал беспорядочные шаги, шум борьбы, снова раздался смех, хлопнула дверь каюты, все смолкло, и вспыхнул свет.

Чесноков повернул за угол и никого там не увидел. Он прислушался: затем медленно прошел по коридору поперек судна и вышел на левый борт. У дверей одной из кают он остановнлся. Игорю Николаевичу показалось, что в каюте разговаривают. Первый помощннк взглянул на часы — один час сорок мннут. Поздновато для разговоров... Чесноков вздохнул, готовый произнести необходимые нзвинения, и решительно — из головы не шло предыдущее событие — постучал в дверь.

Голоса стнхли.

Чесноков вновь стукнул, тактично и вместе с тем требовательно, настойчнво. Мнновала мннутная пауза, затем зазвякал ключ, и дверь растворилась.

Каюту открыл высокнй и рослый молодой мужчина с короткой шкиперской бородкой, одет он был в грубошерстный свнтер и модно полинялые джинсы. Он увидел за дверью первого помощннка — на Чеснокове была морская форма — и отступнл в глубнну каюты, стараясь придать сердитому лнцу приветлнвое выражение.

— Извините, — сказал помполит, — мне показалось, что вы слншком жарко спорите... Разрешите представнться...

— Беглов, — буркнул хозяин каюты, — Владимир Петрович. Геолог и ваш пассажир.

Из кресла поднялся второй человек. Игорь Николаевич узнал его и сдвинул брови.

— Канделаки? — сказал он. — Не ожидал вас встретить... Ведь вам известно, что администрация судна не поощряет внеслужебные отношения команды и пассажиров. Что вы делаете здесь так поздно?

Матрос Феликс Канделаки пришел на теплоход, когда тот стоял на Диксоне. Отсюда пришлось отправить в Ленинград двух курсантов из мореходки, которые проходили практику и были зачислены в штат, и когда этот самый Канделаки явился к помполиту и сказал, что он возвращается из Тикси, где работал на ледокольных буксирах, и теперь до конца навигации решил поплавать на «Воровском», Чесноков, просмотрев его документы, решил, что есть на земле справедливость.

Работал Феликс уже две недели, и их боцман дважды намекал первому помощнику, что не худо бы этого паренька «железно» закрепить на судне.

— Что вы делаете здесь, Феликс? — спросил Чесноков.

Матрос молча улыбался.

— Это мы... Значит, так, — начал геолог. — Мой рабочий... В партии были вместе.

Он был взволнован, запинался, хватал ртом воздух и являл собой полную противоположность невозмутимому Канделаки.

— Позвольте мне объяснить, Игорь Николаевич, — вмешался он наконец, не переставая доброжелательно улыбаться. — Владимир Петрович — мой бывший начальник. Раньше я работал у него в геологической партии. Сегодня случайно встретились. Он пригласил меня к себе. Вот и сидим разговариваем о житье-бытье...

Игорю показалось, что на красивом смуглом лице Феликса мелькнула некая усмешка, но объяснение было заурядным, и повода оставаться дальше в каюте, да еще в такое позднее время, он не видел.

— Да, конечно, — сказал геолог, — это мой давнишний товарищ... Ведь мы не нарушаем?

— Как будто нет, — ответил Чесноков, глянул на горбоносый профиль вежливо отвернувшегося Феликса, еще раз извинился и вышел из каюты.

Разбудили его в пятом часу. Стучали тихо, но торопливо, беспокойно. Игорь Николаевич решил, что пришел «Ермак», вылез из койки-ящика в трусах, накинул полосатый халат и, запахивая его одной рукой, второй повернул ключ.

За дверью стоял геолог. Вид у него был и вовсе ошалелый.

— Ушел, — просипел голос, — он ушел... Извините...

На нем была финская шапка с длинным козырьком и короткое пальто из замши. Снежинки растаяли и теперь светились, отражая яркий свет люминесцентных ламп на подволоке коридора.

— Кто ушел? — спросил Чесноков.

— Иван, — ответил Беглов, — Дудкин ушел...

— Какой Дудкин?

— Ах да, — он махнул рукой, — вы ведь... Ну, этот, как его... Вася, Феликс... Или еще как? Словом, Амстердам...

«Только этого нам не хватало, — подумал Чесноков и покосился на телефон, вспоминая номер судового врача. — И ведь он не пьян... Это куда как хуже».

— Да вы входите, — сказал он ласковым тоном, где-то читал, что с этой категорией больных надо быть приветливым и добрым, — входите и располагайтесь как дома. О, да вам не помешает рюмка коньяку... Прошу вас!

Угощая гостя и разговаривая его, Игорь Николаевич тем временем подобрался к телефону и уже снял трубку, когда геолог, проглотив коньяк, вдруг твердо и внятно проговорил:

— Этот ваш Феликс — вовсе не Канделаки. Он есть Иван Дудкин, или Вася Амстердам... Одно и то же. Вот.

— Что? — воскликнул первый помощник и швырнул трубку. — Значит, он не тот, за кого...

Беглов кивнул и протянул рюмку.

— Хороший коньяк, — сказал он, когда ошеломленный Игорь Николаевич снова наполнил его рюмку. — Налейте и себе. Пригодится... Кажется, я отхожу.

Он выпил. Помполит повертел свою рюмку в руках и машинально проглотил ее содержимое.

— Сейчас я проводил его до борта, — проговорил геолог. — Он сошел на лед и скрылся в снежном заряде... И снова мне с ним уже не увидеться...

— Не сомневаюсь, — бросил Чесноков и схватил телефонную трубку.

Беглов перехватил его руку.

— Что вы собираетесь делать?

— Исправить содеянное двумя сумасшедшими, — ответил первый помощник, освобождая руку. — Объявляю тревогу «человек за бортом!».

— Постойте, — вскричал геолог, — не делайте этого! Не надо тревоги «человек за бортом!». Феликс Канделаки не Иван Дудкин и не Вася Амстердам. Он не человек!

— Послушайте, — рассердился Игорь Николаевич, — я люблю остроумных товарищей, но в пятом часу утра разыгрывать порядочных людей может лишь отъявленный волосан. Не надо вешать мне на уши лапшу, паренек! Так кто же по-вашему этот Феликс, которому я еще надеру позвоночный столб, ежели он участвует в этой шутке? Кто он, этот обладатель трех таких милых фамилий? Вор-рецидивист?

— Нет, — тихо сказал Владимир Петрович, — Агасфер из созвездия Лебедя.

...Он сам определил себе задачу, пытаясь за день отработать два маршрута, и теперь, добивая второй, сверхплановый, проклинал все на свете: и кадровиков, зажавших полные штаты, и длинный северный день, позволявший ему надрываться сейчас за двоих, и самого себя, свою жадность на работу, неистребимое стремление быть всегда на коне, если даже нет для того реальных возможностей.

Полный рюкзак с каменюками-образцами отвратно рвал онемевшие плечи к земле. Ноги скрипели, сгибаясь в коленях. Геологический молоток превратился в двухпудовую гирю, а правая рука отказывалась повиноваться. Он собирался переложить молоток в левую, но сил на такое движение не сумел приискать и все шел да шел, пока не увидел в сгустившемся, посиневшем окоеме темно-зеленый язык тайги, поднявшийся на обрыв, занятый их палатками.

Вся партия была в сборе. Первыми встретили начальника собаки, две лайки с библейскими кличками. Люди тоже вышли за сотню шагов, но снимать рюкзак со спины тяжело шагавшего Беглова не стали: не положено по таежному этикету. Раз человек на ногах, он эти метры осилит, а у самой житьевины помощь ему оказывать — значит обидеть его.

Когда Беглов умывался, отводя холодной водой притомленность, поливавшая ему коллектор Зося не утерпела, шепнула:

— У нас гость, Владимир Петрович! Какой симпатичный... Будто цыган! Брюнет...

У Зоси все мужчины считались симпатичными, кроме тех, кто состоял в их партии, тут Зося была истинным кремнем, и потому Беглов примечание коллектора пропустил мимо ушей.

Но сообщение о госте его взволновало, в безлюдной тайге новый человек в диковину; и, едва обтершись полотенцем, Владимир Петрович отправился в большую палатку шурфовщиков, откуда доносились веселые возгласы и дружный смех.

Он сунул голову в палатку, смех затих, и Беглов дружелюбно сказал:

— Ну, который здесь гость? Выходи на волю, знакомиться будем.

Потом Беглов вспомнил, что больше всего его поразило чисто выбритое лицо незнакомца. Такую роскошь никто себе в тайге не позволяет. И комфорту никакого, и традиция есть запускать бороду, да и от комарья верное спасение, коль до самых глаз обрастаешь.

А тут вроде как из салона красоты выломился товарищ. Верно, смуглый оказался парень, только не цыганского, иного типа. А какого — Беглов не определил. Глаза большие, добрые, нос прямой, с горбинкой, темные волосы зачесаны назад, достают едва не до плеч и волнистые. И улыбается приветливо, первым протянул руку Беглову.

— Дудкин я, — сказал пришелец, — а кличут Иваном...

Охотник из Окачурихи. Иду с участка. Сено там косил, зимовье ладил, вот к вам и завернул.

Верно, знал Беглов такую деревню, сто пятьдесят верст назад по Бормотую.

— Ну и ладно, — сказал он охотнику, пожимая его сильную руку. — Погости, Дудкин Иван, а может, и с нами останешься, рады будем.

Дудкин широко улыбнулся.

— Можно и с вами, — проговорил он и пожал плечами. — До сезона далеко, и в деревне скукота да бабы с ребятишками одне...

— Эка, паря, хватил, — роготнул и блеснул глазами шурфовщик Стрекозов, по прозвищу Долбояк, — нешто с бабами-то скукота бывает?

Иван повел плечами, покосил глазом на Долбояка, смолчал.

— Документы какие есть? — спросил Беглов, не веря удаче, ведь ах как бедствовал он сейчас без людей. — Аль пошутил, охотник?

— А чо шутить? — отозвался Иван, засовывая руку во внутренний карман. — Об работе, чай, не шутят, ее излаживают добром. А вот и бумаги мои.

Беглов посмотрел документы Ивана, нашел их приемлемыми и тут же за ужином у костра написал чернильным карандашом в блокноте приказ о зачислении Ивана Дудкина временным рабочим геологоразведочной партии.

...Первый помощник капитана хмыкнул.

— Выходит, похожи наши истории, — сказал он Беглову. — И ко мне он пришел поработать на время и документы отменные показал... Но при чем здесь созвездие Лебедя?

— Погодите, будет и созвездие, — ответил Владимир Петрович. — Но сначала послушайте про обычного лебедя. Я закурю, можно? Бросил уже с год, а вот сейчас опять потянуло.

— Курите, — сказал Чесноков, — вот сигареты!

Беглов раскурил сигарету и жадно, глубоко затянулся дымом.

— Так вот, — проговорил он, — случилось это через неделю пребывания в партии нового рабочего. Иван Дудкин всем пришелся по душе, может быть, за исключением Долбояка — Стрекозова, которого, впрочем, никто у нас симпатией не жаловал, а тому на это было наплевать! Шурфы он бил исправно, а что до воспитания в нем нравственных начал, то на это не было у нас времени, да и вышел уже Долбояк из того возраста, когда пристало время сеять доброе в его душе.

Сам Дудкин неприязни к Стрекозову не испытывал, а когда Долбояк задирал его, то либо отшучивался, либо отвечал на выпады шурфовщика обезоруживающей улыбкой.

Работал Иван куда как исправно, понимал все с полуслова, будто не первый сезон вышел с партией в поле. А потом случилось это... Устроили мы банный день, постирушку затеяли коекакую, словом, вроде выходного дня с бытовыми нуждами. Я вымылся и сидел в своей палатке, разбирая записи в полевых дневниках. Сами знаете, как мягчеет душа после бани, настроение у меня было отменное, работы шли в графике, результаты поисков обещали быть куда уж лучше... И вдруг грянул выстрел. Я разом отбросил все — стрелять попусту в зоне жилья категорически запрещалось, — выскочил наружу. Неподалеку от обрыва, за которым клокотал и булькал обширный Бормотуй, стоял ухмыляющийся Долбояк с двустволкою в руках. А в небе беспомощно кувыркался лебедь. Пытаясь удержаться на перебитом крыле, он звонко кричал, призывая на помощь. Но лебедя неудержимо тянуло вниз, и было видно, что упадет он в воды Бормотуя... Молча смотрели мы на Долбояка, а тот ухмылялся, поводя плечами. «Хорош закусь, — сказал он, мерзко осклабясь и подмигивая мне. — Жаль только, что рыбам на корм пошел...» Тут лицо Стрекозова вдруг исказилось. Он задрожал, свиные глазки его забегали, челюсть отвалилась, и этот звероподобный детина плаксиво произнес: «Мама...»

Я повернулся. От банной палатки на Стрекозова медленно шел Иван Дудкин. Лицо его было бесстрастным, скорее задумчивым, взгляд тем не менее не отрывался от впавшего неожиданно в детство шурфовщика. И вдруг Долбояк оживился, закивал головою, вскинул ружье — я в ужасе закрыл глаза. Раздался металлический звук, но это не было щелканьем курка. Я увидел, как Стрекозов переломил ружье и разрядил его. Затем он закрыл стволы, схватился за них руками, размахнулся и расщепил приклад о камень.

Иван прошел к обрыву, махнул рукой, и шурфовщик упал на колени, склонил голову к земле.

А лебедь тем временем был у самой воды. И тогда Иван разбежался и прыгнул с обрыва...

Геолог перевел дыхание, вздохнул и потянулся за сигаретой. Раскурив ее, он продолжал:

— Не может остаться в живых человек, если он прыгнет с высоты в сто метров, пусть даже и вода окажется под ним... Потом меня мучило даже не это. Я никак не мог забыть, как падал Дудкин в Бормотуй... Он разбежался и прыгнул. В тот же миг он исчез за обрывом, но тут оцепенение покинуло меня. Я выбежал на край и увидел, как мой новый рабочий медленно, понимаете, медленно опускается к водам Бормотуя.

Вспоминая эту потрясшую меня картину, я объяснил это тем, что в моем мозгу как бы застопорилось время и падение Ивана предстало воображению подобием замедленной киносъемки. А что же мне еще оставалось делать? Рассудок всегда

старается объяснить непонятное земными, естественными аналогиями. И если сознанию заведомо известно, что люди не могут парить в воздухе, то сознание скорее усомнится в собственной нормальности, нежели отвергнет такую очевидную, проверенную опытом истину.

Конечно, в те минуты мне было не до абстрактных умствований. Вся партия была взбудоражена случившимся. Кто-то бессмысленно кричал и махал уже плывшему к лебедю Ивану, другие бежали к пологому берегу, куда должен был выгрести Дудкин, коллектор Зоя подбежала к поднявшемуся уже на ноги Стрекозову и отвесила ему звонкую оплеуху, но шурфовщик все так же бессмысленно таращился, испуганно озирался и на пощечину Зои внимания не обратил.

Иван со спасенным лебедем благополучно выплыл на берег, и удивительным было то, что никому и в голову не пришло изумиться, поразмыслить о его фантастическом прыжке.

— А потом он исчез, — сказал Владимир Петрович.

— Лебедь? — спросил Чесноков.

Беглов поморщился.

— При чем здесь лебедь? Пропал Иван Дудкин... Честно признаться, сильно грешил я тогда на Стрекозова, не подстерег ли он парня. Но у Долбояка было «железное алиби», и мы решили: ушел Дудкин в родную деревню, поработал у нас две недели и ушел...

— Две недели, говорите? — спросил помполит. — Забавно... Сегодня ровно столько же с того времени, как Феликс пришел ко мне в каюту на острове Диксон.

— Вася Амстердам проработал в лаборатории Мухачева такое же время, — заметил Владимир Петрович. — Видимо, это у него цикл определенный, двухнедельный...

— Это какой еще Мухачев? У меня есть друг в Москве с такой фамилией. Художник...

— Это другой, — сказал Беглов. — Мы учились с ним в горном. А сейчас он заведует лабораторией в одном из московских НИИ, и это уже другая история...

* * *

Их было трое. Девочка, мяч и собака.

Всем троим было весело, они от души забавлялись игрой, которую придумала девочка. Она громко смеялась и хлопала в ладоши, мяч самоотверженно ударялся о землю, чтобы взмыть в выцветшее от солнца июльское небо, а пес дурашливо лаял, он был еще очень молод, но уже понимал, что звонким голосом своим радует доброе сердце маленькой хозяйки.

Именно по молодости лет пес утратил собачью осторожность, и, когда мяч неудачно приложился к земле и выкатился на мостовую, Шарик, самозабвенно лая, бросился следом.

Девочка бежала за ним. Так они и оказались все трое под колесами бешено мчавшейся кареты «скорой помощи».

— Нет, — сказал Беглов, взглянув в напряженное лицо Чеснокова, — несчастья не случилось... Произошло нечто новое, неожиданное, не поддающееся объяснению. Мы с Мухачевым только что вышли из его института и шли по этой улице к станции метро. На этот раз у меня был свидетель... Мы увидели, как с противоположной стороны выбежала за мячом собака, потом девочка, как сбились они вместе, замерли, беспомощные, перед радиатором ринувшейся на них «Волги». Я хотел зажмурить глаза, чтоб не видеть того страшного, что должно было сейчас произойти, и тут передо мной мелькнуло лицо Ивана Дудкина. Потом все исчезло... И машина, и эта обреченная троица на мостовой. Иван Дудкин, одетый в модный джинсовый костюм, стоял на обочине мостовой. Я оцепенело смотрел на него... Вдруг между нами с громким воем промчалась «скорая помощь». Едва она скрылась, на мостовую выкатился мяч, его догнала на середине собака и обхватила лапами, задержала. Затем появилась девочка, подхватила с асфальта мяч, другой рукой схватила собаку за ошейник, и все трое отправились в сквер.

Иван Дудкин перешел на тротуар. Он заметил, что я смотрю на него, поднял руку в приветственном жесте, улыбнулся и быстро зашагал прочь.

Теперь я вспомнил, что рядом стоял Володя Мухачев, и повернулся к нему. У Володи были вытаращены глаза, отвисла челюсть. Он все видел.

— Иван Дудкин, — выговорил я наконец. — Откуда он здесь взялся?

— Какой Иван? — отозвался мой друг. — Это наш новый лаборант. Амстердам его фамилия, Вася...

Я рассказал Мухачеву о своей таежной встрече с этим Амстердамом, об истории с лебедем, и Володя поверил: ведь он только что видел содеянное его лаборантом. Мы вернулись в институт, где Мухачев разузнал адрес Дудкина-Амстердама, он жил в дачном поселке Ильинка, примчались туда на такси, но хозяйка дачи сказала, что жилец еще утром съехал с вещами. Так во второй раз оборвался след этого удивительного человека...

— Человека? — переспросил Игорь Николаевич. — Но ведь вы только что утверждали, будто он из созвездия Лебедя.

— Ну и что же? Ведь все его поведение было в высшей степени человеческим...

— Как же вы объясняете происшествие с девочкой?

Геолог пожал плечами.

— Мы так и эдак прикидывали с Мухачевым... Тут два объяснения. Или мы стали жертвой наведенной галлюцинации, массового гипноза, и сцена неотвратимо надвигавшейся ката-

строфы была внушена нам тем же Дудкиным-Амстердамом, либо...

— Не продолжайте, — сказал Чесноков, — дайте мне объяснить самому. Ведь я люблю фантастику... Поклонник Ефремова и Клиффорда Саймака. Тут, видимо, имело место быть временное смещение. Этот ваш маг и волшебник открутил время назад и поменял в новом его течении события местами. Вначале пропустил «скорую помощь», а затем позволил этой троице оказаться на мостовой. Разве я не прав?

— Примерно так себе представляли случившееся и мы. Правда, сегодня ночью я попытался выяснить причину этих фокусов у автора их, но мне он так ничего толком не объяснил. Сослался на то, что не имеет права знакомить меня с достижениями их цивилизации. Я так понял, что мы еще не созрели духовно для постижения таких истин.

— Недостойны, значит? — спросил Игорь Николаевич.

— Неподготовлены — так будет точнее, — ответил Беглов. — Кое-что из нашего разговора я сумел записать на пленку...

Он вынул из кармана небольшой магнитофон.

— Вот... Это все, что осталось от нашей последней встречи.

— Как вы узнали его здесь, на судне? Ведь ко мне он пришел как Феликс Канделаки...

— Тут он опять отличился, у вас на «Воровском»... Правда, никто, кроме меня, этого не заметил. Вам, наверно, известно, что при погрузке в порту Диксон лопнул грузовой шкентель и целый строп ящиков с консервами упал на пирс?

— Да, я хорошо знаю этот случай... Капитан поручил мне расследование ЧП.

— А мне довелось самому видеть происшедшее... Я наблюдал погрузку с борта судна. Когда лопнул шкентель, строп висел над пирсом. Второй лебедчик не успел выбрать слабину, чтоб завалить строп на палубу, и груз, как говорится, камнем пошел вниз. А на пирсе прямо под стропом застрял электрокар. У него скис двигатель, и водитель тщетно рвал контроллер, пытаясь дать электрокару ход.

Ящики летели водителю на голову. И в последнее мгновение электрокар рвануло в сторону, с грохотом рассыпался на пирсе строп, все кругом кричали и размахивали руками, а водитель медленно слезал с кресла, бледный и растрепанный, вытирая со лба пот рукавом.

Двигатель у электрокара так и не сработал, и его на буксире утащили прочь... А потом я заметил в толпе грузчиков и матросов с «Воровского» Ивана Дудкина... Или Феликса Канделаки, как вам больше нравится.

— Телекинез, — сказал Чесноков. — На этот раз он применил способ производства механической работы с помощью мысленной энергии: мгновенно на расстоянии передвинул

электрокар с водителем, усилием воли или чем там еще, науке про это пока неизвестно... А вы везучий. Трижды встретиться с подобным феноменом...

— Это даже он заметил. Вот послушайте.

Беглов включил магнитофон, и первый помощник капитана услыхал знакомый голос:

«...Повезло. Вероятность наших встреч выражается единицей, умноженной на десятку минут в двенадцатой степени. Вы заслужили мою откровенность и этим, и хотя бы тем, что так доверчиво отнеслись ко мне при встрече в тайге. Хотите услышать мою историю?

— Разумеется. Но как мне называть вас? Ведь вы не Дудкин и не Вася Амстердам.

— Конечно. Это все временные псевдонимы. Когда-то люди называли меня Агасфером, но я вовсе не тот лавочник, который не позволил присесть отдохнуть у своего дома несчастному, идущему на казнь...»

— Агасфер? — услышал Чесноков изумленный голос геолога.

— Да, — отвечал Феликс Канделаки, или кто он там был на самом деле. — Я Агасфер. Только пришел сюда из созвездия Лебедя... История моя проста, если не сказать баиальна. Зовите меня Фарст Кибел. Это несколько соответствует произношению моего настоящего имени.

— Значит, вы вовсе не человек? — спросил Беглов.

Фарст Кибел рассмеялся.

— Знаете, за эти годы я как-то свыкся с тем, что окружающие считают меня человеком... Судите сами, кто я. Конечно, в своей среде я выгляжу совсем иначе. Но ведь нас с вами роднит духовность, не так ли? Вот это родство душ, так сказать, и обрекло меня на вечные скитания по вашей планете. Скитания и одиночество... К нему приговорили меня товарищи, поскольку я нарушил Космический Устав.

— Что же вы совершили такого, Фарст Кибел? Мне довелось встречаться с вами трижды, и всегда вы творили добро. Не могу поверить, что вы способны на безнравственный поступок.

Чесноков будто увидел сейчас, как улыбнулся при этих словах пришелец.

— До определенной степени мы умеем управлять временем, но в целом грядущее скрыто и для нас. Творя добро в сиюминутное мгновение, мы, не желая того, можем нанести жестокий удар будущему. Спасая мальчика, провалившегося под лед, мы, быть может, оставляем миру страшного и жестокого тирана, он станет, им, когда вырастет... Потому нам строго-настрого заказано вмешиваться в события, происходящие на других планетах.

— По-моему, вы только и делаете, что вмешиваетесь, — проворчал геолог. — Так ведь?

— Совершенно верно, — согласился Фарст Кнбел. — Теперь мне уже ничто не грозит. Я исключен нз отряда космонавтов.

— И все-таки... За что же вас?

— Давным-давно, когда наша экспедиция обследовала побережье Средиземного моря, я подружился с одним молодым человеком. Разумеется, он не знал, кто я на самом деле, н пытался увлечь меня учением, которое распространял, бродя по стране с горсткой своих приверженцев-ученнков. Мне нравились его одержимость и редкая в те времена бескорыстность. Этот человек был поистине не от мира сего. Только родиться ему следовало позднее. Да... Но так нли иначе, власти предержащие довольно скоро понялн ту опасность, которая содержалась в его проповедях. Его схватили и приговорили к смертной казни. А я так прнвязался к нему, что забыл о долге разведчика, который ни при каких обстоятельствах не должен поддаваться чувствам. Другими словами, я решил спасти его. А чтобы не нарушить естественный ход событий, заменил его собой. Ведь казнь обязательно должна была совершиться.

— Вы дали себя казнить? — спросил Беглов.

— Не себя... Я принял облик того человека, вот физическое обличье и казнили. Потом вернулся на свой корабль, где был сурово осужден товарищами за вмешательство в земные дела. Впоследствии я понял, что серьезно изменил ход человеческой истории. Конечно, трудно предугадать, что было бы, не подружись я с тем человеком н не прими на себя его муки. Но у меня есть все основания полагать, что, спасая одного, я обрек на мучительную смерть многие тысячи. Так и случилось в будущем.

— Но вы не могли заранее знать об этом!

— Не мог... Но все космонавты-разведчики знают, что вмешательство в развитне иного разума, давленне на него извне всегда безнравственны. И товарищи справедливо прнговорили меня к тому, чтобы, оставшись на Земле в одиночестве, я собственными глазами увидел, что натворил, поддавшись однажды обаянию духовной общности.

— И надолго вы?..

— Трижды приходил срок, но за мной так и не прилетели. И вот я брожу по планете, накапливаю знания о человечестве и его природе. Мне нельзя задерживаться надолго на одном месте... Тогда возникает привязанность, вдруг исчезает чувство однночества. Я вспоминаю, что приговорен к нему, не могу нарушить условия предпосланного мне наказания, и тогда заставляю себя идти дальше.

— Идти дальше... Но ведь нет никого, кто бы мог проследнть за соблюдением этого жестокого приговора?! — вскричал геолог.

— А я сам? — услыхал Игорь Николаевич голос Фарста

Кибела, и помполит будто увидел, как грустно улыбнулся он.

Наступило молчание. Крутилась невидимая в кассете магнитофонная лента. Молчали и Чесноков со своим ночным гостем. И вдруг голос Фарста Кибела произнес:

— Мне пора. Днем я получил сигнал. Кажется, срок мой кончился, и за мной прилетели. Пойду.

— Мне... Можно мне пойти с вами?

— Хотите проводить меня?

— Да... Если не возражаете.

— Хорошо. Только до палубы.

— Мы поднялись с ним наверх, — сказал Беглов, выключив магнитофон. — На палубе была ночь. Фарст Кибел пожал мне руку. Потом, не мешкая, через фальшборт спрыгнул на лед. Во тьме смутно угадывалась его фигура.

— Прощайте, я ушел, — донесся снизу его негромкий голос. — Меня ждут. И помните: надо верить первому движению души. Оно всегда бывает благородным.

— До свидания, — ответил я невпопад и услыхал в ответ тихий смех.

Беглов умолк. Погладил ручку магнитофона.

— Что же дальше? — спросил первый помощник.

— Вот и все... Фарст Кибел ушел. Он двинулся в направлении Северного полюса.

— Что скажете? — спросил геолог.

Чесноков снял телефонную трубку.

— Мостик? — спросил он. — Четвертый штурман на месте? Пришлите его ко мне.

— Что вы хотите предпринять? — осведомился Беглов.

Когда молоденький паренек, постучав, вошел в каюту первого помощника, Игорь Николаевич попросил его принести судовую роль и документы матроса Феликса Канделаки.

Вернувшийся через несколько минут штурман был растерян.

— Вот судовая роль, — сказал он. — Но тут нет никакого Канделаки. И документов таких я не помню, у меня нет их попросту. И не было. Может быть, он из пассажиров?

Геолог и Чесноков переглянулись.

— Ну ладно, хорошо, — сказал помполит. — Идите. А судовую роль мне оставьте.

Едва штурман вышел, оба они склонились над списком экипажа.

— Вот здесь он был, — проговорил Игорь Николаевич и ткнул пальцем. — Калугин Сергей Леонидович, потом шел Канделаки, затем, после него, Лучковский Евгений... Вот это есть... А где Канделаки? Калугин — и сразу за ним Лучковский... Куда же исчез Канделаки?

Беглов улыбнулся.

— Ему удавались шутки и посложнее этой... Постойте!

Он метнулся к магнитофону и включил его. Они ждали минуту, другую, третью... Аппарат не воспроизводил никаких звуков.

— Если бы я сам не принимал от него документов, то подумал бы, что вы меня разыграли, — медленно и тихо произнес помполит. — Попробуем еще...

Он позвонил и вызвал к себе боцмана.

— Что вы скажете, боцман, об этом новом матросе? — спросил Чесноков. — Об этом Феликсе Канделаки...

Боцман недоуменно смотрел на первого помощника капитана.

— Простите, Игорь Николаевич... Вы кого имеете в виду?

— Кого, кого... Ну, конечно же, новичка. Того самого... Мы взяли его в Диксоне. Вы, боцман, еще недавно говорили мне, добрый, дескать, паренек. Оставить бы его на «Воровском» насовсем...

Обалдение боцмана было таким неподдельным, что Чеснокову стало неловко. Боцман смотрел-смотрел на первого помощника, и вдруг виновато улыбнулся. Он решил, что где-то и в чем-то проштрафился, и помполит придумал суперхитрую методу для разноса.

Чеснокову стало жалко судового «дракона». Он махнул рукой. Идите, мол...

Когда боцман вышел, Беглов и Игорь Николаевич воззрились друг на друга, потом расхохотались.

— Знатно он нас разыграл, — сказал геолог.

— Да, нашему судну выпала честь быть местом деятельности этого инопланетянина... Везет же пароходу! Писатели на нем плавали, кинорежиссеры и артисты. Теперь вот товарищ с Лебедя закончил на нем срок.

— Небось он уже в объятиях своих друзей, — заметил Беглов. — Если только у них принято обниматься... Шутка ли: без малого две тысячи лет скитался.

Внезапно донесся извне отдаленный рев. Смягченный расстоянием, грохот казался знакомым. Помощник и геолог переглянулись.

— Может быть, это они? — прошептал Владимир Петрович.

— Кто «они»? — недоуменно спросил его помполит.

Геолог растерянно глянул на Игоря Николаевича.

«Что я делаю здесь, в этой каюте? Да еще в такую рань», — подумал он, мельком взглянув на часы.

Первый помощник капитана силился припомнить, по какому такому поводу пригласил он к себе этого человека. Тут он заметил листки судовой роли, лежащие на столе, и решил, что, видимо, произошла путаница при оформлении документов. Чесноков собрал бумаги, поднял глаза на гостя и увидел, что тот уже стоит, прижимая к груди магнитофон.

— Значит, мы с вами обо всем договорились, — с бодрым

наигрышем в голосе проговорил помполит, мучительно пытаясь вспомнить, зачем пришел в его каюту этот человек.

— Да-да, конечно, — пробормотал геолог, пятясь к двери, — с вами уже... Того... Договорились.

«О чем?! Ну о чем мы договаривались с ним?» — лихорадочно думал он.

Вновь раздавшийся рев заставил их вздрогнуть. Теперь он слышался ближе.

За дверью вдруг затопали, раздался торопливый стук, и, не дожидаясь разрешения, в каюту вломился четвертый штурман.

— Игорь Николаевич! — закричал он с порога. — Капитан просит на мостик... «Ермак» на подходе!

СПАРТАК АХМЕТОВ

ШОК

1

Ранним утром Алан вошел в город, облепивший крутые холмы грибообразными зданиями. Редкие деревья на улицах цеплялись узловатыми ветвями за низкое темно-серое небо, живое и плотное, как брюхо гигантского чудовища. И не небо это было, а налитые свинцовой тяжестью облака, которые мощно и неудержимо ползли над городом. Они бы с корнем вырвали деревья и потащили их над домами, хлеща по окнам и срывая крыши, если бы корявые стволы не были схвачены у корней ржавыми решетками. Ветер дул наверху, а на улицах, пропитанных сыростью, было тихо и душно. Между домами вилась булыжная мостовая, каменная чешуя которой лоснилась и отливала чернью. Она, словно дракон Морт, вплелась в город гибким и чудовищно длинным туловищем. Алану мерещилось, что в вязком мраке над домами колышется безобразная бородавчатая голова и, тускло посвечивая вертикально поставленными зрачками, медленно поворачивается и следит за ним.

Алан долго шел по узкой пустынной улице, ощущая спиной холодок опасности. Изредка мимо грохотали экипажи, испуская ядовитую вонь несгоревшего сланца. На перекрестках под синюшного цвета накидками горбились стражники и смотрели на него из-под нахлобученных капюшонов. Ни подойти к ним, ни заговорить с ними не хотелось. Наконец впереди показалась грузная фигура в темной мешковатой одежде. Алан подождал, пока прохожий, шаркая подошвами, приблизился.

— Прошу прощения, достойный, — сказал он, поднимая раскрытую ладонь.

Прохожий даже не глянул на него из-под обвисших полей

шляпы. Что-то мыча и кривя чугунное лицо в ухмылке, он грузно прошаркал мимо. Алан постоял и пошел следом, еще раз окликнув:

— Послушайте, достойный!

Прохожий все шаркал и шаркал тяжелыми подошвами, глухо и нечленораздельно мычал. Несколько раз его шатнуло, но он так и не вытащил рук из глубоких накладных карманов, доходивших до локтей. Алан шел за ним мимо потемневших от старости и сырости домов с черными окнами, мимо лавок, опоясанных железными полосами и увешанных массивными замками, сворачивал в кривые переулки, тащился через проходные дворы, заставленные какими-то бидонами, железными ящиками, ржавыми мусоросборниками. У черного провала арки достойный остановился. Когда Алан приблизился, он услышал басовитый голос. Собеседника не было видно, его заслоняла расплывшаяся спина.

— ...н-нарушаешь? — сипло басил достойный, покачиваясь из стороны в сторону. — А пчему нарушаешь? Есть у тебя уваж-ж-жительная причина, самоотвод или с-справка?

В ответ послышался хриплый невнятный звук.

— А ты не ворчи! У меня все дома, с бумажками порядок и оброк уплачен вперед. Имею право пить за сизое воинство и гулять хоть всю ночь... Понял, нет? Звякну вот куда следует, и загремишь куда подальше. — Достойный еще глубже засунул руки в карманы и пошатнулся. — А м-может, ты ж-жрать хочешь, песий сын? У-у-у, м-мордашечка!.. На, давись!

Он извлек из кармана что-то бурое и свернутое в кольцо и швырнул перед собой. Резкий жест нарушил равновесие, достойного понесло в сторону, и он, запинаясь о собственные башмаки, канул под темную арку. И долго еще слышалось шарканье подошв и хриплое отхаркивание.

У дома, привязанный к водосточной трубе, сидел пес. Это был явно породистый пес, Алан встречал такого же давным-давно, в другой жизни. Только та собака выглядела ухоженной: крупные белые локоны расчесаны, на шее желтели дорогие жетоны наград; она сидела, чуть скосив голову и изломав роскошные уши, и юмористически поглядывала сквозь густую шерсть на горбоносой морде.

— Привет, — сказал Алан, подняв растопыренную ладонь. — Как тебя зовут?

Пес смотрел в сторону, натянув размочаленную веревку. Пожелтевшая шерсть на его тощем теле была заляпана грязью, глаза слезились.

— Давай я тебя отвяжу.

— Не надо, — мотнул головой пес. — Я жду друга.

— Ты голоден?

— Нет.

— Меня зовут Алан, а кто ты?

— Я Эрд.

— Давно сидишь здесь?

— Не знаю... К другу пришли чужие с голубой кожей и увезли.

Алан нерешительно потоптался, заглянул под арку — оттуда тянуло леденящей сыростью.

— Ты можешь подождать в теплой комнате. Идем.

— Нет, — сказал Эрд. — Я хочу ждать здесь.

— Тогда я принесу горячего молока.

Он пробежал арку и огляделся: двор был тесен и мал, с четырех сторон поднимались стены, и лишь одно окно желтело под крышей. Тяжелая дверь в подъезде висела на одной петле и качалась, будто ее только что дергали.

2

Алан поднялся на первый ярус. Длинный туннель, едва освещенный сланцевым фонарем, был безлюден. К стенам приткнулись узкие столы, на которых громоздилась грязная посуда, небрежно прикрытая засаленными тряпками. Алан хотел постучать в первую же дверь, но та оказалась распахнутой. Он нерешительно ступил на порог и громко спросил:

— К вам можно, достойные?

Никто не ответил. Тогда он пошел дальше и тут же споткнулся. Шепотом помянув дракона Морта, Алан перешагнул через какую-то бесформенную массу и увяз в разбросанных тряпках. Коридор наконец кончился, и ему открылась комната, освещенная серым предутренним светом из разбитого окна.

Здесь царил разгром. На полу валялись вещи в самом диком сочетании: подушки и кастрюли, книги и женское белье, коробки, детские игрушки, сломанный стул. Все это было густо присыпано пеплом, пахло жженой бумагой. Алан заглянул в смежную комнату — та выглядела не лучше. На противоположной от окна стене расплывалось бордовое пятно, тонкие извилистые струйки тянулись к полу. Алан еще раз осмотрел комнату, заглянул под лежанки и стол. Никого живого здесь не было.

Он медленно обошел весь первый ярус, заходя в раскрытые помещения. Все они были разгромлены и засыпаны пеплом. Он поднялся на второй ярус — тот же разгром и нежиль. На третьем ярусе потолочный фонарь не горел, и туннель наполнял вязкий, пропитанный страхом мрак.

— Их всех слизнул дракон Морт, — вслух подумал Алан и тут вспомнил о желтом окне под крышей.

Он быстро поднялся еще на четыре яруса, прошел мимо зияющих входов в боковые помещения и остановился у единственной закрытой двери. При тусклом косом освещении прочитал на табличке: «Доктор Вен», и немного ниже: «Тянуть

вниз». Рядом торчал рычажок с черной шаровидной головкой.

Алан посмотрел по сторонам — в туннеле было пусто и мрачно. Из-за двери не слышалось ни звука, сквозь щели пробивался желтый свет. Он потянул рычажок, подождал немного и потянул еще два раза — сильнее. За дверью скрипнули половицы, донеслось прерывистое дыхание, потом снова стало тихо. Алан чувствовал, что в коридоре кто-то стоит, прислушиваясь, и снова дернул за шарик.

— Кого надо? — спросил тонкий дрожащий голос. Будто бы даже и детский.

— Понимаете... — Алан не знал что говорить. — Тут на улице мерзнет Эрд...

— Что вам угодно? — взвизгнул голос.

— Да вы бы открыли, а то неудобно разговаривать.

За дверью коротко вскрикнули, резкий удар расщепил дерево, и мимо головы Алана что-то с визгом пронеслось. Дверь начала медленно отходить, а за нею что-то грохотало, будто тащили тяжелый сундук, потом зазвенело разбитое стекло. Алан подождал, пока дверь раскроется полностью, и осторожно вошел в пустой коридор, сияющий чистотой. На стене под большим зеркалом висели серые накидки, мужские и женские. На полу выстроились разнокалиберные башмаки.

— Где же вы, достойный? — тихонько спросил Алан и двинулся дальше. Большая комната тоже блестела. Одна стена была заложена книгами, в зеркальных корешках которых отражался яркий вделанный в потолок фонарь. Над лежанкой горел еще один фонарь, постель была смята, на подушке переплетом вверх лежала книга. На полу валялся странный предмет, от которого тянуло кислым дымом. Алан поморщился, недоуменно оглядывая комнату, — спрятаться здесь негде. Но ведь кто-то же говорил с ним! И тут он увидел окно с распахнутыми створками, в которых кривыми кинжалами торчали осколки стекла. Холодея от ужаса, Алан перегнулся через подоконник и заглянул вниз. На дне каменного колодца смутно белела фигура с разбросанными руками и ногами.

Алан выскочил из комнаты, пронесся по туннелю, задевая за столы и сметая на пол посуду. Прыгая через несколько ступенек, побежал вниз. На поворотах его заносило, приходилось цепляться за перила и пересиливать инерцию тела. Он выскочил в подъезд, крепко ударился о раскачивающуюся дверь, но не почувствовал боли.

Горожанин из книжной комнаты лежал на спине, неестественно вывернув и раскинув руки. Рот его был разверст в безмолвном вопле, глаза открыты и наполнены ужасом. Алан присел на корточки, взял лежащего за кисть, но тут же разжал пальцы: мертвая рука согнулась не в локте, а где-то выше, у плеча. Алан с ужасом смотрел на разбитое тело и не понимал, чем же он так напугал доктора Вена, что тот предпочел выбро-

ситься, но не открывать незапертую дверь. И что же теперь делать, куда пойти, кому сказать о трупе. Он отошел к подъезду и сел иа ступеньки, подперев подбородок руками, и все смотрел, ие мог не смотреть на черную дыру рта и распяленные глаза.

С улицы донесся резкий грохот. Отчаянно, попавшей под колеса собакой, завизжали тормоза. Дергаясь и подвывая, во двор въехал закрытый голубой экипаж и стал в нескольких шагах от изломаиного тела. Алаи вскочил и увидел, что сзади фургона распахнулся круглый люк, из которого иогами вперед вылезли два стражника. Не поправляя задравшиеся к плечам накидки, они с двух сторон подошли к трупу. Молча взяли его за руки и за ноги, подволокли к люку и неловко впихнули внутрь. Следом забрался один из стражииков. Другой боком подошел к Алану и шепотом спросил:

— Сам дорогу иайдешь или как?

— Какую дорогу? — ие поиял тот.

— Тогда стой здесь и жди.

— Дорогу куда? — Алаи пытался заглянуть стражнику в глаза, ио тот отворачивался и прикрывал рот.

— Иди поднимись в комиату этого и почитай пока. Книги у иего редкостиые, как у Счена.

Стражник торопливо подбежал к фургону, иырнул в люк, и тот сам собой захлопиулся. Экипаж заскрсжетал, выпустил облако дурно пахнущего газа и медлеиио выполз со двора. Алан постоял в растерянности и бросился вслед:

— Постойте! Постойте!

Но экипаж уже скрылся и тарахтел где-то в переулке. А у стены валялся раздавленный Эрд. На желтоватой шерсти отчетливо отпечатался след колеса, в оскаленной пасти матово белели клыки. С водосточной трубы свисал разлохмаченный обрывок толстой веревки и слегка покачивался...

3

Заметио посветлело, хотя солнце так и не появилось. В небе с той же неудержимостью иеслись желтобрюхие облака, теперь уже почти задевая крыши домов. Слегка моросило.

Алаи ие стал дожидаться, пока за ним приедут. Посмотрел еще раз в мертвые глаза Эрда, погладил на прощаиие мокрую шерсть и быстро зашагал по крутому взлету улицы. Пересекая очередиой переулок, он увидел, что из-под иизких арок суетливо выскакивают горожаие в однообразио-серых накидках и почти бегут вверх по улице. При выходе иа мостовую толпа стала гуще и перешла иа шаг. Сырой воздух наполиился глухим топотанием, шорохом накидок, хриплым кашлем. Алан шел молча, как и все, и только изредка взглядывал по сторонам, ища вывеску харчевни. Его знобило, хотелось выпить горячего.

Масса людей перемещалась все медленнее и медленнее, единое слитное движение нарушилось. Отдельные группы прижимались к стенам, между ними текли ручейки и реки горожан, сливаясь и дробясь на рукава, обгоняя друг друга и отставая, закручиваясь в спирали и вовсе поворачивая обратно. Алан остановился посреди улицы, его толкали плечами и локтями, сбивая к стене дома. Он едва не упал, споткнувшись о неподвижное тело, через которое все равнодушно переступали, и тут заметил громадного мужчину, на целую голову возвышающегося над толпой. Его громадные глаза горели, как костры, под крупным носом тяжелела челюсть. Мужчина рассекал толпу словно клин, и Алан сообразил пристроиться за могучей спиной.

Так они и шли, пока не уперлись в колонну экипажей, застывших поперек улицы впритык друг к другу. Здесь стояли и фургоны, и цистерны, и открытые платформы. Не ускоряя шага, широкоплечий запрыгнул на платформу и через мгновение был на другой стороне. Алан замешкался, глядя, как иные карабкаются на высокие кузова, а иные подползают под экипажи. Потом и сам последовал примеру ведущего, коротко остриженная голова которого мелькала далеко впереди.

Через два квартала дорогу опять перегородила цепь экипажей. Здесь стояли одни цистерны с черными гладкими боками, и Алану пришлось стать на четвереньки, чтобы проползти у колес. Ладони и колени скользили по мокрым камням мостовой, один раз он упал на грудь и едва не расшиб нос. А впереди сквозь поредевшую толпу синела новая колонна фургонов. В самом центре ее чернел узкий проход, который загораживали два стражника с уже знакомым Аланом оружием на изготовку. Около них робкой цепочкой сутулилось несколько горожан. Последним, развернув плечи, стоял давешний ведущий. Алан подошел к нему и молча поднял ладонь.

— Новенький, что ли? — тяжелым басом спросил ведущий, нависая над Аланом.

Он был нереально громаден и заслонял собой весь город. И еще он был явно болен: белки глаз затянула кровавая сетка, нос посинел и опух, губы запеклись черной коркой.

— Давно в городе? — повторил гигант.

— С сегодняшнего утра, — тихо ответил Алан.

— Что видел?

— Я еще ничего... Я успел поговорить только с одним... с Эрдом...

— О-о-о! — уважительно протянул гигант. — Ты знаешь Эрда? И как он?

— Я не знаю, — смешался Алан. — Эрд умер...

Дымная мгла затянула костры глаз, голос дрогнул:

— Вот как... Я снова опоздал... Держись за мной, — сказал он быстрым шепотом и шагнул к охранникам, которые только

что двумя ударами свалили иа мостовую стоявшего перед ними горожанина. Стражиики подняли оружие:

— Основаиие?

Гигаит протянул какие-то твердые квадратики. Стражиики иедоверчиво рассмотрели их с двух сторои и залаяли:

— Имя?

— Заиятие?

— Зачем идешь?

— Я Счен, киижиик, — грозио пробасил гигант. — По решению служителей Морта должеи все видеть. Со мной друг.

Не опуская оружия, стражники расступились. Алан и Счен протисиулись в узкий проход.

Оии поднялись еще иа один квартал и вышли на широкую круглую площадь, обставлеииую по периметру зданиями-грибами. Площадь заиимала самую вершииу холма. Оиа вся серела от накидок горожан, среди которых изюмииками были вкраплены синие капюшоиы стражников. В цеитре площади иа высоком прямоугольиом постаменте высился памятник дракону Морту. Его щупальца спиралями убегали от широко распахиутых ноздрей, глаза светились огиеииой яростью, одио крыло стояло, как треугольный парус, второе иависало над толпой. Короткие когтистые лапы вцепились в камеиь постамента. Дракои был изображен в момеит, когда ои пожирает собственный хвост.

— Что будет? — спросил Алаи.

— Великое событие, — усмехиулся Счеи. — Молчи и смотри.

Голубой фургои задом подъехал к постамеиту. На крышу взобрался здоровеииый стражиик и ловко иакииул иа крыло дракона петлю.

— Давай! — проорал ои кому-то вииз и спрыгнул.

Фургон взревел и с места рваиулся на шарахиувшуюся толпу. Петля затяиулась, зазвенел трос, и крыло обломилось у самого осиоваиия. Короткий восторжеииый рев проиесся по площади. Точно так же было обрушеио второе крыло. Потом из фургона косо выдвинулась металлическая ферма, с вершииы которой свисал иа тросе громадиый чериый шар. Ферма резко качиулась, и чудовищиой силы удар потряс чешуйчатое тело дракоиа. Во все стороиы брызиули осколки, треугольные гребешки иа хребте обломились и посыпались вииз, исчезли кольчатые щупальца.

Чериый шар обрушивал удар за ударом. «Ах! Ах!» — вторила толпа. Дракои Морт все еще цеплялся за постамеит изломаииыми ногами, ио уже иизверглась бородавчатая голова и покатилась по земле, сжимая в зубах остатки хвоста, уже провалился хребет, и тут ферма пошла иижe и иесколькими ударами смела верхиие камии постамеита.

Серая волна иакидок захлестиула фургон и разломанный

постамент, скрыв их от глаз Алана и Счена. Когда толпа отхлынула, центр площади был гол.

— Так! — одобрил Алан.

— Смотри дальше, — успокоил его Счен, положив ему на плечо могучую ладонь.

Откуда-то сбоку загрохотала музыка, на месте бывшего постамента открылся темный провал. Из глубины медленно и торжественно поднялось нечто бесформенное, запеленатое в серое покрывало.

Опять посыпался мелкий дождь. Толпа немо стыла, не поднимая капюшонов.

Два стражника подняли на крышу фургона маленького толстого горожанина. Тот потоптался, оправляя сверкающую коричневую одежду, вскинул над головой короткую руку и принялся выкрикивать тонким голосом непонятные слова. До Алана доносилось:

— Единым вздохом! Стражники страждут!.. Центр мирового равновесия!.. Через семь гробов!.. Сизое воинство!.. Хвост и зубы дракона!.. Теснее сдвинем фургоны!..

Толстяк кричал долго и страстно, а когда завершающе рубанул рукой, толпа бурно зашевелилась и загудела. Стражники подскочили к закутанной бесформенной громаде и дернули за свисающие веревки. Покрывало зашевелилось, медленно поползло вниз, открывая вертикальный треугольник крыла, иззубренный пластинками хребет, изогнутое чешуйчатое тело. Дракон Морт, вцепившись когтями в постамент и яростно раздувая спиралевидные щупальца, пожирал собственный хвост. Огненные черточки его зрачков горели неукрощенной злобой.

Толпа на площади веселилась и буйствовала. Вверх летели серые и голубые накидки, громыхала музыка; то там, то здесь вспыхивали палочки горючего сланца и пологими дугами летели над головами. Вокруг дракона Морта в разные стороны кружились концентрические кольца горожан, сцепившихся руками.

Отворачиваясь от клубов желтого дыма, Счен угрюмо спросил:

— Ну, как?

— Ничего не понял, — пожаловался Алан.

— А этого и не требуется. Главное — в едином вздохе.

— Хочу уйти.

— Тебя не пропустят сквозь заслоны экипажей. — Счен задумался. — Послушай, ты наверняка устал и проголодался. Вот основание с моим адресом, иди и отдохни. Я вернусь к вечеру.

— А ключ?

— Что ключ? — не понял Счен.

— Дверь, наверное, закрыта.

Тяжелая складка подковой охватила жесткий рот Счена:

— На Яне двери никогда не запирают, ибо честному горожанину не от кого прятаться. Ступай!

4

Счен жил в угловом грибе недалеко от Драконовой площади. Низкая каменная арка, не круглая, а квадратная, зияла, как вход в пещеру. Алан быстро прошел по узкому длинному двору, с трудом открыл тяжелую дверь подъезда и постоял на нижнем ярусе, переводя дыхание. За ним вроде бы никто не шел. В доме было тихо и холодно.

Алан двинулся по деревянной скрипучей лестнице навстречу зеленоватому свету, льющемуся сверху. На шестом ярусе его ослепил фонарь, забранный в ржавую решетку. Несколькими шагами дальше темнела дверь с тускло-серой табличкой: «Книжник Счен» — и знакомым рычажком. Алан толкнул дверь и вошел в комнату, которая ударила по глазам обилием книг. Зеркальные корешки сияли на боковых стенах, вокруг окна, над низкой лежанкой. Книги рядами стояли на широком столе, толпились на подоконнике, груднлись в углах. Алан восхищенно поцокал языком и медленно двинулся по комнате, скользя глазами по невиданному богатству.

Он поглаживал книги ладонью, осторожно вытаскивал из гнезд и, раздувая страницы, прочитывал несколько строчек, просматривал оглавления. Имена древних великих книжников вздрагивали на титулах. Нашлось несколько томиков, написанных Сченом. Алан бежал глазами по знакомым и все-таки странным стихам. Прекрасные по форме, по мускулистой гибкости слова, они так или иначе были связаны с драконом Мортом. Подвиги Морта превозносились, преступления клеймились, атрибуты дракона постоянно использовались для сравнений и метафор.

Двигаясь вдоль стеллажа, Алан уперся в стол и сел. Перед ним у стопки книг на листе бумаги, исписанной стремительно летящим почерком, лежало оружие. Он осторожно взял его двумя руками и осмотрел. Орудие убийства было устроено до омерзения просто: трубка с рукояткой и дырчатый барабан, подводящий к трубке снаряд под укол острого клюва. Алан крутнул барабан, и тот быстро завращался, пощелкивая и мелькая сквозными дырами. Лишь в одной из них тускло сизовел снаряд. Отложив оружие в сторону, Алан хотел прикрыть его листком бумаги, но зацепился взглядом за слово. Он прочитал стихотворение всего один раз, но сразу запомнил наизусть и, блуждая по комнате в поисках пищи, выставляя на сланцевую горелку странного вида сосуд с водой, все шептал и шептал яростные строки:

Целуй меня, целуй еще, без счету,
палящим медом наполняй аорту.
Я ни одной минуты наслажденья
не уступлю ни смертному, ни Морту.
Дай мне познать упругость тела-тростника,
отведать дай от сладостного языка.
Богиня! Я неистовый язычник,
когда пылающая грудь, как смерть, близка.
Из черных локонов сияет лик-луна,
пьянящих глаз, зубов сладчайших ночь полна.
Дыхание твое меня сжигает.
Зачем же лето знойное? Зачем весна?
Как дерево в тебе корнями я пророс,
как рыба спутан сетью шелковых волос,
но смежил веки, миг тебя не видел —
и сердце от тоски уже оборвалось.

Горячая вода, заваренная на пахучей травке, обжигала нёбо, стихи жгли мозг, перед глазами стояла ликующая Лана, и последняя строфа просверкивала словно молния.

Алан ходил по комнате, как пьяный, нашел за стеллажом еще одну лежанку и повалился на нее. Стихи скользили в мозгу огненным кольцом, одно слово тянуло за собой следующее, строка цеплялась за строку, сразу за последней строфой обрушивалась первая. Хорошо было лежать, отдыхало тело, согревались и отходили ноги, крутилось сверкающее кольцо стихотворения, хохотала Лана, и он уже спал, разбросав руки и неслышно дыша.

Его разбудил высокий женский голос.

— До чего же ты громкая, Лана! — пробормотал Алан и проснулся окончательно.

За окном чернела ночь. Яркие лучи, бьющие из просветов между полками и верхними обрезами книг, слепили глаза. Алан сморгнул и спустил ноги, собираясь встать, но его остановил глухой бас Счена:

— ...не железный. Я придумал дикую игру. Когда предает друг или я не успеваю выручить близкого, то беру револьвер. Видишь, он заряжен одним патроном. Закрути барабан — и один шанс из десяти, что грянет выстрел.

— Идиотские шутки, — брезгливо сказала женщина. — Никогда не поверю, что ты способен на такое.

— Не верь, но это так.

— Впрочем, ты всегда был игроком.

— Но в любовь никогда не играл!

— Мне надоели слова. Слова и слова... Ты опутал меня словами, превратил в свою собственность, в рабу.

— Ты богиня!

— Это годится для стихов, которые никогда не напечатают.

— Зачем так говорить?

— Да, хватит разговоров. Мне пора.

— Прошу тебя, останься хоть сегодня. Я совсем разболелся, я не могу один.

— Эгоист! Ты говоришь только о себе! Я устала от этих разговоров.

— Если бы любила — не устала бы...

— Надоело! — вдруг тонко вскрикнула женщина. — Ты задавил любовь словами, встречами украдкой, бесконечным нытьем. Обо мне уже шушукаются под арками!

— Мне безразличны сплетни обывателей!

— А мне не все равно! Имею я право на счастье или нет? Имею право на покой?

— Я же предлагал соединиться...

— А жить где? В этой конуре, заваленной хламом? Да еще терпеть всяких бродяг за стеллажами? Кого ты прячешь сегодня?

— Мы одни...

— Я отдала тебе свои лучшие годы, свою молодость, а что получила взамен?

— В прошении служителям Морта упомянуто твое имя...

— Плевать на прошение! Оно ничего не стоит, тебя скоро возьмут!

Наступило тяжелое молчание. Хрипло дышал Счен, скрипел стул. Потом женщина тихо сказала:

— Ты великий книжник, я всего лишь начинающая лицедейка. Я тоже хочу стать личностью.

Молчание.

— Я ухожу.

— Останься, — еще попросил Счен.

— Сегодня большое представление, мне впервые дали одну из главных ролей.

Дробный перестук каблуков, скрипнула и захлопнулась дверь.

Алан сидел в странном оцепенении, не зная — то ли окликнуть Счена, то ли выйти самому. И в этой мутной тишине раздалось негромкое металлическое пощелкивание, за которым глухо громыхнул выстрел. Посыпалось стекло с книжных корешков. Алан вскочил и, обмирая, побежал за стеллаж. И застыл у стола, зажимая ладонью крик.

Огромное тело Счена лежало навзничь наискосок через всю комнату, от стеллажей до лежанки. Одна рука неудобно подвернулась, около другой исходил смрадным желтым дымом револьвер. Острый темно-красный язычок выглянул из-под левого бока, влажно блеснул и вдруг побежал веселой струйкой, растекаясь в лужицу, которая, как амеба, вытягивала и вбирала псевдоподии. Амеба намертво присосалась к мертвому телу, жадно подрагивала, полнела на глазах, жирно отливая выпуклой поверхностью.

Алан прокрался мимо стеллажей, ударом плеча распахнул

дверь и подбежал к лестничному пролету. Далеко внизу сыпали дробь каблучки женщины, которая спешила на большое представление. Железные пальцы схватили Алана с двух сторон за руки, кто-то накинул на голову тесный мешок. Алан захлебнулся в крике, дернулся и потерял сознание...

5

Смотреть на Алана было жутковато. Его маленькое тело, до шеи упрятанное под тяжелыми складками темно-красного покрывала, лежало на узком столе. Всю верхнюю часть головы окружали острофокусные церебролазеры, были видны только глаза с запавшими веками. Тонкие ноздри, от которых к уголкам губ спускались глубокие складки, были неподвижны, рот чуть-чуть приоткрыт. Острый подбородок торчал, как у ребенка, да и все лицо с беспомощным выражением недоумения и испуга казалось детским. Прозрачный защитный колпак над столом почти не был виден, и только сбоку, как в выпуклом зеркале, отражались стенные светильники.

— Думаю, достаточно, — пробормотал Арк, щелкая тумблерами.

Лана, неотрывно глядевшая на слабо освещенное лицо Алана, облегченно вздохнула и откинулась в кресле. И только теперь почувствовала резкую боль: все время она сидела, намертво сцепив пальцы.

— Когда он проснется?

Арк потер выпуклую лысину, пощипал кончик пухлого носа:

— О, еще не скоро! Ты можешь отдохнуть.

— Нет, — тряхнула светлыми локонами Лана. — Я подожду.

— С Аланом уже ничего не случится. Напрасно терзаешь себя, это не рационально.

— Все-таки подожду.

— Принести чего-нибудь горяченького?

— Спасибо, не хочется.

Они надолго замолчали. Арк смотрел на Лану, быстро оглядывал приборы, что-то бубнил в диктофон и снова смотрел на Лану. Это занятие не надоедало и не утомляло. Ланой можно было любоваться, как любуются восходящим солнцем, цветущим миндалем, мерцающим морем.

— Он действительно был в прошлом, — вдруг спросила Лана, — или это только сон?

Арк пожал круглыми плечами:

— Эффект присутствия словами не выразить. Это и сон, и явь одновременно.

— Как ты думаешь, Счена он встретил?

— Думаю, да.

— И помог ему?

— Думаю, нет.

— Тогда зачем нужен этот эксперимент?

— Мы на янцах не экспериментируем, мы их лечим.

Лана удивленно расширила и без того огромные глаза. Арку показалось, что всю комнату заполнило голубое сияние.

— Объясни!

— Что ж, — вздохнул Арк. — От меня всегда требуют объяснений... Дело в том, что янцы так или иначе тоскуют о прошлом. Это своеобразная ностальгия, болезнь. Древние века овеяны легендами, самые сладкие воспоминания — о детстве, мы думаем, что со времен нашей юности мир стал хуже.

— Разве это не так?

— Всякая болезнь требует лечения. И вот одни носятся по горам, изображая ледяных янцев, другие дикарствуют на необитаемых островах или в джунглях, третьи переплывают океаны на лодках, плотах или бревнах. Как правило, этого хватает, и они возвращаются к цивилизации бодрыми и здоровыми.

— А Алан?

— Алан — другое дело. Он крупнейший ученый эпохи и в то же время человек с гипертрофированной совестью. Он вбил себе в голову, что лично ответствен за прошлое. Это стало его манией, навязчивой идеей. Он считал, что если получит возможность вернуться в древние века, то уничтожит все несправедливости, спасет загубленных гениев. Над своей установкой он работал как одержимый и в результате надорвался.

— В чем же ошибка?

— Я полагаю, что прошлое изменить нельзя.

— Экспериментально это не доказано.

— Конечно... Однако допустим, что ценой неимоверных усилий Алан закончил работу и перенесся в прошлое. И что? Он не продержится там и суток, он погибнет! Каждый янец — сын своего времени и может жить только в своем времени. Чем дальше мы уходим в развитии, тем невозможнее приспособление в прошлом. Там другая логика, другие ценности, другие понятия о счастье и жизни. Не говоря уже о мелких бытовых подробностях, драконе Морте, гигиене... Нет! — Арк махнул полной ручкой. — Я слишком оптимистичен! В одиночку Алан не продержится и дня.

— Но ведь ты все-таки перенес его в прошлое!

— Я уже говорил, что здесь другой принцип... Когда здоровье ведущего физика стало внушать опасения, я предложил Алану готовый аппарат. Это было для него неожиданным подарком. Он не стал вникать в детали, лишь ознакомился с общим принципом. Он поверил мне, что объяснимо состоянием лихорадочного нетерпения. — Арк перещелкнул зеленый тумблер. — Алан рвался к Счену, а я хотел спасти его здоровье.

Подобные мании лечатся шоком, вот и пришлось к нему прибегнуть...

— Смотри, смотри! — взметнулась Лана. — Он шевельнулся!

Арк мельком глянул на разноцветные огоньки пульта и засеменил к узкому столу, на котором лежал Алан.

— Опять торопится, — недовольно бормотал он. — Куда торопится? На его месте я бы поспал.

Защитный колпак над столом подернулся прозрачной голубоватой пленкой и медленно растаял. Короткие, почти белые ресницы Алана дрогнули, он открыл глаза и, не двигая головой, осмотрел комнату. Лана поразилась давно забытой прозрачности и спокойствию карего взгляда.

— Алан, ты меня слышишь? Тебе не больно?

— Лана... — Физик улыбался светло и широко, словно ребенок. — До чего же ты шумная, Лана... А я видел живого Счена. Я принес тебе его неизвестное стихотворение!

НИКОЛАЙ ДОМБРОВСКИЙ

СУДЬБА ХАЙДА

«Человек использует лишь ничтожнейшую часть тех возможностей, что в нем заложены от рождения, — объяснял нам круглый маленький человечек, уютно расположившийся в углу дивана с чашкой чая в руке. — Нам трудно себе представить, какие залежи ловкости, мощи и гения в нас таятся».

«Мы слегка о том наслышаны, — отвечал мой друг, слабо улыбнувшись. — В дни моей юности, только и было разговоров, что о скорочтении, гипеопедии и возможности временно превратиться в гения под действием гипноза».

«Да, но вы забываете, — воодушевленно продолжал наш собеседник, — о давно установленных фактах о лунатиках, в трансе совершавших чудеса ловкости и храбрости, о многих случаях, когда самозабвение и подъем наделяли людей фантастической силой и выносливостью».

«И это было, — подтвердил мой друг, подливая себе чаю, — все журналы были заполнены различными мнениями на этот счет. Но потом все это как-то улеглось, и мы читаем о деяниях того или иного йога вполне хладнокровно».

«И вы ни разу не попытались испробовать все это на себе? — испытующе, сощурившись, спросил человечек. — Ни разу не захотели воспарить как птица над привычно средним уровнем своих способностей?»

«Ну... — замялся мой приятель, — всякое бывало. Это, в некотором роде, даже стимул к работе — то, что в тебе таится

нечто тебе самому еще не ведомое. В молодости, конечно. Потом все образовалось, стало на свои места».

«Да, для того, чтобы не разувериться в успехе, надо пользоваться точными и выверенными методиками, — проговорил наш сосед, в задумчивости протирая очки. — Точными и выверенными, а также изрядно сдобренными прикосновением нашей собственной творческой сообразительности. Каждый человек — уникум в своем роде, и то, что годится для одного, вследствие субъективных различий, не подойдет для другого. Надо подобрать свой собственный вариант, а это не просто, скажу я вам, ох, не просто».

«А вы, что же, добились каких-то результатов?» — спросил мой друг скорее ради того, чтобы поддержать разговор, чем из любопытства. В ответ наш собеседник быстро огляделся по сторонам и, убедившись, что в этом уголке летней веранды никого, кроме нас, не было, вдруг напряженно застыл, согнувшись в неудобной позе, вывернув локти и уперев руки в колени. Черты его лица затвердели и обострились, добродушные, близоруко сощуренные глазки остановились, потемнели и сделались какими-то плоскими. Словно распираемый какой-то чудовищной силой, он начал медленно разгибаться и вдруг с коротким криком обрушил свою руку в быстром, как молния, движении на стеклянный сифон. Массивный сосуд раскололся со звучным щелчком, нижняя половина его так и осталась стоять на краю стола, тогда как верхняя рассыпалась по полу в луже газированной воды.

«Простите, пожалуйста, небольшая неприятность», — принялся он объяснять прибежавшей официантке, медленно возвращаясь в прежнее состояние. Та недоверчиво на него посмотрела, подбирая осколки, но спорить не стала.

«Дайте взглянуть», — попросил мой друг по ее уходе. Он некоторое время вертел во все стороны пухлую ладошку толстячка, затем со вздохом ее отпустил.

«Не пойму, в чем тут фокус».

«А фокуса никакого нет, — воскликнул толстячок радостно. — Просто в одном человеке живут и сосуществуют множество других людей и даже не людей, а диких тварей, о многих из которых мы не имеем ни малейшего понятия. В простейшем виде это изложено у Сагана, в его «Драконах рая», но на самом деле, это гораздо сложнее. Так вот, весь фокус в том, чтобы на время в одного из них превратиться, вызвать его из того мира множества превращений, что лежит на миллионы лет за нами. Это все».

«Да, теоретически».

«Ну а практически это требует затраты колоссального труда, колоссальнейшего! Но результат окупается сторицей. Человек становится истинным хозяином сам себе и получает в свою власть новый материал для творения. Кроме того, ему не гро-

зят никакие внешние перемены — он всегда готов к ним адаптироваться и противостоять. Представьте только: я в одном лице врач-педиатр, друг детей, добрый доктор, и в то же время неуязвимейший, кровожаднейший и опаснейший зверь, который когда либо существовал на Земле».

Он в изумлении развел руками, добродушно рассмеявшись. Невольно заулыбался и я, глядя на его простую, излучавшую доброту и благожелательность физиономию. Не улыбался только мой друг. В молчании допив свой чай, он встал из-за стола, сдержанно попрощался с доктором и, лишь когда мы прошагали три или четыре квартала, задумчиво произнес:

«Это настолько ненатурально, что повергает в смутную жуть».

«Почему же? — возразил я. — Это еще одно из доказательств превосходства духа над материей, еще одна победа человеческого разума, открывающая путь к невиданным возможностям!»

«Что-то за последнее время было разведано слишком много этих путей к безграничным возможностям, — мрачно заметил мой друг, — и в конце каждой из них открывалась пропасть. Попомни мое слово: то, что поражает нас своей ненатуральностью, в конечном счете принесет нам зло. Странно, но это факт. В нас заложен здоровый инстинкт выбирать между злом и благом по их созвучию с природой, с жизнью, со здоровой психикой. Все, что выделяется из этого круга, несет в себе смерть и разрушение, как бы ни было восхитительно на первый взгляд. Критерий этот необъясним, но слава богу, что он существует».

И больше не сказал ни слова, погрузившись в свои мрачные мысли.

Несколько лет я не встречал своего друга, судьба разбросала нас в разные стороны, и мне не довелось услышать конец его рассуждений о маленьком докторе, встреченном нами на открытой веранде.

Но та же судьба неведомыми путями вернула меня вновь к событиям того майского утра. Однажды вечером, мое внимание привлек уголок цветной обложки, выглядывающий из-под стопки учебников моего сына. Приподняв их, я увидел, что это был цветной снимок на обложке, где дюжий японец с остекленелыми глазами разбивал бутылку ребром ладони. Это сразу же напомнило мне о нашем прежнем знакомце. Раскрыв книгу, я увидел, что это был учебник каратэ, который бог волею своей повелел написать Ясукоро Судзуки. Что тот и исполнил, следуя божественному предначертанию. Первая и самая главная мысль этой книги гласила: «Ты должен перестать быть самим собой, потерять облик свой и соображение, от всего отрешиться и ничего не воспринимать, пока тобою владеет дух каратэ. Пока ты не человек, ты неуязвим и неодолим для тех, в ком

еще осталось что-то человеческое, ты дух. Будь в тебе хоть отблеск сознания, хоть крупица мысли, противостоящая инстинктам, они никогда не сделали бы тебя столь резким и быстрым. Человек в трансе каратэ полностью сливается с богом и той лишь божественной воле послушается. Слушайте все! Примите учение каратэ и воссоединитесь с Тем Кто Над Нами!»

Я спросил у сына, что это за книга. Он ответил, что это учебник, по которому они учатся приемам и стойкам каратэ, и он выучил наизусть четыре стойки и двадцать один прием, но еще путается в названиях. Он был слишком слаб в английском, чтобы прочитать введение, а я, естественно, не стал ему переводить. Пусть себе резвится, называя «каратэ» то, что на самом деле нечто вроде разновидности таиландского бокса, где боксируют и руками и ногами. Вся суть каратэ — в этом чудовищном трансе. Без него все это просто более-менее безобидный набор приемов, не слишком эффективных для среднего человека. Это заставило меня задуматься о встреченном нами человеке, которому, по-видимому, удалось развить в себе способность при желании входить в состояние такого транса. Я решил написать об этом своему другу в город, где мы пили чай на веранде. Я все еще собирался это сделать, когда нежданная телеграмма, перечеркнув все планы, позвала меня в дорогу.

Она гласила: «Попал в больницу с тяжелыми ранениями. Приезжай. Александр».

Когда я вошел в палату, куда положили моего друга, приведшая меня сестра напомнила: «Пожалуйста, недолго, он все еще очень слаб».

Он действительно был очень слаб и измучен постоянными болями от своих ран. Голова его была вся обмотана бинтами, рука в гипсе. При виде меня его потухшие глаза прояснились, он указал на стул и быстро заговорил:

— Хорошо, что ты приехал. Я никому еще не говорил — мне все равно бы никто не поверил, но тебе скажу. Это был тот самый доктор, помнишь? Он, по-видимому, живет здесь, в этом городе. Однажды ночью он вырос передо мной на пустынной улице, с обезьяньей ловкостью выпрыгнув из нависших ветвей. Некоторое время он паясничал, раскачиваясь передо мной и скаля зубы, а затем последовал удар. Это был страшный удар, который бы отправил меня на тот свет, не будь я столь удачлив, чтобы частично его отразить. Затем удары посыпались как град. Я пытался отвечать, да куда там. Это было то же самое, что противодействовать ожившей чугунной статуе. Он не из человеческой плоти был в этот момент, его тело было как чугун, как бетон под слоем упругого пластика.

Не помню, как меня нашли и как сюда доставили. Всем говорю, что в темноте на меня напали пьяные хулиганы. Но мы-то с вами знаем правду. Я очень злился на него первые дни. Готов был подвергнуть всем видам мучительнейших казней, из-

вестных в истории человечества. Но постепенно во мне восторжествовал философский взгляд на вещи, и я этому рад — это значит, что контроль над собой восстановлен, поэтому я не считаю, что доктор сознательно так уж виноват. Виноват он только в том, что взлелеял и выпестовал ту безмозглую и жестокую тварь, которая стала его вторым Я и самого готова ужалить из злости. Я поручаю вам его найти и сообщить, в кого он превратился. Возможно, в спокойной обстановке вы вместе обдумаете, что делать дальше. Я же считаю, что доктору следует категорически отказаться от всех своих вхождений в транс и обеими руками держаться за свое привычное духовное Я. Стоит ему от него отдалиться, и катастрофа неизбежна. Иди же.

Я нашел доктора во второй из посещенных мной детских поликлиник. При описании его внешности и медсестры и ординаторы дружно заулыбались.

— Да, это он, — сказали они. — Скоро закончится прием, и вы сможете поговорить.

Я подождал в вестибюле, пока доктор своей семенящей походкой как колобок выкатился из коридора. Меня он вначале не узнал, а узнав, обрадовался.

— Как же, как же, помню! И разговор наш и сифон. Кстати, с вами вместе еще друг был, как он сейчас?

Терпеливо я объяснил, что друг мой сейчас в больнице и доктору это должно было быть известно лучше, чем кому бы то ни было, не будь здесь некоторых обстоятельств, связанных с его личностью. Первую минуту доктор сидел убитый и подавленный неожиданностью случившегося и тяжестью предъявленного ему обвинения. Затем глухим голосом он спросил:

— А вы уверены, что это было так, а не иначе?

Я не ответил, ответ он знал наперед и спросил просто так, в слепой и безумной надежде, которой не суждено было сбыться. Он вновь уронил голову на руки и застыл, на этот раз надолго.

Я уже начал чувствовать себя неуютно, опасаясь, что все это может закончиться еще каким-нибудь неожиданным трансом, когда он резко поднял голову:

— Но что же мне делать, боже мой! Идти написать заявление, но любой следователь будет выспрашивать меня о мотивах и был ли я пьян: что скажу я на это? Буду пытаться все объяснить? Для суда это несущественно и невразумительно.

Я сообщил ему о словах моего друга.

— Я сам уже думал об этом, боже мой! Во мне давно зародилось страшное подозрение, что я начинаю терять над собой контроль, но я не верил. Я был слишком упоен собственным всемогуществом. А теперь эти звери, эти исчадия, что я сам с таким старанием и прилежанием вызвал из тьмы, взяли надо мной верх, властвуют в моем теле, как в своем собственном, и заставляют меня трепетать от страха перед будущим. Раньше

я смеялся над своими страхами, теперь я в отчаиье. Может ли что-либо меня спасти?

Я неуверенно ему намекнул, что если он оставит свои метаморфозы, то понемногу вернется в свое собственное Я.

— Знаю, знаю! — стонал он в отчаянье. — Но, когда случилось это ужасное происшествие с вашим другом, я не вводил себя в транс сознательно.

— Как же это произошло?

— Я лег спать, — продолжал он, чуть не плача, — а проснулся с ногами на подушке и с одной или двумя ссадинами на теле. Я много чего передумал по этому поводу, в наивности даже полагал, что просто падал во сне с кровати, но страшная правда открылась мне лишь сегодня. Боже! Это лежит вне сил человеческих, прикасаться к столь темным силам. Даже Геракл у древних греков не смог снести свое пребывание в Царстве Теней, сошел с ума после этого и убил своих детей. Что же будет со мной, что будет!

— Не надо отчаиваться, — попробовал я его успокоить. — Сосредоточтесь на своем Я, том Я, которым вы были до этого злосчастного увлечения. Свяжите себя с ним вновь тысячами разорванных нитей, воспоминаний, надежд, забот, и они не дадут вам сорваться в бездну.

— Да, — ответил доктор неуверенно. — Иного пути у меня нет. Я должен попытаться.

Боюсь, что я оказался непреднамеренной причиной его безвременной смерти, так как ежедневно ему звонил, расспрашивая о достигнутых успехах и сообщая о состоянии товарища. Мой звонок, вероятно, звучал для него как труба, а напоминание о зле, которое он причинил, отзывалось болью в его любвеобильном сердце педиатра. Он ни разу ночью не покинул своего дома. Окна его оставались заклеенными, заколоченными и запечатанными, как он сам это сделал из предосторожности.

Несмотря на это, он каждый день сообщал мне, что во сне с ним случался транс и, не в силах с собою совладать, он выходил на улицу, где убивал и калечил прохожих. Нетронутые окна принесли ему лишь временное облегчение, а затем он начал подозревать, что выбирается на улицу каким-то иным способом. Он все вечера проводил в попытках обезопасить себя от подобных вылазок, оставляя отметки и натягивая нити против всех дверей и оконных рам, а утром с трепетом замечал, что некоторые из них как будто бы переменили положение, подозревая, что хитрая тварь сумела восстановить их прежний порядок после своего возвращения. Даже их полная целостность не убеждала его в том, что он не прошатался всю ночь по улицам, как слепая и неотвратимая машина убийства. В ужасе осматривал он свои руки, тщетно вопрошая, что сделали они за ночь.

Однажды утром он был найден на своей постели мертвым;

врачи констатировали, что смерть наступила от сильнейших душевных потрясений, одним из которых мог быть страх.

Мой друг, совершенно почти оправившийся, с грустным и суровым видом выслушав мой взволнованный рассказ, долго смотрел в окно, барабаня пальцами по стеклу.

Я вернулся домой. Через полгода мне пришло письмо. Мой друг сообщал:

«Произошла странная вещь. Нашлась автомашина, сбившая меня в ту ночь, когда я был ранен. Шофер, налетев на меня, удрал с места происшествия, и только теперь видевшая все это старуха вернулась от дочери, к которой она уехала в то утро, и рассказала правду. По-видимому, доктор явился ко мне в горячечном бреду, вызванном травмой черепа. Боюсь, что мы с ним поторопились.

Мне очень жаль».

СВЕТЛАНА ЯГУПОВА

БЕРЕГИНЯ

В каждом из нас запечатлены незримые глазу и потому таинственные события. Вот я смотрю в зеркало, желая представить себя со стороны, и думаю: что может разглядеть во мне посторонний? Он увидит мужчину тридцати пяти лет, среднего роста, спортивно подтянутого, с щеголеватой полоской усов. Легкомысленные джинсы вряд ли выдадут во мне врача, зато кольцо на правой руке подскажет, что рядом со мной нет вакантного места для женщины. Разумеется, не стоит труда предположить, что у меня за спиной школа, армия, институт. Какой-нибудь физиономист, возможно, по линиям лица разгадает пару черт моего характера. Вот, пожалуй, и все.

У моих родственников и друзей информации обо мне больше, но и они не знают, что событие в июне позапрошлого года перевернуло мою жизнь, изменив мое летосчисление. То есть о самом событии им известно, однако вряд ли они догадываются, что я теперь четко разделяю прожитое до того памятного месяца и после.

Наши предки вели счет времени, скажем, с того дня, как был убит матерый медвежище или молния расколола вековой дуб. Мы обычно не связываем прошлое с природой. Когда не помним точной даты, говорим: это было до войны или после, того, как заводом стал руководить товарищ Иванов, или после того, как был окончен институт, до женитьбы или после развода. То есть все вертится в сфере человеческих отношений. Правда,

еще отнюдь не исчезли стихийные бедствия, стойко отлагающиеся в памяти, но и в спокойной, повседневной жизни больших городов редко кому придет в голову заносить в свой личный календарь ураганный ветер, приторможенный высотными зданиями, открывать новую эру в тот миг, когда в загородном пруду затрепещет на крючке крупная рыбина или на прогулке в лесу обнаружит себя ядреный белый гриб величиной с хорошую сковородку.

Я не принадлежу к той категории людей, которым бывает настолько скучно и тягостно без очевидного-невероятного, что, если оно не случается, то его придумывают. Тем не менее именно мне, а не моему другу Саше Дроботову, вечно жаждущему необычного, выпало то, что, быть может, выпадает одному человеку на несколько миллионов, — встреча с чудом.

В детстве я рос нормальным ребенком, любящим сказки и загадочные истории, но жизнь очень скоро выбила из моей головы веру в нечто замечательное, наполнив ее вполне определенными, без всяких тайн и секретов фактами. Однако я не назвал бы себя таким уж трезвым реалистом, с пеной у рта отвергающим гипотезу звездного происхождения человечества, возможность контакта с иными цивилизациями, федоровское учение о бессмертии, разумность шаровой молнии, существование снежного человека, лох-несского чудовища и прочие сумасшедшие идеи, гипотезы, таинственные случаи. Я не верил в них, но и не зачеркивал лишь потому, что этого быть не может.

Когда Дроботов забегает ко мне на часок и с жаром экзальтированной дамы пересказывает очередную сенсационную информацию или статью из научно-популярного журнала, я с вежливым интересом выслушиваю его и тут же переключаюсь на житейские дела-заботы — такая уж у меня неромантическая натура. Друг мой при этом злится, обзывает меня скучной крысой, заземленной душонкой, и я не обижаюсь на него, соглашаюсь. Что ж, не всем дано летать, мне хватает повседневных забот и некогда думать о чем-то эфемерном, существующем скорей всего лишь в воображении мечтателей.

Но с некоторых пор все изменилось — и во мне, и для меня. Будто кто хорошенько встряхнул за шиворот, а затем протер припорошенные пылью окна моей души, и чистая голубизна влилась в нее, заполнив до краев.

Отпуск в то лето выдался суматошным. Людмиле позарез захотелось в Москву. Подбросив Валерку с Аленой и кота Ерофея моей матери, мы сели в купе скорого поезда и вмиг ощутили себя свободными и молодыми. Все нормальные люди спешили на юг, а нас несло, судя по метеосводкам, в дожди и туманы. Клиника, где я работал заведующим отделением, с неохотой отпустила меня и даже в поезде держала за руку.

Но постепенно всегдашняя замотанность отходила, шелушивалась, хотя в голове все еще прокручивались назначения больным, выписки из истории болезней, распоряжения дежурным сестрам.

За окном проплывали деревеньки, станционные строения, вокзалы больших и малых городов, и казалось, не будет конца этой пестрой дорожной ленте. Время от времени я поглядывал на Людмилу. Лицо ее блестело в сонной испарине и выглядело совсем молодым, каким было лет десять назад у длинноногой студентки Харьковского пединститута, когда я впервые увидел ее на дне рождения у своего родственника. Думал ли я в тот вечер, что эта рослая, баскетбольного сложения девушка с резким изломом бровей, чуть грубоватая в своей крепкой стати, будет моей женой и что придет время, когда мы начнем остро желать отдыха друг от друга, стараясь таким способом сберечь когда-то пылкое, сумасбродное, а теперь так явно убывающее чувство. Чтобы обновить его, мы в последние два года проводили отпуск порознь. Но в этот раз Людмила прихватила меня, так как я хорошо знал Москву, потому что в детстве часто гостил у тетки в Измайлове, а жена разработала обширный план набега на московские магазины.

Ночью не спалось. Эпизоды, обрывки мыслей, разговоров вертелись в голове калейдоскопом, и лишь под утро удалось вздремнуть. Затем полдня я уныло смотрел в окно, перебрасываясь с женой необязательными, ленивыми фразами. Праздник так долго ожидаемого отпуска был испорчен еще дома, когда Людмила с деловитой озабоченностью стала перечислять, кому надо что купить. Сразу открылась невеселая перспектива пребывания в Москве: изматывающие хождения по магазинам, толкотня в очередях, грохот подземных электричек. Я знал, что жена не безразлична к музеям и театрам, но коль запланировали покупки, вряд ли ее хватит еще на что-нибудь — вся выложится на беготню по магазинам.

— Если не найдем тебе приличный костюм, закажем в ателье, — сказала она, когда поезд неспешно подходил к платформе Курского вокзала. — Смотри, тетя Леля!

Я глянул в окно. Моя любимая тетка, сыгравшая не последнюю роль в приключившейся со мной впоследствии истории, бежала по перрону с резвостью отнюдь не шестидесятилетней женщины и радостно приветствовала нас поднятыми руками.

С тетей Лелей у меня давняя, особенная дружба. На зимних каникулах в пятом классе мать отправила меня погостить к своей сестре, и с тех пор я обрел удивительного друга. Одинокая, бездетная, тетя Леля привязалась ко мне, но не той эгоистичной привязанностью, какой обычно досаждают чересчур привязанные родственники. Мы подружились с ней как парень с парнем. В то время еще немногие женщины носили брюки, а тетя Леля форсила в них и в коричневой болоньевой куртке с

капюшоном. Ей тогда было немногим за сорок, но смотрелась она стройно, спортивно, мне нравился ее размашистый шаг и то, как ловко она катается на лыжах в Измайловском парке, куда мы ездили каждый мой каникулярный день.

И сейчас, когда увидел ее, на миг мелькнула надежда, что, возможно, удастся улизнуть куда-нибудь подальше от городской толчеи, и, как в детстве, тетка угостит меня пломбиром с орехами, а вечером мы будем играть в шахматы или составлять любимые теткины пасьянсы с таинственными названиями «Узник», «Шлейф королевы», «Марго». Дома нас ждал черный карликовый пудель Филька и накрытый стол, в центре которого красовался мой любимый пирог с малиновым вареньем.

— Ну, варвар, как дела? — задала свой обычный вопрос тетка, когда Людмила, завозившись на кухне, оставила нас наедине. За год на теткином лице, не утратившем озорного выражения, появились первые морщинки, и мне стало грустно при мысли, что она помаленьку сдает и даже сумасшедшая бреговская диета из овощей и фруктов с однодневным еженедельным голоданием не в силах вернуть ей молодость. Она вопрошающе смотрела на меня все еще яркими глазами, и я понял, как хочется ей пооткровенничать со мною. Но вошла жена, и я ограничился улыбкой, по-видимому, о многом сказавшей тетке. Она понимающе качнула головой и потянулась за сигаретами, от которых ее не отлучила даже страстная проповедь американского диетолога. Как и прежде, тетка чадила безбожно, вызывая брезгливую гримасу у Людмилы, не выносящей табачного дыма. Но в гостях приходилось терпеть все, даже ежеутреннюю теткину гимнастику, которой она всегда прямо-таки потрясала нас. Полы ее комнаты ходили ходуном, когда тетка выделывала на ковре акробатические упражнения. Это была не модная нынче йоговская, а настоящая цирковая гимнастика, и Людмила всякий раз со страдальческой улыбкой поглядывала на меня, давая понять, что все это она выносит лишь на правах гостьи. А тут еще Филька с лаем прыгал вокруг тетки, и поднимался такой бедлам, что соседка над теткиной квартирой скорее по привычке, нежели из раздражения, начинала бухать в пол чем-то тяжелым.

Людмила не нравилась тете Леле. С первого дня нашей женитьбы ей казалось, что я достоин более красивой и нежной жены, поэтому тайком жалела меня. Тетка, в свою очередь, раздражала Людмилу экстравагантностью, беспардонной раскованностью и разными чудачествами.

Мы с ходу включились с Людмилой в московскую магазинную свистопляску, и по вечерам, плюхаясь в кресло перед телевизором, я с грустью думал о том, как бы выкроить время и съездить с теткой за город, чтобы, как в старые добрые времена, порыбалить в пруду.

С небрежением истой москвички тетя Леля каждый вечер

устраивала смотр нашим покупкам (что выводило Людмилу из равновесия), разглядывала их и давала ехидные характеристики.

— И на фиг за тыщу миль переться за этой ерундой, — говорила она с присущей ей резкостью.

Людмила хмурилась, мрачно рассовывала по чемоданам тюбики с кремом, бутылочки шампуней, коробки конфет, детские махровые маечки, сандалеты и прочую мелочь. Будучи одинокой и немолодой, тетка, разумеется, не имела нужды в подобных вещах.

На седьмой день нашего пребывания у нее она вытащила из кладовки две складные удочки и, хитро подмигнув, заявила, что хочет того или нет Людмила, но завтра мы едем за город, на речку, где хорошо ловятся окуньки. Это решение и послужило началом того события, о котором я сейчас вспоминаю как о чем-то, намеренно посланном мне судьбою для того, чтобы лишний раз напомнить — не все в жизни так просто и обыденно, как нам порой кажется, есть нечто, не укладывающееся в наши повседневные представления.

За неделю беготни по магазинам я не то чтобы утомился, но стал каким-то чумным, поэтому с радостью принял теткино предложение. Еще в больший восторг пришла тетка, хотя и не подала виду, когда узнала, что Людмила оставляет нас вдвоем, а сама едет с утра в универмаг, где ожидаются дамские сапожки на платформе со странным названием «манная каша».

Через полчаса мы были за городом. Ничто не приводит меня в более приподнятое, радостное состояние, чем березовая роща. У нас на юге березы почти нет, а если и встречается, то совсем не такая, как среднерусская красавица, а низкорослая, приземистая. Подмосковные березы не зря воспеты поэтами. Сквозные, кружевные рощицы как бы парят в воздухе, и чудится, будто они-то и есть тот самый мост, соединяющий землю с небом.

В траве, возле речной заводи, где мы расположились, не было того пестроцветья, как возле нашего загородного озера, в котором водилась даже царская рыба форель и растительность вокруг которого была до неприличия пестрой и какой-то хмельной. Здесь же, кроме ромашек, ничего не было. Впрочем, нет, росли еще какие-то мелкие желтенькие и фиолетово-голубые цветы, затерявшиеся в густых травах. Однако лужок радовал своей скромной чистотой.

За два часа мы поймали всего трех плотвичек и двух окуньков. Собирались сменить место, когда теткину удочку что-то сильно дернуло. Она поспешно подсекла рыбу, взметнула удилище вверх и, поймав в ладонь трепещущую, в комочке речных водорослей рыбешку, хотела было, отцепив ее от крючка, бросить в трехлитровую бутыль с водой, как вдруг вскрикнула, ладонь ее разжалась, рыбешка упала и исчезла в ромашках.

Бледная, нспуганная тетка встала на четвереньки и, не отрывая глаз от земли, громким свистящнм шепотом сказала:

— Витя, ой, Витечка, что это?

Мне почудился из травы писк, похожий на птичий. Я бросился к тому месту, где трепыхалась рыбешка, иашел ее запутавшейся в траве н поднял. Передо мной предстало нечто настолько неожнданное и необычиое, что руки невольио вздрогнули, желая отбросить то, что держали, однако любопытство взяло верх, н крепко, чтобы ие выпустить, я зажал рыбешку в ладонях. Впрочем, то, что подцепил теткин крючок, лншь условно можно было назвать рыбой: в руках у меня трепетало существо велнчниой с окуия, с рыбьим хвостом и головой, покрытой шелковистымн зелеными нитями, которые я поначалу принял за речную траву и хотел отслоить от рыбешки, но в мою ладонь больно впнлись перепончатые пальцы, очень смахивающие на человеческие. Все же удалось откниуть иитн-волосы уднвительного существа, тут же руки мои разжались сами собой, н речное днво опять хлопнулось в траву. Я не мог ошибиться — из-под зеленой растнтельностн на крохотной головке на меня глянуло человеческое лицо, точнее, маленькое, с правильнымн чертами личико розовато-перламутрового цвета. Я даже успел разглядеть, что оно было со слегка выпуклымн радужно-темными глазамн, обезображенным гримасой болн: крючок впился в щеку. Было от чего прийти в недоумение, восторг и одновременно в ужас. Превозмогая себя — я вдруг затрясся в ознобе, — поймал дергающееся существо в траве, крепко зажал его в левой руке, а правой осторожно вытащил крючок из щеки.

— Господн, чудо какое! — заахала тетка, разглядывая улов. — Всякое видела, но подобное... Только в сказках! Русалочка, настоящая русалочка! Ох, да что же с ней делать теперь будем? Как же отпускать днво этакое? Ведь расскажи, не поверят. И куда отпускать — у нее лапка покалечена.

Я присмотрелся. И впрямь, кожа правой лапкн — нет, это все же была рука, хоть и с перепоикамн между пальцев, — у плечевого сустава была разорвана, и оттуда слабо сочилась кровь.

— Возьмем домой, полечнм? — пробормотал я, чувствуя, как бьется в ладонях крохотное сердечко удивительного существа, вероятно, насмерть перепуганного. Тетка метнулась к бутыли, выброснла в речку плотвнчек и окуиьков, зачерпнула воды, и я опустил туда русалочку, которая то ли от прнключения, в какое угодила, то лн от воздушиой среды начала подкатывать глаза и задыхаться. В воде она поначалу слабо шевельнула хвостом, затем ожила, поплыла, обследуя незиакомую емкость. Сев на траву, тетка поставила бутыль рядом и стала внимательно нзучать свой потрясающнй улов. Зеленые волосы диковнннного существа в воде поплыли за спнной, и четко обозначнлся профнль лица, руки-лапки прижались к туловищу, по-

крытому серебристыми чешуйками. Величиной с окунька, соразмерное в пропорциях, уже не рыба, но еще не человек, нечто и впрямь очень похоже на мифическую русалочку. Будто сошла с наших южных открыток или с базарных лубочных ковриков, но без налета банальщины, безвкусицы. Однажды объявленные строгим вкусом эталоном пошлости, русалки давно не появлялись в кустарном, а тем более промышленном производстве. И вот на тебе — одна из них объявилась вживе, наяву. Правда, была лишена пышных женских форм и походила на девочку-подростка.

Сделав несколько кругов в своей неожиданной стеклянной тюрьме, она вдруг замерла и сквозь стекло уставилась на тетку, затем подняла голову и взглянула на меня, присевшего над бутылью. Взгляд этот был вполне осмыслен, и мне опять стало не по себе: она изучала нас!

— Ай-ай-ай, — продолжала причитать тетка. — Ну и диво, ну и чудо! — Она застучала ногтями по стеклу, но русалочка не шевельнулась, продолжая разглядывать нас. — Если по-настоящему, то ее полагается сдать в какую-нибудь научно-исследовательскую лабораторию или в Академию наук. Уверяю тебя, ничего подобного наукой еще не зарегистрировано. Любой ихтиолог скажет тебе, что русалочки водятся только в сказках. И все же мы выпустим ее на волю. Жаль, если она станет подопытным кроликом!

— Что?! — Я так и подскочил. Меня продолжало трясти, но теперь это был озноб восторга. — Никуда мы ее не выпустим! Ведь это же уникум! Зоологическая редкость! Истинное чудо!

— Не хочешь ли ты поселить ее в своем аквариуме? — настороженно спросила тетка, зная, что я с детства развожу рыб, что у меня и дома и даже на работе аквариумы с гуппи, неонами, морскими петушками.

— Именно об этом я и подумал. Упустить такую диковинку!

Тетка сняла бутыль с коленей, поставила на землю и встала.

— Разве ты не видишь, что это не рыба? — Глаза ее сузились, белесые ресницы возмущенно заморгали. — С ней нельзя развлекаться, как с игрушкой, это преступление!

— Я создам ей все условия. Здесь, в речке, ее подстерегает много опасностей. У меня же ей будет спокойно. Думаю, ей просто повезло, что угодила именно к нам, — кто-нибудь другой, возможно, захотел бы познакомиться с ней поближе, кинув на сковородку.

Я представил, как обрадуются этой чудесной малютке Валера и Аленка, да, пожалуй, и Людмила, которую почему-то раздражают мои аквариумы, — она боится, что из-за них у детей разовьются хронические ангины и бронхиты.

Мои доводы привели тетку в раздумье. Неохотно, но все

же пришлось согласиться с тем, что сейчас, пока не заживет ручка-лапка, отпускать русалочку в реку опасно.

Я набрал речной травы, ряски и несколько камушков для аквариума. Мы осторожно опустили бутыль в кошелку и сверху прикрыли от любопытствующих глаз носовым платком. В метро я держал кошелку у себя на коленях, то и дело приподнимал угол платка — как там наша добыча? — и каждый раз поспешно накрывал бутыль, встречаясь со взглядом, в котором ясно читались недоумение и испуг.

По пути домой мы заехали в зоомагазин, купили сушеных дафний, мотылей и трубочника.

— Надо бы приобрести аквариум, — подсказала тетка.

Я хотел было возразить, сказать, что до отъезда осталось немного, поживет и в бутыли, но побоялся теткиного гнева — она, конечно, не подозревает, что я хочу увезти это чудо к себе домой.

И вдруг, как это бывало в детстве, тетка будто прочла мои мысли:

— Не думаешь ли ты забрать ее с собой? — спросила она.

— Именно так.

Тетка опешила.

— Ну для чего она тебе?

— Как для чего? У меня Валерка с Аленой. — Сказал и спохватился: — Собственно, речь не о них. Во-первых, эту живность надо подлечить, и потом я заядлый аквариумщик, знаю, как за ней ухаживать. У тебя она может сдохнуть.

— Живность, сдохнуть... — Тетка не на шутку была возмущена. — Нет, ты не осознаешь до конца, что мы поймали. Разве к ней приложимы эти слова?

Меня уже начинали раздражать эти сантименты.

— Согласись, все же она не человек, — сказал я так громко, что на нас обернулись.

Тетка укоризненно промолчала.

Аквариум мы, однако, купили, так как до отъезда оставалось еще три дня.

В троллейбусе я опять украдкой сдернул платок. Наша находка настороженно повернула голову. Не развернулась всем корпусом, как это делают рыбы, а именно повернула свою удивительную, почти человеческую головку. Почти потому, что блестящее перламутровое лицо, хотя очертаниями и походило на девичье, было все же, грубо говоря, из рыбьего материала.

— Много рыбок поймал? — вытянула ко мне морщинистую шею сидящая рядом старушка, и я поспешно опустил платок. Свидетели мне были не нужны. Хотя я уже и начал предвкушать, как покажу улов Людмиле, детям, коллегам, как все будут ахать и удивляться. Что там сиамские коты, доги, крокодилы в ваннах и даже львы в городских квартирах в сравнении с этим дивом!

Людмила уже была дома и вертелась перед зеркалом в новых красных сапожках на белой платформе.

— Как улов? — безразлично спросила она.

Мы с тетушкой переглянулись с заговорщицкнм вндом. Я переместил русалочку из бутыли в акварнум и поставнл его иа стол. Пудель Филька спрыгнул с дивана, подбежал к столу и, дрожа от возбуждеиня, стал поскулнвать и прыгать вокруг иего.

— Всего одна рыбешка? — усмехнулась Людмила, мельком скользнув по акварнуму, но тут же осеклась. Я с удовольствием наблюдал, как она подошла к столу, наклонилась к аквариуму, глаза ее расширнлись, лицо побледиело.

— Что это? — Она как-то по-детски растерянио обернулась ко мне.

Застыв, чуть опнраясь хвостом в дно аквариума, русалочка в упор разглядывала мою жену. В следующую мннуту оиа всплыла вверх, высунула голову из воды, обвела взглядом комнату, будто пытаясь поиять, куда попала, и опять ырнула иа дно.

Людмила села на диваи.

— Обыкновенная русалочка, — сказал я как можио спокойнее. — Андерсеи, русские народные сказкн, базарные коврики, симеизская дева...

Людмила вдруг расхохоталась.

— Господи, — с придыханием, вся еще в смехе, сказала она, — до чего забавная нгрушка! Я грешным делом и впрямь подумала, что жнвая. И сколько это удовольствие стоит? Где купилн? Была сегодня в «Детском мире» н ничего подобного не видела. Надо же, как иаучнлнсь нмитировать природу! Живая, да н все!

— Она и есть живая, — строго перебила ее тетка.

Людмила иедоверчиво взглянула на нее, потом на аквариум, из которого за нами наблюдали радужные глаза.

— Шутнте?

— Вовсе нет.

Людмнла встала, и я, не успев ничего сообразить, увидел, как оиа решительно суиула руку в воду, схватила русалочку, вытащила из аквариума и тут же с брезглнвым испугом бросила назад так, что ее окатило брызгами.

— Кошмар какой-то, — пробормотала она, вытирая лицо ладонью. — Это что же делается? Неужели н впрямь живая?

В маленьком сферическом аквариуме русалочке было не очень удобно, тесновато, но я успокаивал себя тем, что близится день отъезда и у меня дома в ее распоряжении будет посудина на сорок литров. Сейчас же я был озабочеи тем, какая еда требуется этому существу. Русалочка ие притрагивалась ни к одному угощению, на которое обычио рыбы жадно иабра-

сываются. Наоборот, она шарахалась и от живого мотыля, и от трубочника, не ела и сушеных дафний. Тогда я стал кидать ей все подряд: кусочки голландского сыра, колбасу, хлеб, и в конце концов так замутил воду, что пришлось менять ее. В водопроводной хлорированной воде гостье ужасно не понравилось. Минут десять она не могла успокоиться — выплывала на поверхность, жадно заглатывая воздух и рассерженно разбрызгивая воду хвостом.

Надо было что-то делать и с ее лапкой-ручкой. Я приклеил ей на плечо лейкопластырь, но она тут же ухитрилась содрать его крохотными зубками и здоровой рукой.

— Ну что ты сделала? — огорченно сказал я, будто она могла что-то понять. И то ли мне показалось, то ли на самом деле, русалочка чуть виновато взглянула на меня.

Пришлось перевязать плечико бинтом. Не скажу, что повязка пришлась ей по вкусу: пока мы с Людмилой накладывали ее, русалочка выбилась из сил и потом долго лежала в неподвижности на дне, в самом укромном месте, между камешком и речной травой.

Узнав, что я собираюсь везти это диво в поезде, Людмила взглянула на меня как на сумасшедшего.

— Во-первых, у нас и так два чемодана и три сумки, — сказала она, с трудом сдерживая гнев. — И хотя бы сообразил, как может отразиться на ней это путешествие. Кстати, чем все-таки ты собираешься кормить ее? Мой совет — выпусти ее в речку, иначе она погибнет. То, что ты делаешь с ней, издевательство.

Тетка горячо поддержала ее, но я заупрямился. Честно говоря, не знаю, что более руководило мною — сострадание к этому раненому существу или желание щегольнуть, поразить детей, друзей, знакомых. Но отпустить ее на произвол судьбы мне казалось немыслимым. К тому же охватило странное чувство, что с ней я потеряю нечто очень важное.

Филька по-прежнему с любопытством крутился вокруг аквариума, запрыгивал на стул и совал свой нос чуть ли не в воду. Русалочка испуганно шарахалась. Должно быть, пес казался ей великанским чудовищем.

Утром следующего дня, едва открыв глаза, я глянул на подоконник, куда пришлось перенести аквариум из-за Фильки, и замер. Русалочка сидела на кромке аквариума совсем в человеческой позе. Ее малахитовые волосы сверкали на солнце, и вся она, казалось, впитывает его каждой чешуйкой. Выходит, эта полурыба-полудевочка может свободно дышать воздухом? Отчего же она задыхалась всякий раз, когда мы вынимали ее из воды? От испуга? Наделена ли она психикой? Мышлением? Что это вообще за существо? Время от времени она меняла позу, поворачивала в сторону солнца то один бок, то другой, подставляла ему спину. При этом чешуйки, серебристо вспыхи-

вая, наливались теплой янтарной желтизной, будто впитывали в себя солнечный свет. Заметив мой взгляд, русалочка испуганно юркнула в воду. Я рассмеялся, мне было хорошо и удивительно, как в детстве, когда тетушка рассказывала одну из множества сказочных историй, которые еще и разыгрывала передо мной в лицах.

Забившись в траву, русалочка с минуту тихо сидела там, затем из-за камушка, не без любопытства, выглянуло ее личико. Я подумал о том, что кажусь ей еще более страшным, чем Филька, настоящий Гуливер — есть от чего прийти в ужас! — и отвел глаза.

С теткой мы расстались невесело. Она с тревогой поглядывала на сумку с бутылью и укоризненно качала головой. Весь путь домой передо мной стояло ее лицо с белесыми ресницами и звучало печально сказанное ею:

— Хотите или нет, а я приеду к вам не в следующем году, как намечала, а через пару месяцев, лишь спадет жара.

— Хоть сейчас, — не очень любезным тоном пригласила Людмила, а в поезде призналась мне: — Хороша тетка — спешит на свидание не с детьми, а этой дерыбой.

У меня же было ощущение, что мы везем с собой ребенка, и на нас лежит ответственность за его жизнь. В какой-то мере это даже тяготило меня, хотя в целом я ощущал себя неожиданно разбогатевшим.

По приезде домой, прежде чем вынуть бутыль из кошелки, мы высыпали перед Валерой и Аленкой ворох игрушек: заводные машинки, вертолетик, шагающего робота, куклу, набор игрушечной посуды. Как только восторг перед подарками несколько поутих, я выставил на стол свой сюрприз.

— Ой, девочка! — воскликнул Валера. — Водяная девочка!

— Русалочка! — завороженно прошептала Аленка. — Настоящая!

— Чур, моя! — Валера бесцеремонно полез в воду рукой. Я подскочил к нему и грубо оттолкнул от бутыли.

— Ты что, с ума сошел! — вскричала Людмила. — Из-за этой дерыбы так с ребенком обращаешься!

Валера насупился.

— Она живая, — твердо сказал я. — Ее нельзя трогать руками, иначе она умрет. И почему ей быть твоею? Она ничья — не твоя, не Алены, не мамина. Она принадлежит природе.

— Развел антимонию, — усмехнулась Людмила и убрала бутыль на кухню. — Готовь аквариум, а то портит весь интерьер.

— Ее дом в подмосковной речке, — продолжал я, с трудом сдерживая гнев. — К нам она приехала погостить.

— А разговаривать она умеет? — поинтересовалась Аленка, возбужденно блестя глазами.

Я задумался. А и впрямь, может, умеет? Кто знает.

— Она из породы рыбьих, значит, не умеет, — рассудил Валера. — И вообще она самая настоящая рыба и будет жить в аквариуме, пока не сдохнет. На девочку она только похожа.

Его рассуждения очень не понравились мне, но я промолчал, не желая портить радость встречи.

— Значит, она ничья, — задумчиво сказала Аленка. — Жаль.

И тогда я спохватился:

— Нет, если по-настоящему, то моя, — строго сказал я, решив, что у русалочки все-таки должен быть хозяин — так спокойнее. — И прошу: ни в коем случае не лезть в воду руками.

— Она раненая? Кто ее ранил? — забеспокоилась Аленка, заметив тоненькую полоску бинта на плече русалочки.

И я на ходу сочинил историю, в которой за русалочкой гналась щука и, спасаясь от нее, русалочка зацепилась за корягу, а я в это время захотел искупаться, и вдруг прямо к моим ногам выплеснуло эту перепуганную щукой крошку. Мой рассказ, кажется, вызвал сочувствие у детей. Это меня обрадовало. Восьмилетний Валера и шестилетняя Алена в общем-то были добрыми ребятами, но Валера иногда позволял себе охотиться с рогаткой на воробьев и голубей, из-за чего у меня случались крупные разговоры с ним. Поэтому, подготавливая для гостьи самый большой аквариум, я делал наставления: не полоскать руки в воде, ничего не бросать туда, иначе русалочка умрет.

— А что она ест? — поинтересовался Валера.

— Ничего.

— Как? — не поверили дети хором, а Валера сыронизировал: — Солнечными лучами, что ли, питается?

Вот тут меня и осенило: что, если русалочка и впрямь автотрофное существо, заряжающееся лучами солнца? Но как же она тогда клюнула на червяка? Может, из любопытства? Ведь сидит же по утрам на краешке аквариума, купаясь в солнечном свете.

Вскоре моя догадка подтвердилась.

Я поставил аквариум так, чтобы утреннее солнце падало прямо на него, и на следующий день рано утром увидел русалочку, греющуюся на солнце. Она явно получала удовольствие от обилия лучей, ее серебристые чешуйки переливались золотом, будто она переоделась в другой наряд. Мне было известно, что к автотрофам на земле относятся только растения, человек лишь мечтает о таком экономном приеме пищи, и вот... Это было существо поистине фантастичное от головы до кончика хвоста.

В первый же выходной я пошел в библиотеку и стал рыться в справочной литературе, выискивая все, что написано о ру-

салках. У Даля я нашел, что это сказочиая жилица вод, водяиая шутовка. На северо-востоке ее иазывают водяиицей, берегиней, на юге — русалкой, мавкой, майкой: здесь это веселые шаловлнвые создаиия, а иа севере и востоке их считали злыми, из числа нежити. В Малороссии так называли иекрещеных детей: онн иагн, с распущеииыми волосами, прельщают, заманивают, щекочут до смерти, топят. Было еще такое слово — русальннчать, то есть праздновать обрядами Русалку, на все лады гулять и пнть всю всесвятскую иеделю.

В других источиикаx у русалок такие сиионимы: купалки, лоскотухи. Образ русалки иаши предки славяие связывали с водой и растительиостью. И только позже, под влиянием христиаиства, русалкамн стали считать умерших девушек, преимуществеиио утоплениц.

Меия привлекло название «берегиня». Этимологически оно оказалось связаниым с имеием Перуна и со старославянским пръгыня — «холм, поросший лесом». Позже его смешали со словом берег. Культ берегини объедииялся с культом Мокоши, едииственного жеиского божества древнерусского паитеона, типологнчески близкого греческим мойрам, прядущим нить судьбы.

В научной литературе о русалках иичего не было. Одиако меня заинтересовала иебольшая информация в научио-популярном журиале, иа которую я случайно иабрел. В ней говорилось о некоем реликтовом эидемике, найденном в одиой из подмосковных заводей. Точнее, это был иеизвестный морфологии крупный головастик, отдаленно иапомииающий мифическое существо, полурыбу-полужеищииу.

Информация заиитересовала меня, я записал фамилию иатуралнста, поймавшего этот иеобычный эидемик, и решил со временем списаться с ним.

— Тебя зовут Берегиня, — сказал я иа следующнй деиь, склонившись над аквариумом.

Русалочка выплыла нз сооруженного миою гротика, вопроснтельио повериула ко мие перламутровое личико. Ее плечо уже зажнло, повязку я убрал, и сейчас оиа была так прелестна, что нестерпимо хотелось показать ее кому-иибудь.

Моя мама приходила к нам теперь чуть ли ие каждый день. Часами сидела у акварнума, размышляя о чем-то. Как и тетя Леля, оиа упорно настаивала на том, чтобы отдать русалочку в какое-нибудь научиое учреждеиие — никак не могла смириться с тем, что это существо вот уже сколько времени ие берет в рот нн крошки. Как я ни убеждал ее в уиикальности русалочьего оргаиизма, которому пища не требуется, оиа ие могла с этим смириться, поверить в это.

Я посаднл в грунт аквариума валлисиерию, а чтобы руса-

лочке не было скучно, пустил в воду небольшую стайку неонов. В правом углу аквариума замаскировал электролампочку, и можно было наблюдать поистине сказочные картины, когда неоны, сверкая фосфорически синими полосками на красных тельцах, плыли рядом с русалочкой, а она осторожно ловила их в свои перепончатые ладошки, рассматривала и отпускала на волю. Координация ее движений все более убеждала меня в том, что она очень близка нашей человеческой породе. Но, как ни был велик соблазн показать ее соседям, друзьям, я воздерживался от этого, категорически предупредив своих домашних, чтобы держали язык за зубами. Я боялся, что, как только о моем чуде узнают, я потеряю его.

Однажды, просматривая в кресле газеты, я почувствовал на себе пристальный взгляд. Не сразу понял, откуда он. Оглянулся и увидел — на меня смотрит Берегиня. Она сидела на стенке аквариума так, что ее хвост лишь слегка касался воды, и с любопытством изучала меня.

— Смотри, малышка, не свались, — сказал я и к своему ужасу и восторгу увидел, как губы русалки растягиваются в улыбку. Это было так неожиданно и необыкновенно, что я некоторое время не мог вымолвить ни слова, лишь ошарашенно глядел на нее. Захотелось взять ее на ладони, поближе посмотреть. Но знал — этого делать не стоит — она не терпит никаких прикосновений. Выпуклые рыбьи глаза продолжали с интересом разглядывать меня, а лицо играло, светилось улыбкой, и не было сил оторвать глаз от этого поистине колдовского очарования. То, что она отозвалась на мои слова, было удивительным — нечто вроде контакта между нами. Я осторожно встал, чтобы разглядеть ее, но Берегиня тут же плюхнулась в воду.

— Глупенькая, — сказал я, подходя к аквариуму и склоняясь над ним.

Русалочка сидела между зубцами ракушки и снизу вверх смотрела на меня. Улыбка по-прежнему освещала ее перламутровое, слегка розовое личико, но была уже с примесью испуга. Она явно выделила меня из всех, кто разглядывал ее.

— Выплывай, я не трону тебя, — пробормотал я, сомневаясь, однако, что она слышит, а тем более понимает меня. Каково же было мое изумление, когда она тут же всплыла на поверхность. Я осторожно протянул ей палец, который, должно быть, казался ей бревном. Берегиня осторожно потрогала его лапкой-ручкой и тут же испуганно отдернула, — вероятно, палец был для нее слишком теплым.

Я менее удивился бы, если б она вдруг заговорила, но того, что случилось в следующую минуту, никак не ожидал. Русалочка поплыла вдоль прозрачной метровой стенки аквариума, и не просто поплыла, а двинулась в каком-то дивном танце, оборачиваясь вокруг себя, плавно шевеля руками и головой. Танец сопровождался нежным звуком, похожим на звук вибри-

рующей скрипичной струны на высокой ноте. Берегиня танцевала и пела! Ни дети, ни Людмила, никто еще не видел этого великолепия. И хотя я был единственным свидетелем, мне вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь сейчас вошел в комнату. Я чувствовал всей душой — русалочка пела и танцевала только для меня!

— Ах ты умница, ах ты красавица, — шептал я.

Будто воодушевленная моими словами, Берегиня стала выделывать еще более замысловатые движения. Ее хвост мелко вибрировал, руки взметывались так пластично, так по-человечески, что было трудно поверить в перепонки между пальцами.

Я невольно обхватил аквариум руками, обнял это маленькое чудо, и вмиг что-то изменилось. Вначале я не понял, в чем дело: все поплыло перед глазами, затем будто кто окунул меня в воду лицом. В следующую минуту появилось странное зрение и не менее странный слух. Неведомая сила точно уменьшила меня в размерах. Я воспринимал танцующую передо мной Берегиню как равную мне, из моего человеческого мира. Она пела без слов, но я понимал, о чем она поет. Это был рассказ о лесной речке, в которой живет ее племя, скрывающееся от людского глаза, о глубинных зарослях со стайками рыб, о солнечных лучах, отражающихся в воде. Обворожительные, волшебные звуки шли и от стебельков водяных растений, и от мелких ракушек в речном песке на дне аквариума. Улыбаясь, она продолжала кружиться в танце, и мне чудилось, что она кружится не по аквариуму, а вокруг меня. Я был в оцепенении, не в силах отвести от нее взгляд, когда услышал внутри себя нечто, что в переводе на язык человека означало: «Пока держишься за стенки аквариума, я могу разговаривать с тобой. Не спрашивай, как это у меня получается. Если хочешь общаться, держись за стенки».

Что это? Или схожу с ума? Разжал руки, и вмиг все стало по местам: я стою, склонившись над водой, а русалочка продолжает свой танец. Угол зрения изменился, и голоса ее уже не слыхать. Опять притронулся к аквариуму и вновь услышал голос — не голос, а нечто, оформившееся для меня в языковое понятие: «Я научилась понимать тебя. Говори со мной, не бойся».

— Что за чертовщина, — пробормотал я, отшатываясь от аквариума.

Попятился к столу, сел в кресло, обхватив голову. Вот что значит не отдохнуть как следует в отпуске. По сути, только приступил к делу, а выходит, уже заработался.

В комнату вошла Людмила. Краем глаза я увидел, что русалочка тут же прекратила танец и спряталась в зарослях.

— Что с тобой? Тебе плохо, Виктор? — встревожилась Людмила. — Бледный какой! — Она полезла в сервант за кор-

валолом. — Пей, — протянула мне мензурку. Плохо соображая, что делаю, я опрокинул лекарство в рот.

— Ну все, все, — успокоил я жену.

— Приляг, — сказала она. — Может, «скорую» вызвать?

— Еще чего! — вскипел я, желая, чтобы она скорей удалилась, — так хотелось проверить, что это было на самом деле.

— Ладно, ухожу, — виновато сказала она, прикрывая за собой дверь.

В иное время я, возможно, пришел бы в неловкость от того, что так грубо обрезал ее, но теперь было не до оттенков. Я обернулся и увидел, что русалочка вновь закружилась в танце. Выходит, и впрямь ей хотелось танцевать лишь для меня. И я тут же дал себе клятву, что никому не расскажу об увиденном — ни жене, ни детям, ни друзьям. Я боялся утратить, расплескать нечто, так щедро обрушившееся на меня.

По утрам мне приходилось следить за тем, чтобы в комнате с аквариумом не оставался кот Ерофей. Дети несколько привыкли к русалочке, потеряли бдительность, и не раз приходилось видеть, как Ерофей, сидя перед аквариумом, жмурит свои хитроватые глазищи.

А тут как нарочно в аквариум случайно залетел Аленкин мяч, потом Валера ненароком уронил туда перочинный нож. Но после того как я застал сына сидящим у аквариума с удочкой и наблюдающим за тем, как Берегиня рассматривает привязанного к леске земляного червяка, не на шутку испугался за русалочку и стал подумывать, не отвезти ли аквариум к себе в кабинет клиники.

Каждый день я теперь выкраивал минуту, когда в гостиной никого не было, чтобы пообщаться с Берегиней. Людмила подозрительно присматривалась ко мне. Ей явно не нравился мой вид, и она то и дело интересовалась, отчего я такой задумчивый, рассеянный. Я отшучивался. Между тем сослуживцы тоже заметили некоторую перемену во мне, и я забеспокоился: как стряхнуть с себя это русалочье наваждение: что бы я ни делал, перед глазами стояла танцующая Берегиня.

Вернувшись из клиники, я объявлял Людмиле и детям, что мне надо поработать над историями болезней, и уединялся в гостиной. Для виду разбрасывал по столу бумаги, книги, подходил к аквариуму, притрагивался к его стенкам и, будто распахивая волшебную дверцу, слышал голос Берегини:

— Как дела?

Это было традиционным началом нашего разговора. Разумеется, я не спешил докладывать ей о своих докторских буднях, а сразу же начинал сам штурмовать ее вопросами, которые одолевали и днем и ночью. Берегиня прекрасно понимала меня и отвечала довольно вразумительно. Правда, порой я задумывался — не сам ли с собой разговариваю? Но постепенно убедился, что психика моя в порядке. Информация, которую я

узнавал, явно шла извне, а не была плодом моего воображения.

Меня тревожили вылазки Берегини на стенку аквариума: при неосторожном движении он могла легко свалиться. Поэтому я приспособил ей на углу аквариума сиденье, своего рода гамачок из полиэтиленовой пленки, в котором она без опаски могла и сидеть и лежать.

— Загораешь? — улыбался я, увидев ее на пленке.

— Да, — кивала она. То есть «да» отвечало в моей голове, ее же рот всегда был плотно сомкнут, и я каждый раз удивлялся, каким образом она общается со мной.

— Тебе снятся сны? — интересовался я.

— Снятся.

— Любопытно, что может сниться Берегине?

— Многое. Лес, речка. То есть мой дом, — отвечала она, и мне становилось неловко. Я смущенно успокаивал ее:

— Подожди немного, скоро приедет тетушка и отвезет тебя на твою речку. Только, пожалуйста, больше не любопытствуй и не попадайся на крючок. Все-таки почему никто, кроме меня, не видел вас, русалок?

Она, кажется, обиделась, потому что тут же скрылась в гротике.

— Почему ученым неизвестен твой род-племя? — допытывался я.

Она выглянула из грота, а потом выплыла на середину аквариума:

— Смотри!

Русалочка вдруг задрожала, завибрировала, стала расплываться, терять форму, и через минуту передо мной была уже не Берегиня, а какой-то уродливый головастик.

— Вот это да! — опешил я. И когда она вновь стала русалочкой, поинтересовался, почему она не применила эту предохранительную метаморфозу в то утро, когда я поймал ее. Она объяснила, что зацепилась за корягу, поранилась, и это помешало ей превратиться в лигуха — так назвала она головастика.

— Я открыла тебе слишком многое. — Глаза ее погрустнели. — И теперь мне никогда не вырваться на волю.

— Вот оно что! — удивился я. — Так ты хотела, превратившись в лигуха, улизнуть от меня? А что, если бы я спустил этого лигуха в унитаз, а не выбросил в озеро, как ты надеялась?

Я даже зажмурился, представив, чем все могло кончиться. Вновь стало неловко оттого, что я держу русалочку в неволе.

— Я, конечно, могу отпустить тебя в озеро, но там ты вряд ли найдешь своих, — сказал я.

— Они есть везде, в любом водоеме. Люди очень озабочены собой, иначе давно бы заметили нас.

— Нет, дорогая, лучше я попозже доставлю тебя туда, откуда взял.

Она встрепенулась и с надеждой спросила:

— Это правда, ты обещаешь когда-нибудь выпустить меня?

— Конечно, — заверил я.

— С кем ты разговариваешь? — Я не заметил, как в комнату вошла Людмила, и слишком поспешно отскочил от аквариума. — Уж не с дерыбой ли?

— А ты что, ревнуешь? — попытался отшутиться я.

Но Людмила была серьезной. Она подошла ко мне, положила на лоб ладонь и неожиданно расплакалась.

— Давай ее выбросим, — сквозь слезы сказала она. — Я чувствую, это все из-за нее. Ты стал каким-то другим и сам не замечаешь, что с тобою творится. Мне уже и соседи говорят, не заболел ли Виктор Петрович? Стал такой тихий, мечтательный.

Я успокаивающе обнял ее и увидел внимательный русалочий взгляд.

— Умоляю тебя, — как можно спокойнее сказал я, — без меня ничего не предпринимай, русалка тут ни при чем. Если же с ней что-нибудь случится, мне будет худо. Дай слово, что не тронешь ее. Ну хочешь, покажи ее соседям, знакомым.

Я тут же понял, что говорю не то, но уже было поздно: по-детски вытирая слезы тыльной стороной ладони, Людмила улыбнулась в ответ и утвердительно кивнула головой.

Паломничество в наш дом началось с визитов детей. Первыми явились соседские близнецы Толя и Коля, проказливые, хулиганистые мальчишки, от которых стонал весь двор. Они восхищенно цокали языками, стоя и сидя возле аквариума, ползая вокруг него по полу и склоняя над ним свои одинаковые вихрастые головы. Я настороженно следил за ними, чтобы чего-нибудь не накуролесили.

Потом потянулись Аленкины подружки, а после и Людмиле захотелось показать русалочку своим сослуживцам и знакомым. Однажды и я привел в дом главврача и рентгенолога нашей клиники и в полную меру насладился их удивлением и восторгом.

Но никому, даже Людмиле, я не решался поведать о разумности русалки. Я знал, что долго носить в себе этот груз опасно, и с нетерпением ждал из экспедиции своего друга Дроботова. Его восхищения и понимания сейчас очень не хватало мне, без него тайна исподволь подтачивала меня.

После того как у нас перебывали чуть ли не все соседи и знакомые, начали раздаваться телефонные звонки: совсем неизвестные нам лица спрашивали, нельзя ли взглянуть на наше чудо. Каждый из абонентов, прежде чем завести об этом разго-

вор, представлялся, кто он, где работает. Вскоре я заметил, что круг наших знакомых пополнился режиссером областного театра, музыковедом, директором цирка, заведующей одного из отделов универмага, спортивным тренером.

Людмила на глазах расцвела, в лице ее появилась значительность, она стала приветливей и веселее.

Через месяц мы обрели в городе такую популярность, как некогда печально известная семья, воспитавшая львов. Но вот Берегиней стали интересоваться какие-то биологические и зоологические общества, кружки, и я насторожился, заметив Людмиле, что русалочка делается все более беспокойной. Когда стучали ногтями по аквариуму, она металась из угла в угол, пряталась в гротик из камней. Зрителям это, конечно, приносило удовольствие, но я читал на ее лице истинное страдание, поэтому вскоре запретил и детям и Людмиле эти спектакли. Домочадцы, конечно, огорчились, присутствие чуда без зрителей казалось им невыносимым. Для начала пришлось лишь ограничить количество посетителей, но в будущем я надеялся и вовсе прекратить это нашествие.

Профессор университета пришел, когда я был дома. Бледный, худощавый, с густым ежиком седых волос, он, еще не увидев Берегиню, высказал надежду, что во имя науки я подарю этот, как он выразился, уникальный экземпляр речной фауны кафедре биологии.

— Больше ничего не придумали? — несколько дерзко вырвалось у меня.

— Видите ли, тут нужно поступиться личным престижем,— назидательно сказал он.

Сгоряча я хотел было послать его куда подальше, но потом, чтобы он раз и навсегда отказался от мечты завладеть Берегиней, придумал вот что:

— Подождите минуту, у меня там не все прибрано, — сказал я перед тем, как войти в гостиную.

Быстро подошел к аквариуму, вцепился в его стенки и настроился на волну Берегини.

— Прошу тебя, превратись в лигуха, — шепотом сказал я.

Она поняла, что ей грозит опасность, и, не спрашивая ни о чем, вмиг изменила внешность.

— Пожалуйста, проходите, — пригласил я профессора. — Вот она, моя русалочка. Люди несколько преувеличивают, она совсем не похожа на человека, но, согласитесь, при известной доле воображения можно дорисовать и девичью голову, и руки.

Профессор заглянул в аквариум, и лицо его разочарованно вытянулось.

— Да это же головастик, только огромных размеров. Если присмотреться, и впрямь есть что-то от женской фигуры, но не настолько, чтобы визжать от восторга, как одна моя знакомая...

Я остался доволен. Немного покрутившись у аквариума, про-

фессор осмотрел комнату, видимо, чуя какой-то подвох, но, не увидев ничего подозрительного, вышел, недовольно бормоча:

— И выдумают же... Русалочка...

— Но если вы биолог, должны заинтересоваться величиной головастика, — поддел я.

— Мало ли в природе аномалий, — пожал он плечами.

Этот визит еще более насторожил меня. Я предупредил Людмилу, что мы можем лишиться Берегини — приедут из какого-нибудь центрального научно-исследовательского института и заберут ее.

— А тебе не кажется, что скрывать ее антиобщественно? — неожиданно сказала она.

— Мне кажется, куда антиобщественней извлекать из ее существования корысть, — отрезал я. Это было намеком на то, что жена в последнее время стала отсеивать любопытствующих, приглашая в дом тех, кто мог быть ей чем-то полезен. Натолкнула ее на это базарно-мудрая Благушина, ее давняя приятельница, умеющая извлекать пользу даже из фонарного столба под своим окном: разбив на нем лампочку, заколотила в него гвоздь и протянула между ним и стеной дома бельевую веревку.

Словом, Людмила научилась использовать Берегиню для облегчения нашего быта и уже не представляла себе жизнь без нее. Надо было теперь видеть, как она ухаживала за аквариумом, чистила его, меняла отмирающие растения, следила за тем, чтобы рыбы не мешали русалочке.

— Наша золотая рыбка, — нежно бормотала она, затеняя гротик валлис462 нериями или устраивая открытые лужайки, чтобы русалочке было где порезвиться. Я даже сердился на нее за то, что так долго возится в воде. Еще бы не дорожить Берегиней: при желании можно было достать любой дефицит, стоило лишь пообещать кому-нибудь показать русалочку.

Если бы жена знала, что русалочка разумное существо, она, вероятно, устроила бы на дому цирковые представления, и я не раз предупреждал русалочку не выдавать себя. Она, кажется, поняла, в чем дело, и теперь, когда кто-нибудь приходил к нам, ограничивалась лишь тем, что пару раз всплывала на поверхность воды, а затем пряталась в гротик. При неугодных мне, однако неизбежных демонстрациях она по условленному знаку — я трижды стучал ногтями по стенке аквариума — выплывала из гротика в облике безобразного головастика и тем самым сбивала интерес к себе.

Однажды, вернувшись домой раньше обычного — после совещания уже не пошел на работу, — я не застал дома никого. Подошел к аквариуму и стукнул в стекло, вызывая Берегиню. Она не выплыла, и я решил, что она спит. Вскоре меня охватила тревога, я опять постучал по стеклу. Обычно Берегиня сразу узнавала мой стук и радостно подплывала к стенке ава-

риума. Но сейчас что-то случилось. Пришлось лезть в воду рукой, я не люблю это делать и своим запрещаю без надобности соваться туда, но сейчас не выдержал, обшарил гротик. Он оказался пуст. Берегиня исчезла!

Я бросился к телефону, позвонил в школу, попросил на перемене срочно позвонить домой преподавательницу русского языка Людмилу Семеновну Белову. Через пятнадцать минут раздался звонок. Людмила, оказывается, уже знала обо всем: учительница младших классов доложила ей, что ее сын, Валерий Белов, умудрился принести в школу какую-то чудную рыбку, игрался с ней, а потом стал неизвестно от чего плакать. Словом, я понял, что с Берегиней что-то случилось. Людмила сказала, чтобы я никуда не уходил, она сейчас придет домой.

Вернулась она с Валерой. Лицо сына было заревано, в руках литровая банка. Я бросился к нему, выхватил банку. В ней живая-здоровая плавала Берегиня, но глаза ее были грустны. В этой тесной посудине русалочке было явно не по себе. Мальчишки наверняка брали ее в руки, и она выскальзывала на пол. Я даже вздрогнул от воображаемой картины. Первым моим побуждением было дать Валерке хорошую оплеуху, но, увидев его побитый вид, я сдержался.

— Папочка, честное слово, больше никогда-никогда не вынесу ее из дому! Прости меня! Так хотелось показать ее в классе! Они ведь не верили мне. — Валерка разрыдался. — Марыничев как схватит ее, — стал рассказывать он, всхлипывая, — а она как вырвется, как упадет, я поднял ее, опустил в банку, смотрю, а там уже и не русалочка вовсе, а чудовище какое-то. Ребята стали смеяться надо мной, а потом чуть не отлупили, говорили, что надул всех, хотели отобрать у меня банку, но я схватил ее и скорей к маме в учительскую. А по дороге домой она опять в Берегиню превратилась! — Глаза его сияли.

— Виктор, что за чушь он говорит, а? Неужели она умеет превращаться? — Людмила вопросительно смотрела на меня.

Я ничего не сказал, осторожно опустил Берегиню в аквариум и вышел на балкон покурить.

— Папа, она как царевна-лягушка? — наступал на меня Валера, все еще виновато моргая.

— Тебе, вероятно, показалось, — сказал я как можно спокойнее.

— Да нет же, все ребята видели!

— Показалось, — твердо сказал я. — Видимо, такое было освещение, что вам кто знает что почудилось.

Валерка от моего неверия сразу потускнел. Но я не сдавался, стал убеждать, что такое бывает, — вдруг померещится всем сразу не то, что есть на самом деле. И в конце концов, кажется, убедил его.

А через день, придя домой, услышал из гостиной востор-

женные вопли. Валера с Аленкой сидели у аквариума, хлопали в ладоши и визжали.

— Что здесь происходит? — спросил я как можно строже, уже чуя нечто неладное.

Дети схватили меня за руки и потянули к аквариуму. Вначале я не понял, в чем дело: Берегиня металась в воде, а за ней волочился какой-то предмет. Не в силах избавиться от него, русалочка в отчаянии оглядывалась назад.

— Валера сделал Берегине карету, как у царевны-лягушки! — восторженно объяснила Алена. — А Берегиня — представляешь! — вдруг сказала человечьим голосом: «Осторожней, не сделай мне больно!»

Я опешил.

— Валера, скажи, что она выдумывает, — с надеждой произнес я.

— Нет, правда! — блестя глазами, торжественно заявил он. — Берегиня умеет разговаривать! Вот расскажу в классе, опять не поверят.

Я стиснул зубы. Неужели Берегиня научилась контактировать с людьми напрямую? Это грозило ей большими неприятностями. Молча я отцепил от нее вожжики-леску, привязанные к карете из спичечных коробков и тетрадных скрепок.

Вечером Людмила спросила меня:

— Что там дети болтают, будто Берегиня разговаривает?

— Именно болтают, — успокоил я жену. — Все им что-то чудится: то ее превращения, то разговор. Впрочем, это оправданно — для них она сказочное существо.

Наконец-то вернулся Дроботов. Из Средней Азии он принес ворох впечатлений, коллекцию камней и фотографию окаменевшего следа динозавра. Мы сидели на кухне за бутылкой «Старинного нектара». Слушая его сбивчивый рассказ о красотах ониксовой пещеры, о таинственных звуках, раздававшихся по ночам возле стоянки геологов, я предвкушал впечатление, какое произведу на него Берегиней, о которой пока умалчивал.

Дроботов был так захвачен собственным рассказом, что долго не видел моей улыбки, а когда наконец заметил, спохватился и подозрительно замолчал.

— Ты чего? — сказал после некоторого молчания. — Впрочем, совсем забыл: тебе рассказывать о чудесах бесполезно — все равно не поверишь. Но вот перед тобой фото. Или думаешь, что этот великанский след я сам выдолбил в камне?

— Почему бы и нет? — поддел я его, и Дроботов готов уже был взорваться, когда я встал и пригласил его в комнату с аквариумом.

— Что, новое приобретение? — кисло спросил он на ходу.

явно расстроенный тем, что даже сейчас, когда явился с таким грузом диковинных новостей, не нашел во мне должного отклика.

— Крепче держись за стул, — предупредил я и трижды постучал по стенке аквариума.

Как и следовало ожидать, Берегиня выплыла из гротика в облике лигуха, но и в таком виде очень удивила моего друга:

— Ну и уродинка! — воскликнул он. — Впервые вижу такого огромного головастика. Где ты его откопал?

— Уродинка, говоришь? — усмехнулся я.

— А то нет? Ни у одного аквариумиста я не видел ничего подобного.

— Это верно, — согласился я и торжественно стукнул по стеклу один раз, давая Берегине понять, что пора обрести свою красоту.

Каково же было мое недоумение, когда русалка ни на этот знак, ни на несколько последующих никак не отреагировала, продолжая оставаться в облике безобразного головастика. Вот так номер! Это была явная забастовка. Я виновато взглянул на друга и, не теряя надежды, еще раз щелкнул по стеклу. Лигуха скрылся в зарослях.

— Да, забавная живность, — скучновато сказал Дроботов.

Я хотел было рассказать, что за чудо на самом деле этот головастик, но потом раздумал: пусть лучше Берегиня, когда захочет, сама увидит моего друга.

Заметив мое огорчение, Дроботов хлопнул меня по плечу и великодушно сказал:

— А вдруг это какая-нибудь жаба-мутанка?

— Приходи завтра, — сказал я, решив как можно быстрее узнать у Берегини, в чем тут дело. — Покажу тебе нечто, чего не увидеть ни в Азии, ни в Африке.

Дроботов ушел заинтригованным, а я тут же бросился к аквариуму.

— Эй, — гневно сказал я, обхватывая стеклянные стенки. — Выходи, у меня есть о чем поговорить с тобой.

Берегиня тут же выплыла из гротика, показалась мне еще прекрасней. Правда, личико ее было хмуроватым.

— Что случилось? Я ведь стучал, как условились.

— Надоело.

— Что надоело? — опешил я.

— Когда тебя постоянно осматривают. Это неприятно и даже болезненно, я устала.

— Хорошо, отдохни, — согласился я, подумав о том, что мы и в самом деле замордовали это удивительное существо постоянными демонстрациями гостям, знакомым и незнакомым.

— Не обижайся, — сказала Берегиня, усевшись на обросшую мхом рапану. — Хочешь, расскажу о своей жизни в речке?

Я молча кивнул. Она явно чувствовала себя виноватой, и меня тронуло это.

— Крепче обними мою стеклянную клетку.

Я плотнее прижал ладони к стенке аквариума, и в тот же миг очутился в диковинном царстве, не сразу сообразив, где я и что со мной. Лишь значительно позже понял, что Берегиня на какое-то время дала мне свое видение прошлого и превратила в некое мелкое водоплавающее. Настолько мелкое, что придонные рыбы, важно лежащие на дне речки, казались огромными подводными лодками, а в цветке белой кувшинки можно было оборудовать себе дом. В этом великанском царстве Берегиня приобрела величину девочки, я посматривал на нее с некоторым страхом.

— Не бойся, — проговорила она, поймав меня в ладонь, и я на себе испытал, как неприятно, когда тебя разглядывают. — Вот здесь я жила, пока ты меня не выловил. Смотри, как тут красиво и просторно, не то что в твоем аквариуме. И вода чистая. А вон то клубящееся облачко — рачки дафнии. Не узнаешь? Да-да, те самые, трупиками которых ты кормишь своих рыб. Посмотри, какие они прекрасные на воле, живые. Хочешь, покатаю тебя на водяном ослике? Нет, давай лучше проведаем моего приятеля жука-водолюба. Он сорвет тебя водяной орех чилим, и ты будешь жить долго и счастливо. Поплыли. Осторожней, это вовсе не сухой лист, а морской скорпион. Если его не трогать, он безобиден, но коль заденешь, пеняй на себя. Впрочем, тебе ничего не угрожает — ведь все это лишь в нашем воображении.

Я и впрямь чувствовал себя в безопасности, будто находился в защитной камере. С любопытством, изумлением рассматривал мир речной заводи с островками лилий на воде, подводными травами и цветами. Надо мной вдруг завис огромный колокол из пузырьков воздуха.

— Его соорудил паук-серебрянка, — мимоходом объяснила Берегиня, и мы поплыли дальше. По дну речки расхаживала какая-то птица.

— Это моя подружка оляпка. Люди считают, что среды птиц и рыб — две несовместимости, а вот оляпка соединила их: она живет и в воде, и на суше, на деревьях. Но что-то я не вижу водолюба. Сейчас заход солнца, и он, должно быть, любуется им. Поплыли наверх!

Мы всплыли на поверхность заводи, и сердце мое восторженно заколотилось. Над водой бушевала снежная метель, подсвеченная розоватыми лучами заката. Зрелище было настолько романтическим, что я замер. Вышел из оцепенения, лишь когда ощутил, что кто-то теребит меня за плечо.

— А? Что?! — вскрикнул я.

Обхватив меня за плечи, рядом стояла Людмила, в слезах, и пыталась оттащить меня от аквариума.

Я стер со лба испарину, подошел к дивану и лег.

Людмила плакала.

— Ну чего ты? — стал я грубовато утешать ее. — Засмотрелся, задумался, а ты уже в панике.

— Витя. — Людмила всхлипнула. — Она изведет тебя. Почитай в энциклопедии... За русалками водятся такие особенности. И Благушина сказала мне...

— Глупости, — отмахнулся я, вспоминая только что виденное. — После работы хочется отдохнуть. И тебе рекомендую медитации у аквариума.

— Нет, Витя, ты как-то нехорошо наклонился над аквариумом. У тебя вид отрешенного, ты живешь в нереальности...

Теперь я стал осторожней. Выбирал время, когда Людмилы не было дома, и путешествовал в мир Берегини. С каждым разом это становилось все необходимее. В конце концов я и впрямь научился отдыхать у аквариума, как на лоне природы. Обычно я возвращался с работы домой в душном, битком набитом автобусе, и каким это было удовольствием — очутиться в лесу, на берегу речки или прямо в ее прохладной воде. До сих пор я представлял духовную жизнь как нечто состоящее из чтения, походов в театр, кино, дружеских бесед. И вот оказалось, что есть иные, до сих пор неведомые мне формы духовности. В мире Берегини не было книг, но была способность проникать в суть другого существа. Берегиня не знала, что такое телевизор, зато умела с помощью воображения так перемещаться в пространстве и времени, прихватив с собой и меня, что создавалась полная иллюзия истинного путешествия.

Я глубоко ошибался, полагая, что мир ее ограничен лишь заводью подмосковной речки. Была ли это память предков или что-то иное, но в каких только местах мы не побывали! Плавали в холодных пространствах Печоры и Юкона, в голубых водах Ориноко и Байкала, я узнал вкус воды горных озер и артезианских колодцев. Леса, прерии, долины и холмы — все бугры и выемки нашей планеты я почувствовал, пропустил сквозь себя. Встречались водоемы, где я задыхался, дергался в судорогах от удушья — настолько они были отравлены человеком. А Берегиня, вероятно, не без умысла перемещала меня из прозрачных источников в испорченные, мутные лужицы, а оттуда вновь в кристально чистые воды.

Однажды я уехал в месячную командировку в Сибирь. Мне довелось побывать на Алтае, в горах. И там, в свободные часы, я вспоминал о Берегине.

Вернувшись в город, я поехал домой, и первым моим желанием было увидеть русалочку. Ключ плясал в моей руке, пока я в нетерпении открывал дверь. Было лето, и в этот жаркий полдень комната должна быть залита солнцем. Сбросив в передней туфли, я с ходу толкнулся в гостиную. Быстрым шагом направился к аквариуму и замер... На стеклянной стенке,

перевесившись через нее так, что «туловище» согнулось пополам, висел огромный желтый лигух. Вода в аквариуме была мутной и зловонной. Я смотрел на лигуха, в котором ничто не напоминало Берегиню.

В коридоре на журнальном столике белел конверт. Я машинально взял его, распечатал. Ко мне обращался известный биолог Абросимов с просьбой о встрече. До него дошли слухи о диковинном существе, выловленном в подмосковной речке и проживающем в одном из южных городов у некоего врача... Абросимов собирался приехать, как только я смогу его принять.

— Что тут без меня случилось? — спросил я Людмилу, когда она пришла с работы.

— И тебе непонятно? — засмеялась она.

ЮРИЙ ЛИННИК

СМОЛЕВКА

Цивилизацию мыслящих растений впервые описал Фламмарион. Впрочем, у него были предшественники. Разве травы и деревья в фольклоре не разговаривают с человеком? Когда Нарцисс превратился в цветок, то он не потерял самосознания. Только оно как бы переключилось на другой уровень.

В современной фантастике люди часто встречаются с фитоморфными цивилизациями *. Особенно блистательно эти контакты описаны у К. Саймака.

Идея фитоморфных цивилизаций интересна во многих аспектах. Прежде всего она свидетельствует о том, насколько далеко продвинулся человек в преодолении антропоцентризма! Это прекрасно. Ведь снятие шор и рамок расширяет сознание. А узость антропоцентризма известна. Даже в пределах земной биосферы эта форма ограниченности привела к непоправимым ошибкам. Сколь же трагически неверной она может оказаться в масштабах космоса!

Материя неисчерпаема. И материя неизбежно приходит к разуму! Эти философские положения вдохновляют. Неисчерпаемая материя должна идти к разуму неисчислимыми путями. Это логично, это естественно. Наше сознание должно адаптироваться к бесконечности мира. Эта бесконечность несводима к монотонной протяженности, к неограниченному повторению одного и того же. Тут предполагается и бесконечность в качественном разнообразии явлений. В мире много небывалого, непредсказуемого!

Цивилизация растений — это, конечно, фантастика. Но фан-

* Фитоморфный — буквально: подобный растению, растениеобразный. Образовано по аналогии с выражением «антропоморфный».

тастика эвристичная! Она дает импульс для творческой мысли, для нетривиальных поисков. Строгость логики и воля воображения — вот два крыла, поднимающих мысль. Но не всегда они находятся в равновесии, иногда здесь нужен перепад, асимметрия. Крыло воображения дает резкий крен вверх — и мысль быстро набирает головокружительную высоту. Эти виражи нередко кончаются падением на трезвую почву фактов. Науке нельзя без риска. Иначе ей суждено оставаться на плоскости, в замкнутом порочном кругу. Гипотеза фитоморфных цивилизаций тем и интересна, что ей присущ радикальный отрыв от привычного. Сейчас невозможно оценить степень вероятности этой гипотезы. Быть может, в космосе есть только антропоморфные цивилизации. Но вероятно, они встречаются редко, и преобладают фитоморфные или иные цивилизации. Все эти рассуждения пока очень и очень абстрактны. Конечно, проще всего смотреть на космос со своих позиций и считать, что закономерности земной биосферы являются универсальными. Этого ведь тоже нельзя исключить. Как нельзя исключить и того, что наша профессия — единственная в космосе. О эти неопределимые вероятья! Долго еще они будут искушать человеческий разум.

Материя устремлена к самопознанию, разуму. На земле этого рубежа достиг только человек. Есть ли шансы у других существ дойти до аналогичного уровня? Известна гипотеза о цивилизации дельфинов на нашей планете. Независимо от своей состоятельности или несостоятельности она принесла пользу, ибо тоже содействовала преодолению антропоцентризма. Иногда можно услышать рассуждения о коллективном разуме общественных насекомых. Это предположение кажется особенно фантастичным. Но его эвристическая ценность не вызывает сомнений.

Долгое время процессы мышления человек считал исключительно прерогативой своего мозга. Действительно, в нашей нервной системе материя обрела невероятную тонкость и сложность! Но все-таки мышление нельзя связывать с одним и только одним субстратом, хотя бы и таким высокосовершенным, как материя человеческого мозга. Мы уже построили мыслящие машины. Пусть их мышление не является таким гибким и творческим, как наше. Но это все же несомненно мышление! Для его функционирования вовсе не нужна органическая нервная ткань. Она оказалась вполне заменимой техническими блоками. Между мозгом и машиной есть безусловный сущностный изоморфизм, однако и субстрат, и конструктивное построение здесь совершенно различные. Кибернетика тоже содействует преодолению антропоцентризма. Хотя в кибернетических устройствах моделируется человеческое мышление, но все-таки становится ясным, что это мышление может осуществляться на иной, не антропоморфной основе.

Могут ли быть какие-нибудь иные, не технические подобия наших нервных структур? Было бы странным услышать отрицательный ответ на этот вопрос. В принципе вполне мыслима биологическая кибернетика — технические узлы в ней будут заменены живыми системами. Представьте себе гигантский мозг, где вместо электронных ячеек используются особи растений или насекомых! Соединенные в одну сложнейшую схему, они станут работать как нечто целое. Мозг пчелы или завязь растения устроены сложнее любого диода. Поэтому их бионическое использование в будущих ЭВМ исключить нельзя. Конечно, до такой кибернетической бионики очень далеко. Но предсказывать ее некоторые узловые черты можно уже сегодня.

А теперь — фантастика. Представим себе, что растения где-то уже соединились в интегральную схему, и стали мыслить. Как произошло соединение? Предположим, с помощью единой корневой системы. Или через биополевое взаимодействие. Для нас это довольно частные детали. А главное — факт. Конечно же, факт фантастический, но предположим, что достоверный: в космосе родилась мыслящая фитосфера.

Как-то белой ночью я пришел на свои любимые скалы. Есть у меня там заветное место: валун на высоком плато, а возле него несколько цветущих смолевок. Это ночные травы. Благоухать они начинают после восхода солнца. В их белых ажурных лепестках сосредоточилось все волшебство белой ночи.

Я пристроился около смолевки, вынул блокнот для записей. Но что-то меня насторожило в облике любимого растения. Внимательно присмотревшись к нему, я понял, почему смолевка мне показалась необычной. Все ее венчики были обращены в одну сторону. И мне почудилось, что они медленно-медленно поворачиваются! Я был ошеломлен явной странностью в положении венчиков. Создавалось ощущение, будто они на что-то нацелены и стараются не упустить цели из виду. Но что могло привлечь их внимание?

Я направил бинокль на горизонт, как раз в том направлении, куда смотрели зачарованные смолевки. В поле моего зрения сразу же оказались Плеяды. Еле заметным серебряным ковшиком висели они в бледной синеве летней ночи.

Плеяды только-только взошли над горизонтом. Плавно они поднимались ввысь — по наклону своего вечного пути. И венчики смолевок словно повторяли эту наклонную траекторию! Да, да, они явно следили за Плеядами. Каждый цветок был похож на телескопик с часовым механизмом. Узкая трубочка венчика—как тубус: надрезанные лепестки—как противосолнник.

Но я понимал, что это чисто внешняя аналогия. Скорее даже метафорическое сближение. Если смолевка и впрямь наблюдает за Плеядами — а в этом было трудно усомниться! — то

тут работают совсем не оптические каналы. Какие же тогда?

О, если бы хоть чуть-чуть приблизиться к ответу на этот вопрос! Венчики смолевок вели себя как телескопы. Уточним только: как радиотелескопы. В их действии была поразительная точность и синхронность. Будто кто-то управлял движением венчиков и делал это с безукоризненностью автомата.

Потрясенный своими наблюдениями, я лихорадочно пытался понять, что за явление представилось мне. В голову приходили самые разные соображения и гипотезы. Но в этом вихре догадок и предположений сразу означились две возможности. Первая: движение венчиков не имеет связи непосредственно с Плеядами. Многие цветы следят за солнцем. Но смолевка — полуночник. Однако ее пращуры могли быть солнцелюбивыми. Потеря связи с солнцем произошла не в такую уж далекую пору, а тогда, когда точка весеннего равноденствия находилась в соседстве с Плеядами. Ритм когда-то целесообразного движения сейчас случайно воспроизводится смолевкой. Быть может, заблокированная в генах программа прорвалась наружу. И вот мы видим явление, которое можно назвать инерцией памяти. Однако растение само устранит эту оплошность в генотипе. Смолевка снова станет недвижной, поникшей, какой и положено быть ей, траве-ночнице.

Но меня смущала и другая возможность — странная, бесконечно фантастическая. А что, если смолевка находится в контакте с Плеядами? И работает как телескоп с приводом: управляется издалека — на безмерном расстоянии?

Не забыть мне эту ночь! Все в ней было каким-то удивительным, ирреальным. Серп розового месяца казался невероятно огромным — можно было провести рукой по его зазубринкам. В криках чаек угадывалась необыкновенная стройность, будто неведомый дирижер разучивал с ними прекрасный гимн. Ночные бабочки-совки бесстрашно садились на мой блокнот и своими антеннками явно сканировали меня. Что вы хотите узнать, совки? Душа человека открыта и для самого малого существа.

В заре сиреневые тона сменились пунцовыми. Плеяды поднялись уже высоко, под ними сверкал Альдебаран. Венчики смолевки по-прежнему были обращены в сторону маленького семизвездия. Удивительная связь! Словно с Плеяд нечто передавали растению и оно не хотело пропустить и бита информации. Что-то лунатическое, заколдованное было в смолевке. Будто Плеяды ее загипнотизировали и держат в своей доброй власти. Я тоже ощутил этот звездный гипноз. Глядя внутрь глубокого венчика смолевки, я вдруг ощутил, что он втягивает меня с омутной силой. Путаясь в белых проводах тычинок, я падал и падал в какую-то бездну. Но сон овладел мной ненадолго. Вскоре он развеялся, и я огляделся вокруг.

Это была не Земля. Но какое-то неуловимое сходство с нею ощущалось в пейзаже. Освещение было такое же, как и в нашу белую ночь. Однако в тающей синеве звезд просматривалось больше. И были они заметно крупнее, ярче.

Меня окружали гигантские причудливые скалы. На них виднелись пятна лишайников. Они явно складывались в какую-то живопись. Да, в них можно было уловить тонкую композицию! Но смысл этих наскальных фресок оставался мне непонятным. Задумав подойти к ним поближе, я вдруг остановился, ощутив на себе чей-то взгляд. Обернувшись, я увидел растение. Это была смолевка, но только очень большая. Ее венчики находились на уровне моих глаз. И все они были повернуты в мою сторону.

И я услышал немой голос: он звучал во мне, и его интонации были явно моими. Но только слова были незнакомые. Словно я сам с собой разговаривал на неведомом языке. Собственно, это даже были не слова, а странно озвученные волны мыслей.

— Где я?

— В Плеядах. На одной из планет, вращающихся вокруг Альционы. Ты ведь любишь наше звездное скопление?

— Конечно. Это такая радость: глядеть на сверкучее гнездо Плеяд.

— Теперь ты их можешь увидеть как бы изнутри.

— А в этой планете есть сходство с Землей?

— Наверно. Но угол оси у нашей планеты такой, что на этой широте всегда белые ночи. А у вас они преходящи.

— Вечная белая ночь! Это так поэтично.

— Мы любим поэзию, но она не похожа на вашу. Это поэзия запахов.

— И она может многое передать?

— Да, она способна воплотить самые тонкие и сложные чувства.

— Я хочу больше узнать о вашем мире.

— Ты узнаешь все. У нас нет тайн от мыслящих существ, даже если они совсем не похожи на нас. Тебя заинтересовали наши наскальные фрески? Это действительно живопись. Телепатически мы управляем ростом лишайников и таким образом воплощаем свои живописные замыслы. Ты воспринимаешь мир через оптический канал. Но наше зрение устроено иначе. Можно сказать, что это зрение-интуиция, роль световых лучей здесь играет биополе. Оно способно распространяться на космические расстояния, вот почему мы можем ощущать даже твою Землю. Несмотря на столь глубокие различия в восприятии, мы одинаково судим об одном и том же явлении. Скажем, о ландшафте или картине. Возникающие у вас и у нас внутренние образы изоморфны друг другу.

Но вернемся к фреске. Сюжет ее фантастический. Здесь мы изобразили встречу землян с нашей цивилизацией. Почему выбраны именно земляне? Потому что других антропоморфных цивилизаций поблизости от нас нет. А контакт с разумом, возникшим на иной основе, так заманчив!

Откуда мы знаем о вас? Вот сейчас ты услышишь нечто совершенно новое для себя. Ваши ученые еще не знакомы с космической экологией. Понятие популяции имеет для них узко земной смысл. А между тем вид есть явление космическое! Да, да. Обычно соседние биосферы имеют одинаковый набор видов. И это естественно: жизнь переносится в Космосе. Но иногда одинаковые виды возникают на разных планетах самостоятельно. Это происходит по разным причинам: и благодаря единству законов эволюции, и в силу того, что видовые генотипы в образе биополей мигрируют по всей Вселенной, при благоприятных условиях они могут быть ассимилированы той или иной биосферой.

Видовое разнообразие Вселенной неисчерпаемо. Однако в распределении видов есть свои локальные закономерности. Насколько мы знаем, наша популяция охватывает лишь четыре планеты, одна из них и есть твоя Земля.

Нет, земные смолевки не пришли к разуму! Это вполне обычные растения. Но ты должен знать важнейший биокосмический закон: любая эволюционная линия имеет шанс придти к разуму. Пусть вероятности для этого часто очень малы, но принципиальная возможность есть всегда. И вот шанс нашей популяции реализовался здесь, в лучах Альционы. Как это произошло? Ты знаешь, для нас это трудный вопрос — точно так же, как и для тебя. Возникновение и становление разума на нашей планете остается загадкой во многих своих конкретных чертах. Но общая схема прорисовывается довольно отчетливо.

В ее основе лежат принципы соединения! Это знакомо и вам, землянам. У нас возникли сложные экологические условия, потребовавшие увеличения коммуникаций между особями. Наше биополе невероятно усилилось. Этот процесс привел к качественному скачку: биополя особей интегрировались в одно биополе. Это стало началом неосферы на нашей планете.

Преодоление разрозненности, изоляции — вот пафос нашей культуры. Теперь мы в состоянии генерировать сильнейшие биополя, способные уходить в глубь Космоса за несколько тысяч парсеков. У каждого вида есть своя биополевая волна, частота. По изменению в модуляциях нашего излучения мы можем обнаруживать представителей своего вида на других планетах. Уже трижды нам довелось испытать великую радость! Мы не одни! Сознание этого всегда вдохновляет.

Теперь перед нами стоит задача: приобщить инопланетян

к своей культуре, включить их в свое сообщество. Тут хватит работы на многие поколения. Однако первые успехи уже есть. И в этом ты мог убедиться сам: наша земная сестра ответила на зов Плеяд. Конечно, этот ответ бессознательный. Но мы лишь в начале контакта! Представь себе, что наш опыт увенчается успехом. Тогда так любимая тобой смолевка поникшая станет первым представителем другой цивилизации на Земле.

Ты улыбаешься? Но я добавлю еще несколько фантастических красок к твоему сну. Представь, что наше общение станет устойчивым, а не таким зыбким и эфемерным, как сейчас. Ведь я знаю: завтра ты все будешь считать сном, наваждением белых ночей. Но я пока не знаю другого доступа к твоему сознанию. Однако представь, что наше общение станет широким, открытым! Сколько взаимной радости мы способны доставить друг другу!

Как-то однажды ты пришел на скалы с маленьким магнитофоном. Слухом-интуицией земной смолевки мы услышали тихую серебристую музыку. Она запомнилась мне навсегда. И часто звучит в нашей душе. Это так ошеломляюще ново для нас! Подари нам еще подобную музыку. Запомним: ее автор — Шопен. Неисповедимым образом он сумел передать наш внутренний мир. И наш образ жизни: полуночный, зачарованный. В ноктюрне Шопена — вся наша душа.

Видишь, взаимопонимание между нами возможно! Ведь и тебе понравилась наша биожнвопись! Ты прав: мы не любим слепо следовать натуре. Нам ближе символ, метафора. Это созвучней нашему интуитивному опыту. Самые тонкие оттенки чувства мы выражаем на языке запахов. Как и язык музыки, он, по существу, интуитивен. Ты в состоянии постичь гармонию этого искусства. Представь себе: через эту смолевку мы будем транслировать для тебя свои симфонии запахов!

Наши биополя распространяются с мгновенной скоростью. Хочешь, мы станем твоими связными в Космосе? Знаем: землян томит космическая изоляция. И знаем, что ваши сигналы не могут двигаться быстрее света! Но мы готовы прийти на помощь.

Быть может, мы совместно заселим один из безлюдных миров. Вот где ваша техника будет великим подспорьем. Вы освоите трудную почву и посеете наши семена. С необычным чувством вы будете ждать наши всходы. Ведь отношение землян к растению в корне изменится. И это духовно обогатит вас.

Мы станем друзьями на великой космической ниве. Прекрасный союз: Человек и Растение! Есть ли во Вселенной еще такие содружества? Наверное, есть. И мы будем стремиться

к контакту с ними. Вначале — Галактика. Потом другие галактики. Потом иные вселенные! И все дальше, все дальше: к новым союзам, к новой гармонии. Вот наш путь.

Я снова на Земле, снова на своих скалах. Огромным красным яйцом лежит на горизонте солнце. Последний туман уходит с тихих озерных зеркал.

Смолевка уже спит. Помнит ли она о событиях сегодняшней ночи? Если и помнит, то смутно. Но за полночь она снова встрепенется, услышав неясный зов, идущий из глубин светлого июньского неба. Нас окликают Плеяды, смолевка. Василистник и льнянка, нас зовет Орион. Весь Космос смотрит на нашу планету. И смотрит с надеждой!

Не разобщатся наши пути. Человек вместе с травами вышел к разуму. Мы — ваша мысль, вы — наше наитие. Вся биосфера является одним организмом. И мыслит она как целое, а не отдельный ее представитель. Понять это — наш долг.

Долг и перед собой, и перед природой.

АДЛЕР ТИМЕРГАЛИН

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Их было трое: командир, биолог и физик. Они возвращались домой из гостей. На другом конце Галактики, в ее левом витке, службами космической разведки была обнаружена заселенная планета. Сначала с ней наладили гравиволновую связь, обменивались информацией. Затем послали корабль с материальной информацией (подарками). Как известно, потрогать всегда лучше, чем услышать или увидеть. Визит оказался удачным, поэтому домой возвращались в приподнятом настроении. На радостях физик влюбился в биолога и тайком писал стихи. Из конспиративных соображений он делал это на древней латыни. Впрочем, ни командир, ни биолог и так ничего бы не заметили. Каждый был занят своим делом.

Примерно на середине пути разразилась гравитационная буря. Такие вещи всегда случаются внезапно, их нельзя предусмотреть. Волны тяготения смяли пространство, подхватили несчастный корабль и в мгновение ока забросили на десяток парсеков в сторону. Двигатели были смяты, словно гвозди под ударами пудового молота. Просто чудо, что экипаж остался цел. Корабль вынырнул из четвертого измерения вблизи незнакомой планетной системы, имея самый незначительный ход.

* * *

Легкая тень звездолета скользнула по облакам.

— Город, — прошептал командир, уткнувшись в нижние иллюминаторы. — Грин, что у тебя?

— Город, капитан, — весело откликнулся физик, который иногда злоупотреблял архаизмами и латинизмами. — Город без конца и края! Мы спасены.

— Да, — неопределенно сказал командир и погладил шрам на лице.

— Отчего они молчат? — Алсу сидела у радиоаппаратуры и крутила ручки настройки. — Эфир словно вымер.

— Ни малейших радиоволн, — подтвердил физик. — Эфир гладок, как озеро в безветренный день.

— В тихом омуте черти водятся. — Командир покачал седой головой. — Выпускай крылья!

— Будем садиться?

— У тебя есть другое предложение?

Грин выразительно глянул на Алсу и прижал кнопку с изображением птицы.

— Скорость?

— Семь километров в секунду.

— Высота?

— Триста.

— Сбрось еще пятьдесят.

— Есть, капитан!

Они устремились вниз по пологой кривой. Почти в ту же секунду в наушниках раздался свист, и корабль подпрыгнул, словно телега на ухабе. На обзорном экране просверкнула фиолетовая молния.

— Грин!

— При чем тут я? Похоже, мы ударились о какую-то гравитационную подушку.

— Алсу?

Биолог не ответила. Она сидела с зажмуренными глазами.

— Алсу, ты не ранена? — испугался Грин. Он бросился бы к девушке, но его руки лежали на панели управления.

— Простите, — сказала Алсу каким-то не своим низким голосом. — Испугалась... Микротелефон вышел из строя. Радиолуч...

— Какой еще радиолуч?

— Похоже, нас нащупали...

— Слышу! — закричал Грин. — За нами следят!

— Станцию запеленговали?

— Да она не одна! Нас передают вроде эстафетной палочки.

Лицо командира покривилось, как от сильной боли. Шрам на щеке побелел, словно по нему мазнули мелом.

— Уходим вверх!

Грин мгновенно выполнил приказ. Он сразу посерьезнел: если так пойдет дальше, то планетарного горючего не хватит на посадку. Да и обогатители забирали слишком много кислорода.

— Переходи на полярную орбиту!

Грин включил газовые рули.

Над средними широтами плыли густые облака, рассекаемые частыми вспышками молний. Кое-где, однако, были и просветы. В них проплывали закованные в лед острова и горы под белыми шапками снегов. Еще дальше слепили глаза снежно-ледяные поля.

— Видишь полуостров, похожий на клюв утки?

— Сядем там?

— Если сможем...

— Планета окружена гравитационным щитом, — сказала Алсу.

— Видимо, пришельцев здесь не уважают.

— Мы же терпим бедствие! Долг братьев по разуму — помочь!

— Что есть долг? — философски заметил Грин, откидываясь в кресле. Он уже передал управление автоматам.

* * *

Местность, в которой они совершили посадку, не отличалась ни красотой, ни удобством. Невдалеке раскинулось голубое озеро, заросшее по берегам густым кустарником. Воздух пропах сыростью. Однако ни в нем, ни в почве микроорганизмы обнаружены не были.

Оставаясь в пределах визуального контакта, они осмотрели окрестности. Грин принес целый ворох сухих сучьев и разжег костер. Заплясавшие языки пламени несколько приободрили экипаж.

— Что-то парламентеров долго нет, — сказал физик.

— О чем ты?

— Должен же кто-то вступить с нами в контакт. Иначе нам самим придется чинить двигатели.

— А дейтерий для ядерного горючего выделим из местной воды, — усмехнулся капитан.

— На что уйдет примерно десять лет.

— Ой! — сказала Алсу. — За это время я превращусь в бабушку.

— А что? — загорелся Грин. — Остаемся! Я приношу добычу, то есть биологические объекты, ты ее изучаешь. У нас будут внуки.

Алсу с недоумением оглядела физика и пожала плечами. Смущенный Грин поворошил угли в костре. Облачко мелких искр взметнулось ввысь, и сразу тьма плотнее охватила людей у костра. Запах дыма пробудил древние инстинкты и страхи. Впрочем, командир страшился не саблезубых тигров, не голых дикарей с каменными топорами и даже не молодчиков с воронеными автоматами в волосатых руках. Командир боялся, что уровень здешней цивилизации окажется недостаточно высоким, чтобы починить поврежденные двигатели. Впрочем, эти страхи излишни. Гравитационный щит над планетой кое о чем говорил.

Словно в ответ на его мысли в южной части неба послышался шум мотора, и среди звезд появились разноцветные огни. Они быстро приближались.

У костра приземлился летательный аппарат, напоминающий орнитоптер. Вышедшее из него существо... Земля поддерживала контакты со многими обитаемыми мирами. Большинство из них населяют братья не только по разуму, но и по внешнему сходству. Небольшие отличия — избыток или недостаток пальцев на руках, цвет кожи и глаз, характер волосяного покрова — имели чисто экзотическое значение. Так вот, гуманоид, вышедший из орнитоптера, ничем не отличался от людей. В Москве, Лондоне или Париже можно встретить точно такого белолицего и большеглазого человека, одетого, правда, несколько необычно на земной вкус.

Представитель планеты неторопливо подошел к костру и молча оглядел людей. Затем протянул командиру нечто напоминающее металлический шлем. Командир посмотрел пришельцу в глаза и натянул шлем на голову. Тотчас же гуманоид церемонно поклонился и произнес:

— Привет вам, странники!

Говорил он без всякого акцента, интонации казались удивительно знакомыми.

Земляне переглянулись и кивнули в ответ. Командир жестом пригласил к костру.

— Я пришел помочь вам, — сказал посланник. — Вы получите все необходимое. Условие одно: вы улетите и никогда не вернетесь обратно.

Первые слова прозвучали настолько неприветливо, что командир с неожиданной резкостью спросил:

— Кого вы представляете?

— Себя.

— Как вас называть?

— М-м-м... Называйте хозяином планеты. Или посланником... Можете называть туземцем, все равно.

Только тут до Алсу и Грина дошло, что голоса туземца и командира абсолютно похожи. Можно подумать, что го-

ворит один и тот же человек. Разница состояла в том, что командир был несколько напряжен, а хозяин планеты бесстрастен.

— Я вам не верю, — заявил командир.

— У вас нет выбора, — возразил посланник.

— Ну хорошо. — Командир сел на сухой мох и поправил шлем на голове. — Предположим, что мы согласны. Но надо же знать, от кого мы получим помощь?

Туземец пожал плечами:

— От меня.

— В таком случае мы не согласны, — рассердился вдруг Грин.

Посол безучастно посмотрел на физика.

— Дело в том, — сказал он бесцветным голосом, — что мы — изоляционисты. Мы не поддерживаем связей с другими мирами и цивилизациями, потому что не видим в этом проку. Красоту и смысл жизни мы нашли в другом. И мы не позволим менять установленный порядок.

— Какой порядок?

— Не знаю, поймете ли... Мы отрешились от активной жизни.

— Что же вы делаете?

— Ничего не делаем.

— Странно, — сказал командир. — Кто же в таком случае построил город? Кто вас кормит и одевает?

— Автоматы. Роботы.

— Но ведь ими управляют люди?

— Все виды деятельности координирует Верховный Автомат.

— Черт побери!.. Но не все же этим довольны!

— Все.

— Как это возможно?

— Каждый из нас сам выбирает свою судьбу.

— Вы впадаете в противоречие.

— Нисколько. Всякий подросток, достигший определенного возраста, имеет право выбрать судьбу из миллиардов судеб, записанных на перфолентах. Он и выбирает согласно своему темпераменту, вкусам, взглядам.

— Дикость какая-то, — фыркнул Грин.

— Позвольте, — сказал командир. — А что, если через некоторое время вкусы подростка изменятся?

— Они не изменятся. Не могут измениться.

Алсу, порывавшаяся что-то сказать, вдруг спросила:

— Вы счастливы?

— Земное понятие счастья нам не знакомо.

— О, Земля! — воскликнул Грин. — Объясните наконец, что все это означает?

Командир недовольно покачал головой. Туземец с прежней бесстрастностью продолжал:

— Наша жизнь наполнена эмоциями и переживаниями более бурными, чем ваша. Однако эти чувства совсем не связаны с реальным, говоря на вашем языке, миром.

— Уж не спите ли вы все время?

— Да, мы спим и видим сны.

Сильный порыв ветра раздул костер, огненные черточки искр унеслись в темноту. Полыхнула молния, отразившись в металлическом шлеме командира, в глазах Алсу и Грина. Казалось, что через минуту страшный ливень обрушится на почву. Но ничего не произошло. Вернее, произошло нечто странное: ветер мгновенно стих, языки пламени в костре застыли, словно на безжизненном рисунке, ветвистая молния замерла в черном небе, как будто она была изображена светящейся голубоватой краской.

Через некоторое время молния бесшумно погасла, а костер вновь ожил. Однако гроза не состоялась.

— Таким образом, вы живете в мире галлюцинаций, — сказал командир после продолжительного молчания.

— Да, устойчивые перманентные галлюцинации. Однако они неотличимы от реальной жизни: во сне мы взрослеем, умнеем, учимся в институте, спорим, боремся, совершаем научные открытия, любим.

— И все это во сне?

— Да, — терпеливо сказал посол.

— Не планета, а психушка! — закричал физик. — Желтый дом! Собрание дурачков!

— Ошибаетесь, Грин, — равнодушно сказал туземец. — Ваша ошибка проистекает от незнания. Мы — древняя цивилизация. Мы многое видели, прошли через большие испытания. Дикость, рабство, нищета и нещадная эксплуатация... И вот, когда мы уже стояли на пороге справедливой и гуманной жизни, власть на планете захватил диктатор.

— Диктатор?

— Да. — Впервые по мраморно-белому лицу посла скользнула тень какого-то чувства. — Тиран. Деспот. Небольшая планета оказалась бессильной перед его коварством. И тогда наши ученые втайне создали Верховный Автомат, который разработал принципы нашего существования.

— То есть поголовного нивелирования, — заметил командир.

— Отнюдь нет. Все личности строго индивидуальны. Вот я, например, знаменитый охотник.

— Да на этой планете даже мух нет! — возразила Алсу. — Хорошо хоть растительность сохранилась.

— Я охочусь на саблезубых тигров, — гордо сказал посол.

— Во сне? — саркастически спросил Грин.

— Естественно. — Туземец впервые улыбнулся, видимо, вспомнив охотничьи приключения. — Если бы вы знали, как

это захватывает! Саблезубые тнгры необыкновеино кровожадиы...

— Скажите, у вас есть семья? — прервал его командир.

— Двое детей. Сын уже выбрал свою гнпиопрограмму, а дочь находится в инкубаторе. Еслн она пойдет характером в мать, то быть ей царицей.

— Кем? — удивилась Алсу.

— Царицей, королевой, княгнией. У нас многне стаиовятся ханами, волхвамн, ушкуйникамн, палачамн. В гнпножнзнн каждый становится тем, кем пожелает.

Костер прогорел, и тьма иадвниулась иа собеседннков. Грин броснл на углн новую охапку валежника. Сучья зашнпелн, испуская едкнй желтоватый дым, потом разом вспыхнулн, н сиова огненные бликн заплясалн в глазах Алсу.

— Скажнте, а как вы общаетесь друг с другом?

— Мы общаемся только во время обучення в школе.

— Ннчего себе, — с чувтвом сказал фнзик, — реальная жнзнь! Скажите, ваш сын на самом деле существует или ои вам приснился?

— Существует на самом деле и очень иа меня похож. Мы должны заботиться о воспронзводстве, так как н во сие наш органнзм стареет.

Наступило тягостное молчанне. Командир решнл повернуть разговор в другом направленни:

— Кто разрабатывает гнпиопрограммы?

— Верховный Автомат.

— Обладаете вы хоть какой-то свободой воли?

— Конечно! Иногда в программе пронсходнт бой, н мы просыпаемся.

— И что?

— Как правило, каждый вновь стремится уснуть.

— Но ведь возможны какне-то патологнческне отклоиення: кто-то сходнт с ума, кто-то накладывает иа себя рукн.

— Это абсолютно исключено. Верховный Автомат следнт за пснхическнм состояннем каждого. Общее колнчество жнтелей ие может быть меньше определенного числа.

Алсу с горечью воскликнула:

— От рождения н до смертн — до биологнческой смертн! — вы спите в пеленках и довольны этим! Противоестественно!

— Я повторяю, нашн сны реальны. Мы ие уннчтожаем друг друга во время войн, не воруем, не грабнм.

Командир поннмал, что запас слов и понятнй посол черпает иепосредственно из его сознання. Но откуда он сам знал о воровстве и грабежах? Может быть, из старых кннг, театральных постановок по древннм пьесам?

— Сколько вас иа планете? — спросила Алсу.

— Сто миллиардов.

— Сто миллиардов покойников! — взорвался Грин. — Автоматизированное кладбище! Некрополь!

Посол посмотрел на него как на капризничающего ребенка.

— Что вы собираетесь с нами делать? — спросил командир.

— Ваш корабль приведен в порядок, топливные отсеки заполнены. Можете стартовать.

— А вы пойдете спать?

— Нет. После контакта с вами мой психогенотип необратимо изменился. Я разложу себя на атомы.

— Что вы предпримете, если мы захотим остаться?

— Прибегну к силе.

— Тоже усыпите?

— Промою вашу память, погружу в корабль и выведу его на гиперболическую орбиту.

* * *

Голубоватый диск планеты на экранах сначала просто уменьшался, а потом постепенно превратился в серп.

— Все, — сказал физик, облегченно вздыхая. — Вырвались.

— Не уверен.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне не понравились последние слова парламентера. А главное — не понравился их смысл.

— Насчет промывки мозгов?

— Корабль ремонтировали, а мы даже не заметили этого. Значит, мы могли не заметить и другого...

— Мы еще вернемся, — невпопад заявила Алсу. — Мы еще разбудим этот спящий мир.

— Боюсь, что нет.

— Они ввели в нас гипнопрограмму? — вдруг догадался Грин.

— Боюсь, что да.

— Что же делать? Может быть, мы уже спим?

— Вряд ли. Однако часовой механизм мины тикает.

— Но мы же люди! Надо искать выход...

— Трое против древней цивилизации?

— Надо записать наши опасения на магнитофон. Автоматы включат запись в нужный момент, и мы не подчинимся гипнопрограмме.

— Ничего не выйдет. Все наши действия предусмотрены. Мы биологически близки с обитателями планеты, наши реакции адекватны.

— Нас надо уничтожить, как смертельную опасность для Земли! — решительно сказал Грин.

— Я знаю, что делать! — возразила Алсу.

На нее посмотрели с удивлением. Впрочем, в этом удивлении таилась надежда на чудо.

— Они предусмотрели наши активные действия, — продолжала Алсу. — Пассивную реакцию они не рассматривали, так как она заведомо ведет к поражению.

— Ну?

— Надо лечь в анабиоз. Только таким образом мы остановим действие яда гипнопрограммы. На Земле же нам введут противоядие.

— Ах, умница! А корабль поведут автоматы...

— Мы все равно вернемся и разбудим это сонное царство! Не может цивилизация, подобно змее, жалить себя в хвост!

* * *

Алсу уснула первой. На кончиках ресниц сверкала слезинка, словно чистейшая капля росы. Когда заработала система охлаждения, слезинка превратилась в жемчужину. Приостановились биохомические процессы, в нервных волокнах замерли биотоки. Алсу превратилась в кристалл, на котором записана прошлая и будущая жизнь. Придет время, она оживет, и симфония жизни зазвучит с оборванной ноты.

...Пылинка-зведолет стремительно рассекал космическую бездну.

Перевел с татарского Спартак Ахметов

ВЛАДИМИР МИРНЕВ

ТЕЛЕПАТИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ

Юмореска

Его выбросило на какую-то планету. Кругом хоть шаром покати, пусто и гладко. Он проснулся, недоумевая, так как планета не была похожа ни на одну из известных ему.

Странно. Все как-то удивительно странно. Он оглядывался, все еще не вставая на ноги, одновременно обдумывая свое неожиданное положение. Не было ни ветра, ни света, ни темноты, будто кто-то накрыл его колпаком, устранив все звуки, все, к чему Иван Трелетов, младший научный сотрудник, привык там, на Земле, без чего не мог себя представить.

Поверхность планеты чуть мерцала серовато-голубым испарением, напоминающим свечение морской воды. Ему все еще не верилось, что это чужая планета.

Он встал на ноги. Огляделся. Заметил, что на нем одно исподнее белье. Это, естественно, поразило его еще больше.

Конечно, вначале он думал, что возможны и такие случаи, как этот, есть ведь планеты, прилетая на которые, теряешь память и т. д., но здесь... Он помнит, как вчера еще возвратился из НИИ, где проходили испытания телепатической ракеты, поговорил с отцом, считавшим своего сына чудаком, лег спать и долго не мог уснуть, думая об удачном испытании.

И вдруг он здесь.

Трелетов ходил по планете, скользкой и гулкой, звеневшей от шагов. Звук не распространялся, не расходился эхом, а уходил ему в пятки. Знакомый со многими причудами и неожиданностями Вселенной, Трелетов, однако, не удивился. Он не понимал людей, которые сохранили еще странное, ставшее заурядным атавизмом, чувство удивления.

Походив и устав порядочно, Трелетов сел. Что делать? Планета была тверда, словно панцирь черепахи. Небо, как черный потолок, нависало буквально над ним.

Поразмыслив, он понял, что происшедшее с ним невероятно: где же логика, где взаимопричинность и последовательность?

Через некоторое время на небе появились голубоватые точки.

Они расширялись, удлиняясь на глазах, превращались в гибкие, свисающие до планеты ослепительные лианы. Одна из «лиан» упала на него. Благо он молниеносно отскочил в сторону, чертыхнулся, подвернул ногу и упал, больно ударившись бедром о камень. Где-то внутри планеты отдалось дрожью, и мелкая скользящая судорога прошлась по ней, и он физически ощутил, почувствовал ее.

Через минуту судорога опять прошлась по планете, качнув Трелетова и протащив на своей волне несколько метров. Он задел плечом одну из светящихся, но не излучающих свет «лиан» и с ужасом отскочил прочь, затем осторожно дотронулся до «лианы» и обнаружил, что она не горячая, попробовал на разрыв, надергал их множество и положил вместе, соображая, что же ему с ними сделать, и увидел, что они слились, образуя как бы одну огромную «лиану» толщиной с бочку, полую внутри.

«Бочка», качнувшись, медленно стала подниматься вверх и вскоре уже была недосягаемо высоко.

По планете опять прошлась судорога, и как он ни ухитрялся, все же волна снова протащила его метров десять; Трелетов попытался вернуться на свое место, но судорога повторилась дважды, таща его с силой на гребне вспухшей волны.

Трелетов рвал «лианы» с силой, пока не образовалась довольно большая куча. Во все стороны летели светлые ветки. Быстрее, быстрее. Бросив их вместе, он ждал, когда они сольются и образуют «бочку», и как только «бочка» стала подниматься, ухватился за нее. «Бочка» вздрогнула, задержавшись на время, будто задумавшись, и стала медленно подниматься. Вскоре она зависла над планетой.

Он оглядывался, видел свисающие, светящиеся «лианы», тонкие и толстые, видел отсюда чуть мерцающую поверхность планеты и чувствовал, как появившийся у него страх проходил. По планете все так же проходили судороги, все учащаясь, и планета вдруг начала двигаться, покрываясь дымчатым туманом, ослепительно засверкавшим внизу.

Только спустя некоторое время Трелетов понял, что под ним не планета, и похолодел, все еще гадая, как он сюда попал, и смешанное чувство страха и неожиданно появившегося любопытства сковало его. Он не отрываясь глядел вниз.

Это был космотерий или космозавр — живое существо неизвестного еще происхождения, из тех, что самостоятельно двигались в космосе, окружив себя собственной атмосферой, и питались космическими существами и еще чем-то неустановленным.

«Так вот куда я попал», — раздумывал Трелетов, вспоминая рассказ своего товарища Келисова, который рассказывал, что на Земле находили камнеподобные кости гигантских размеров; подсчитали, что позвонок этого животного, возможно, был от пятнадцати до трехсот пятидесяти пяти метров. Никто точно не знал о происхождении космических зверей. А некоторые специалисты даже утверждали, что так называемые «космические звери» — это иноплапетные плазменные биокорабли, избавившиеся от людей и ставшие вследствие мутагенных излучений живыми существами.

Космозавр, так определил чудовище Трелетов, вращался, отсвечивая множеством цветов, выпуская облака пара, плюясь слюной. Космозавр повернулся к нему головой, и он увидел иссиня-черную пасть, ущельем прорезавшую туловище. Оттуда вылетали странные звуки. Их не слышно было, но по тому, как дрожали «лианы», Трелетов догадался, что они дрожат от звука.

Космозавр медленно вращался по продольной оси, будто высматривал что-то, окутываясь теперь уже фиолетовым туманом. Он понимал, что так долго продолжаться не может, возможно, весь маскарад с парами космозавр затеял, чувствуя присутствие инородного тела.

Трелетов надергал еще несколько «лиан». Они так же быстро сплавились. Образовавшаяся из них «бочка» поднялась выше метров на сто и повисла. Недолго думая, Трелетов нарвал «лиан» еще, нарвал много и поднялся выше. Здесь «лианы» были горячими, рассеивали свет, и видно было, как они уходят высоко, за атмосферу космозавра, и тянутся к гигантской планете, низко нависающей над космозавром, всего на расстоянии каких-то трех-четырех миллионов километров. Планета, видимо, испускала жидкий свет, который остывал в атмосфере космозавра.

Трелетов оглядывался. Далеко мерцали незнакомые созвездия, вокруг от нависающей планеты распространялся оранжевый свет, черные точки мелькали совсем вроде недалеко. Внизу смутно вырисовывались очертания космозавра, повернувшегося пастью к планете. Неожиданно «лианы» задрожали и без чьего бы то ни было видимого участия, обрываясь, полетели в пасть космозавра. «Бочка» качнулась и стала двигаться, кружась на месте, вниз. Только теперь Трелетов понял опасность. Космозавр, видимо, питался зарослями «лучей» оранжевой планеты.

Трелетов, холодея от страха, наблюдал, как его «бочка», кружась, опускается медленно, но точно в пасть зверю. Он пытался изменить направление падения, отталкивался от обрывков лучей, делал рывки... Он подумал, что хорошо бы очутиться на обратной стороне космозавра, и даже представил себе круглое каменистое тело со стороны спины. Его «бочка» неожиданно сделала стремительный рывок и застыла над спиной космозавра.

«Чудеса, да и только», — подумал Трелетов, вспоминая телепатическую ракету, использующую в основном телепатическую энергию, образующую сильный напряженный поток, по которому, как по рельсам, несется телепатическая ракета; экспериментальная модель ее в 998 раз превосходила по скорости фотонную ракету. Он не придал значения тому, что еще в прошлом году полностью завершил обязательный цикл телепаткомплекса для ученых.

Со стороны спины у космозавра не было твердых лучей. Здесь атмосфера оказалась чище, далекие, но незнакомые звезды плоскими кружочками лежали на коричневом небе. Недалеко бродили в задумчивости, точно что-то потеряв, оранжево-серые облака газа, и странно, сколько Трелетов ни всматривался в небо, не заметил ни одной знакомой звезды.

Он решил исследовать околокосмозавровое пространство. Облетев космозавра, вернулся на прежнее место, затем приблизился к облакам. Обследовал их, установив, что это тигроцерий, коллоидный газ, полосатые цепочки молекул которого были величиной с карандаш. Из них на земле уже начали делать модные костюмы, женские и мужские. Трелетов сделал из молекул тигроцерия что-то вроде набедренной повязки.

На Земле в костюмах из тигроцерия можно ходить по воздуху, поднимаясь на высоту до тысячи восьмисот метров.

Атмосфера задрожала. Трелетов увидел, что космозавр снова повернулся к нему пастью и вновь «бочка», кружась, медленно оседает в его пасть. Секунду спустя Трелетов был уже со стороны спины, но атмосфера дрожала и чернела, мерк свет оранжевой планеты.

Высунувшись из своей «бочки», Трелетов нарвал охапку теплых лучей, мгновенно сплавившихся, и его «бочки» была пре-

вращена в подобие ракеты, яркой, блестящей, с люком внизу — для наблюдения, а Трелетов теперь обрел окончательную уверенность в безопасности, начал ломать голову над тем, как бы избавиться от опасного соседства. Поднялся еще выше; бочка вдруг обрела звук и тихо, но мелодично задрожала. Трелетов, слушая звуки, удивлялся, ему казалось, где-то он слышал их. Где только?

«Возможно, — подумал он, — в космосе витают голоса моих предков, живших лет две тысячи пятьсот назад в Сибири, недалеко от города Омска, ведь показали же ученые, что радиоволны пронизывают атмосферу Земли и уносятся в космос, как бездомные дети».

Он представил себе родную Землю, себя, одетого в костюм из тигроцерия, поднимающегося по воздуху, ощущающего всем телом приятную легкость, вспомнил своих товарищей, свою любимую, поездки на пыльные пляжи — специально оставленные места, где можно походить босиком по пыли, почувствовать подошвами первобытную землю.

Все эти невинные воспоминания увлекли его. Трелетов вспомнил, как лет пять назад было очень модным иметь фонарь, используя напряжение тела владельца этого фонаря. Или увлечение архисуперфантастическим романом Лернрилимова, в котором приводились примеры превращения человека в комету, затем в крупный астероид, который потом превратился в планету, — создавался таким образом своебразный памятник этому человеку в смежной синаптической галактике.

Только спустя полчаса заметил: его «бочка» опять медленно опускалась. Перелетел на другую сторону, увидел, что космозавр повернулся опять пастью к нему и «бочка» опустилась еще ниже. Тогда он решил летать по орбите вокруг космозавра, не останавливаясь, но через пятнадцать секунд стало ясно, что «бочка» идет по нисходящей к пасти чудовища. Трелетов не ожидал опасности и растерялся. Затем направил «бочку» вверх к оранжевой звезде. «Бочка» стремительно поднялась, но вдруг на границе истонченности атмосфер остановилась, замерла, будто ждала дальнейшего приказания. Трелетов направил «бочку» опять по круговой орбите.

Вскоре космозавр устал от погони за ним, и Трелетов подлетел к облакам, с невероятной скоростью проносившимся в атмосфере космозавра. Это был горосон, газ, который можно одновременно употреблять в качестве топлива и для каботажных ракет. В основном же его используют для кормления коров и свиней, стада которых находятся на Венере. Эту скотоводческую планету снабжают горосоном в таком изобилии, что свиньи достигли размеров, делающих их способными выйти за пределы атмосферы скотоводческой планеты. Тогда уменьшили кормежку, ввели в рацион лемуарий, и все образовалось.

Трелетов чрезвычайно обрадовался этому газу, съел несколько молекул, утолил голод и начал искать облака, чтобы напиться. Найдя несколько паросотиковых облачков, утолил жажду и только тут вспомнил, что можно позвонить домой, набрал номер коммутатора, расположенного вместе со всеми административными зданиями Земли на Луне: в мочку его уха был вживлен биологический пункт связи с родителями. Трелетов был одним из первых на Земле, которому на второй день рождения стали вживлять биологические пункты связи.

Не отвечали: знать, все телебиоканалы были заняты.

«Бочка» вновь начала снижаться. Трелетов вывел ее на конечную орбиту и развил первую мюонную скорость. Атмосфера космозавра стала темнеть, сгущаться; он вздрогнул телом и неожиданно двинулся куда-то прочь, увлекая за собой и Трелетова. Темнело. Трелетов сделал из лучей оранжевой планеты лампочку, подсоединил ее к силовым линиям какой-то звезды, и она тускло загорелась, подсоединил к лампочке еще и себя, и в «бочке» стало допустимо светло. Космозавр развил довольно большую скорость.

Пятном промелькнула солнечная система. Трелетов вновь попытался связаться с Луной. Луна не отвечала. Мелькали созвездия; мимо проносились, падая в черную бездну космоса, обреченные планеты; рассыпаясь бенгальскими огнями, мелькали гигантские разваливающиеся звезды...

Далеко впереди стояло фиолетовое зарево — туда, видимо, и летел космозавр. Трелетов чувствовал свое бессилие изменить что-нибудь в происходящем, но все же убавил скорость «бочки»: теперь она неслась, увлекаемая притяжением космозавра.

От скорости, от сознания того, что он очутился за солнечной системой, видимо, в пятом витке спирали мирниконоровой галактики, где еще не был ни один ученый, так как на обычной ракете далеко не улетишь, Трелетов испытывал чувство гордости.

Усилился поток комет, метеоритов, падающих звезд. Калейдоскопически менялись картины. Такое вряд ли можно увидеть в солнечной системе. Совсем неожиданно космозавр замедлил скорость, судорожно задрожала его атмосфера, а вместе с ней и «бочка». Трелетов услышал множество звуков, проникающих в «бочку». Здесь слышались голоса людей, рев каких-то чудовищ, музыка, пение — все это неслось потоком, обгоняя друг друга.

Вдруг он услышал чей-то голос, показавшийся ему знакомым.

Через секунду звуки оторвались, стало немного грустно и тоскливо.

Между тем космозавр замедлил скорость. «Опять примется за меня», — подумал Трелетов, но космозавр, казалось, забыл о Трелетове. Прямо впереди багровой была даль, оттуда мощным потоком неслись упругие волны, сильно колебля атмосферу космозавра. Соприкасаясь с атмосферой, волны чернели, и было видно после этого, как они черными струями уносятся дальше, а атмосфера космического зверя, излучая голубоватый свет, фосфоресцировала.

Трелетов теперь отчетливо услышал гул — где-то, может быть, за несколько световых лет от него, рушились миры. В какой уголок Галактики его занесло...

По поверхности космозавра проходили судороги, а по атмосфере замельтешили облака тигроцерия и горосона.

Трелетов вышел на промежуточную орбиту, запасся тигроцерием, горосоном, еще каким-то газом, который был необыкновенно тяжелый, походил внешне на кристаллы нехруста, разрушающиеся от соприкосновения друг с другом с великим грохотом.

На оборотной стороне Трелетов остановился и замер: какой-то черный диск с невероятной скоростью несся навстречу. Диск рос прямо на глазах; странно мерцала его поверхность, задевающие кометы превращались в пыль, гасли, словно задуваемые ветром свечи; во все стороны от черного диска расходились полукруглые молнии. Глядя на диск, казалось, что кометы летят медленно, звезды рассыпаются как бы в замедленной съемке, и на Трелетова надвигается нечто неотвратимое.

Трелетов развил тринадцатимюонную скорость, пытаясь выйти за пределы атмосферы, но «бочка» не слушалась его.

Космозавр забеспокоился, покрылся волнами от непрерывно проходящих по нему судорог. Атмосфера потемнела, задрожав, и стала сгущаться, все сильнее и сильнее сжимая собою «бочку». Трелетов, всеми силами стремящийся вывести «бочку» из сгущающейся атмосферы, ничего поделать не смог. Атмосфера постепенно превратилась в камнеподобный слой, прочно облегший космозавра, замуровав таким образом и Трелетова с «бочкой». Дышать было трудно. Ко всему еще стало слишком жарко. Тело космозавра раскалилось, раздуваясь; внутри его, это хорошо улавливал Трелетов, что-то булькало, урчало, из пасти начал выделяться едкий газ, обволакивающий космического зверя. «Еще этого не хватало», — подумал Трелетов. Где-то сильно гремело. И гром нарастал. Далекий черный диск превратился в космозавра. Трелетов обмер, завидев, что несется точно такой же космозавр. Уже видно его мерцающее во вспышках молний огромное тело, пасть. Раздался душераздирающий грохот, рев космозавра, и оборвался монотонный гул, обычный для Вселенной гул от разрушающихся далеких миров. Космозавр Трелетова вздрогнул, заревел и бросился навстречу свое-

му сопернику. От мощного рева Трелетов, привыкший ко всякнм неожиданностям, вжал голову в плечн. Он понял: у космозавров перед схваткой твердеет атмосфера, выделяя при этом ядовитый газ.

Космические звери, задрав носы, долго поднимались, стремясь оказаться один выше другого. Нос об нос неслись они вверх. Изредка из пасти одного нз ннх вырывалась струя черного газа и окутывала все пространство вокруг ядовитым облаком. Потом они разлетелись в разные стороны и, набрав скорость, снова ринулнсь навстречу. Трелетов видел, как тот, чужой, схватил пастью пролетающую мимо комету и выплюнул с уднвительной точностью в его космозавра н как комета, ударившись об упругую атмосферу космозавра, разлетелась на тысячи брызг. Затем звери с яростью столкнулись и разлетелись в стороны. Наверное, камнеподобная атмосфера и служила для этой цели. Через мннуту они вновь столкнулнсь и неожиданно начали падать вниз, увлекая друг друга, крутясь н поднимая вокруг себя ураганы газов. Падали долго. Недалеко от одной из планет звери разошлись в разные стороны. Нападавший космозавр ловко нырнул за планету. Тогда космозавр Трелетова скользящим ударом толкнул планету. Это была небольшая планета, потому что она качнулась и ринулась прочь, а из-за нее из пламени и пыли вылетел чужой космозавр и бросился на противннка. Удар был настолько неожнданно сильным, что у Трелетова закружилась голова, а его космозавр разлетелся на куски, а он сам, еще вмурованный в камнеподобную атмосферу, полетел в бездну с огромной скоростью. Сколько летел, он не помнил, он почувствовал, что каменная атмосфера стала разжижаться, и он, Трелетов, вылетел сразу же на свой «бочке» н увидел, что действительно от космозавра остался лишь один огромный кусок, несшийся, словно метеорит, прочь от зарева. Трелетов облегченно вздохнул, опустнлся на несшийся кусок, стараясь определить, куда же теперь ему лететь, испытывая невероятное чувство облегчения и в то же время жалея, что не удалось, как мечтал, парализовать свободу космозавра и привезти его на Землю. Одно только у него вызывало досаду — то, что он очутился на космозавре без ничего, без путеуказателя на руке; его редкого самотока, который, словно автопилот, мог привести человека туда, куда ему нужно было, показывал межпланетное время, служил одновременно телевизором, рацией — тоже не было. И как он, никогда с ним не расстававшийся, снял перед сном с рукн? Надо было сделать то, что только что вошло в моду на Земле — самоток носили на большом указательном пальце вместо ногтя. Поругав себя и подкрепившись горосоном, Трелетов вдруг почувствовал, что ослеп. Вначале ничего не видел, кроме темно-бурого цвета, заполнившего все пространство вокруг. От этого света пошли перед глазами круги, заломило в висках и в затылке ощуща-

лась тяжесть. Но спустя некоторое время он стал различать перед собой пространство с планетами, облаками кочующих газов, кометами, но странно, он понимал, что не видит этого, но каким-то образом ощущает. Он ощущал звезду, находящуюся совсем рядом, так реально, будто она находилась у него под рукой. Он видел здесь почему-то обратной стороной глаз и ранее никогда с таким явлением не сталкивался.

Несколько дней летел Трелетов таким образом к солнечной системе. Она выглядела отсюда черным пятном, с более черной крапинкой в центре — это Солнце. Опять резануло по глазам, и он решил, что пролетел тот участок Вселенной, где видишь обратной стороной глаз.

Трелетов забеспокоился, оглядел себя, начал вспоминать все, что с ним случилось, и вновь вспомнил, как проснулся на космозавре. Его это удивляло и забавляло. Но как он очутился там?

Пролетев еще часа полтора, Трелетов стал ориентироваться по уже знакомым созвездиям. Он летел от созвездия Водолея к созвездию Стрельца.

Неожиданно Трелетов очутился перед прозрачной планетой. Он решил облететь эту планету. Огромная планета из газов была прекрасным естественным телескопом, в миллионы раз более мощным любого из земных. Он видел весь свой путь, проделанный за несколько часов, видел обломки космозавра, несшиеся в пространстве в клубке ядовитого черного газа, а над ним кружился космозавр-победитель и время от времени припадал к одному из кусков, проглатывая его.

Трелетов решил, что ему повезло. Ближе к багровому зареву, состоящему из сплошного ряда звезд, бродило стадо космозавров, ластилось друг к дружке, и выглядели они очень миролюбиво. Вокруг них носились какие-то странные, похожие на чучела реликтовых дикобразов, круглые существа, кололи их, а те, в свою очередь, выпускали длинные черные струи газа.

Трелетов видел, как к зареву неслись десятки пламенеющих звезд, падали в зарево, вспучивая гигантские клубы огня, дыма и пепла, и, смотря в этот «телескоп», он подумал, что здесь неплохо было бы основать обсерваторию, которая занималась бы наблюдением за жизнью в других галактиках.

Облетев планету, он решил заглянуть в солнечную систему и был уверен, что увидит Землю, увидит даже людей на Земле, потому что этот «телескоп» увеличивал очень сильно, он мог увеличить человека до размеров Луны. Но, к огорчению Трелетова, вместо солнечной системы он увидел черное пятно. Значит, нашу галактику «телескопу» не под силу показать. Поэтому, возможно, никто из разумных существ других галактик не

залетал к ним: для них солнечная система — это просто загадочное черное пятно.

Облетев еще несколько раз планету, Трелетов продолжил полет, оглядываясь на прозрачную планету, медленно вращающуюся вокруг своей оси, посверкивая загадочной игрой красок, и решил, что вернется еще к планете, в этот загадочный, полный чудес мир.

Влетая в солнечную систему, он сразу настроился на волну; его «бочка» задрожала, и первое, что услышал Трелетов, было сообщение интерпланвидения, что на Земле умер в возрасте ста восьми лет последний в мире соловей. А потом слышалась траурная музыка. Трелетов не поверил своим ушам, потому что как мог умереть соловей, провожавший всех космонавтов в трудный и опасный полет. Перед тем как улететь на задание, космонавт обязательно должен был послушать пение соловья. Его оберегали лучшие врачи мира, он ведь был один на Земле, потому что в результате синкомутитного явления все соловьи умерли.

Через трое суток «бочка» растаяла, превратившись в обыкновенный свет, и засветился вокруг него яркий клубок. А Трелетов сделал из тигроцерия подобие космической лодки и сел, наблюдая за приближающейся Землей.

В следующую минуту он услышал сообщение бюро наблюдений: в систему Разума влетело живое существо, распоряжение об отправке навстречу нескольких вооруженных кораблей. Наше телевидение сообщало, что в Москве открыта французская выставка мужской одежды, на выставке представлены костюмы новых моделей из тигроцерия, туфли с алмазными каблуками и набойками. «Отдел мира сенсаций» сообщал, что американец Норвелл, используя усовершенствованную ахтикиновую трубку с кровяным газом, выпил за два часа пятнадцать минут воду из Карибского моря, оставив на вымирание тысячи рыбешек. «Общество по охране прав рыб» подало в международный суд жалобу. Пока жалоба лежала у специалистов, Норвелл выпустил воду в Нью-Йорк и утонул сам.

Трелетов летел к Земле, ощущая необыкновенную радость, легкость, думая только о том, чтобы как можно быстрее записать и материализовать все им увиденное.

Еще далеко от Земли его встретили: интерпланвидение передало информацию о возвращении Трелетова из неизведанных районов Вселенной, куда он попал на телепатической экспериментальной ракете, потерпевшей катастрофу, столкнувшись с одним из обитателей Космоса; в информационном сообщении говорилось, что его наблюдения будут представлять большой научный интерес. Его видели по телевидению похудевшим, в набедренной повязке из тигроцерия, но улыбающимся и с загадочно блестящими глазами, глазами, которые переняли блеск загадочной планеты.

ВАСИЛЬ ФОМИЧ И ЭВМ

Внедрили нам ЭВМ — электронно-вычислительную машину, значит.

Стоит она в отдельном кабинете, вся в индикаторах — конденсаторах, электрическими своими внутренностями урчит, глазами разноцветными подмигивает...

А мы переживаем.

Косматый малый в очках, которого к ней наняли оператором на высокий оклад, хвалится:

— Десять бухгалтерий может заменить! В нее заложено мозгов приблизительно на сто человек!

— А что, — спрашиваем, — мы теперь будем делать?

Малый подначивает:

— Да все то же: по телефону звонить, покупки обсуждать, журнал «Силуэт» прорабатывать, именины праздновать всем отделом — мало ли что...

Мы волнуемся.

Один только главбух Василь Фомич ничуть не переживает, не волнуется:

— Чепуха! — говорит. — Машине с живым человеком сроду не сравняться! Мозгов у нее хоть и много, да не те... Не имеют той гибкости! Может она, например, все шесть номеров в Спортлото угадать? Нет? А я вот в прошлый тираж три номера угадал и трояк выиграл!

Малый спорит:

— Она не только бухгалтерию — все заводоуправление может заменить! За исключением, конечно, большого начальства, которое незаменимо... Она на будущее прогнозы составляет! За границей ЭВМ вымершие языки расшифровывает, стихи пишет и женихов невестам сватает...

— Языки пускай... — не сдается Василь Фомич, — насчет стишков и сватанья тоже не возражаю — это дело безответственное... А бухгалтерия — вещь тонкая, человечьего ума требует!

Приступила ЭВМ к работе — любую счетную операцию в секунду как орех щелкнет!

Прямо цирк: что ни сочтет — верно!

Мы все сами пересчитывали, потому что наш директор, не доверяя ей, распорядился:

— Машина пускай стоит, как достижение по НОТу, а вы все за ней пересчитывайте вручную... Машина не может нести ответственность — ни юридическую, ни материальную... В случае чего под суд ее не отдашь и даже простого выговора не объявишь...

Раз спрашиваю малого:

— Может твоя ЭВМ составить такой прогноз: кого главным назначат — Шмарина или Божкова?

— Может, — отвечает малый. — Давайте с них обоих полную информацию я перенесу на ленту, и будет точный результат!

Сообщили мы подробную информацию, запустил ее малый в машину, получает ответ: Шмарин — главный!

Мы опять волнуемся.

Один Василь Фомич не волнуется:

— Неизвестно, — говорит, — сейчас Шмарин в отпуску, там всякое может произойти и, пожалуй, наоборот выйдет...

А через три дня приходит «телега». Шмарин в отпуске так отличился, что не только в главные его продвигать, а похоже, с работы вылетит!..

Мы к Василь Фомичу:

— Как узнал?

Василь Фомич посмеивается:

— Да он в отпуск один поехал, без жинки... А когда он один едет, каждый раз влипает в какую-нибудь историю...

Малый начал оправдываться:

— Машина не может учитывать случайные факторы.

Василь Фомич его осадил:

— У Шмарина привычка такая, как без жинки — обязательно история!..

Тут подошел квартальный отчет, и машина окончательно села в лужу, потеряв всякий авторитет. Отчет она составила быстро, но вышло у нее недовыполнение плана! И значит, кроме других неприятностей, лишение всех нас премий!

Мы пытались малого усовестить: мол, так и так, всегда или хоть с небольшим, но перевыполнением...

А он уперся:

— Ничего поделать не могу! Машина дает вашему труду беспристрастную оценку... на основании объективных данных...

— Значит, — спрашиваем, — через твою объективную машину нам теперь всем без премии сидеть?

И директор ему втолковывал:

— Вы думали, как это может отразиться на репутации нашего предприятия? На моей лично, наконец? А как отнесутся к этому верхи?

Малый уперся и свое долдонит:

— Машина выше личных амбиций! Она не обучена заниматься подтасовкой фактов и махинациями...

Василь Фомич торжествует:

— Дура твоя машина! Ничего не смыслит в составлении отчетов! Вот у меня поглядишь, как получится!

Взялся Василь Фомич за дело, несколько дней кумекал, и вышел полный ажур: и перевыполнение и премия!

С тех пор совсем эта машина захирела, только девушки иногда забегали к ней погадать о женихах, но давали о себе настолько приукрашенную информацию, что никакой жених им не соответствовал, не говоря о неженатом электрике Иване, в которого большинство и целилось. Правда, одна из них, копировщица Зойка, выскочила замуж за самого очкастого малого. Но это случилось без всякого содействия со стороны ЭВМ. У Зойки хоть мозгов не больше, чем у курицы, однако насчет того, чтобы задурить парню голову, никакая машина с ней не сравнится!

А скоро этого самого малого совсем уволили, когда начали внедрять объединение функций, и его функции передали электрику Саше.

Несмотря на пять классов образования, Саша ничуть не растерялся и повытаскивал из машины множество диодов-триодов, которыми каждый вечер торговал у магазина «Радиотовары». Правда, машина сильно сопротивлялась и три раза чуть не до смерти убивала Сашу током, когда он ковырялся в ее внутренностях, выискивая, чего бы еще отвинтить, но Саша был парень упорный и целеустремленный.

Окончательно доконал ЭВМ Василь Фомич.

Он больше всех ее ненавидел и, проходя мимо, не раз говорил:

— У меня мозгов, может, и не так много, как в этой хреновине, однако предполагаю, что скоро ей хана!

И когда нам спустили очередной план по сдаче металлолома, которого у нас сроду не водилось, Василь Фомич выискал какую-то статью, чтобы списать ЭВМ с баланса!

Потом позвали слесарей с автогеном, разделали ее на куски и без всякой мороки выполнили план по металлолому, да еще и премию за это получили, по 32 копейки на нос!

— Пока я жив, — гордо сказал Василь Фомич, — обойдемся без ЭВМ.

ПОХОЖДЕНИЯ РОБОТА

Наука от жизни еще отстает. Не всегда идет в ногу. Такие о ней и пресса частенько отзывы помещает. И сам Як Яклич, домоуправ, такого же мнения придерживается.

С ним недавно история вышла.

Сидел он в своем закутке и никакой особой мороки себе не ждал. Кроме, конечно, текущей: жалобы там, скандалы со стороны жильцов. Тем более жилец пошел грамотный и сам не знает, чего хочет.

И вот открывается дверь и заходит железный человек. Все как у человека, только весь железный. И говорит своим железным голосом: так, мол, и так, направлен из вышестоящей

инстанции. И подает бумажку. Як Яклич железного человека не испугался. Он вообще никого не боялся. Кроме, конечно, ОБХСС. Он взял бумажку и прочел, что написано. А там непосредственное начальство пишет своим личным почерком, что податель сего является робот, сконструированный в НИИ, и послан для испытания как слесарь высокой квалификации. А главное, робот имеет способность накапливать опыт.

Як Яклич, конечно, принял с удовольствием, что железный человек направлен не из ОБХСС, а из НИИ, и такое дает ему руководящее указание:

— Ты, друг, вот что... Вали, понимаешь, к бригадиру... Петренко по фамилии, поспрошаешь там... Он тебя, понимаешь, в курс введет... А мне некогда, запарка, понимаешь...

А часа через два Як Яклич навел по телефону справку у самого Петренко. Петренко случайно на месте оказался и, конечно, сильно «поддатый» по случаю начала рабочего дня, но деловой разговор вести может.

— Как, понимаешь, железный там у тебя? — такую справку запросил Як Яклич у бригадира, а тот ему вносит в этот вопрос полную ясность:

— Дядь Ваня-то?.. Его ребята дядь Ваней прозвали... Молоток парень! Все с лету схватывает! Не то что Валерка-инженер, при дипломе, а только и знает ушами хлопает... Мы сейчас с роботом магарыч пьем — обмываем в счет будущей получки!..

— Стало быть, неустойчивый он насчет этого самого... зеленого змия? — проявил заинтересованность Як Яклич, но Петренко данный факт опроверг:

— В рот не берет! Сидит с нами, а сам ни в одном глазу!.. Да у него и мозгов-то нету — на что ему водка?..

Хотел Як Яклич поставить Петренко на вид за пьянку в рабочее время, да раздумал. Петренку, конечно, этим не испугаешь, чего ему бояться, когда везде текучесть большая, недостача кадров наблюдается. И Як Яклич, конечно, успокоился. И даже позволил себе немножко помечтать. Очень ему понравилось, что наша ответственная промышленность достигла такого небывалого уровня, роботов стала выпускать — и при том непьющих. И в недалеком светлом будущем всех выпивох можно поуволить по разным там статьям и заменить роботами.

Но оказалось, рано он так мечтал. Через пару календарных дней является Розка-паркетчица, отбойная девка, унеси ты мое горе, но надо же, имеет такую претензию:

— Як Яклич! Что же это такое!.. Новенький этот, дядь Ваня... Он вообще-то парень ничего, симпатичный, на артиста Куравлева похож, только матом садит через каждое слово... Девочки есть некоторые, очень смущаются...

— Вас смутишь, понимаешь... — дал Як Яклич на ее жалобу такой ответ. — Вы сами кого хошь смутите... Ну ладно, вали, разберусь...

Як Яклич берет трубку и наводит справку у Петренки. И Петренко хоть под сильной мухой по случаю обеденного перерыва, но дает обоснованное объяснение:

— Это же у робота устройство такое... Робот же послан опыт накапливать! Вот и накапливает опыт... Услыхал — все матерятся, потому что без этого на производстве никак нельзя, давай и он! С практикой жизнью, значит, столкнулся. А жизнь, она научает... Валерка-инженер на что лопух лопухом, интеллигент, одним словом, а уж стал поругиваться. Правда, плохо у

него получается. Несмотря на диплом — слушать противно... А дядь Ваня парень толковый, мигом перенял... Ладно, я с ним потолкую...

Таким образом данный производственный конфликт разрешился, но к концу месяца поступает от жильцов ряд жалоб. Такой уже клиент пошел: грамотный, и все ему нипочем. Потому излагает в своих кляузах: дядь Ваня вымогает взятки, по трояку и более...

Як Яклич удивился: все ж таки человек железный, водки ему не требуется, жены нет — на что ему трояки? Однако Петренко, будучи почти в норме, разъяснил:

— Практицкую жизнь осваивает!.. Практицкая жизнь, она научает! Об взятках и разговору не может быть!.. Вот ежели начальство берет, тогда это будет взятка, а у простых работяг зовется — отблагодарить... Или, по-устарелому, магарыч... По-научному называется — материальный стимул... Без стимула все производство может развалиться!

А лично Як Яклич за роботом ничего не замечал: к работе относится добросовестно, как им прийти на объект — он на месте: сидит с ребятами, козла забивает. По отзывам, он так эту игру освоил, что никто с ним сравниться не может, кроме, конечно, Петренки — у него тринадцатилетний стаж работы по строительству и ремонту. Показали роботу «морского», он и «морского» освоил, а это игра сложная, требует большого умственного развития.

К концу квартала стали такого рода сведения поступать: дядь Ваня свел дружбу с зеленым змием и дефицитный материал налево загоняет. А сам Як Яклич собственными глазами наблюдал: идет робот, спотыкается и под мышкой левую арматуру тащит.

Бригадир Петренко, крепко насадившийся в связи с близким завершением рабочего дня, данный факт подтвердил:

— Освоил, как же! Без этого на производстве никак нельзя!.. Оно так дело было. Раз сели, и он с нами сидит. Просим принять хучь сто грамм, он ни в какую! Обидно нам стало, ухватили мы его за руки, за каждую по три человека, а Васька — он в технике здорово смыслит — открыл ему заглушку на голове и плеснул туда грамм двести... Там химия зашипела, пар пошел, глядим: закосел наш дядь Ваня! Рассуждать принялся, начальство ругать, потом песни запел со всеми... «Арлекину» освоил — слух имеет! Потом еще добавили, разбрелись кто куда, он под забором проспал, даже заржавел малость, потому — дождь шел... Утром мы его керосинчиком начистили, похмелили — порядок! Теперь со всеми нами наравне и даже любит это дело! А то — зачем же тогда жить? Валерка-инженер на что лопух, а уж красненькое начал потягивать...

Як Яклич от принятия мер по этому сигналу воздержался, тем более никаких ЧП не произошло. Хотел с Васьки стружку

снять за спаивание молодого кадра, да Ваську не испугаешь: у него и так трудовая книжка уже исписана всякими статьями. Еще обидится — уйдет в другую организацию, куда его давно сманивают.

А тут вскорости робот и на ЧП нарвался: производственную травму получил, потому как во время рабочего дня это произошло.

Они с Петренкой крепко заложили: Петренко — ничего, в форме, а робот пришел в состояние сильного опьянения: шатался по территории, песни горланил, выражался, к девушкам приставал, а потом вступил в драку с бригадиром соседнего объекта и поколотил его. Он, бригадир, этот, тоже не разобравшись, крепко измолотил робота — у него рука оказалась вывихнута и голова кулаком прошиблена.

По причине этого ЧП пришлось робота отправить в НИИ для ремонта с сохранением оклада.

Характеристику Як Яклич написал по форме: относился добросовестно, устойчив, работал над собой, уровень повышал, нагрузки нес, не злоупотреблял.

Зачем человеку, хоть и железному, жизнь портить!

Так и отослал назад в НИИ. НИИ он и подавно не боялся! Не ОБХСС, чего бояться!

Голоса молодых

ЛЮДМИЛА СВЕШНИКОВА

КАК ПЕРЕХИТРИТЬ БОЛЬ

Джо Старший и Джо Младший уезжали на войну. Им обещали хорошо заплатить, если они завоюют маленькую страну с названием, похожим на барабанный бой. Джо Младший накупил ворох вещей, необходимых на войне: термосы, зубные щетки, пачки жевательной резинки и туалетной бумаги. Он напевал вместе с магнитофоном и весело суетился, словно собирался на пикник.

Пудель Бой бегал следом и радостно лаял. Он и впрямь решил, что предвидится пикник и его, Боя, непременно возьмут с собой. Должно быть, пес уже представлял, как будет валяться на травке и бегать за бабочками.

Джо Старший, сдержанно улыбаясь, со знанием дела укладывал в два рюкзака все, что необходимо захватить с собой на войну.

За последним утренним кофе миссис Сведж взгрустнулось, и она промокнула фартучком глаза. Мужчины расхохотались.

— Ма, — сказал Джо Младший, — это же вроде как прогулка! Мы привезем с отцом кучу денег и поедем втроем на побережье... Нет, мы поедем вчетвером! — И он поднял за шиворот ошалевшего от шума Боя.

— Не грусти, мать, — сказал Джо Старший. — Мы скоро вернемся, ты не успеешь соскучиться, мы вернемся и купим тебе новую шубку!

— И новую машину! — добавил Джо Младший.

— Но вас могут убить! — сказала миссис Сведж.

Мужчины снова весело расхохотались.

— Настоящих мужчин не убивают, настоящие мужчины убивают сами! — заверил Джо Старший.

— Мы перещелкаем этих дикарей как орехи! — пообещал Джо Младший.

Потом, уже перед уходом, они оба поцеловали миссис Сведж, и она успокоилась под прикосновением их теплых губ и ладоней. Дверь закрылась за ними; последнее, что она слышала, — звук сомкнувшихся створок лифта на лестничной площадке.

На другой день миссис Сведж завтракала одна и, должно быть, поэтому пила кофе без аппетита. Прошла неделя, прошла вторая, прошел целый месяц. Утром миссис Сведж выходила из дома и бесцельно бродила по улицам, заходила в кафе и кинотеатры и, устав, возвращалась. Она ждала и, прежде

чем открыть дверь ключом, нажимала кнопку звонка: может, муж и сын уже вернулись, и она услышит за дверью шаги!

Но за дверью поскуливал одинокий Бой. Она входила в пустую квартирку, трепала пуделя по кудрявой спинке и рассказывала ему, где она была и что слышала о той войне, на которую уехали Джо Старший и Джо Младший.

После их отъезда миссис Сведж получила всего одно коротенькое письмо. Они писали, что все идет отлично и они доблестно завоевывают маленькую страну. В конверт была вложена фотография: муж и сын стоят у странного дерева с ветками, растущими прямо из земли. У их ног лежат автоматы, и Джо Младший задорно улыбается.

Прошло два месяца, и однажды холодным ветреным утром в дверь миссис Сведж позвонили двое мужчин в военной форме. Один из них, с седым ершиком коротких волос и отвислыми розовыми щеками, поцеловал руку миссис Сведж и зачем-то долго говорил о патриотизме. Миссис Сведж чувствовала себя неловко: на ней был старенький домашний халатик. Окончив свою речь, седой военный сказал, что машина ожидает у подъезда и они считают своим долгом сопровождать ее.

Миссис Сведж быстро переоделась в нарядное платье — она подумала: скорее всего ее собираются отвезти в какой-то клуб, где будут говорить о героях войны, которая идет в далекой маленькой стране, и, конечно же, Джо Старший и Джо Младший — настоящие мужчины — уже прославились.

Визитеры усадили ее в пятиместную черную машину, и они долго ехали, а седой военный опять долго говорил о патриотизме, и миссис Сведж начала улавливать страшный смысл, но ни о чем не спрашивала, а только твердила про себя, как заклинание: «Нет, нет, этого не может быть!»

Ее привезли на кладбище.

У двух аккуратно вырытых могил стояли два одинаковых черных гроба. На одинаковых серых плитах были начертаны имена и фамилии Джо Старшего и Джо Младшего. Военный с розовыми щеками взял миссис Сведж под руку. Маленький оркестр наспех исполнил траурный марш, потом гробы опустили в ямы. Миссис Сведж отвезли домой, и там ее встретили соседи — супруги Беккер.

Миссис Беккер приколола к ее волосам черную вуаль, а мистер Беккер разлил по рюмкам виски. Все молча выпили. Миссис Сведж сразу же опьянела, и ей все вдруг показалось нереальным, похожим на дурной сон, наверное потому, что она не видела, кто лежал в тех черных ящиках, опущенных в ямы на кладбище.

Мужчины в военной форме на прощанье поцеловали ей руку и что-то сказали о денежной компенсации. После их ухода мистер Беккер опять наполнил рюмки, и они выпили уже втроем. Миссис Беккер посоветовала вдове поплакать — так будет лег-

че, но миссис Сведж сказала, что хочет спать, и Беккеры ушли.

Она действительно заснула тяжелым, без сновидений сном, проснулась наутро поздно и, вспомнив о Бое, позвала его. Пудель не отозвался, она пошла искать и нашла его около кровати Джо Младшего. Пес, положив морду на передние лапы, лежал на коврике и смотрел тоскливыми темно-лиловыми глазами. Миссис Сведж поняла вдруг, что Джо Младший уже никогда не будет трепать пса за длинные шоколадные уши, а Джо Старший не будет ворчать из-за изгрызенных ботиночных шнурков. Ничего этого уже не будет, потому что Джо Старшего и Джо Младшего больше нет. Миссис Сведж упала рядом с Боем на коврик, вытертый ногами сына, и наконец зарыдала. Непереносимая боль потери впилась в нее, и она поняла: боль будет всегда, пока существует она, миссис Сведж.

...С высоты пятнадцатого этажа машины казались большими разноцветными жуками, а человеческие головы не крупнее горошин. Если перевеситься через перила балкона и оторвать ноги от пола — боль отпустит...

Миссис Сведж очнулась оттого, что пудель вцепился ей в щиколотку, захлопнула дверь балкона и пообещала Бою никогда не выходить за нее.

— Джо Старший и Джо Младший обманули нас, — сказала она Бою. — Они обещали перебить дикарей и вернуться, а получилось совсем не так! Но нам надо как-то жить. Мы попробуем с тобой жить!

Она накормила пуделя и повела его гулять.

В скверике, неподалеку от дома, миссис Сведж выбрала безлюдную аллейку и села на скамью. День был тихим и теплым. Она сидела, стараясь ни о чем не думать. Бой дремал на солнце, прижавшись к ее ногам. Влажно пахло весенней, не успевшей еще запылиться травой и тополиными почками.

В соседней аллейке кто-то громко рассмеялся. Миссис Сведж вздрогнула и обернулась. Там, за полураспустившимися кустами, спиной к ней стоял светловолосый парень в джинсовой куртке. Манжеты куртки были не застегнуты, как их всегда не застегивал Джо Младший!

— Сынок! — закричала миссис Сведж.

Парень обернулся. Он еще улыбался кому-то, сидящему за кустами на скамейке, и, встретившись с миссис Сведж глазами, пожал плечами.

Миссис Сведж подхватила Боя на руки и быстро пошла к дому. Боль потери будет подстерегать ее повсюду, где есть живые люди. Она будет смотреть на нее глазами парней, похожих на Джо Младшего, и мужчин — ровесников Джо Старшего. Даже усталые женщины с тяжелыми сумками, которые они несут домой, чтобы накормить мужей и детей, тоже будут напоминанием о потере.

Задыхаясь от тяжести Боя, миссис Сведж добежала до своей двери и захлопнула ее за собой, остановилась перевести дыхание: боль потери осталась там, на городских улицах, вместе с живыми людьми, напоминающими навсегда ушедших!

— Мы перехитрим ее, Бой, мы обманем, — сказала миссис Сведж пуделю. — Мы просто не откроем ей дверь... И не будем смотреть на вещи тех, кого уже нет!

Немного отдохнув, миссис Сведж проконопатила ватой балконную дверь и приклеила поверх липкой бумагой. То же самое она проделала с окнами в гостиной и комнате сына. Прежде чем навсегда закрыть дверь в эту комнату, она немного постояла на пороге. Это была последняя уступка боли потери, которую она перехитрит.

Вещи Джо Младшего, еще живущие своей неизменной жизнью, звали миссис Сведж приблизиться к ним. Книжный шкаф, набитый глупыми книжонками в ярких обложках, тихонько заскрипел пересохшими деревянными мышцами — просил стереть пыль с его старых боков. Чернильные пятна, навсегда въевшиеся в крышку письменного стола, прошептали: «Мы из детства Джо... он вечно был перепачкан чернилами, даже волосы были в лиловых пятнах...»

Старая хоккейная клюшка, с облупившейся краской и в трещинах, безжалостно напомнила: «Помнишь, как подросток Джо после ледовых сражений приходил с влажной от пота спиной? Ты переодевала его в сухое, поила горячим чаем и ругала...»

Джинсовая куртка Джо Младшего на спинке кресла плакала двумя полуоторванными пуговицами. Из небрежно засунутых в коробки магнитофонных кассет свешивались кончики лент и, хотя в комнате не было сквозняка, шуршали.

Миссис Сведж услышала дикий ритм музыки и топот ног Джо Младшего. Джо Старший хрипло захохотал:

— Мать, ты только погляди! Парень наверняка вывихнет себе ноги... Придется тебе тратиться на докторов!

— Нет, нет! — закричала миссис Сведж, стараясь заглушить скрипы старого шкафа, дикую музыку и вздохи большой подушки на кровати Джо Младшего, тоскующей по его светловолосой голове и юношеским снам. — Вас нет и никогда не было! — уже спокойно заверила миссис Сведж, заклеивая щели в двери.

На пороге спальни, где рядышком стояли кровати, — ее и Джо Старшего — она не задержалась. Миссис Сведж знала: по ночам тихонько позванивают пружины матраца, словно Джо Старший ворочается во сне, а в платяном шкафу висит его праздничный пиджак, и платочек в нагрудном кармане пахнет одеколоном.

Пудель Бой бродил следом за миссис Сведж, недоумевая, зачем хозяйка заклеивает комнаты тех, кого он любит. И хотя Джо Младший давно не трепал его за кудрявый загривок, не чесал за ушами, был здесь. Кресло пахло Джо Младшим, и коврик у кровати тоже пах им.

Пудель потыкался черным носом в дверь комнаты Джо Младшего и заскулил. Миссис Сведж затащила Боя в гостиную и отшлепала.

— Их нет! Только так можно жить! Их нет и никогда не было... Есть только ты и я!

Пудель посмотрел на хозяйку тоскливыми темно-лиловыми глазами и забился в угол, а миссис Сведж села читать старый журнал: она решила читать только старые журналы, в которых еще не писали о войне в стране с названием, похожим на барабанный бой.

Поздним вечером начался дождь. Капли однообразно стучали в заклеенную балконную дверь, навевая дремоту. Посреди ночи миссис Сведж проснулась и прислушалась: вещи навсегда ушедших молчали. Она улыбнулась: ей удалось перехитрить боль! — снова заснула.

Утром она нашла Боя у заклеенной двери комнаты сына. Пес лежал, вытянув передние лапы, словно умолял впустить к тому, кого он любил. Остекленевшие глаза отсвечивали мертвым перламутром. Миссис Сведж дотронулась до спинки Боя и отдернула руку, ощутив каменный холод. Она позвонила лифтеру, и, когда он уносил трупик, завернутый в кусок старого пледа, прошептала: «Тебя тоже нет. Нет и не было!»

После смерти Боя ей незачем стало выходить из дома. Продукты приносил молчаливый, ни о чем не расспрашивающий лифтер.

Жизнь днем и ночью шумела около дома миссис Сведж, но ее звуки не проникали сквозь плотно законопаченные окна — теперь в квартире была вечная тишина. Телевизор миссис Сведж тоже не включала: на экране были люди, они любили и целовали своих детей, у них были семьи или возлюбленные, и наверняка можно было увидеть парней и мужчин, похожих на навсегда ушедших. Миссис Сведж знала: если она будет смотреть на них, боль потери подкараулит ее опять.

Времена года сменялись за окнами, она замечала это по тому, бьют ли в стекла монотонные капли осеннего дождя или налипает первый нестойкий снег.

Как-то поздним вечером она увидела на стеклах морозные узоры, искрящиеся в отблесках уличных реклам. Миссис Сведж долго рассматривала переплетения фантастических растений и игольчатых звезд. Она подумала, что на улице, должно быть, мороз, и снег блестит голубыми искрами. Впервые ей захоте-

лось выйти из дома, и это желание нарастало с каждой минутой. Она надела свою старую шубку, еще колеблясь, постояла у двери и вышла.

Снег действительно блестел голубыми искрами. От морозного воздуха закружилась голова, и, чтобы не упасть, миссис Сведж оперлась спиной о стену дома, закрыв от слабости глаза.

— С Новым годом, крошка! Уже успела набраться?

Рядом стоял пьяный в распахнутом пальто. Миссис Сведж почувствовала запах перегара и соленой рыбы.

— Как ты насчет того, чтобы встретить Новый год вдвоем, крошка?

Миссис Сведж, оттолкнувшись от стены, быстро пошла прочь от дома. Пьяный еще некоторое время преследовал, но она смешалась с толпой на улице, и он потерял ее из виду.

Несмотря на поздний час, магазины были открыты и ярко освещены. Миссис Сведж увидела в праздничной витрине яркие горки апельсинов и вошла в магазин. Она купила пакет ароматных плодов, кусок копченой грудинки и бутылку сухого вина.

Шел тихий густой снег, и все кругом было празднично-белым и чистым. От морозного воздуха все еще кружилась голова. Миссис Сведж зашла в сквер и села передохнуть на скамейку, прикрытую снежной перинкой. Слабость медленно проходила. Она огляделась и увидела напротив, на такой же заснеженной скамье старуху. Старуха с какой-то странной улыбкой смотрела на нее, покачиваясь, как сухая ветка под ветром.

Миссис Сведж показалось: она где-то уже видела ее, видела это лицо, но где — не могла вспомнить. Облик старухи, словно лишенный плоти, колебался за снежными нитями, но глаза ее неотрывно следили за миссис Сведж.

И вдруг ужас сжал ей сердце: миссис Сведж поняла — на скамье напротив она сама! Это ее потускневшие от старости глаза, ее расплывшиеся черты, ее старость и одиночество!

Оставив пакет, миссис Сведж вскочила со скамейки. Новый приступ ужаса пронзил ее: она бессознательно купила то, что любили Джо Старший и Джо Младший! Значит, боль потери снова подстерегла ее, но сделала это более хитро! Кто-то крепко взял ее за локоть:

— Вы забыли пакет!

Рядом стоял высокий мужчина. Миссис Сведж не заметила, как он подошел. Поднятый воротник пальто почти закрывал лицо, темные глубокие глаза внимательно смотрели на миссис Сведж.

— Я ничего не забыла!

— Не надо лгать. Вы давно уже лжете сама себе! Возьмите пакет — я помогу.

Незнакомец крепче сжал локоть миссис Свedж и вывел из скверика. Ей сразу же стало как-то безразлично и даже спокойно от властного голоса незнакомца.

Должно быть, поднялся ветер: снег уже не падал тихо, а крутился и бил в лицо. Миссис Свedж не могла понять, по какой улице они идут, но и это было безразлично. Она без тревоги подумала, что незнакомец может убить ее — в городе ежедневно совершаются десятки преступлений, — но шла за ним бездумно, обессиленная ужасом, испытанным при виде старухи на заснеженной лавочке.

— Быстрее! — поторопил мужчина.

— Мне, право, некуда спешить, мистер.

— Вам есть куда спешить, миссис Свedж!

— Я не понимаю вас! — сказала миссис Свedж. — И откуда вы меня знаете? Вы сыщик или колдун?

— Я колдую над временем.

— Нет, я решительно не могу припомнить! Мы раньше были знакомы?

— Мы не были знакомы, миссис Свedж, но я знаю всех, кто разрешил убивать!

— Если вы меня знаете, то должны сочувствовать! — сказала миссис Свedж.

— Я больше сочувствую женам и матерям тех, в кого стреляли ваш муж и сын!

— Это были всего лишь дикари!

— Это были люди! — крикнул незнакомец. — Люди, понимаете?!

— Все это странно, — пролепетала миссис Свedж. — И все же кто вы?

— Сегодня я ваш случайный попутчик и хочу сделать вам новогодний подарок. Вы достойны подарка, торопитесь! Смотрите! — Незнакомец поднял руку, и миссис Свedж вскрикнула: на пятнадцатом этаже светились окна — в комнате Джо Младшего, в спальне и гостиной! Она бросилась к лифту. «Боже мой! Они вернулись! Конечно же, они вернулись, а там, на кладбище, произошла ошибка».

Миссис Свedж вытащила ключ из сумочки, но пальцы дрожали, и она не попадала в замочную скважину. За дверью радостно повизгивал пудель Бой и скреб от нетерпения лапами пол. Он всегда так визжал и скреб пол, почуяв сквозь дверь возвращение хозяйки.

«Но почему Бой?.. Он же», — успела подумать миссис Свedж.

Пес, устав ждать, залился нетерпеливым лаем, и тогда в глубине квартиры протопали быстрые шаги. Дверь распахнулась:

— Тебе плохо, ма?

Миссис Сведж провела по светлым волосам сына, радостно ощутив их живую упругость.

— Мать, куда ты запропастилась! — закричал из гостиной Джо Старший. Он сидел за празднично накрытым столом в своем лучшем костюме. Перед ними стоял бокал вина.

— Ма, в самом деле, где ты пропадаешь? Через полчаса Новый год!

Джо Младший стащил с миссис Сведж шубку и усадил к столу. По телевизору передавали новогоднее шоу. Девушки в голубых шляпах и красных купальниках синхронно вскидывали ноги и крутили бедрами. Миссис Сведж залпом выпила вина и сквозь быстрое и блаженное опьянение попыталась вспомнить, когда она уже видела это шоу, но не вспомнила и решила, что все шоу похожи друг на друга. Джо Младший высыпал в вазу апельсины, и их аромат наполнил гостиную.

— Они пахнут хвоей, ты не находишь, ма?

— Когда вы вернулись? — спросила миссис Сведж.

— Гораздо раньше тебя, ма! — сказал Джо Младший.

— Наша мать, должно быть, подхватила какого-то типа и прогуливалась с ним, а мы тут изнывали в одиночестве! — сказал Джо Старший и сам захохотал своей шутке. Он всегда так подтрунивал над миссис Сведж, и его шутливая ревность льстила ей.

Джо Младший дразнил пуделя кусочком копченой колбасы. Бой вставал на задние лапки, но достать колбасу не мог и повизгивал. На экране Санта-Клаус отпускал наивные остроты. Около него прыгали девушки — на этот раз уже в белых купальниках.

Джо Младший сбегал на кухню и достал из холодильника запотевшую бутылку шампанского. «Когда они успели все купить?» — подумала миссис Сведж. Ей было хорошо и покойно, и она решила расспросить мужа и сына о войне с дикарями завтра, а сейчас они снова вместе — это самое главное.

На экране полногрудая певица запела о том, как хорошо быть влюбленной под Новый год. Потом экран завьюжил пестрой метелью, засинел искусственным небом в электрических звездах, и из глубины его стали надвигаться четыре цифры — сначала неразличимые, крохотные, но постепенно растущие.

Люстра под потолком почему-то стала меркнуть, тяжелый гнилостный запах болотной сырости, неизвестно откуда взявшийся, вполз в уютную комнату. Джо Старший уставился на экран остановившимся взглядом. Джо Младший рванул на груди рубашку и незнакомо прохрипел:

— Я, кажется, понимаю, отец. Я вспомнил: мы должны вернуться туда, мы должны снова пройти через тот ад, прежде чем... — он застонал и уткнулся лицом в ладони.

Миссис Сведж хотела броситься к нему, но какая-то сила придавила ее к креслу:

— Зачем ты отпустила нас, ма?

Она услышала эти последние слова сына, словно приглушенные большим расстоянием:

— Зачем ты отпустила нас, ма?

Фигуры Джо Старшего и Джо Младшего стали мутнеть, словно они медленно опускались в прозрачную глубокую воду.

Миссис Сведж потеряла сознание. Когда она очнулась, в гостиной никого не было. По столу растекалась лужица из единственного бокала на столе. Ее бокала.

АЛЕКСАНДР ПОТУПА

ЭФФЕКТ ЛАКИМЭНА

— Я не шучу, мистер Лакимэн, — повторил старик.

— В таком случае я отказываюсь вас понимать: в чем суть вашего предложения? Это же... Это же, простите, чертовщина какая-то. Мало ли что я захочу. Например, можете ли вы сделать меня господом богом? Существом с большой буквы, так сказать, всемогущим и всеведущим?

— Пожалуйста, мистер Лакимэн. Я действительно могу исполнить любое ваше желание.

— Гм, странно... очень странно... Но зачем вам это, если не секрет? Ах да, понимаю, — Мефистофель и Фауст, не так ли? И разумеется, вы потребуете мою душу в залог...

— Это не столь уж просто объяснить. Конечно, я не совсем бескорыстен. Возможно, мне хочется кое-что выяснить...

— Послушайте, бросьте эту нелепую игру. Не станете же вы меня уверять, что служите полномочным представителем ада на земле, тем более здесь умеют устраивать такое пекло, которое не снилось и мистеру Люциферу... Ладно, признавайтесь-ка побыстрей, что за товар вы хотите запродать. Вы забавный коммивояжер, но, простите, у меня много работы, мистер... э-э... как вас?

— Мое имя не играет роли. На свете тысячи добропорядочных имен — можете дать мне любое. Полагаю, вы не станете требовать удостоверение. Разве проверяют документы у своего счастья, дорогой профессор?

— И все-таки, чем я должен заплатить за вашу необычную любезность?

— Ничем, мистер Лакимэн.

— Э!

— Да, да, ничем. Просто я предлагаю исполнить любое ваше желание. Подчеркиваю — абсолютно любое! И душа ваша, поверьте, мне никак не нужна.

Лакимэн пожал плечами и, прищурив глаза, на несколько минут погрузился в спасительный поток логики. Нет, это не сон и не галлюцинация — звонок старика полчаса назад... настойчивый голос в трубке — неотложное дело, касающееся Чарлза Лакимэна и, возможно, проблем, над которыми работает уважаемый профессор... Откуда этот тип узнал номер телефона?.. Хотя нет ничего проще — справился в колледже, наконец, полистал обычный справочник... так, понятно, наверняка опять досужий дилетант, ошалевший от знакомства с популярными книжонками и от великолепия собственных бредовых идей... Кстати, черт побери, только-только наметилась отличная идея вывода, впрочем, очередная отличная идея за последние десять лет... ускользающее уравнение... все равно — необходимо проверить... вместо спокойного вечера за столом, вместо обычного предрассветного салюта над еще одной свежезахороненной надеждой — новый проект велосипеда с вечным двигателем... всегда так выходит у этих полусумасшедших любителей-открывателей — половина открытия известна с допотопных времен, а другая половина — сплошная нелепость...

— Мистер Лакимэн, я просил пятнадцатиминутную аудиенцию. Извините за назойливость, но большим временем я и сам не располагаю. Неужели вам так трудно высказать самое главное желание?

— Погодите немного, мистер Загадка, я никак не пойму, в чем здесь фокус. Не торопите меня, пожалуйста.

«Не торопите, не заставляйте быть невежливым... главное желание — чтоб он поскорее убрался из моего кабинета... должно быть, признак старости — сильней всего хочется, чтоб тебя оставили в покое... Это верно, он просил только четверть часа... в конце концов, можно устроить себе небольшой перерыв, странный тип с манерами молодого комми... или это маска, неподвижная старообразная маска, а не лицо... вот только взгляд, слишком много понимающий взгляд без ненависти и сострадания — как пара ракетных колодцев, раскрытых навстречу ясной, трижды рассчитанной цели... тьфу, мистика... Не в ли-

це ведь дело... хотя именно оно делает пришельца стариком, и нет ему другого имени... мистер Загадка?.. вот так-то, уже не посетитель, даже не ночной гость, как принято говорить в старых детективах, а прямо — пришелец... Не хватает только наскоро сколотить для него славную галактическую биографию: великий капитан астролета пытается установить контакт с узколобым земным профессором, полагая, что обнаружил крупицу разума.

Стоп! Надо сосредоточиться, разложить все по полочкам, уж полочек-то в науке с избытком. Разумеется, предложение старика — мистификация, не стандартная, но все-таки мистификация. Чего не может быть, того не бывает никогда или, наоборот, оно встречается слишком часто, и никому не приходит в голову возмутиться. Итак, необходимо объяснение, единственно верное, научное объяснение поведения этого типа. О! Он сумасшедший, конечно, самый заурядный беглец из лечебницы для умалишенных... мания божественного величия — любопытнейший синдром. Как бы связаться с лечебницей? Попросить его обождать в соседней комнате? Н-да, положеньице...»

— Оставьте ваши подозрения, дорогой профессор, это, по крайней мере, невежливо. И помните — у нас совсем мало времени...

«Кстати, что есть время? Было бы интересно задать ему этот скромный вопрос, но прилично ли подыгрывать этому... этому... Да что ж творится?»

— Вы умеете читать мои мысли? — испуганно перебил старика Лакимэн.

— Мне вовсе нетрудно читать ваши мысли, видимо, гораздо легче, чем вам в них разбираться.

А ведь старик действительно не прост, далеко не прост... во всяком случае, он ловко читает мысли и слегка иронизирует по поводу прочитанного, иронизирует вполне справедливо... Впрочем, читать готовые мысли не сложней, чем их формулировать... особенно когда пытаешься сообразить, что самое главное, а что самое второстепенное».

Лакимэн снова прикрыл глаза. Ему уже не хотелось разоблачить странного пришельца. Пожилой профессор медленно запутывался в сказочных сетях и не испытывал ни малейшего желания вырываться из их заманчиво переливающихся хитросплетений и вновь уходить в безобразно правильный мир научных фактов.

Пусть этот старикан настоящий джинн из укутанного тысячелетней пылью кувшина, пусть он неизвестным способом перенесся с далекой планеты, обитатели которой могут творить любые добрые дела и выглядеть могущественными колдунами в наших до обидного узеньких человеческих масштабах, пусть так — какая разница? Вспомнить хотя бы детство — очень

похожие иа это видения во сие и наяву, когда ои выпрашивал для себя карьеру астронавта или мультимиллиоиера, освобождал от злых иапастей персидскую прииицессу и отбивал у мускулистых идолов все мыслимые чемпиоиские титулы.

Как ии страиио, очеиь привлекательиая картиика встречи с таким вот всесильиым стариком преследовала его повсюду, ие оставляла ии в школе, ии в колледже, только желаиия меиялись, стаиовились разумией и практичней — круг иитересов все больше стягивался, стремился слиться с точкой, обозиачающей главиую иаучиую цель. Впрочем, в трудиые дии, о которых Лакимэи меиьше всего любил вспомииать, ему грезились толстеиные пачки долларов, и ои иемедлеиио уходил из фирмы в чистую иауку или исцелял мать иевероятиыми азиатскими средствами, иногда ои получал безграиичиую власть и ссылал иа иеобитаемый остров профессора Дрэгса, затормозившего иа иесколько беспросветиых лет развитие работ своего молодого коллеги... Теии детства по-своему оберегали от боли, иелепо растопыреииыми локотками пытались защитить от обид... Постепеиио мечты иачииали плестись за жизиью, следовать всем ее иепоиятиым и далеко ие легким поворотам, ио ожидаемое чудо, коиечио же, ие свершалось.

Ни в юиости, ии миого позже, когда к Лакимэиу пришла иекоторая известиость и устойчивая репутация человека с богатым воображеиием. А теперь ему иужеи был лишь спокойиый кабииет вдали от суеты заседаиий, чииовиичьих баталий и представительского пустозвоиства — иеобходимо подытожить себя, ииаче и вовсе иссякиет желаиие довести до коица свои старые замыслы, главиое дело жизии, до которого, разумеется, иикогда ие доходили руки, — такова уж судьба главных дел жизии, вечио затираемых иасущиостями и второстепеииостями... А этот старик пришел поздио, опоздал всего иа иесколько лет, а может быть, десятков лет — как зиать...

— Я жду, профессор. «Я очеиь давио жду, Чарлз Лакимэи. Не двеиадцать с половииой мииут, а почти пятьдесят лет. Ты можешь думать что угодио, ио вряд ли удастся объясиить тебе, Чарлз Лакимэи, кто я и зачем потревожил твой воображаемый покой, твое якобы прямолиииейиое и равиомериое движеиие к цели, движеиие, для которого ие хватит иикакого времени, тем более твоей жизии... Я твой успех или полный крах, ты сам выберешь, ио ие пытайся разгадать меия, проиикиуть в суть своего иного. Я, я вие рамок, чудом проскочивший мимо упругих валиков формирующего иас коивейера, иеприкасаемый я вие рамок, неприкасаемый и иепостижимый — в этом счастье! Тебя вновь переполияют фаитастические образы — это прекрасио. Еще иемиого, и ты сумеешь совершить тот самый

прыжок, который обессмертит твое имя, что, разумеется, бессмысленно, как бессмысленны и иные человеческие символы. Обессмертит — таков репортерский штамп, а правда в другом — в тяжести несвершенного. Свинцовые грузики иллюзий будут и дальше тянуть тебя в несуществующие глубины, на поиски уравнения, которого нет и никогда не будет. Есть только путь, и от вешки, которую ты сумеешь поставить, люди пойдут совсем иной тропой, не похожей на твою.

Тебе грезится звездный капитан, психологический тест земляни, порученный ему... Прекрасная сказка. Представь себе мой отчет на далекой и вовсе не похожей на Землю планете: пожилой фермер попросил новенький универсальный трактор, юный художник — сотню долларов, чтобы дотянуть до следующей выставки, писатель средних лет — чудо-станок для штамповки высококалорийной прозы, отвлекающей от любимого дела, то бишь от рыбалки... Счастлив этот мир, Чарлз Лакимэн, в преодолении своих несчастий, вернее, счастлив, пока преодолевает их.

Проси же, проси, черт возьми! Я жду уже целых тринадцать минут и полвека».

— Я жду, профессор.

— Хм-м... У вас наверняка были другие случаи — не расскажете ли о них? Ваш замысел станет как-то прозрачней...

— Прозрачней? Но поверьте — в других случаях нет ничего интересного. Лесоруб попросил новый мотор для пилы. Домохозяйка — небольшого комнатного слоненка. Философ, чудак человек, попросил приоткрыть Абсолютную Истину. Забавно, не правда ли?

— Понятно. Первые два случая совершенно просты — у всякого порядочного волшебника хватает и слонов и моторов, но как вам удалось вывернуться перед философом?

— Видите ли, дорогой профессор, хороший мотор наверняка полезней Абсолютной Истины. Вы ведь не захотели стать богом.

— И все-таки, как вам удалось открыть ему Абсолютную Истину?

— Простите, профессор, но, может быть, и вам хочется...

— Нет, нет, что вы! Не испытываю ни малейшего стремления...

— Ну и правильно. Ведь философа-то попросту стошнило...

«Ти сидишь и удивляешься: боже, какие идиоты, на кой дьявол мотор тому, кто единым духом может стать хозяином всех лесов и лесопилок, получить вагон бесплатного джина, или корону галактического императора, или жениться на племяннице окружного прокурора, или... Именно: или — или! А ведь это смертельный номер — побыть в шкуре буриданова осла, сам увидишь...»

— Я жду, профессор.

Лакимэн ущипнул себя за руку и вдохнул вполне реальный сигаретный дым. Вот что странно — зачем всесильному существу столь примитивное удовольствие? Он много курит, решил Лакимэн, почти как я...

Он мог бы придумать что-нибудь поэффектней воздушного фильтра на «Филипе Моррисе»...

Зачем, зачем, тысячи зачем и почему — как будто они, эти прелестные почемукалки, чем-то помогут, заставят поверить в непонятный, но явно запоздалый рецидив детских фантазий.

— Видите ли, мистер Икс, мне, признаюсь, немного не по себе — трудно осознать все происходящее. Поймите меня правильно, я должен хоть что-нибудь сообразить, построить, какую-то модель... Кто вы? К чему вам мои желания? Кого они вообще могут интересовать? Я несколько утомлен и, может быть...

— Да поверьте мне, в данный момент я не меньше реален, чем вы, мистер Лакимэн, в каком-то смысле реальней вас, как знать... И ни одна ваша модель не ухватит существа дела, потому что вы не знаете всех степеней реальности, а ваша логика, как мячик, летающий между игроком «да» и игроком «нет»...

«Какие-то буддийские фокусы, — вздохнул Лакимэн, — вот этого я никогда не понимал и не пойму, и Кэт была тысячу раз права, что послала меня подальше — неужели ее мазня соответствовала какому-то особому миру вне испачканных холстов? А чему соответствует он?»

— По-моему, ничего опасного я вам не предложил, напротив, мои слова вызвали у вас благоприятный отклик, не так ли?

«Проси же, проси... бессмертие, славу, деньги, — пронзил мозг профессора полузабытый срывающийся голосок маленького Чарли, — единственный случай — не-по-вто-ри-мый! — никогда, нигде, ни при каких условиях, ни за какие молитвы... не упусти... не упусти...»

— Хорошо, но сначала я хотел бы кое-что проверить, мистер бог, да, да — проверить! Я уже много лет пытаюсь вывести одно очень полезное уравнение. Оно связано с новой теорией необычайной мощности и позволило бы единым образом объяснить очень многое. Не знаю, успею ли я завершить свою работу, но уверен, что вывод уравнения не за горами — я неисправимый оптимист. Не подумайте, что я хочу предложить эту работу вам, полагаю, она слишком сложна даже для создателя домашних слонов и распространителя Абсолютной Истины. Но недавно я сообразил, что по пути должен возникнуть совершенно новый эффект, чрезвычайно любопытное явление. Я его чувствую, я знаю, что его можно будет обнаружить экс-

периментально — и это будет чистая реальность без всяких ваших степеней... Но вот беда — я не могу оценить тут одно выражение. Наверное, этого нельзя сделать без общего уравнения или без гениальной интуиции, но ни того, ни другого у меня, к сожалению, нет. В общем, нельзя ли устроить так, чтобы на моем столе оказалась, э... короче говоря, эта оценка. Двойная польза — у меня сэкономится добрый месяц времени, ну... и ваше предложение станет как-то оправданней.

Профессор Лакимэн с удовольствием откинулся на спинку кресла. Он нашел единственно верный ход, достойный настоящего ученого, — экспериментально проверить возможности своего странного гостя. Чародей не обманет физика. Улыбаясь своим мыслям, Лакимэн снова прикрыл глаза. Если этот мудрец, черт побери, не обыкновенный плут и мистификатор, то он, Чарлз Лакимэн, найдет что попросить, непременно найдет... Нет, нет, не стоит просить всезнание — богами движет лишь тщеславие, они, по определению, лишены любопытства, а так жить, в общем-то, скучно... все равно существует немало путей — нечто незаурядное, хотя бы путешествие на Марс или полная коллекция марок всех времен и народов, кое-кто лопнет от зависти... Свинство, обычное эгоцентрическое свинство, не хватало еще потребовать пару миллионов или герцогский титул... универсальное средство от рака или полная ликвидация ядерных зарядов — вот что действительно нужно, поставить всех этих Дрэгсов и их неимоверно расплодившихся наследников в очередь безработных...

Резко мигнула настольная лампа. Рядом с ней на кипе исписанной бумаги появился новый листок, сверху донизу заполненный формулами. И не как-нибудь — рукой Лакимэна, его мелкими аккуратными закорючками. Едкая смесь восторга и испуга захлестнула Лакимэна, он чуть не задохнулся от нее.

— Ладно, сдаюсь, — с трудом выдавил он. — Сейчас я скажу вам о своем желании.

— Простите, мистер Лакимэн, — очень тихо ответил старик, — но речь шла об одном желании. Я исполнил его, не так ли? Никто не виноват, что вы не поверили мне сразу. Прощайте.

Лакимэн удивленно повернулся к гостю, но увы — того в кабинете не было, никого не было, да и не могло быть в этот вечер в этом кабинете. Полумрак, бумаги, книжные ряды вдоль стен... Стараясь не смотреть на освещенный угол стола, Лакимэн поднялся, подошел к окну, открыл его и застыл, вдыхая свежий лесной воздух. И совсем как в детстве, его ресницы играли с золотыми крестиками звезд... удивительная ночь... покой, словно все, подлежащее счету, давно рассчитано... покой, если отбросить слабое, но назойливое влечение

к столу — повернуться, хотя бы издали взглянуть на тот листок...

Окно так и осталось открытым.

Первые строчки почти полностью совпадают с уже проделанными оценками... почти полностью... но почему дальше так неожиданно... совсем простой, замечательно остроумный ход... и это соотношение, обведенное рамочкой — оно стоит двух рамочек... так-так...

Лакимэн поудобней устроился в кресле, придвинул стопку чистой бумаги и принялся за расчеты. Постепенно глаза его расширились, на лице выступили красные пятна. Отбросив карандаш, Лакимэн уставился невидящим взглядом в потолок. Рука нащупала сигареты, он жадно затянулся, выключил лампу. В комнату осторожными серыми струйками просачивался рассвет.

Чарлз Лакимэн до конца своих дней сожалел, что репутация фантазера не позволила ему обнародовать правдивую картину своего предсказания. Он сообщил обо всем только одному человеку — своему другу Лео Косситу, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы легенда стала доступна всем. Кому не известна очаровательная болтливость великого Лео! Впрочем, на этот раз Коссит легко избежал очередного порицания. Еще бы! Ведь именно он экспериментально обнаружил трижды парадоксальный эффект Лакимэна.

ВИКТОР САВЧЕНКО

ГОСТИНЕЦ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Участок — две с половиной тысячи акров земли между сельвой, океаном и заливом — принадлежал самому президенту компании. На виллу президент не пожалел средств: этот причудливый гибрид старины и модерна напоминал скорее сказочный замок, который сам, без помощи архитекторов и строителей, в одну ночь вырос из земли, раздвинув густую траву и кустарники. Стояло это сооружение на открытой зеленой площадке. Вокруг ни дорог, ни тропинок, только взлетная полоса, на которой голубел одинокий спортивный самолет.

Джюр Перейра, двухметровый здоровяк с мясистой физиономией и черной гривой волос, глянул на стол, и в добрых воловьих глазах его засветилось удивление. На некрашеной столешнице стояло блюдо с горой свежеподжаренных отбивных, нераскупоренные винные бутылки, толстые ломти хлеба, баночки с приправами.

— Не угодно ли перекусить с дороги? — пригласил тощий человек лет тридцати, в сером лабораторном халате. — О делах — потом...

— И это вы называете перекусить! — Перейра лукаво подмигнул и плюхнулся в кресло во главе стола, куда садился только хозяин, когда сюда приезжал.

Человек в халате тоже сел за стол.

— Вы уж простите за однообразие. Сэм у нас вообще-то прирожденный гурман, но если приходится стряпать самому — вся фантазия побоку. Ведь можно было наделать бифштексов, эскалопов, антрекотов...

— Да полно, — промямлил Джюр с набитым ртом. — Зато сытно.

Он сперва отреза́л ножом тонкие ломти, потом отложил нож и стал откусывать мясо прямо с вилки. Подбородок его заблестел, губы покраснели от горчицы и перца.

Тощий жевал нехотя, за компанию и не сводил глаз с гостя. Гора отбивных быстро таяла. Джюр расстегнул пиджак. Серые глаза тощего как-то потеплели, когда Джюр принялся подбирать хлебом подливу с тарелки. Тут подоспел Сэм с новой горой отбивных.

— Ну, черти! — добродушно ругнулся Джюр. — Вот это прием! Хотите, чтоб я лопнул?

Однако с энтузиазмом принялся за новую порцию и встал из-за стола заметно потолстевшим.

— Ну черти! — сказал он еще раз и рыгнул. — Мерси. А теперь давайте рассказывайте.

— Мне думается, лучше показать, — тощий тоже встал. — Пойдемте, все увидите сами.

Бетонные ступени подвала загремели под тяжестью Перейры.

В подвале воняло.

Джюр поморщился, но промолчал. Тощий отворил двери справа, из них несло свинарником и азотно-туковым заводом. Джюр нерешительно застыл на пороге. Посреди тесной комнаты в кафельной лунке стоял шар метра полтора в диаметре, похожий на огромный гриб-дождевик, в него был вставлен сверху стеклянный конус. Тощий молча зачерпнул из ящика ведро отрубей, сыпанул в раструб конуса. Поверхность шара содрогнулась, как вздрагивает шкура лошади, ужаленной слепнем, пошла складками и вмиг обволоклась зловонным газом, выходящим из пор. Тощий щелкнул тумблером — загудела вытяжка, газ едкими язычками пополз под потолок. Воздух очистился. Перейра, облегченно вздохнув, подошел поближе. Оболочка шаровидного тела напоминала свиную кожу, только более пористую и голую. Отруби в конусе убывали, «дождевик» распухал, или это показалось? Нет, не показалось. Когда «дождевик» сожрал второе ведро корма, он несомненно увели-

чился в объеме. И еще Перейра заметил, что, кроме газа, из пор выделяется что-то вроде мелкой золы. Он брезгливо ткнул пальцем в раздутый шар, и если бы не видел, куда ткнул, решил бы, что дотронулся до животного. Под пальцем пружинило живое тепло.

Третье ведро тощий попросил засыпать гостя — «гриб» вырос настолько, что сам он уже не мог дотянуться до конуса.

— Ой, вы зачерпиули с отрубями живую мышь, — заорал Джюр, перекрикивая гудение вытяжки.

— Сыпьте, не бойтесь, — так же громко отозвался человек в лабораторном халате. — Дику без разницы, ои все переварит, ему что целлюлоза, что хитин, что мясо — все едино. Этой биофабрике любая органика по вкусу. Она в ием разлагается на первичные компоненты, и они в новых сочетаниях идут иа мясообразование. — Он отечески похлопал по шару, на кафель просыпалась горка пыли.

— Что это за гадость из него летит? — полюбопытствовал Джюр.

— Шлак по-нашему. Остатки неоргаиических соедиений и все прочее, не иужное для создания живой ткани.

Он взял с крышки ящика острый мачете и с размаху воизил в «гриб», раз, другой, словно взрезал арбуз. Вырезал кусок килограммов с двадцать и, завернув в целлофаи, вынес в коридор.

Джюр ужаснулся при виде метровой раиы, настоящей раны, из которой сочилась лимфа и сбегали тонкие струйки крови. Но рана заживала на глазах и через несколько мииут совсем затянулась; некоторе время на коже оставался рубец, но вскоре и он рассосался. После «операции» гриб уменьшился.

— Регенерация, — объяснил тощий. — С этим геном мы иатерпелись. Вырастить само это чудо, — он кивнул на «гриб», — было куда проще. Но Сэму, — он у нас в генной ииженерии сечет сильнее, чем в кулинарии, — повезло, он сумел влезть в те участки молекул, которые отвечают за регеиерацию.

Жирная физиономия Перейры начала иаливаться кровью.

— Слушайте, вы! Так, значит, вы меня накормили мясом этого монстра?!

— Не накормили, а угостили, — пожал плечами собеседник. — Мясо Дика по своей питательности, как вы имели случай убедиться, да и по вкусовым качествам превосходит лучшие сорта говядины, свинины, баранины, оленины — вообще любого мяса. А если не убедились, пошли, покажу выводы экспертиз.

В соседией комиате блестела стеклом, хромом, эмалью новейшая биохимическая аппаратура. Человек в халате выиул из

ящика стола толстую папку, положил перед Джюром. Грамоты, акты экспертизы, заключения виднейших специалистов. На некоторых — гербы виднейших мясных синдикатов.

— Но тут говорится о мясе свиньи новой породы, — не понимая, пролепетал Джюр.

— А вам бы хотелось, чтобы мы приложили к мясу еще и биохимическую документацию?

— Так что же мне передать Мартелю Таппингеру? — спросил Перейра, когда они снова вышли в коридор. Тощий вынул из холодильника сверток, мясо успело за это время хорошо заморозиться.

— Вот этот гостинчик и передайте. А документацию президент получит в обмен на бумагу о передаче нам с Сэмом во владение двух с половиной тысяч акров и этой виллы в придачу.

— Вы шутите?

— Нисколько, мой дорогой. Себестоимость этого, пока еще экспериментального, мясца в сотни раз меньше себестоимости самой дешевой свинины. А представьте-ка себе хозяйство с миллионом таких Диков? Да ведь тысячной доли прибыли достанет на золотые памятники для нас с Сэмом. За что? А морально-этический аспект? Подумайте, Джюр, сколько миллионов невинных, ласковых, преданных людям животных ежедневно везут во всем мире на заклание! Убивают, чтобы их плотью насытить двуногих, которые, если чем от них и отличаются, то злобой, чванством и чревоугодием. А мы с Сэмом избавим человечество от греха убийства. Ведь у нашего «гриба» нет не только разума, присущего живым существам, но и нервной системы. Он не существо, а всего только устройство для производства мяса — и какого мяса, а? — Он усмешливо покосился на круглый живот Перейры.

Трава полегла, и от этого из окон казалось, что дует сильный ветер, но, выйдя во двор, Перейра и тощий не почувствовали ни малейшего дуновения. Траву прибило к земле вчерашним муссоном, который бушевал целые сутки. Перейра спросил:

— Вы что же, совсем не выходите на улицу? Нигде ни следа.

— Нам не до гулянья. — Тощий переложил пакет с мясом на другое плечо и поднял глаза. — Обратите внимание, Джюр, вон на то облачко.

Над стрельчатыми башнями замка клубилось ржавое скопление газа.

— Это от нашего Дика. Вот и все отходы производства, хотя вернее будет сказать — новый источник сырья. Мы про-

пускали этот газ через хроматограф — целая гамма азотоорганических соединений! Надо бы рядом с цехом по производству Диков проектировать азотно-туковые заводы...

Подходя к самолету, Перейра попытался застегнуться. Но как ни втягивал он живот, это ему не удалось. Застенчиво улыбаясь, он сказал:

— Не знаю, как посмотрит президент Таппингер на это ваше требование, но если он поинтересуется моим мнением, я посоветую согласиться. И знаете, по каким соображениям? Именно по морально-этическим. Не улыбайтесь. Мальчишкой я начинал карьеру на ипподроме, да, я был тогда худее вас. И я-то знаю, какими умными бывают животные...

Перейра взял мясо, положил на заднее сиденье, потом сам ступил на крыло — самолет качнуло.

На другой день тишину подземелья разорвал телефонный звонок. Биолог, который трудился над технической документацией на «новую биосистему», вздрогнул, хотя и ждал этого звонка.

— Вилла Таппингера? — послышался в трубке женский голос.

— Пока еще его, — с усмешкой ответил биолог.

— С вами будет говорить президент компании.

И сразу раздался назойливый, как стрекот сверчка, голос Мартеля Таппингера:

— Алло! Это ты, бандит?

Биолог на мгновение смешался, но тут же ответил в тон:

— Я, атаман.

— Слушай-ка, не запросили вы лишку? Тебе известно, сколько мы вогнали в оборудование, реактивы, зарплату, я уже не говорю про амортизацию виллы и прочее...

— До сих пор вы платили за шанс, — спокойно сказал биолог. — А теперь запла́тите за предмет, который минимум за полтора года сделает вас самым могущественным человеком в мире.

— Это слова. В соглашении, которое мы подписали, сказано про создание биологической системы или существа, способного самостоятельно находить корм. Са-мо-сто-ятельно. А ваш «гриб», как мне рассказал Перейра, между прочим, требует, чтобы его кормили. Следовательно, формально вы не выполнили своих обязательств.

— Формально, дорогой президент, до окончания темы еще пять лет, и вам придется подождать, пока у нашего гриба вырастут ножки.

— И подожду! — взвизгнул Таппингер и бросил трубку.

...Сельва дышала испарениями болота, густыми и гнилостными. Пассат лениво гнал этот тяжелый воздух к заливу, и двум мужчинам, лежащим на прохладном песке у воды, он казался дыханием сытого зверя. Был ранний час. Голодные чайки с пронзительным криком белыми молниями падали в мутную воду.

— Габриель, а Габриель? На черта тебе этот замок? — спросил тот, что потолще, с индейским лицом; он неотрывно смотрел на крутой каменистый берег.

— Во-первых, не только мне, но и тебе. Во-вторых, этот замок мне по душе, и местность прекрасная, — ответил тощий.

— Можно думать, ты всю жизнь проживал только в замках!

— Нет, Сэм, не в замках. Если хочешь знать, я обыкновенный муравей из многоэтажки. Старики мои еле сводили концы с концами, еле наскребли мне на поступление в колледж, ну а дальше я сам подрабатывал. Я, Сэм, вагоны разгружал, канализацию чистил. А однажды с кучей таких же муравьев попал на холодильник скотопромышленной компании. Лифты тащили синие туши на восьмой, девятый, десятый этажи, штабель за штабелем, и на каждой — клеймо компании. А каждый этаж — как улица. И вот я стою однажды среди всего этого мяса — а холодина была градусов пятнадцать ниже нуля, я в ватнике и шапке продрог до костей, — и вдруг я понял, что стою среди трупов. Сэм, они же были такие же теплые и живые, как я, а теперь у них внутри — еще холоднее, чем минус пятнадцать. И в этот самый момент я решил, что дам людям в пищу искусственное существо, безмозглое, ничего не чувствующее, с единственным инстинктом — жрать. А размножаться оно будет вегетативно, как растение или простейшее, а расти — во много раз быстрее дождевика. Полгода я просидел в библиотеке, чтобы убедиться, что замысел мой не миф. А потом отважился выступить.

— Я помню твой доклад, — сказал индеец. — Но, знаешь, слушал я твои страстные речи в защиту зверей, а думал про людей. Я видел нищий индейский городишко, где мясо едят лишь на праздники, видел полуголодных, как я сам, студентов... И тогда уже мне было ясно, чем это кончится: кто-то из богачей-акул еще туже набьет мошну на этом изобретении, — а что твоя идея воплотится в изобретение, я не сомневался... Я не сразу согласился с тобой работать. Но потом подумал: пока какой-нибудь скотопромышленник загребет все себе, пройдет время, ведь ему придется столкнуться с конкуренцией — и люди, пусть только в самом начале, смогут хоть на время наесться досыта. В этом я и нашел разумный компромисс между своими шкурными интересами и общественными. — Он улыбнулся, но не очень весело.

— А помнишь, во время моего доклада в первом ряду сидела...

— Помню, Мариетта. Рыженькая, с экономического. Да?

— Верно. На последнем курсе у нас был роман. Она меня все таскала по своим родичам, все, как один, богачи — а я? Все мое богатство — вот. — Он дотронулся до лба. — Одно лето мы прожили на вилле у ее предка. Не вилла — дворец в джунглях. И никаких дорог, кроме взлетной полосы. Строили из местного розового мрамора, остатки стройматериалов вывозили вертолетами. Папаша гордился дворцом, дочка — папашей. Надо сказать, старик он был компанейский и не трус. Не всякий пойдет охотиться на кайманов. Он и меня с собой брал, я видел его в деле. К тому же он вовсе не из тех денежных мешков, которые ищут деткам пару в своем же кругу. Но не мог же я войти в это семейство, не имея хотя бы жилища, не хуже папашиного. Кем бы я у них считался? Я бы вконец себя там потерял...

— Мечтатель! — усмехнулся индеец. — Но, Габриель, ты не боишься, что если мы выпустим это модернизированное чудище на травку, мы рискуем, что к черту пропадет и сельва, и вообще все?

— Зато у Таппингера больше нет оснований обвинять нас в нарушении договора. И потом, если дойдет до испытаний, он и сам увидит, чем это пахнет.

— Будь по-твоему. — Сэм встал и, отряхнув с себя песок, начал одеваться. — Пора идти. Вот-вот они прилетят.

Крутой берег залива плавно переходил в травянистую равнину, справа над нею застыл зеленый вал моря джунглей, над ним частыми брызгами взлетали птицы.

Шлепая подошвами сандалий по бетону взлетной полосы, биологи зашагали к замку. Когда до розовых его башен оставалось с полмили, над океаном показался самолет.

Сутулый старик в черном смокинге шел от самолета, опираясь на трость, рядом с рыхлым Перейрой. Кожа его лица — коричневая, без морщин — напоминала хитиновый панцирь. При обмене пожатиями Спилмэну, тощему биологу, показалось, что он пожал лапку насекомого, твердую и холодную, и еще — что этой лапке ничего не стоит раздавить его человеческую руку.

Президент компании знал цену времени.

— Где вы продемонстрируете вашу биосистему? — осведомился он, окинув равнодушным взглядом биологов в зеленых шортах. Спилмэн заметил, что губы Таппингера при разговоре не шевелились, слова вылетали как бы прямо из горла.

— Здесь, на поле.
— Начинайте.

Сэм сбегал в замок и вернулся с мачете и колбой, на дне которой ворочался шарик величиной с горошину. Таппингер недоверчиво уставился на эти предметы. Сэм вытряхнул шарик на траву, и он сразу выпустил из себя облачко бурого газа. Через четверть часа шарик вырос до размеров арбуза, а газа стало столько, что всем пришлось стать с наветренной стороны. Шар двигался по спирали, выедая вокруг себя траву. Объеденный участок напоминал лишай, присыпанный серым порошком. Аппетит шара рос, шар жадно накатывался ротовым отверстием на растения. Спилмэн с беспокойством поглядывал на Таппингера. Но тот зачарованно глазел; на его бесстрастном лице появилось выражение почти счастливое.

Когда «дождевик» достиг метра в диаметре, а серый лишай стал величиной с теннисный корт, Перейра не выдержал:

— Мистер Таппингер, может быть, довольно? Мне кажется, все уже ясно.

— Нет, — сказал президент, и в его голосе была та же сталь, что в пожатии руки. — Мне необходимо выяснить возможности новой биосистемы до конца.

Они уже давно стояли на бетоне. Вокруг было всё объедено. Ветер подхватывал пыль с серого лишая и вместе с газами разносил по полю. Под «дождевиком» гибли птичьи гнезда, ящерицы, становились кучами перерытой земли сусличьи норы и муравейники. Глядя, как внушительные зубы чудища выбивают искры из бетона, — видимо, мясной «гриб» почуял запах человечьей плоти, — Спилмэн заметил:

— Еще немного — и это станет для нас опасно.

— Ерунда, — возразил президент и сморщил нос. — А воняет изрядно! — В голосе его пробились веселые нотки. — Надеюсь, мясо у него не ядовитое?

— По вкусовым качествам и калорийности — такое же, как у Дика.

— Проверим, проверим... Джюр! — Таппингер кивнул со значением в сторону самолета.

Перейра с удивительной для него легкостью сбегал к самолету и вернулся с автоматом.

— Пора заколоть кабана, — сказал президент.

Но Перейра не успел нажать на спусковой крючок. Кожа трехметрового «дождевика» лопнула от его собственного веса; шар распался надвое, хлюпнув в пыль сукровицей. Части напоминали половинки дыни с черными зубами в том месте, где у дыни завязь. Президент, опираясь на трость, любовался зрелищем многотонных частей отборного товара, в глазах его, как праздничная иллюминация, вспыхивали и гасли веселые, лукавые, жадные огоньки.

Сэм с мачете поспешил к «грибу».

— Зачем? — проворчал Таппингер.

— Если не срезать остатки рта, через несколько минут половинки станут самостоятельными «грибами», и все начнется снова.

— Ну и гидра! — в голосе президента слышалось одобрение. — Стойте, Сэм. Я должен на это посмотреть.

Половинки стали свертываться, как ежи. Пока Сэм колебался, следует ли ему исполнить приказ президента, они окончательно свернулись в полные шары. Ближайший двинулся к Сэму, и биолог бросился наутек, поднимая пыль.

Спилмэн, обводя рукой изувеченное поле, предостерег:

— Таппингер, вы уничтожаете нашу землю.

— Вашу, вашу, — примирительно пробурчал президент; он не глядя извлек из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист и протянул Спилмэну: это была дарственная на замок и 2500 акров земли, заверенная столичным нотариусом. — Но я же сказал, что необходимо выяснить все до конца.

— Ваша любознательность дорого нам обойдется, — заметил Сэм, стараясь отдышаться. — Да и вам это влетит в копеечку.

Но для Таппингера перестали существовать все окружающие. Он не сводил глаз с лоснящихся шаров, которые с удвоенным пылом принялись за траву и за все, что в ней водится.

Ветер усилился. На черной равнине закружил первый смерч. По этому столбу, как по трубе, вздымались в небесную синь ржавые пары. Со временем тяжелая туча этой смеси застлала солнце. Оба «дождевика», сожрав несколько гектаров зелени по одну сторону взлетной полосы, достигли размеров материнского «гриба» перед его делением. Один из них перекатился через взлетную полосу, слишком уже узкую для него, и принялся оголять землю по другую сторону.

Спилмэн с Сэмом стояли как на иголках. Первым не выдержал Спилмэн. Охватив президента за плечо, он прокричал в хитиновый лик:

— Таппингер, заканчивайте испытания!

И словно в ответ на его слова, оба шара треснули, и четыре новые половинки стали быстро закругляться. Сэм бросился к одной и успел отсечь ротовое отверстие с зубами, вторая успела сомкнуться, и Сэму снова пришлось бежать. Перейра, не ожидая команды, бросился к второй паре и стал всаживать автоматные очереди в зубастых чудовищ.

— По зубам его, Джюр, по зубам! — кричал Спилмэн, но толстяк не слышал. Пули исчезали в живом мясе, не причиняя ему вреда. Магазин автомата был велик, и Перейра не жалел патронов, полосуя очередями шары вдоль и поперек. Но раны тут же затягивались, и половинки переваливались с боку на бок. И вдруг произошло страшное: «дождевик», который

Джюр расстреливал в упор, двинулся, подмял толстяка под себя. Над пыльной равниной раздался крик боли и ужаса. «Дождевик» окутался газом.

Президент компании, отбросив трость, поспешил к самолету. Биологи за ним.

Спирало дыхание. Над землей зависла сплошная туча пыльного газа, но Таппингер, казалось, не нуждался в воздухе. Он не бежал, а прыгал, как саранча, огромными легкими скачками. Полы смокинга трепетали, как черные надкрылья. Когда биологи достигли самолета, в кабине уже слышался его напряженный голос:

— Незамедлительно два вертолета, огнеметы, пушки. Выполнять!

А пока «дождевики» сжирали поле. Один докатился до сельвы, два других спешили к заливу и океану. Внезапно один исчез: он подбирался к гнездам чаек на скалах и сорвался. Другой обгладывал зелень вдоль океанского берега.

Трое мужчин ковыляли по взлетной полосе к заливу. Таппингер подобрал по дороге трость и, взглянув на автомат, перекрестился.

С обрыва было видно, как бурлит у берега вода, как расплываются по ее поверхности рыжие пятна. То и дело из водоворотов вырывались столбы газа, их подхватывал ветер и гнал к океану. Плес медленно покрывался серой пылью, которую волны сбивали в грязные клубки.

Показались вертолеты, приземлились, усилив пляску пыли. Двое пилотов подошли к Таппингеру, он распорядился стрелять разрывными — по снаряду на чудище.

— Не советую, — вмешался Спилмэн. — Натворите бед. Из каждого куска, в котором остается хоть один зуб, вырастет новый гриб.

— Тогда жахнем их огнем! — Таппингер указал в сторону сельвы, где на опушке среди деревьев дымили два темных столба.

— Лес сожжете... Не хватит ваших миллионов, Таппингер, чтобы покрыть убытки.

На коричневом лице президента уже не осталось и следа непоколебимости. Оно побледнело, и казалось, на нем трескается хитин. Мелкие трещины появились сперва в уголках рта, затем под блестящими глазками, на лбу, на щеках. Губы растянулись в виноватую улыбку:

— Что же нам делать, парни?!

Биологи молчали. На опушке повалилось высокое дерево, за ним рухнуло в пыль другое, разрывая веревки лиан. Закричали чайки над заливом. Их стаи кружили уже далеко от берега, над пока еще чистой водой. А плес, покрытый толстым сло-

ем легкого шлака и пены, морщило и крутило, словно на дне сражались доисторические ящеры.

— Пошли, — сказал Спилмэн Сэму.

— Подождите! Габриель, бога ради, придумайте что-нибудь! — От хитиновой маски не осталось ничего, она осыпалась шелухой, открыв старое, искаженное отчаяньем человеческое лицо. — Я заплачу за все, возмещу все убытки! Вот! — Таппингер выхватил из кармана чековую книжку и вывел в ней сумму с пятью нолями. — Возьмите! Тут двойное, нет, тройное возмещение! Заклинаю вас, Габриель, ради праздника, который вы здесь пережили, ради Марнетты!

Спилмэн зябко передернул плечами. Перед ним промелькнуло видение: рыжеволосая девушка на росной траве, у чистой прозрачной воды. Но оно тут же померкло, перед глазами снова была серая пыльная пустыня, падающие стволы, заболоченный плес, а в ушах неумолчно стоял предсмертный крик Перейры.

— Не напоминайте мне об этом, — холодно проговорил он.

И подумал, что память невозможно стереть, как невозможно купить за деньги обыкновенную человеческую порядочность.

Сэм взял чек. Его скуластое лицо не дрогнуло, только в раскосых глазах пылал, как в жертвеннике, яростный огонь жрецов из времен Монтесумы.

Вертолет, разгоняя винтом грязные облака, завис над искореженным лесом — сверху лес казался странным огородом, на котором росли подвижные арбузы. «Дождевики» — их было уже свыше сотни — деловито сгрызали кору с поваленных деревьев. Освежеванные стволы напоминали кости огромных животных. Спилмэн нажал на курок. Пуля угодила в ближайшее чудище. Оно невозмутимо продолжало лакомиться молодым подлеском. Но чуть погодя движения его замедлились. Мясной «гриб» словно насытился, он уже не вертелся волчком, а лениво надвигался зевом на пищу, потом вовсе застыл, уподобившись настоящему, только очень большому грибу дождевику.

— Чем это стреляет ваш коллега? — поинтересовался у Сэма пилот, сидящий рядом.

— Пулями, начиненными штаммом нитрофицирующих бактерий. Они разлагают аминогруппу в организме «гриба», то есть в его белке.

— А-а, — протянул пилот, — понятно, — и направил вертолет на восток.

...Низко над океаном, до белой полосы прибоя на коралловом рифе, нависла ржавая «пена», гонимая ветром от материка. Винты вертолета рвали ее на части. Обрывки ржавого ту-

мана залепляли иллюминаторы, и пилоту пришлось снизиться почти до поверхности волн.

В прозрачной океанской воде «дождевиков» не было видно, но дно выглядело подводной пустыней — ни водорослей, ни живого существа. Только невдалеке от рифа биологи разглядели множество зубчатых предметов — это были зубы мясных «грибов». Над ними сновали акулы.

— Хоть раз от вас какая-то польза людям, разбойницы, — проворчал Спилмэн.

Повернули к заливу. Пассат успел повымести остатки скоплений пыли и газа, и теперь слепило глаза предзакатное солнце. От его близости, казалось, вот-вот вспыхнет пламенем лес. А в заливе еще продолжалась борьба. Закрывшись ладонью от солнца, Спилмэн бездумно смотрел, как в мутных бурунах, вскипавших над единственным уцелевшим «грибом», вьются желто-черные рыбешки.

— Пираньи, — сказал он. — Тут наших пуль больше не потребуется.

Вертолет взял курс на бетонную полосу, под солнцем она, казалось, раскалилась докрасна.

Пролетели над одинокой сгорбленной фигурой Таппингера. Он стоял над обрывом у берега, неподвижно, как памятник сверчку.

ВИКТОР КАЧАЛИН

И ЕСЛИ ЭТО ПОВТОРИТСЯ...

Поезд несся на юго-восток. За широким окном чернела бездонная непроглядная мгла, и я задернул крахмальную занавесочку. На столике подпрыгивал мой синий термос; наручные часы рядом с ним показывали половину одиннадцатого. Двое моих соседей по купе, севшие в Петрозаводске, видимо, туристы, смертельно устав, храпели на верхних полках. Третий — немолодой уже мужчина — сидел напротив, читая газету, по которой плясали голубые отсветы мощной лампы. Из тамбура доносился шелест шагов, сдержанное покашливание и глухие голоса, почти неслышные под дробный перестук тяжелых колес. Меня начала одолевать дремота. Минут через десять в поезде наполовину отключили верхний свет, и я совсем забылся сном. Внезапно захрустела газета, одновременно состав тряхнуло на повороте, и глаза мои открылись. Мужчина напротив, отложив газету, к которой он был прикован не менее часа, с интересом рассматривал меня. Лицо его сперва показалось самым обычным: круглый подбородок, прямой нос с чуть заметной горбинкой, загрубевшие от времени щеки. А вот

веки... Длинные и гладкие, они почти всегда были опущены, и создавалось впечатление, что мужчина размышляет о чем-то, но на самом деле его умный и пристальный взор постоянно следил за всем происходящим и внимательно изучал меня. Заметив тягостность и неловкость положения, мужчина откинул со лба прядь русо-серых волос и шепотом спросил:

— Вы до Москвы?

— Да, — со вздохом ответил я.

— Значит, мы с вами попутчики до самого конца, — заключил мужчина, немного повысив хрипловатый голос. — Простите, что я вас отвлекаю, молодой человек, но позвольте задать вопрос: вы не в газете работаете? Не журналист, случайно?

— Нет.

— А едете не из Медвежьегорска?

— Верно, оттуда. У меня дядя работает там на деревообрабатывающем заводе. А сам он из Попова Порога родом, и мы ездили с ним туда...

Задумчивый попутчик вдруг оживился:

— Из Попова Порога, говорите? На Сегозере? Оч-чень интересно!.. Ну а как зовут вашего дядю? Не Вячеслав Сергеевич?

— Нет. — Я слегка усмехнулся и сделал отрицательный жест. — Ошиблись.

Незнакомец поник головой. Потом на мгновение погрузился в собственные мысли, пробормотал что-то вроде «Какое это имеет теперь значение?..» и искоса опять поглядел вокруг.

— Понимаете, — с расстановкой произнес оп, — однажды в моей жизни произошла престранная история. Самое интересное, что завершилась она только недавно, когда я уже и позабыл про нее. Быть может, вы послушаете все по порядку и как-нибудь — хоть советом — поможете мне? Дело здесь большой важности... Впрочем, это лишь я так считаю...

— Постойте, неужели вы, старше по крайней мере на два десятка лет, думаете получить от меня дельный совет? — Слова эти вырвались нечаянно, и в следующую же секунду я отчаянно ругал себя.

— Дело не в возрасте, — ответил мужчина, помрачнев. — Просто молодые могут порою увидеть вещь с совершенно новой стороны... Поэтому вовсе не грех обратиться за помощью к ним. Разве все на этом свете решает исключительно жизненный опыт?..

— Вы правы, простите...

— Не стоит, не стоит. Так я начну?

— Да-да, я весь внимание...

— Произошло это давно, не меньше двадцати пяти лет назад, в шестьдесят пятом году, и был я чуть младше вас, исполнилось мне двадцать два года. В июле отправился я в Карелию. Как-никак, детство там провел... Для кого-то, конечно, лучшего отдыха, чем в Батуми или в Евпатории, нет, а меня больше тянут леса — суровые, северные... И озера... Ну да речь не о том.

Совсем неожиданно повстречал я в Медвежьегорске своего старинного друга, Славку Горбовского. Еще в детстве мы с ним познакомились, когда жили оба в Поповом Пороге. Я вас потому так усердно и расспрашивал насчет дяди... Должно быть, и знавал я его...

Когда закончили школу, пути наши со Славиком разминулись: я уехал в Петрозаводск, а через несколько лет очутился в Ленинграде и затем в столице. Но Славка твердо решил никуда далеко не подаваться: вначале работал в Медвежьегорске, а потом кончил училище и вернулся на родину — лесником. Лесов возле Сегозера непочатый край, и зверья много, только вот как стали возводить предприятия, так и озеро мертветь начало, и леса чахнуть. Не просто лесник был нужен, а свой, знающий человек, добросовестный, который болел бы душой за каждое деревце. Слава тут пришелся ко двору, приняли его тепло, и жизнь потекла своим чередом.

Я уже говорил, что со Славкой встретились мы случайно. Он сразу предложил погостить у него пару дней и получил согласие. Дом его стоял в глуши, километрах в шести от Попова Порога, почти на берегу Сегозера. Помнится, добрались мы с ним до места поздно вечером. Устали смертельно, даже есть не захотелось, и улеглись спать. Вечер к тому же выдался пасмурный, холодный, ветреный прямо-таки по-осеннему.

Хотя и с трудом, но поднялся Славик ранним утром, наскоро закусил и быстро ушел, пообещав в записке вернуться после полудня. Печь он растопил, и я, как только проснулся, принялся готовить нехитрый завтрак (правильнее вообще-то назвать его обедом). Загляделся в окно. Порывистый ветер утих, покачивались одни верхушки пихт и сосен. Ночью, видимо, хлестал дождь: золотистые стволы поблекли и стали влажными и скользкими, трава поникла. Сверху клубились встрепанные вязкие облака.

Сторожка стояла на крошечной опушке. Лес густо зеленел со всех сторон, и лишь одно дерево высилось особняком, ближе к дому. Никогда и нигде не видел я подобных деревьев. Было оно невероятно раскидистое, узловатое, без единого листочка, с бурой, словно пузырчатой, корой. Длинные сучья напоминали деревянных змеев, которыми украшали кирхи средневековые скандинавы. Меня удивила необычайная, почти неуловимая симметрия этих ветвей; они сплетались в сложный и диковин-

ный узор. Верхушка поразила больше всего — оиа походила иа бараиий рог. Одиако в последием я до сих пор сомиеваюсь, ведь дерево было очеиь высоким... Пожалуй, я тщетио пытаюсь описать его — это иадо было видеть самому. Дерево показалось мие до того красивым, что я растрогался, хотя нежиые чувства, призиаться, редко посещали меия.

Рыбу с картошкой и чай я проглотил, как зачароваииый. Потом потяиулся за рюкзаком и, отодвииув посуду, прииялся иеторопливо доставать кииги — первые попавшиеся, которые успел ие глядя схватить с полки перед отъездом. Сиачала появились стихи — Максим Таик и сииий сбориичек поэтов разиых лет. Затем рука иащупала и извлекла толстую черную киигу с белыми и красиыми буквами иа зериистой обложке. Я поперхиулся: какой-иибудь иижеиериый справочиик. Леииво полистал: фаитастика... Ее я иедолюбливаю. «Через фаитастические образы отражать реальиые события и явлеиия иашего времеии...» Не помню, кто это сказал, ио мигом иапрашивается вопрос: а ие лучше ли отражать все как есть, саму реальиую жизнь, без фаитастического мудрствоваиия? Впрочем, сейчас уже я готов поверить чему угодио: двииемся далее...

Отыскал я еще одну книгу, опять стихи — Михаил Эмииеску, — и больше иичего. Но мие тогда было достаточио, даже радостно стало, что взял почти одиу поэзию. «Славик возвратится ие скоро», — подумал я и отдался чтеиию. Строчки Максима Танка я выучил наизусть. Прочесть?

Одни говорят,
Что мы — земляне.
Мне трудно поверить в это,
Ибо в мои сны
Постоянно вплывают звезды.

Другие говорят,
Что мы — пришельцы из мироздания.
Этому я тоже не верю,
Ибо слишком люблю
Нашу извечную и незаменимую мать —
ЗЕМЛЮ.

Поиравилось? Меия тогда сразу захватило, и я ие пропускал ии страиицы, ии слова. Мииуты тихо плыли одна за другой, иезаметио складываясь в часы...

Мой собеседиик иеожидаиио запиулся, а когда заговорил сиова, его голос утратил хрипоту и задрожал:

— Все случилось так стремительио! Комиата вдруг потонула в холодиом, ио болезиеиио ярком золотом свете. Ои изгибался волиами, катился, взлетал к потолку, прибывая, как вода, ледеиил мое тело, медлеиио покрывавшееся крупиыми и липкими градииами пота. От страха я полузадыхался. Тяжело поднявшись и сделав иесколько шагов окаменевши-

ми ногами, я вывалился в сени, распахнул кулаком наружную дверь.

Воздух был удивительно спокоен, свеж и прозрачен. Тем фантастичнее оказалось мое видение, представшее совсем недалеке. Словно вися над землей, на опушке пылало дерево. Так померещилось сперва. Через секунду я понял, что дерево не корчилось в огне, а струило зыбкий свет; подобно солнечному, он вспарывал серую хмурь, проникая повсюду, освещая лабиринт громадного леса. Не в силах вникнуть хотя бы в часть происходящего, я остановился; боль произила колени, и я с широко раскрытыми глазами упал в зеленовато-синюю глубь, поглотившую меня. Я медленно скользил неизвестно куда, но вдруг марево разорвалось, и я увидел...

Об этом трудно поведать связно.

...Перед глазами появились голубоватые холодные волны Сегозера, увесистые и хмурые камни, лес, гнущийся под натиском упругого ветра. По ровному берегу двигались люди — воины, женщины, дети... Мужчины, одетые в куртки и сапоги из шкур, щелкая короткими бичами из оленьей кожи, вели под уздцы коренастых длинногривых коней, тащивших повозки-волокуши. Женщины сидели на повозках, придерживая угловатые тюки и держа за руки детишек. Отряд темноволосых, розоволицых юношей гнал позади длинного каравана небольшое стадо косматых коз, горбатых коричневых быков и пегих коров... Скрип, лязг, выкрики, храп лошадей, мычание сливались в единый звук, заглушавший плеск воды и гомон встревоженных птиц.

Затем появилась иная картина: пламенно-рыжий конь со сверкающими глазами, запряженный в плуг. За плугом уверенно шел могучий человек в блестящих одеждах, безбородый, с кудрявыми пшеничного цвета волосами. Конь рвался вперед, попирая копытами поле... полное отвратительных толстых змей. Острый, как меч, лемех кромсал серо-зеленую, извивающуюся, шипящую массу; в судорогах скручивались жгутом разрубленные змеиные тела, хлопали ядовитые пасти, уцелевшие гады пытались обвить ноги пахаря, били хвостами... Более жуткого я не мог придумать и в бреду, но в то же время сердце наполнялось смутной гордостью, ибо я видел, что страшная пахота подходит к концу...

Но вот снова повеяло озерной прохладой. Над Сегозером тлел малиновый закат. Все теснее собирались на западе у горизонта лиловые тенистые тучи, и солнце увязало в них, робко бросая последние лучи. На водной ряби таяла вечерняя позолота, угасали багряные блики, небо темнело. Неожиданно налетел жаркий вихрь, загрохотали гулкие раскаты. Вода закипела, завертелась пенистыми водоворотами, и над нею повис ярко-оранжевый шар, перед которым будто исчез солнечный диск. Из шара, окутанного сизым дымом, огненной лавой ис-

точались две тугие яростные струи. Свет их был настолько силен, что отчетливо виднелось каменистое дно, серые водоросли, безумно мечущаяся серебристая рыба — ослепленная, задушенная обжигающим паром. Рев становился все пронзительнее, уже готовы были вспыхнуть деревья, дрожала земля, обуглились прибрежные заросли, раскалывались валуны...

Нет ни озера, ни опаляющего шара. Сырая поляна, темная весенняя ночь, тревожные шорохи; внезапно — глухой удар, гортанный вопль на незнакомом языке, чье-то суровое лицо, крестообразная вспышка, дергающийся ствол...

Липкая, душная сине-зеленая тьма.

Вереница странных образов оборвалась, и я очнулся. В окошко спокойно светили россыпи звезд и изящный серпик луны. Локти мои упирались в нечто твердое. Я порывисто открыл глаза: бревенчатая стена!

А рядом с постелью, на которой я лежал, восседал Славка.

Мужчина устало замолк. Я протянул ему теплого кофе из термоса. Любопытство мое тем временем разогревалось, и я слушал дальше:

— Славик рассказал потом, что безмерно изумился, увидев, что я уснул за столом, с книгой, выпавшей из рук... Это оказалось всего лишь сном! Но самое удивительное, что я не поверил. Сон не способен дать такие реальные и богатые ощущения — не только цвета и звуки, но и запахи, холод, жар! Славка сразу возразил: мол, отдельным людям, бывает, снятся и наидостовернейшие сны, которые помнятся в деталях спустя годы и даже повторяются. Я заметил, что вообще нечасто вижу сны, а тем более необыкновенные; их так просто не увидишь! Мой друг опять не согласился... Проспорили мы очень долго и ни на чем не столковались, однако разговоры эти меня успокоили, особенно после того, как я поведал Славке все свои видения и он назвал их «обыкновенными снами на почве утомления».

Все же где-то в самых потаенных уголках души осталось сомнение. Оно преследовало неотвязно, и его не могли сгладить ни прогулки по лесам, ни книги, ни задушевные беседы. Я не находил места и вскоре уехал, всячески извинившись перед огорченным другом и написав свой московский адрес и телефон. Взял и укатил. Бедный Славка!..

Уже дома, в Москве, я еще и еще раз вспоминал различные эпизоды моего сновидения, но они все более казались бессмыслицей... У меня совсем отлегло от сердца, и тут...

И тут в руки мне попалась «Калевала». Предание о Лемминкайнене, вспахавшем на огненном коне властителя гор Хий-

си змеиное поле... Это было как молния! Мысли мои тогда спутались в невообразимый ком. «Пусть совпадение, наитие. Но «Калевала» — карело-финский эпос... Тоже случайность? Не слишком ли много? Не сон!.. А что же тогда?» Словом, сплошной хаос. Стал я замкнутым, настороженным, однокашники (а учился я в политехническом) не знали, что и подумать. Неизвестно, сколько бы продолжалась моя подавленность, если бы этот кошмар не оборвала скромная заметка в весьма солидном журнале. Один историк — жаль, не запомнил я его фамилии! — отыскал в старинных русских документах середины XVII века, названных «Отписями Кирилло-Белозерского монастыря», невероятные, но вполне конкретные свидетельства о появлении гигантского метеора над одним из северных озер. Я пробегал взглядом сухие строки, а в груди неясно шевелилось ощущение чего-то до боли знакомого, оно росло и росло...

Да! Да! Пламенный шар... Сегозеро. Кипящая вода, гибнущая рыба. Все сходилось! К тому же в заметке историк бесхитростно и неопровержимо доказывал, что «метеор» был инопланетным кораблем!

Честно вам признаться, я успел тогда измучиться ото всяких загадок и тайн. Другой бы пришел в восторг, но мною овладело свинцовое, безразличное оцепенение. А когда я узнал, что «огненное диво» явилось в Карелии, мне сильнее захотелось забыться и окончательно махнуть рукой.

В конце концов, зачем эти мучительные гадания, поиски, бесконечные предположения? Не окружил ли я сам себя выдуманными миражами, добровольно заключившись в воздушный замок иллюзий? Чего ради эти метания во мраке?! Зачем и доколе?..

Время — самый лучший целитель. Много воды с тех пор утекло; я обзавелся семьей, закончил институт, стал главным инженером — вот оно как! И юношеский дурной сон растворился, пропал медленно, но верно позабылся. Много неприятного и страшного приходится забывать в нашей жизни... Без этого и нельзя.

До сих пор бы я пребывал в своем благополучном спокойствии, отшлифованном долгими годами и житейскими думами, но две недели назад грянул гром.

Славка, с которым мы ни разу не встречались за столько лет и лишь изредка перезванивались (звонил всегда он — из Петрозаводска), прислал коротенькое письмо. Вот оно!

Мужчина резким движением достал из кармана клетчатый листочек и протянул мне.

— Прочтите сами, мой дорогой, и вам все будет понятно. И посоветуйте что-нибудь. Я кончил...

Почерк оказался крючковатым и не совсем разборчивым. Дрожа от нетерпения, я начал читать.

«Здравствуй, Толя!

Совсем я завертелся со своими делами. Поэтому долго не мог позвонить. Решил вот лучше написать письмо.

Я понимаю, не стоит ворошить прошлое. Может, и зря я тебя сейчас потревожу, но не рассказать о том, что произошло, выше моих сил.

Приключилось великое горе — пожар. Лес к югу от Попова Порога выгорел на несколько гектаров. Я в то время по срочным делам отлучился в Медвежьегорск. Вернулся — у Сегозера суматоха: вертолеты, пожарники, парашюты над горящим лесом, пихты пылают... То ли какой-то негодяй костер землей после себя не засыпал, то ли еще что — так никто и не знает. Но выжгло порядочно.

Когда уже все потушили, я отправился взглянуть, не спалило ли сторожку. Шел я мертвым лесом, и только вышел на черную поляну — окаменел.

Не было на той поляне безлистного дерева. Помнишь его? Так вот, даже обугленного ствола не уцелело. А вместо этого — огромная стеклистая лужа, темно-красная, дымящаяся. Не успел я и опомниться, как лужа застыла, затвердела, превратилась во что-то ледяное. Сколько ни старался я потом, но даже крошечного кусочка не сумел отломить. За неделю весь Попов Порог у меня побывал: дивились безмерно. А затем из Петрозаводска прибыл один журналист, за ним специалисты... И вышло чудное дело: нету в природе нашей подобного вещества, просто не существует. Ученые наговорили кучу премудрых слов, но я-то в них разобрался. Обучался все-таки не зря. Говорят, входят в это вещество кремнийорганические полимеры, но их только одна пятая часть, а остальные части вовсе неизвестны».

Дальнейшие рассуждения читать я не стал. К чему?

Мужчина печально глядел в темень, отодвинув занавеску.

— Вы, значит, возвращаетесь из Попова Порога? — осторожно спросил я.

— Да, — очень тихо ответил он.

— И убедились во всем своими глазами?

— Не совсем, — мужчина замялся, — остатки дерева давно увезли... Но Слава и впрямь писал чистую правду. Однако, если это действительно случилось...

Вид моего попутчика был ужасно растерянный. Руки бесцельно шарили по крышке столика, теребили и мяли друг друга, лицо покрылось легкой испариной, губы были приоткрыты, и через них вырывалось напряженное дыхание.

Человек просил о помощи. Он ненамного облегчил душу. Была слабая надежда. Полеты в космос, конгрессы, дискуссии,

гипотезы, жажда звездной встречи... Встреча могла состояться и тут, на Земле.

Но Дерево погибло.

— Я понимаю ваше потрясение, — сказал я, озаряясь внезапно нахлынувшими мыслями. — В этой истории недостает единственного звена. Я отыскал его, пока слушал, и попробую вас утешить хотя б немного.

— Да?! — голос мужчины сорвался.

— Пожалуй, — проговорил я.

У финно-угорских племен, живших в седой древности на Урале, бытовала легенда о священном древе памяти, хранившем все отзвуки прошлого и изредка дарившем их людям, которые черпали уверенность, и бесстрашие, и веру в будущее счастье. Затем угорский народ покинул места предков, и пути его разветвились. Одних угров дорога привела в страну Коми, других — в далекую срединную Паннонию, третьих — в болотисто-лесные края, названные Карелией, Эстляндией и Финляндией. Но лишь последние торжественно взяли с собой веточку с древа памяти, срезанную жрецами, и сама родина, сами предки незримо поддерживали их на всем трудном пути, а древо пустило корни в новых землях...

Не одни угры сохранили сказания о древе памяти. Целый эпос о нем создали затерянные в пространствах Северной Америки индейцы зуни. Как они могли обожествлять дерево, живя среди пустынь и прерий, на первый взгляд нелегко понять, но зуни верят в святое древо и поныне, и якобы растет оно в горах Колорадо.

...Поезд летел на юго-восток. Или на северо-запад? В темноте невозможно было разобрать.

СЕРГЕЙ МОГИЛЕВЦЕВ

ПАМЯТЬ

Теплый и влажный летний вечер. Недавно прошел дождь, трава зеленая, яркая.

Берег моря плавной дугою уходит за горизонт, теряется в тончайшей голубой дымке, стоящей в воздухе.

Над глубокой, укрытой горами долиной, в северной ее части поднимает двуглавую вершину древняя седая Демерджи. На северо-западе возносится под самые облака, раздвигает их своими могучими плечами огромный шатер Чатырдага.

Тишина, штиль, безмолвие. Редкая волна лениво накатит на мокрый, покрытый разноцветными кучами светло-коричневых, салатовых, ярко-желтых водорослей песок, и так же лениво уползет назад. Множество раскрытых двустворчатых раковин-мидий. Проворные крабы, боком семенящие на членистых, крапчато-бурых ножках куда-то по своим делам и стремительно разбегающиеся в разные стороны при приближении к ним.

Пляж. Обкатанная волнами крупная и гладкая галька. А дальше — крутой обрыв мокрой после дождя земли, и еще не успевшая высохнуть трава, и зелень молодой листвы, и тишина, разлитая над миром.

Солнце уходит за горизонт, и лучи его, перед тем как блеснуть жгучими желтыми стрелами в последний раз, освещают фигуру человека, стоящего над обрывом, который уступами, весь в переплетении древесных корней опускается к морю.

Человек этот среднего роста, стройный, подтянутый, одет в светло-серый, спортивного покроя костюм, который с одинаковым успехом можно принять и за обычную земную одежду, и за форму моряка или космонавта.

Еще несколько секунд, и солнце исчезнет. Наступит вечернее сумеречное время, которое затем сменится ночью.

Человек ждет. Он знает, что сейчас должно что-то произойти. Он даже знает, что именно произойдет, и поэтому напряженно вглядывается за поворот маленькой и узкой тропинки, решительно нырнувшей в тень ближайшего утеса.

На мгновение внимание его отвлекает сердитое жужжание шмеля, который припозднился со своими заботами и теперь спешит поскорее, пока не застала его в дороге ночь, добраться домой. Еще несколько секунд сотрясает упругий воздух вибрация сильных крыльев. Потом смолкает. Наступает тишина, человек поворачивает голову и замирает.

Они появляются, держась за руки, идут навстречу, ныряя время от времени во влажное, зеленое, темное переплетение ветвей и вновь поднимаясь вслед за крутым взлетом тропы. Одеты по-летнему: он — в брюках и в рубашке без рукавов, она — в простом и легком, со всех сторон облегающем ее фигуру платье. Они что-то говорят один другому, иногда даже смеются, но чувствуется, что все это лишнее и что не это главное для них сейчас. И только руки, едва касаясь пальцами, иногда порывисто сжимаются, а потом, словно бы испугавшись этого, отстраняясь одна от другой, ведут свой собственный и единственно важный в это мгновение разговор.

Вот они уже совсем близко, вот уже проходят мимо. И вдруг неожиданно, как удар упругой волны, наплывает на него, заставляя неистово биться сердце, приливая кровь к щекам и увлажняя каплями пота покрытые сединой виски, еле заметный аромат ее волос, смешанный с запахами молодой, мокрой после дождя листвы, а потом...

Потом все исчезает. Только слышится еще в ветвях деревьев шум убегающего вдаль ветра, а сомкнувшиеся за ним зеленые кроны слабо качаются в такт неслышно уходящим шагам...

В который раз видит он это, и все свежо, как тогда. Когда? Да, совершенно верно. Тридцать лет. Бездна времени, сотни полетов, тысячи парсеков, а она, его память, не подводит и в этот раз.

Тогда, в жаркий и душный июньский вечер, он говорил, что вернется, обязательно вернется. И были узкие каменистые улочки старого южного города, и красная черепица на крышах домов, которые лепились один над другим, как соты в пчелином улье. И был крутой спуск к морю, свежесть и дыхание огромного, безбрежного водного пространства, гудки пароходов, и ночь, опустившаяся над миром, и тайна, неподвижно стоящая в бездонных озерах ее глаз...

Он улетел и уже не вернулся. А потом, на Веге, спустя десять лет, это случилось в первый раз.

Он один около ракеты. Голое каменистое плато. Товарищи ушли в сторону развалин хаотичным нагромождением причудливых скал, темнеющих вдали. Светлые точки защитных скафандров постепенно уменьшаются, сливаются с цветом окружающей их каменистой пустыни. А еще через некоторое время, неожиданно для него и для ушедших вперед людей огненное зарево поднимается над покинутым неизвестно кем и когда городом. И он видит фигурки друзей, бегущие ему навстречу, и непонятные ярко-красные шары, плывущие вслед за ними. Он мог бы уничтожить эти шары не сходя с места — достаточно отдать приказ автоматам в ракете. И он уже готов был сделать это, как вдруг откуда-то сбоку упругая легкая волна закружила, неся с собою еле заметный, уже забытый и все же такой знакомый аромат ее волос, смешанный с запахом молодой, мокрой после дождя листвы. А потом вышли навстречу ему из густого, влажного переплетения ветвей двое. И он узнал в одном из них самого себя, далекого, земного...

Он не отдал приказа. А через несколько минут произошел один из первых в истории человечества контактов с иным разумом.

Что это было? Внезапно обострившееся, разбуженное космосом чувство — седьмое, восьмое, десятое? Он не знает. Но с тех пор такое случалось несколько раз, всегда кому-нибудь спасая жизнь. И только сейчас все получилось совсем по-другому.

Он улыбнулся, резче стали видны морщины на покрытом неестественным, неземным загаром лице. Потом повернулся и пошел в сторону, противоположную той, в которой скрылись,

держась за руки, двое. Он шел по тропинке вверх, туда, где за поворотом должен был открыться вид на долину, со всех сторон зажатую древними, поседевшими от времени горами. Долину, в которой лежал город, почти такой же древний, как возвышавшиеся над ним горы. Он шел, чтобы взглянуть сверху на этот город.

Город его детства.

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

ЗАМЕТКИ О БЕЛОЗЕРОВЕ

Все мы — камни, упавшие в воду: от нас идут круги. Это любимая фраза Белозерова. Он часто повторял ее, особенно в последние месяцы перед гибелью. Как задумается, так потом наверняка улыбнется и скажет. Впрочем, в самые последние наши встречи он будто совсем ни о чем не задумывался: он казался рабом каких-то навязчивых жестов, взгляд его подолгу вцеплялся в, казалось бы, незначащие предметы, он вел себя как следователь на месте преступления, почти не разговаривал и только изредка, как бы извиняясь за свои странности, грустно вздыхал. Он производил впечатление человека с расстроенной психикой, понимал, что тревожит друзей, и очень от этого страдал. Глядеть на него было больно, но вот в чем все мы ему завидовали: каждый из нас, его друзей, чувствовал, что груз знания, который обрушился на Белозерова, его бы раздавил гораздо быстрее и безжалостней. Белозеров казался нам чудом психической выносливости... Бывало, я полушутя спрашивал его, как это он справляется со всеми своими ежедневными открытиями. Он всегда хмыкал недоуменно и пожимал плечами. И только однажды вдруг сосредоточенно нахмурился, взглянул на меня пристально и сказал такое:

— Привык... Иногда, правда, становится тяжко. Будто попал в коридор между зеркал. Вроде трюмо. Прикрываешь створки так, чтоб только голова пролезала, — и двигаешь глазами туда-сюда. Жуткое зрелище — с ума можно сойти. Там дебри зеркальных краев, как бритвенных лезвий, а в этих дебрях — твои двойники. Ближайших видно, а за ними только макушки выглядывают или краешки ушей. И так — бесконечный ряд... будто только что нарезанные, одинаковые кружки колбасы... — Он словно рассказывал навязчивый и неприятный сон.

Впервые он проговорился три года назад, в день, когда мы отмечали выход его первой книжки путевых заметок журналиста. А продержался он чуть больше года. Трудно бывает человеку хранить серьезную тайну, которая вдруг полностью меняет течение его жизни. Особенно трудно хранить тайну человеку, когда его общественное положение кажется ему неизмеримо менее значимым, нежели сама тайна. Он будет невольно искать повод, чтобы проговориться и притом сделать это как бы совсем ненароком, незаметно для себя самого. Впрочем, я вполне допускаю, что раскрытие секрета «механической жизни» входило в роковые расчеты Белозерова.

Началось с того, что на встречу я опоздал на час и явился в своем любимом галстуке цвета высохшего мха и с бутылкой шампанского в левой руке (детали немаловажные). Белозеров, открыв на звонок дверь, заулыбался, потом, не поздоровавшись, попытался сосредоточиться и остановить движение радостных чувств на лице. Он тщательно оглядел меня и на секунду взгрустнул.

— Н-да... Жаль, — проговорил тихо. — Завтра утром дождь совсем ни к чему.

— Привет! — я бодро взмахнул бутылкой шампанского и подумал, что он с ребятами уже успел без меня порядком отметить.

— Привет, — как эхо откликнулся Белозеров, и тут во взгляде его мелькнуло недоумение, а следом — испуг, и вдруг он вновь расплылся в улыбке.

У него был вид человека, которого только что освободили от удручающей обязанности сообщить дальнему знакомому о постигшей того крупной неприятности...

Однако все эти свои впечатления я исследую сейчас, спустя три года, а потому наверняка многое додумываю. Ведь в минуту нашей встречи я, конечно, не был столь наблюдателен: помнится, я просто растерялся.

— Привет, — повторил он уже виновато и стал суетиться, пропуская меня в прихожую. — Извини... извини, пожалуйста... Задумался вроде... Так, бутылку вот сюда пока... А, черт, падает! Мы, знаешь, уже обмыли немного... Нет, уроню. Держи сам.

Он бормотал вполголоса, словно стараясь запутать меня, заставить забыть о только что произнесенных странных словах, смешать их с хмельной болтовней... Но на самом деле он был, что называется, ни в одном глазу, а просто готовился к новому фокусу: стоило мне сесть за стол, как он изобразил на лице трагическую мину и горестно вздохнул:

— Ну вот, сел — теперь еще и похолодает к ночи! — И, не дав публике толком удивиться, он поднял свой фужер и сдался окончательно: — Мужики, мы все так здорово тут у меня расселись... Потому что... потому что сейчас засверкает на небе,

загрохочет, загремит. Здорово... Соскучился по грозе. Сейчас будет первая, майская. Весеннее чистилище... Здорово. Надо за эту грозу выпить.

Тост мы не донесли: вся наша компания разом превратилась в скульптурную группу из музея мадам Тюссо, ведь вместе с последними словами Белозерова ярко блеснуло за окнами, и крыши загудели гулким раскатом.

...Мир полон примет.

Оказалось, что человеческие глаза — это карта, два маленьких полушария, на меридианах и параллелях которых лежат точные контуры всех человеческих болезней. Все органы отражаются на радужных оболочках вокруг зрачков. Древние китайцы открыли, что по виду пульса можно обнаружить сотни недугов. Знаток подписей способен по какой-нибудь небрежной закорючке верно определить, когда и как ее автор развелся со своей женой, а заодно и профессию бывшего тестя... В истории известен оригинал, который во время суда по положению ног подсудимого точно устанавливал степень его виновности.

Однажды я сам сделал подобное открытие. Я обнаружил, что по манере пить чай или кофе, даже по одной только повадке класть в чашку кусочек сахара можно определить характер человека, его отношения с сослуживцами, с женой, с детьми... Я провел несколько исследований, удивился точности угадывания и потом не раз на вечеринках блистал талантом ясновидца.

Мир полон привычных примет, за которыми скрываются великие тайны, целые миры и жизни. В капле воды отражается вселенная — вот изречение, ставшее банальным. Но согласиться с ним рассудочно не значит понять его. Главное — тонко почувствовать, что правда этого бесхитростного афоризма откроется вам, только если воспринять его в самом буквальном смысле.

Белозеров пошел дальше всяких графологов, мастеров глазной диагностики, китайских лекарей, различавших полтысячи видов пульса. Он добрался до капли, вместившей в себя вселенную.

Талант его впервые проснулся в одном странном наблюдении. По утрам на автобусной остановке около его дома всегда скапливалась толпа спешащих на работу людей. Привычная примета городской окраины. Белозеров выходил из дома в половине девятого и обычно заставал под бетонным козырьком один и тот же набор лиц... Однажды вечером он отметил, что каким-то образом невольно и точно угадывает дневную погоду. Он удивился, потому как никогда особо не интересовался вся-

кими народными приметами. От подъезда до остановки метров тридцать, н, спеша к ней, он всегда глядел себе под ноги, лавируя по доскам среди вечной грязн новостроек. Тут уж не до метеорологических наблюдений... Однако, покопавшись в своих ощущеннях, он определнл, что окончательно прогноз созревает во время поездки на автобусе и, всегда сбываясь, превращается к концу дня в невольный душевный фон самоуверенностн и приятного легкого успокоення. Этот фон очень помогал расслабиться после суеты н неприятностей на работе, а потому неосознанная наблюдательность продолжала расти, как проверенное житейской практикой средство психологической самозащнты...

Первый домысел об нсточннке примет, конечно, вызвал усмешку. Но через пару дней усмешка уступила место тревоге, а потом даже страшно стало. По расположению людей на остановке в восемь тридцать утра и цветовой мозаике их одежды точно угадывалась погода на весь день! Испугаешься тут. Здравый смысл рассыпался, как карточный домнк... Полгода Белозеров не верил себе, даже тетрадку наблюдений завел. Двести прогнозов — и все в яблочко! Вплоть до точного срока минутного прояснения на небе в дождливый осеннний день.

...А потом на Белозерова обрушилась лавина прнмет, с которой он так н не сладил до конца. У него появилась рассеянность, а следом — мигрени, бессонница, невроз. Талант наблюдателя обернулся для него дьявольской одержимостью. И наше удивление тем, что ему все-такн удается держать себя в руках, было отчасти показным — надо было его как-то подбадривать... Но зато н фокусы показывал он такне, каким позавидовал бы любой сказочный оракул или колдун.

Одного беглого взгляда на любую группу ожидающих городской транспорт ему хватало для ювелирного прогноза погоды на сутки. С минуту понаблюдав днижение машин на проспекте, он выдавал точные координаты зарождения очередного тайфуна в Тихом океане и его траекторию. Мозаика светящихся окон соседнего дома предсказывала ему через полчаса после полуночн распространение холеры в Африке, а в очереди у палатки приема стеклотары был зашифрован вчерашний переворот в какой-то банановой республнке.

Прнметы громозднлнсь одна на другую. От них невозможно было отвлечься. Они всплывали в сознании, как пузыри в кипящей воде. И, наверно, еслн бы Белозеров остановился на машинальной расшифровке связн явлений, то жить бы ему вскоре стало совсем невмоготу. Но он, видно, понял, что остановиться, значит мгновенно оказаться погребенным под обвалом знаков н предзнаменований. И он двинулся дальше — талант позволял — и достиг наконец смысла всего грандиозного калейдоскопа примет.

Солнце, садясь в тучи, не знает, что облачный закат — к плохой погоде. Комары-толкунцы, мельтеша по вечерам густыми роями, не подозревают, что *предвещают* своей пляской тепло. Муравьи, скрываясь в глубине своего жилища за пару часов до начала дождя, понятия не имеют о приближающемся ненастье — чисто инстинктивные ощущения, сливаясь в растущий стимул, гонят насекомое в укрытие. Ласточки, промышляющие мошкарой низко над лугом, никак не разумеют, что своим полетом предвещают ливень.

Человек, в сущности, не так уж далек от ласточки или муравья. Он, конечно, и разумен, и сознателен, и многое в мире способен понять и предсказать. Но он не замечает, что в нем самом сошлись клином миллионы закономерностей миллионов явлений, что он и есть та самая капля, в которой отражается вселенная. Нервно дожидаясь на остановке автобуса, он уверенно предполагает, что стоит тому опоздать на пять минут, как затем может последовать опоздание на работу, пустяковая, но чреватая скверным настроением на весь день стычка с шефом, потом — вечером — перебранка с женой, подзатыльник сыну за развлечения на уроках и, наконец, — головная боль и поиски вечно прячущейся пачки анальгина. Но ему невдомек, что с толпой таких же насупившихся друзей по несчастью он составляет мозаику-примету какого-нибудь удивительного явления, например, грядущего к вечеру извержения вулкана Килауэа или нашествия саранчи в Иране. Или того и другого вместе и к тому же выпадения в ту самую минуту ожидания автобуса града в Мытищах, начала пыльной бури на Марсе и взрыва сверхновой звезды в соседней галактике. И так до бесконечности...

Но ни ласточка, ни муравей *не способны* открыть и осознать законы вселенского коловращения. А человеку *это* дано. И как только он осознает свою силу — тут же возникает обратная связь. Она может оказаться очень слабой, вовсе не заметной. Круги от камня, брошенного с берега в океан, не дойдут до берега другого материка. Но когда-нибудь, в роковой миг, такой камень поколеблет дно —и окажется, что этого ничтожного движения как раз и недоставало для толчка к оседанию земной коры... Камень брошен в воду — и вздрогнул океан, и прокатился по нему чудовищный вал цунами... Порой гроза в горах проносится бесследно, а потом один неосторожный окрик или далекий выстрел срывает лавину с вершин... Вспомните сказку о репке: там всех выручило крохотное существо. В этой сказке великая мудрость...

Однажды я столкнулся с Белозеровым в библиотеке. Я глянул на его стол: он был завален кипами европейских довоенных газет.

— Я тут пытаюсь разобраться, сколько народу участвовало в мире в антивоенном движении в тридцатые годы, — объяснил

он. — Пытаюсь понять толком, почему война *оказалась* неизбежной... Ну, причины-то мы все знаем, а вот бы вычислить точно, сколько сил не хватило, чтобы остановить катастрофу... Хотя, конечно, по *этим* газетам и сотой части сведений не раскопаешь... Знаешь, вот сидишь перед телевизором, смотришь: ходят ребята с транспарантами, протестуют, а толку-то вроде чуть. Потерпят их, потом, глядишь, дубинками разгонят — и всего хлопот. Ракет меньше не делается, наоборот — больше, как назло... Так вот раньше и думал. И вдруг теперь дошло. Нет, не зря ходят. Главное, чтобы сошлись все на одном — и тогда будет достаточно одного незаметного, случайного жеста в толпе: и все... То ли танки начнут вдруг разваливаться, то ли еще какой-нибудь сверхкризис энергетический грянет... Неважно что. Главное — результат... Если убедить два миллиарда человек в один и тот же день, час и минуту отвлечься от всех дел и забот и провести эту всемирнодоговоренную минуту в осознанной ненависти к оружию... ей-богу, все оно начнет мгновенно ржаветь. Но необходим стройный хор двух миллиардов голосов.

Свою жизнь он называл «механической», воображая себя крохотной шестеренкой в дебрях необъятного месива вращающих друг друга колес. Мне лично это сравнение не по душе. Взаимосвязь явлений видится мне в образе круговорота воды, морских течений или движения ветров. Однако Белозеров по складу ума был технарем, а потому предпочитал мыслить механическими моделями, и упрекать его в таком взгляде на вещи просто глупо.

И все-таки мне кажется, что именно рассудочная потребность в окончательной и геометрически строгой упорядоченности примет и связей привела Белозерова к хронической неуравновешенности и болезненному напряжению... Да, тяжело, наверно, жить шестеренке, разобравшейся в движении колесиков, среди несознательных, сонных шестерен... И если бы не вечная нервозная усталость и, наконец, не кажущаяся нелепой гибель Белозерова, я бы не колеблясь назвал жизнь его не «механической», а «гармоничной», — вероятно, только этим словом может быть определена жизнь человека, верно определившего свое место и назначение в мировом калейдоскопе явлений.

Погиб Белозеров во время прошлогоднего землетрясения в Туркмении. Он вычислил его двумя месяцами раньше, потом выпросил у шефа командировку на строительство канала, совпадавшую по срокам с подземными толчками, и укатил спецкором прямо в будущий эпицентр... Думаю, у него и в мыслях не было удивлять кого-либо из местных властей своими прогнозами. Кто

бы поверил?.. Но перед самым отъездом, уже на платформе вокзала, он бросил странную фразу. Тогда я пропустил ее мимо ушей и не стал ни о чем расспрашивать. Теперь я, конечно, жалею об этом...

Он сказал:

— Достаточно того, что я туда просто поеду и там никто не погибнет...

Достаточно для чего? Чтобы ослабить землетрясение на несколько баллов? Чтобы спасти несколько человек? А может, сотню? А может быть, весь город, оказавшийся как раз в эпицентре стихии? Увы, осталось загадкой, какие он хотел предпринять меры.

Странно то, что только Белозеров один и оказался жертвой землетрясения, да еще был ранен шофер «газика», в котором они возвращались со стройки в город. В момент семибалльного толчка полукилометровый участок старого горного шоссе сдвинулся с оползнем и накренился. Водитель не успел погасить скорость — видно, не сразу сообразил, что происходит, — и машина покатилась кувырком по склону...

Может статься, и гибель свою Белозеров представлял заранее, жертвуя собою во имя спасения других. Были точно выверены срок и место... Последние два месяца его жизни прошли в виртуозном жонглировании приметами, он выткал тончайшую сеть связей и тщательно подготовил себя к роли камня, круги от которого должны разойтись по всему океану... Но как он это сделал? Можно лишь строить предположения. Впрочем, это уже домыслы камешков, мгновенно теряющихся в глубине и не способных узнать, где затихают волны от их случайных падений.

ЮРИЙ КИРИЛЛОВ
ВИКТОР АДАМЕНКО

ПОГОНЯ

Кандидат исторических наук археолог Алексей Иванович Никитин зашел в сельскую столовую, чтобы выпить бутылочку холодного пива или минеральной воды. Жара стояла несносная, и потому, хоть опыт подсказывал: чем больше пьешь, тем сильнее мучает жажда, это знание в данный момент казалось совершенно ненужным грузом.

Все село работало в поле, как и положено в летнюю страду. Потому, кроме нескольких мух и пары оводов на окне, в столовой посетителей не было. На вопрос Никитина о пиве пожилой буфетчик, облаченный в халат, который лишь весьма условно можно было считать белым, недоуменно вскинул мохнатые выцветшие брови: дескать, откуда оно в такую жару, да еще в се-

ле. Не оказалось и минеральной воды. Вместо этого буфетчик выставил два стакана с бурой жидкостью, в которой археолог распознал компот из сухофруктов.

— Можно было бы из свежих яблок приготовить, — с привычным равнодушием пробормотал Никитин, — вон сколько падалицы в колхозном саду пропадает.

— Да уж так в меню заложено, — развел руками буфетчик.

Никитин отхлебнул глоток чуть тепловатого компота и отодвинул стакан:

— Вы бы, хозяин, хоть догадались в холодильник поставить. Ведь наверняка пустует, — недовольно сказал он буфетчику. — Небось сами такое не употребляете.

— Можно и ледку подбросить, — спокойно ответил буфетчик. И, раскрыв действительно пустой холодильник, извлек оттуда несколько квадратиков льда.

Пока Никитин размешивал лед в стакане, буфетчик присел рядом за столик, и, видимо, истомившись донельзя без собеседников, спросил:

— Рассказывают, копаете чего-то? Небось ценное ищете. Да где тут возьмешь. У нас здесь и при старом-то режиме, говорят, богачей не было.

— Кое-что нашли, — ответил археолог, жадно потягивая колодезно-холодную влагу.

— Да ну, — оживился старик. — Никак золото?

Алексей Иванович вытащил из-за пазухи нечто, завернутое в чистое полотенце. Буфетчик, подслеповато моргая глазами, потянулся к свертку. Но, когда археолог извлек старинную, изрядно тронутую временем книгу, интерес его сразу угас.

— Я и говорю, — промолвил он, — что не было в наших краях богачей. Кроме пустяков, ничего здесь не отроете.

— Ого! Ничего себе пустяки, — подпрыгнул на стуле Никитин. — Это редчайшая находка. Вот, посмотрите...

Он осторожно перевернул лист. И тут же, спохватившись, что собеседник не знаком с древнерусским и не имеет ученых степеней, примиряюще произнес:

— Ну ладно, время есть. Я вам расскажу, что тут написано: «...Хан говорит, что любит смелых воинов. — В голосе толмача слышалось подобострастие. — Потому он и повелел взять тебя живым. Хан милостиво отпускает тебя. Но... — последние слова переводчик произнес с нескрываемой насмешкой, — с одним условием: своим оружием хан хочет проверить твою храбрость. Что тебе, такому стойкому, удар саблей? Один удар хана, и ты свободен».

Лицо пленника исказилось от гнева. Посмеялись бы они, если бы руки его держали меч! Воины хана хохотали, ожидая развлечения. Пленника посадили на коня. Воины расступились,

очищая путь хану. Хан мчался на любимом скакуне, играя саблей.

«Прощай, родная земля!» Пленник взмахнул рукой и вдруг сжал в пальцах что-то, плавно спустившееся сверху. Предмет был овальной формы, блестящий. А хан уже рядом. Вот он с гиканьем опускает саблю на русую голову. Пленник инстинктивно закрывается предметом, похожим на щит. Онемевшие воины ничего не могут понять. Сабля хана отлетает в сторону. С визгом один из телохранителей бросает в пленника копье. И оно, встретившись со щитом, летит обратно. Пользуясь смятением, пленник прорывается сквозь строй врагов и мчится в степь. После этого он участвует во многих битвах, отстаивая свою страну от нашествия чужеземцев. А похоронен славный воин на этой земле, и вместе с ним положен его чудесный щит».

Закончив пересказ, археолог бережно уложил найденную книгу в полотенце и спрятал. Немного помолчав, очевидно, осмысливая услышанное, буфетчик сказал:

— Вот, значит, чего вы ищете... Да, такой щит будет, пожалуй, подороже золотого.

Никитин, не ожидая подобной реакции, недоуменно посмотрел на собеседника. Нет, не видно было, что тот шутит.

— При чем здесь щит? — сказал Никитин. — Я о легенде вам говорил, которую записал летописец. А щит, он, конечно, был самый обыкновенный.

— Ну да, — не поверил буфетчик. — С чего бы он тогда писал, что необыкновенный. В старину, говорят, люди не любили врать.

Алексея Ивановича уже начала сердить такая неповоротливость мысли.

— Может быть, вы хотите сказать, что все написанное следует принимать за истину?

— А чего ж, — согласился буфетчик. — Я вон Гоголя читаю. Внук принес. И все как есть.

Никитин с радостью ухватился за эти слова. И, попросив книгу, а это были «Повести, изданные пасичником Рудым Паньком», полистал страницы и начал громко читать:

«— Ну, нечего сказать, танцевать-то он танцевал так, хоть бы и с гетьманшею. Мы посторонились, и пошел хрен вывертывать ногами по всему гладкому месту, которое было возле грядки с огурцами. Только что дошел однако ж до половины и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошел до середины — не берет! что хочь делай: не берет, да и не берет! ноги как деревянные стали».

Зачитав весь текст, археолог с улыбкой обратился к буфетчику:

— Значит, по вашему миеиию, все так и было, как автор пишет?

— А то, — упрямо иагиул голову собеседиик, — со миой самим история почище случилась. Дело это, ие соврать, было назад лет тридцать с гаком. Я тогда в Петровке жил. Деревня, значит, такая. Может, слышал? Отсюда километров двадцать. Вот. Был я у шуриıа в гостях в соседней деревне. Хорошо попраздновали. А на улице дождь, слякоть. Осень потому. Вот-вот снег выпадет. Ну, шурин, правильное дело, меня не пускает. Говорит: «Куда ты на ночь глядя. За место, что ль, платить? Собьешься еще».

А я ни в какую. Упрямый был. Дойду, говорю, и все тут. Шел, шел. Вроде не туда. А темно уже — иичего не видать. И дождь холодный. Мне-то поиачалу тепло было, а как промокнул и зябнуть стал, вроде и в соображение вошел.

Где-то я, думаю, кружусь. И сколько? Кажись, часа два, а то и больше. Осмотрелся как мог. Вроде места вовсе незнакомые. Вижу — огоньки впереди. Да миого. Никак меня под Вороиово — это село такое — угораздило? Пошел на огни, а они будто навстречу. Хоть и окоченел я, а тут прямо пот прошиб. Неужель волки? И точно, они. Пустился я без оглядки. Поверишь, никогда так не бегал. Войну прошел — жив остался, а тут, значит, ни за что пропадай! Куда бежал — не зиаю. Из сил выбился, иа карачках ползу. Вполз на какой-то бугор. Дерево еще там стояло. Выпрямился, огляделся: батюшки мои, вся стая у бугра собралась, вот-вот кинутся. А у дерева сучья высоко и ствол гладкий да мокрый — ие забраться. Я со страху-то иогами об землю забил. Вдруг как меня подбросит. Я руками воздух-то хватаю и за ветку уцепился. Подтянулся, оседлал ее и к стволу прижался. Что и почему такое — про это я, коиечно, не соображал. На зверей гляжу. А как раз прояснилось вроде. Гляжу, видимо-невидимо волков. Вожак-то взвыл от злобы, как на дереве меия увидел, да как сиганет иа бугор. Земли коснулся у дерева, вверх подпрыгнул да кубарем с бугра покатился. Прыгнул другой, потом еще. И все, как одии, летели с бугра, и все кубарем.

Завыла стая да бежать. Я уж и ие зиаю, что подумать. И рад вроде, от неминучей гибели спасся. И боязио: как это я на дереве-то оказался. До такой высоты ни в жисть ии один человек не допрыгнет.

— Как раз в этом иет иичего удивительного, — прервал рассказ внимательно слушавший археолог. — Я читал в одной книге профессора медицины, что при стрессовых ситуациях, то есть при сильном волнении, такие случаи возможны. Один полярный летчик, спасаясь от медведя, запрыгнул на крыло самолета. И здесь нечто подобное.

— А чего волки-то с бугра кувыркались? — спросил буфетчик. — Н-е-ет. Не с испугу. Чего им меня бояться? Я тогда, зиа-

чит, наверно, час на дереве сидел. Потом тихонечко сполз по стволу и на четвереньках же, еле за землю держась, с бугра съехал. А потом не хуже волков от того места припустился куда глаза глядят. Ну, к утру я, конечно, к деревеньке одной выбрался.

Буфетчик замолчал, а потом, пристально взглянув на археолога, сказал:

— Я к чему все это... Вот вы мне про воина, значит, рассказывали. Что со своим волшебным щитом похоронен в наших краях. А может, щит-то и был под тем бугром, а?

Никитин озадаченно молчал. Такого поворота дела он совсем не ожидал. И ему вдруг показалось, что эти ничем не связанные истории выстраиваются в стройную систему, которая, как все верные системы, подчиняется законам логики.

— А вы можете показать тот бугор? — живо спросил он у буфетчика.

— Какое там, — махнул тот рукой. — Я и тогда навряд бы отыскал. А теперь вон сколько лет прошло. Этот бугор с деревом на нашей земле, что иголка в стогу сена. Да и дерева, может, нет уже...

Археолог пожал плечами. Он почувствовал себя в положении человека, который только что держал в руках ключ от дверцы в страну чудес. Но ключ съела ржавчина, и дверца не открылась. А может, и не было ключа? Может, слишком близко к сердцу принял он две фантазии: далекого предка и современника, сидящего напротив него в душной сельской столовой. Но ключ все-таки был.

...Звездолет группы преследования приближался к звезде Бета. На совсем небольшом по космическим масштабам расстоянии — всего несколько миллиардов километров — мчался звездолет похитителей. Произошло невероятное. Похитители проникли через все ловушки и зоны недоступности в сверхсекретный сектор. Их добычей стал миниатюрный аппарат, в котором были воплощены самые последние достижения разума цивилизации Бра. В чем состоит суть открытия, не знали ни космические гангстеры, ни их преследователи. Известно было только одно: прибор мог привести в действие могущественнейшие силы природы, способные, возможно, уничтожить цивилизацию Бра и даже часть вселенной.

«Скорее, скорее», — телепатически подгоняет цивилизация Бра свой звездолет. Этим она хотела бы прибавить ему скорость. Но что тут прибавишь, если его скорость — почти скорость света. И лишь чуть-чуть медленней мчится звездолет похитителей. В этом теперь вся надежда цивилизации Бра.

«Похитители сбавили скорость, — отмечает про себя капитан корабля преследования. — Начали торможение. Зачем? Неужели они торопят свою гибель? Мы их скоро догоним!»

Вдруг страшная сила прижала тела капитана и членов экипажа к стенкам. Автоматически включились системы жизнеобеспечения. Звездолет понесся с громадной скоростью в обратном направлении.

Когда космический корабль преследования очутился в пределах родной планеты, экипаж обрел способность к размышлению. Но разговаривать им было не о чем, так как никто не мог уяснить, что же произошло.

На докладе в Объединенном совете космической безопасности капитан звездолета долго мялся, не знал, как объяснить свое неожиданное появление и всю нелепость ситуации. Однако председатель прервал затянувшееся молчание. «Вы выполнили свой долг, — сказал он. — Принцип работы аппарата основан на использовании антигравитационных сил. Вы участвовали в завершающем испытании. Звездолет гангстеров, который вы преследовали, был послан нами. Как и намечалось, при вашем приближении аппарат привели в действие в максимальном режиме работы, и вас отбросило с той же скоростью, с которой вы приближались. К сожалению, — опустил голову председатель, — произошла огромная неприятность. При испытании разгерметизировался отсек, и аппарат утерян в космосе...»

Школа
мастеров

ИВАН ТУРГЕНЕВ

ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

Посвящается памяти Гюстава Флобера

«Wage Du zu irren und zu träumen!»
Sthiller *

Вот что я вычитал в одной старинной рукописи:

I

Около половины XVI столетия проживало в Ферраде (она процветала тогда под скипетром своих великолепных герцогов, покровителей искусства и поэзии) — проживало два молодых человека, по имени Фабий и Муций. Ровесники годами, близкие родственники, они почти никогда не разлучались; сердечная дружба связала их с раннего детства... одинаковость судьбы скрепила эту связь. Оба принадлежали к старинным фамилиям; оба были богаты, независимы и бессемейны; вкусы, наклонности были схожие у обоих. Муций занимался музыкой, Фабий — живописью. Вся Феррада гордилась ими, как лучшим украшением двора, общества и города. Наружностью они, однако, не походили друг на друга, хотя оба отличались стройною юношеской красотою: Фабий был выше ростом, был лицом и волосом рус — а глаза имел голубые; Муций, напротив, имел лицо смуглое, волосы черные, и в темно-карих его глазах не было того веселого блеска, на губах той приветливой улыбки, как у Фабия; его густые брови надвигались на узкие веки — тогда как золотистые брови Фабия уходили тонкими полукругами на чистый и ровный лоб. Муций и в разговоре был менее жив; со всем тем оба друга одинаково нравились дамам, ибо недаром были образцами рыцарской угодливости и щедрости.

В одно и то же время с ними проживала в Ферраре девица, по имени Валерия. Ее считали одной из первых красавиц города, хотя видеть ее можно было очень редко, так как она вела жизнь уединенную и выходила из дому только в церковь — да в большие праздники на гулянье. Она жила с своей матерью, благородной, но небогатой вдовою, у которой не было других детей. Всякому, кому только не встречалась Валерия, — она внушала чувство невольного удивления и столь же невольного нежного уважения: так скромна была ее осанка, так мало, казалось, сознавала она сама всю силу своих прелестей. Иные, правда, находили ее несколько бледной; взгляд ее глаз, почти

* «Дерзай заблуждаться и мечтать!». Шиллер *(нем.)*.

всегда опущенных, выражал некоторую застенчивость и даже боязливость; ее губы улыбались редко — и то слегка; голос ее едва ли кто слышал. Но ходила молва, что он был у нее прекрасен и чист, запершись у себя в комнате, ранним утром, когда все в городе еще дремало, она любила напевать старинные песни, под звуки лютни, на которой сама играла. Несмотря на бледность лица, Валерия цвела здоровьем; и даже старые люди, глядя на нее, не могли не подумать: «О, как счастлив будет тот юноша, для кого распустится наконец этот еще свернутый в лепестках своих, еще нетронутый и девственный цветок».

II

Фабий и Муций увидели Валерию в первый раз на пышном народном празднике, устроенном по велению герцога Феррарского, Эркола, сына знаменитой Лукреции Борджиа, в честь знатных вельмож, прибывших из Парижа по приглашению герцогини, дочери французского короля Людовика XII. Рядом с своей матерью сидела Валерия посреди изящной трибуны, возведенной по рисунку Паладия на главной феррарской площади для почетнейших дам города. Оба — и Фабий и Муций — страстно в нее влюбились в тот же день; и так как они ничего не скрывали друг от друга, то каждый из них скоро узнал, что происходило в сердце товарища. Они положили между собою: постараться обоим сблизиться с Валерией — и если она удостоит избрать кого-нибудь из них — то другой безропотно покорится ее решению. Несколько недель спустя благодаря доброй славе, которой они пользовались по праву, им удалось проникнуть в труднодоступный дом вдовы: она позволила им посещать ее. С тех пор они почти каждый день могли видеть Валерию и беседовать с нею — и с каждым днем огонь, зажженный в сердцах обоих юношей, разгорался сильнее и сильнее; однако Валерия ни одному из них не оказывала предпочтения, хотя присутствие их ей, видимо, нравилось. С Муцием она занималась музыкой; но разговаривала больше с Фабием: с ним она меньше робела. Наконец они решились узнать окончательно свою участь и послали к Валерии письмо, в котором просили ее объясниться и сказать, кому она готова отдать свою руку. Валерия показала это письмо матери — и объявила ей, что готова остаться в девицах; но если мать находит, что ей пора вступить в брак, то она выйдет за того, на кого укажет ее выбор. Почтенная вдова пролила несколько слез при мысли о разлуке с любимым детищем; однако отказать женихам не было причины: она считала их обоих равно достойными руки ее дочери. Но, втайне предпочитая Фабия и подозревая, что и Валерии он приходится более по нраву, она указала на него. На другой же день Фабий узнал о своем счастье, а Муцию осталось сдержать свое слово — и покориться.

Он так и сделал; но быть свидетелем торжества своего друга, своего соперника — он не мог. Немедленно продал он большую часть своего имущества — и, собрав несколько тысяч дукатов, отправился в дальнее путешествие на Восток. Прощаясь с Фабием, он сказал ему, что вернется не прежде, чем почувствует, что последние следы страсти в нем исчезли. Тяжело было Фабию расстаться с другом детства и юности... но радостное ожидание близкого блаженства вскоре поглотило всякие другие ощущения — и он отдался весь восторгам увенчанной любви.

Вскоре он вступил в брак с Валерией — и только тогда узнал всю цену сокровища, которым ему довелось обладать. У него была прекрасная вилла, окруженная тенистым садом, в недальнем расстоянии от Феррары; он переехал туда вместе с женою и ее матерью. Светлое время наступило для них тогда. Супружеская жизнь выказала в новом пленительном свете все совершенства Валерии; Фабий становился значительным живописцем — уже не простым любителем, а мастером. Мать Валерии радовалась и благодарила бога, глядя на счастливую чету. Четыре года промчались незаметно, как блаженный сон. Одного недоставало молодым супругам, одно завелось у них горе: детей у них не было... но надежда не покидала их. К концу четвертого года их посетило великое, на этот раз настоящее горе: мать Валерии скончалась, поболев несколько дней.

Много слез пролила Валерия, долго не могла привыкнуть к своей утрате. Но прошел еще год, жизнь опять вступила в свои права, потекла прежним руслом. И вот в один прекрасный летний вечер, никого не предупредив, в Феррару вернулся Муций.

III

Во все пять лет, прошедшие с его отъезда, никто о нем ничего не ведал; всякие слухи о нем замерли, точно он исчез с лица земли. Когда Фабий встретил своего друга на одной из улиц Феррары, он чуть не закричал, сперва от испуга, потом от радости — и тотчас пригласил его в свою виллу. Там у него в саду находился отдельный, поместительный павильон; он предложил своему другу поселиться в этом павильоне. Муций охотно согласился и в тот же день переехал туда вместе с своим слугою, немым малайцем — немым, но не глухим, и даже, судя по живости его взгляда, очень понятливым человеком... Язык у него был вырезан. Муций привез с собою десятки сундуков, наполненных разнообразными драгоценностями, собранными им во время своих продолжительных странствований. Валерия обрадовалась возвращению Муция; и он ее приветствовал дружески весело, но спокойно: по всему видно было, что он сдержал слово, данное Фабию. В течение дня он успел устроиться в

своем павильоне; выложил с помощью малайца привезенные редкости: ковры, шелковые ткани, бархатные и парчовые одежды, оружие, чаши, блюда и кубки, украшенные финифтью, золотые, серебряные вещи, обделанные в жемчуг и бирюзу, резные ящики из янтаря и слоновой кости, граненые бутыли, пряности, курева, звериные шкуры, перья неведомых птиц и множество других предметов, самое употребление которых казалось таинственным и непонятным. В числе всех этих драгоценностей находилось богатое жемчужное ожерелье, полученное Муцием от персидского шаха за некоторую великую и тайную услугу; он попросил позволения Валерии собственноручно возложить ей это ожерелье на шею: оно показалось ей тяжелым и одаренным какой-то странной теплотой... оно так и прильнуло к коже. К вечеру, после обеда, сидя на террасе виллы, в тени олеандров и лавров, Муций принялся рассказывать свои похождения. Он говорил о виденных им далеких странах, заоблачных горах, безводных пустынях, о реках, подобных морям; говорил о громадных зданиях и храмах, о тысячелетних деревьях, о радужных цветах и птицах; называл посещенные им города и народы... чем-то сказочным веяло от одних их имен. Весь Восток был знаком Муцию: он проехал Персию, Аравию, где кони благороднее и красивее всех других живых существ, проник в самую глубь Индии, где род людской подобен величественным растениям, достиг границ Китая и Тибета, где живой бог, по имени Далай-Лама, обитает на земле в образе безмолвного человека с узкими глазами. Чудны были его рассказы! Как очарованные, слушали его и Фабий и Валерия. Собственно, черты Муциева лица мало изменились: с детства смуглое, оно еще потемнело, загорело под лучами более яркого солнца, глаза казались углубленнее прежнего — и только, но выражение этого лица стало другое: сосредоточенное, важное, оно не оживлялось даже тогда, когда он упоминал об опасностях, которым подвергался ночью, в лесах, оглашаемых воем тигров, или днем, на пустых дорогах, где путешественников караулят изуверы, которые удавливают их в честь железной богини, требующей человеческих жертв. И голос Муция стал глуше и ровнее; движения рук, всего тела утратили развязность, свойственную итальянскому племени. С помощью слуги своего, раболепно-проворного малайца, он показал хозяевам своим несколько фокусов, которым научили его индийские брамины. Так, например, он, предварительно скрыв себя занавесом, явился вдруг сидящим на воздухе с поджатыми ногами, слегка опираясь концами пальцев на отвесно поставленную бамбуковую трость, что немало удивило Фабия, а Валерию даже испугало... «Уж не чернокнижник ли он?» — подумалось ей. Когда же он принялся вызывать, насвистывая на маленькой флейте, из закрытой корзины ручных змей, когда, шевеля жалами, показались из-под пестрой ткани их темные плоские головки, Валерия пришла в

ужас и попросила Муция спрятать поскорей этих ненавистных гадов. За ужином Муций попотчевал своих друзей ширазским вином из круглой бутыли с длинным горлышком; чрезвычайно пахучее и густое, золотистого цвета с зеленоватым отливом, оно загадочно блестело, налитое в крошечные яшмовые чашечки. Вкусом оно не походило на европейские вина; оно было очень сладко и пряно, и, выпитое медленно, небольшими глотками, возбуждало во всех членах ощущение приятной дремоты. Муций заставил и Фабия и Валерию откушать по чашечке и выпил сам. Над ее чашечкой он, наклонясь, что-то прошептал, потряс пальцами. Валерия это заметила, но так как вообще в приемах Муция, во всей его повадке проявлялось нечто чуждое и небывалое, то она только подумала: «Не принял ли он в Индии новой какой веры или у них там обычаи такие?» Потом, помолчав немного, она спросила его: продолжал ли он во время своего путешествия заниматься музыкой? В ответ ей Муций приказал малайцу принести свою индийскую скрипку. Она походила на нынешние, только вместо четырех струн у ней было три, верх ее обтягивала голубоватая змеиная кожа, и тонкий тростниковый смычок имел вид полукруглый, а на самом его конце блистал заостренный алмаз.

Муций сыграл сперва несколько заунывных, по его словам, народных песен, странных и даже диких для итальянского слуха; звук металлических струн был жалобен и слаб. Но когда Муций начал последнюю песнь — этот самый звук внезапно окреп, затрепетал звонко и сильно; страстная мелодия полилась из-под широко проводимого смычка, полилась, красиво изгибаясь, как та змея, что покрывала своей кожей скрипичный верх; и таким огнем, такой торжествующей радостью сияла и горела эта мелодия, что и Фабию и Валерии стало жутко на сердце, и слезы выступили на глаза... а Муций, с наклоненной, прижатой к скрипке головою, с побледневшими щеками, с бровями, сдвинутыми в одну черту, казался еще сосредоточенней и важней — и алмаз на конце смычка бросал на ходу лучистые искры, как бы тоже зажженный огнем той дивной песни. Когда же Муций кончил — и все еще крепко стискивая скрипку между подбородком и плечом, уронил руку, державшую смычок. «Что это такое? Что ты нам сыграл?» — воскликнул Фабий. Валерия не промолвила ни слова — но, казалось, все ее существо повторило вопрос ее мужа. Муций положил скрипку на стол — и, слегка встряхнув волосами, с вежливой улыбкой промолвил: «Это? Эту мелодию... эту песнь я услышал раз на острове Цейлоне. Эта песнь слывет там, между народом, песнью счастливой, удовлетворенной любви». — «Повтори», — прошептал было Фабий. «Нет; этого повторять нельзя, — ответил Муций, — теперь же поздно. Синьоре Валерии следует отдохнуть; и мне пора... я устал». В течение целого дня Муций обращался с Валерией почтительно просто, как давнишний друг, но, уходя, он

пожал ей руку крепко-иакрепко, надавнв пальцами на ее ладонь — и так настойчиво заглядывая ей в лицо, что она, хоть н не подннмала век, однако почувствовала этот взгляд на внезапно вспыхнувших свонх щеках. Она ннчего не сказала Муцию, но отдернула руку, а когда он удалился, посмотрела на дверь, через которую он вышел. Она вспомнила, как и в прежние года она его побанвалась... н теперь нашло на нее недоумение. Муцнй ушел в свой павильон; супруги отправились в спальню.

IV

Валерня не скоро заснула; кровь ее тихо и томно волновалась, и в голове слегка звенело... от странного того вина, как она полагала, а может быть, и от рассказов Муция, от игры его на скрипке... К утру она иаконец заснула, и ей привиделся необычайный сон.

Ей почуднлось, что вступает она в просторную комнату с низким сводом... Такой комнаты она в жизнн не видывала. Все стены выложены мелкими голубымн изразцами с золотымн «травами»; тонкне резные столбы из алебастра подпнрают мраморный свод; самый этот свод и столбы кажутся полупрозрачнымн... бледно-розовый свет отовсюду проникает в комнату, озаряя все предметы таинственно н однообразно; парчовые подушки лежат на узком ковре по самой середине гладкого, как зеркало, пола. По углам едва заметно дымятся высокие курнльницы, представляющие чудовищных зверей; окон нет нигде; дверь, завешенная бархатиым пологом, безмолвно чернеет во впадине стены. И вдруг этот полог тихонько скользит, отодвнгается... и выходит Муций. Он кланяется, раскрывает объятия, смеется... Его жесткие рукн обвивают стан Валерии; его сухие губы обожглн ее всю... Она падает навзиичь, на подушкн...

. . . .

Стеная от ужаса, после долгих усилий, проснулась Валерня. Еще не понимая, где она н что с нею, она приподннмается на кровати, озирается... Дрожь пробегает по всему ее телу... Фабий лежит с нею рядом. Он спит, но лицо его, при свете круглой и яркой луны, глядящей в окна, бледно, как у мертвеца... оно печальнее мертвого лица. Валерня разбуднла мужа — и как только он взглянул на нее, «Что с тобою?» — воскликнул он. «Я вндела... я вндела страшный сон», — прошептала она, все еще содрогаясь.

Но в это мгновенье со стороны павнльона прннеслнсь снльные звуки, и оба, — и Фабий и Валерия, — узнали мелодию, которую сыграл им Муций, называя ее песней удовлетворенной, торжествующей любвн. Фабнй с недоуменнем посмотрел на Валерию... она закрыла глаза, отвернулась — и оба, прнтаив ды-

хание, прослушали песнь до конца. Когда замер последний звук, луна зашла за облако, в комнате вдруг потемнело... Оба супруга опустили головы на подушки, не обменявшись словом, — и ни один из них не заметил, когда заснул другой.

V

На другое утро Муций пришел к завтраку; он казался довольным — и весело приветствовал Валерию. С замешательством ответила она ему, взглянув на него мельком, и страшно ей стало от этого довольного, веселого лица, от этих пронзительных и любопытных глаз. Муций принялся было снова рассказывать... но Фабий прервал его на первом слове.

— Ты, видно, не мог заснуть на новом месте? Мы с женою слышали, как ты сыграл вчерашнюю песнь.

— Да? Вы слышали? — промолвил Муций. — Я ее сыграл точно, но я спал перед тем и даже видел удивительный сон.

Валерия насторожилась.

— Какой сон? — спросил Фабий.

— Я видел, — отвечал Муций, не спуская глаз с Валерии, будто я вступаю в просторную комнату со сводом, убранную по-восточному. Резные столбы подпирали свод, стены были покрыты изразцами, и хотя не было ни окон, ни свечей, всю комнату наполнял розовый свет, точно она вся была сложена из прозрачного камня. По углам дымились китайские курильницы, на полу лежали парчовые подушки вдоль узкого ковра. Я вошел через дверь, завешанную пологом, а из другой двери, прямо напротив — появилась женщина, которую я любил когда-то. И до того она мне показалась прекрасной, что я загорелся весь прежнею любовью...

Муций знаменательно умолк. Валерия сидела неподвижно и только медленно бледнела... и дыхание ее стало глубже.

— Тогда, — продолжал Муций, — я проснулся и сыграл эту песнь.

— Но кто была эта женщина? — проговорил Фабий.

— Кто она была? Жена одного индейца. Я встретился с нею в городе Дели... Ее уже теперь нет в живых. Она умерла.

— А муж? — спросил Фабий, сам не зная, зачем он это спрашивает.

— Муж тоже, говорят, умер. Я их обоих скоро потерял из виду.

— Странно, — заметил Фабий. — Моя жена тоже видела нынешней ночью необыкновенный сон, — Муций пристально взглянул на Валерию, — который она мне не рассказала, — добавил Фабий.

Но тут Валерия встала и вышла из комнаты. Тотчас после завтрака Муций тоже ушел, объявив, что ему нужно быть в Ферраре по делам и что он раньше вечера не вернется.

VI

За несколько недель до возвращения Муция Фабий начал портрет своей жены, изобразив ее с атрибутами святой Цецилии. Он значительно подвинулся в своем искусстве; знаменитый Луини, ученик Леонардо да Винчи, приезжал к нему в Феррару и, помогая ему собственными советами, передавал также наставления своего великого учителя. Портрет был почти совсем готов, осталось докончить лицо несколькими штрихами — и Фабий мог бы по справедливости гордиться своим произведением. Отпустивши Муция в Феррару, он отправился в свою студию, где Валерия обыкновенно его ожидала, но он не нашел ее там; кликнул ее — она не отозвалась. Фабием овладело тайное беспокойство; он принялся ее отыскивать. В доме ее не было; Фабий побежал в сад — и там, в одной из отдаленнейших аллей, он увидел Валерию. С опущенной на грудь головою, со скрещенными на коленях руками, она сидела на скамье — а за ней, выделяясь из темной зелени кипариса, мраморный сатир, с искаженным злорадной усмешкой лицом, прикладывал к свирели свои заостренные губы. Валерия заметно обрадовалась появлению мужа и на его тревожные вопросы ответила, что у ней немного болит голова, но это ничего не значит — и что она готова пойти на сеанс. Фабий привел ее в студию, усадил, взялся за кисть, но, к великой своей досаде, никак не мог кончить лица так, как бы он того желал. И не потому, что оно было несколько бледно и казалось утомленным... нет, но того чистого, святого выражения, которое так ему в нем нравилось и которое навело его на мысль представить Валерию в образе святой Цецилии, — он сегодня не находил. Он, наконец, бросил кисть, сказал жене, что он не в ударе, что и ей не мешало бы прилечь, так как на вид она кажется не совсем здоровой, — и поставил мольберт с картиной лицом к стене. Валерия согласилась с ним, что ей следует отдохнуть, и, повторив свою жалобу на головную боль, удалилась к себе в спальню.

Фабий остался в студии. Он чувствовал странное, ему самому непонятное смущение. Пребывание Муция под его кровом, пребывание, на которое он, Фабий, сам напросился, стесняло его. И не то чтобы он ревновал... возможно ли было ревновать Валерию! — но в своем друге он не узнавал прежнего товарища. Все то чуждое, неизвестное, новое, что Муций вынес с собою из тех далеких стран и что, казалось, вошло ему в плоть и кровь, — все эти магические приемы, песни, странные напитки, этот немой малаец, самый даже пряный запах, которым отдавало от одежды Муция, от его волос, от его дыхания, — все это внушало Фабию чувство, похожее на недоверчивость, пожалуй, даже на робость. И отчего этот малаец, служа за столом, с таким неприятным вниманием глядит на него, Фабия? Право, иной мог бы подумать, что он понимает по-итальянски. Муций

говорил о нем, что, поплатившись языком, этот малаец принес великую жертву — и зато обладает теперь великою силой. Какою силою? И как он мог приобрести ее ценою языка? Все это очень странно! Очень непонятно! Фабий пошел к жене в спальню; она лежала на постели, одетая — но не спала. Услышав его шаги, она вздрогнула, потом опять обрадовалась ему так же, как и в саду. Фабий сел возле кровати, взял Валерию за руку и, помолчав немного, спросил ее: какой это необыкновенный сон напугал ее нынешней ночью? И был ли он вроде того сна, о котором рассказывал Муций? Валерия покраснела и поспешно промолвила: «О нет! нет! я видела... какое-то чудовище, которое хотело растерзать меня». — «Чудовище? В образе человека?» — спросил Фабий. «Нет, зверя... зверя!» — И Валерия отвернулась и скрыла в подушки свое пылавшее лицо. Фабий еще некоторое время подержал руку жены, молча поднес ее к губам своим — и удалился.

Невесело провели этот день оба супруга. Казалось, что-то темное нависло над их головами... но что это было — они назвать не могли. Им хотелось быть вместе — словно опасность им грозила, а что сказать друг другу — они не знали. Фабий попытался было взяться за портрет, читать Ариоста, поэма которого, недавно перед тем появившаяся в Ферраре, уже гремела по Италии, но ничего не удавалось... Поздно вечером, к самому ужину, вернулся Муций.

VII

Он казался спокойным и довольным — но рассказывал мало; все больше расспрашивал Фабия о прежних общих знакомых, о немецком походе, об императоре Карле; говорил о своем желании съездить в Рим, посмотреть на нового папу. Он опять предложил Валерии ширазского вина — и в ответ на ее отказ промолвил, словно про себя: «Теперь уже не нужно». Вернувшись с женою в спальню, Фабий скоро заснул... и, проснувшись час спустя, мог убедиться, что никто не разделял его ложа: Валерии не было с ним. Он быстро приподнялся — и в то же мгновение увидел жену, в ночном платье, входившую из сада в комнату. Луна светила ярко, хотя незадолго перед тем пробежал легкий дождик. С закрытыми глазами, с выражением тайного ужаса на неподвижном лице, Валерия приблизилась к постели и, ощупав его протянутыми вперед руками, легла поспешно и молча. Фабий обратился к ней с вопросом — но она ничего не ответила; казалось, она спала. Он коснулся ее — и почувствовал на ее одежде, на ее волосах дождевые капли — а на подошвах ее обнаженных ног — песчинки. Тогда он вскочил и побежал в сад через полуоткрытую дверь. Лунный, до жесткости яркий свет обливал все предметы. Фабий оглянулся — и увидел на песке дорожки следы двойной пары ног — одна пара была босая, и вели эти следы к беседке из жасминов,

находившейся в стороне между павильоном и домом. Он остановился в недоумении — и вот внезапно снова раздаются звуки той песни, которую он уже слышал в прошлую ночь. Фабий вздрагивает, вбегает в павильон... Муций стоит посреди комнаты и играет на скрипке. Фабий бросается к нему.

— Ты был в саду, ты выходил, твое пальто мокро от дождя?

— Нет... не знаю... кажется... не выходил... — с расстановкой отвечает Муций, словно удивленный приходом Фабия и его волнением.

Фабий схватывает его за руку.

— И почему ты опять играешь эту мелодию? Разве ты опять видел сон?

Муций взглядывает на Фабия с тем же удивлением — и молчит.

— Месяц стал, как круглый щит —
Как змея, река блестит...
Друг проснулся, недруг спит —
Ястреб курочку когтит!..
Помогай! —

бормочет Муций нараспев, как бы в забытьи.

Фабий отступил шага на два, уставился на Муция, подумал... и вернулся в дом, в спальню.

Склонив голову на плечо и бессильно раскинув руки, Валерия спала тяжелым сном. Он не скоро ее добудился... но как только она увидела его, она бросилась к нему на шею, обняла его судорожно, все тело ее трепетало.

— Что с тобой, моя дорогая, что с тобою? — повторял Фабий, стараясь ее успокоить. Но она продолжала замирать на его груди.

— Ах, какие страшные сны я вижу, — шептала она, прижимаясь к нему лицом. Фабий хотел было ее расспросить... но она только содрогалась...

Ранним отблеском утра заалелись стекла окон, когда она наконец задремала в его объятиях.

VIII

На другой день Муций исчез с утра, а Валерия объявила мужу, что намерена съездить в соседний монастырь, где проживал ее духовный отец, старый и степенный монах, к которому она питала безграничное доверие. На расспросы Фабия она ответила, что желает облегчить исповедью свою душу, обремененную необычайными впечатлениями последних дней. Глядя на осунувшееся лицо Валерии, слушая ее угасший голос, Фабий и сам одобрил ее намерение; почтенный отец Лоренцо мог преподать ей полезный совет, рассеять ее сомнения... Под охраной четырех провожатых Валерия отправилась в монастырь, — а Фабий остался дома и до возвращения жены пробродил по са-

ду, стараясь понять, что происходило с нею, — и чувствуя постоянный страх, и гнев, и боль неопределенных подозрений... Он не раз заходил в павильон; но Муций не возвращался — а малаец глядел на Фабия, как истукан, подобострастно наклонив голову, с далеко — так по крайней мере показалось Фабию — далеко затаенной усмешкой на бронзовом лице. Между тем Валерия на исповеди все рассказала своему духовнику, не столько стыдясь, сколько ужасаясь. Духовник выслушал ее внимательно, благословил ее, отпустил ей ее невольный грех, а сам про себя подумал: «Колдовство, чары бесовские... это так оставить нельзя...» и вместе с Валерией отправился в ее виллу как бы для того, чтобы окончательно ее успокоить и утешить. При виде духовника Фабий несколько перетревожился, но многоопытный старец заранее обдумал, как поступить ему следовало. Оставшись наедине с Фабием, он, конечно, не выдал тайны исповеди, однако посоветовал ему удалить, буде возможно, из дому приглашенного им гостя, который своими рассказами, песнями, всем поведением своим расстраивал воображение Валерии. Притом, по мнению старца, Муций и прежде, помнится, не совсем был тверд в вере, а, побывав такое долгое время в странах, не озаренных светом христианства, мог вынести оттуда заразу ложных учений, мог даже спознаться с тайнами магии; а потому хотя старинная дружба и предъявляла свои права, однако благоразумная осторожность указывала на необходимость разлуки! Фабий вполне согласился с почтенным монахом, Валерия даже просветлела вся, когда муж сообщил ей совет духовника, — и, напутствуемый благими пожеланиями обоих супругов, снабженный богатыми подарками для монастыря и для бедных, отец Лоренцо отправился домой.

Фабий намеревался тотчас после ужина объясниться с Муцием; но странный гость его не возвратился к ужину. Тогда Фабий решил отсрочить разговор с Муцием до следующего дня — и оба супруга удалились в свою опочивальню.

IX

Валерия скоро заснула; но Фабий заснуть не мог. В ночной тишине ему живее представилось все виденное, все прочувствованное им; он еще настойчивее задавал себе вопросы, на которые по-прежнему не находил ответа. Точно ли Муций стал чернокнижником — и уж не отравил ли он Валерию? Она больна... но какою болезнью? Пока он, положив голову на руку и сдерживая горячее дыхание, предавался тяжелому раздумью — луна опять взошла на безоблачное небо, и вместе с ее лучами, сквозь полупрозрачные стекла окон, со стороны павильона — или это почудилось Фабию? — стало вливаться дуновение, подобное легкой, пахучей струе... вот слышится назойливое, страстное шептание... И в тот же миг он заметил, что Валерия

начинает слабо шевелиться. Он встрепенулся, смотрит: она приподнимается, опускает сперва одну ногу, потом другую с постели — и, как лунатик, безжизненно устремив прямо перед собою потускневшие глаза, протянув вперед руки, направляется к двери сада! Фабий — мгновенно вскочил в другую дверь спальни — и, проворно обежав угол дома, припер ту, что вела в сад... Едва он успел ухватиться за замок, как уже почувствовал, что кто-то силится отворить дверь изнутри, налегает на нее... еще и еще... потом раздались трепетные стенанья...

«Но ведь Муций не вернулся из города?» — мелькнуло в голове Фабия — и он бросился к павильону...

Что же он видит?

Навстречу ему по дороге, ярко залитой блеском месячных лучей, идет, тоже как лунатик, тоже протянув руки вперед и безжизненно раскрыв глаза, — идет Муций... Фабий подбегает к нему — но тот, не замечая его, идет, мерно выступая шаг за шагом — и неподвижное лицо его смеется при свете луны, как у малайца. Фабий хочет кликнуть его по имени... но в это мгновение он слышит: сзади его, в доме, стукнуло окно... Он оглядывается...

Действительно: окно спальни распахнулось сверху донизу — и, занеся ногу через порог, стоит в окне Валерия... руки ее как будто ищут Муция... она вся тянется к нему.

Несказанное бешенство залило грудь Фабия внезапно нахлынувшей волной. «Проклятый колдун!» — возопил он неистово — и схватил Муция одной рукою за горло, он нащупал другою кинжал в его поясе — и по самую рукоятку воткнул лезвие ему в бок.

Пронзительно закричал Муций — и, притиснув ладонью рану, побежал, спотыкаясь, назад в павильон... Но в самый тот миг, когда его ударил Фабий, так же пронзительно закричала Валерия и, как подкошенная, упала на землю.

Фабий бросился к ней, поднял ее, понес на кровать, заговорил с нею...

Она долго лежала неподвижно, но открыла наконец глаза, вздохнула глубоко, прерывисто и радостно, как человек, только что спасенный от неминучей смерти, — увидела мужа — и, обвив его шею руками, прижалась к его груди. «Ты, ты, это ты», — лепетала она. Понемногу руки ее разжались, голова откинулась назад и, прошептав с блаженной улыбкой: «Слава богу, все кончено... Но как я устала!» — она заснула крепким, но не тяжелым сном.

X

Фабий опустился возле ее ложа — и, не спуская глаз с ее бледного и похудевшего, но уже успокоенного лица, начал размышлять о том, что произошло... а также о том, как поступить ему теперь? Что предпринять? Если он убил Муция, — а вспом-

нив о том, как глубоко вошло лезвие кинжала, он в этом сомневаться не мог, — если он убил Муция — то нельзя же это скрыть! Следовало довести это до сведения герцога, судей... но как объяснить, как рассказать такое непонятное дело? Он, Фабий, убил, у себя в доме, своего родственника, своего лучшего друга! Станут спрашивать: за что? по какому поводу?.. Но если Муций не убит? Фабий не в силах был оставаться долее в неведении — и, удостоверившись, что Валерия спит, он осторожно встал с кресла, вышел из дому — и направился к павильону. Все в нем было тихо, только в одном окне виднелся свет. С замиравшим сердцем раскрыл он наружную дверь (на ней остался след окровавленных пальцев, и по песку дороги чернели капли крови) — и перешел первую темную комнату... и остановился на пороге, пораженный изумлением.

Посреди комнаты, на персидском ковре, с парчовой подушкой под головою, покрытый широкой красной шалью с черными разводами, лежал, прямо вытянув все члены, Муций. Лицо его, желтое, как воск, с закрытыми глазами, с посинелыми веками было обращено к потолку, не было заметно дыхания: он казался мертвецом. У ног его, тоже закутанный в красную шаль, стоял на коленях малаец. Он держал в левой руке ветку неведомого растения, похожего на папоротник, — и, наклонившись слегка наперед, неотвратно глядел на своего господина. Небольшой факел, воткнутый в пол, горел зеленоватым огнем и один освещал комнату. Пламя не колебалось и не дымилось. Малаец не пошевельнулся при входе Фабия, только вскинул на него глаза — и опять устремил их на Муция. От времени до времени он приподнимал и опускал ветку, потрясал ею в воздухе — и немые его губы медленно раскрывались и двигались, как бы произнося беззвучные слова. Между малайцем и Муцием лежал на полу кинжал, которым Фабий поразил своего друга; малаец раз ударил той веткой по окровавленному лезвию. Прошла минута... другая. Фабий приблизился к малайцу и, нагнувшись к нему, промолвил вполголоса: «Умер?» Малаец наклонил голову сверху вниз и, высвободив из-под шали свою правую руку, указал повелительно на дверь. Фабий хотел было повторить свой вопрос — но повелевающая рука возобновила свое движение — и Фабий вышел вон, негодуя и дивясь, но повинуясь.

Он нашел Валерию, спавшую по-прежнему, с еще более успокоенным лицом. Он не разделся, присел под окном, подперся рукою — и снова погрузился в думу. Поднявшееся солнце застало его на том же самом месте. Валерия не просыпалась.

XI

Фабий хотел дождаться ее пробуждения и уехать в Феррару — как вдруг кто-то легонько постучал в дверь спальни. Фабий вышел и увидел перед собою своего старого дворецкого Антонио.

— Сеньор, — начал старик, — малаец иам сейчас объявил, что сеньор Муций заиемог и желает перебраться со всеми своими пожитками в город, а потому просит вас, чтобы вы дали ему в помощь людей для укладки вещей, — а к обеду прислали бы вьючных и верховых лошадей да несколько провожатых. Вы позволяете?

— Малаец тебе объявил это? — спросил Фабий. — Каким образом? Ведь он немой.

— Вот, сеньор, бумага, на которой он это все иаписал на нашем языке, очеиь правильно.

— И Муций, ты говоришь, болеи?

— Да, очеиь болен — и видеть его нельзя.

— За врачом не посылали?

— Нет. Малаец не позволил.

— И это написал тебе малаец?

— Да, ои.

Фабий помолчал.

— Ну, что ж — распорядись, — промолвил ои наконец.

Антонио удалился.

Фабий с иедоумением посмотрел вслед своему слуге. «Стало быть, ие убит?» — подумалось ему... и он не зиал, радоваться или сожалеть. Болеи? Но иесколько часов тому назад ведь мертвеца же он видел.

Фабий вернулся к Валерии. Она проснулась и приподняла голову. Супруги обменялись долгим, значительиым взглядом. «Его уже нет?» — промолвила вдруг Валерия. Фабий вздрогнул. «Как... нет? Ты разве... Ои уехал?» — продолжала она. Фабию отлегло от сердца. «Нет еще; но он уезжает сегодня». — «И я его больше иикогда, никогда не увижу?» — «Никогда». — «И те сны ие повторятся?» — «Нет». Валерия опять радостно вздохиула; блаженная улыбка появилась опять на ее губах. Оиа протяиула обе руки мужу. «И мы не будем никогда говорить о нем, никогда, слышишь, мой милый? И я из комиаты не выйду — пока ои ие уедет. А ты теперь пришли мне моих служанок... да постой: возьми ты эту вещь! — оиа указала на жемчужиое ожерелье, лежавшее на ночном столике, ожерелье, данное ей Муцием, — и брось его тотчас в самый наш глубокий колодезь. Обними меня — я твоя Валерия — и не приходи ко мне, пока... тот ие уедет». Фабий взял ожерелье — жемчужины показались ему потускневшими — и исполнил приказание своей жены. Потом ои стал скитаться по саду, издали поглядывая на павильои, около которого уже иачалась возня укладки. Люди выиосили суидуки, вьючили лошадей... но малайца не было между ними. Неотразимое чувство влекло Фабия посмотреть еще раз на то, что происходило в павильоие. Он вспомнил, что на заднем его фасе находилась потаенная дверь, через которую можно было проиикиуть во внутренность комнаты, где утром

лежал Муций. Он подкрался к той двери, нашел ее незапертою и, раздвинув полости тяжелого занавеса, бросил нерешительный взгляд.

XII

Муций уже не лежал на ковре. Одетый в дорожное платье, он сидел в кресле, но казался трупом, так же, как в первое посещение Фабия. Окаменелая голова завалилась на спинку кресла, и протянутые, плашмя положенные руки неподвижно желтели на коленях. Грудь не поднималась. Около кресла, на полу, усеянном засохшими травами, стояло несколько плоских чашек с темной жидкостью, издававшей сильный, почти удушливый запах, запах мускуса. Вокруг каждой чашки свернулась, изредка сверкая золотыми глазками, небольшая змейка медного цвета, а прямо перед Муцием, в двух шагах от него, возвышалась длинная фигура малайца, облаченного в парчовую пеструю хламиду, подпоясанную хвостом тигра, с высокой шляпой в виде рогатой тиары на голове. Но он не был неподвижен; он только благоговейно кланялся и словно молился, то опять выпрямлялся во весь рост, становился даже на цыпочки, то мерно и широко разводил руками, то настойчиво двигал ими в направлении Муция, и, казалось, грозил или повелевал, хмурил брови и топал ногою. Все эти движения, видимо, стоили ему большого труда, причиняли даже страдания: он дышал тяжело, пот лил с его лица. Вдруг он замер на месте и, набрав в грудь воздуха, наморщивши лоб, напряг и потянул к себе свои сжатые руки, точно он вожжи в них держал... и, к неописанному ужасу Фабия, голова Муция медленно отделилась от спинки кресла и потянулась вслед за руками малайца... Малаец отпустил их — и Муциева голова опять тяжело откинулась назад; малаец повторил свои движения — и послушная голова повторила их за ними. Темная жидкость в чашках закипела; самые чашки зазвенели тонким звоном, и медные змейки волнообразно зашевелились вокруг каждой из них. Тогда малаец ступил шаг вперед и, высоко подняв брови и расширив до огромности глаза, качнул головою на Муция... и веки мертвеца затрепетали, неровно расклеились, и из-под них показались тусклые, как свинец, зеницы. Гордым торжеством и радостью, радостью почти злобной, просияло лицо малайца; он широко раскрыл свои губы, и из самой глубины его гортани с усилием вырвался протяжный вой... Губы Муция раскрылись тоже, и слабый стон задрожал на них в ответ тому нечеловеческому звуку...

Но тут Фабий не выдержал более: ему представилось, что он присутствует на каких-то бесовских заклинаниях. Он тоже закричал и бросился бежать без оглядки домой, скорей домой, творя молитвы и крестясь.

XIII

Часа три спустя Антонио явился к нему с докладом, что все готово, все вещи уложены и синьор Муций собирается в отъезд. Ни слова не ответив своему слуге, Фабий вышел на террасу, откуда был виден павильон. Несколько вьючных лошадей скучилось перед ним: к самому крыльцу был подведен могучий вороной жеребец с широким седлом, приспособленным для двух седоков. Тут же стояли слуги с обнаженными головами, вооруженные провожатыми. Дверь павильона растворилась, и, поддерживаемый малайцем, снова надевшим обычное платье, Муций появился.

Лицо его было мертвенно и руки висели, как у мертвеца, — но он переступал... да! переступал ногами и, посаженный на коня, держался прямо и ощупью нашел поводья. Малаец вдел ему ноги в стремена, вскочил сзади его на седло, обхватил рукой его стан — и весь поезд двинулся. Лошади шли шагом, и когда они заворачивали перед домом, Фабию почудилось, что на темном лице Муция мелькнуло два белых пятнышка... Неужели это он к нему обратил свои зрачки? Один малаец ему поклонился... насмешливо, по обыкновению.

Видела ли все это Валерия? Жалюзи ее окон были закрыты... но, может быть, она стояла позади их.

XIV

К обеду она пришла в столовую и очень была тиха и ласкова, однако все еще жаловалась на усталость. Но ни тревоги уже не было в ней, ни прежнего постоянного изумления и тайного страха, и когда, на другой день после отъезда Муция, Фабий снова принялся за ее портрет, он нашел в ее чертах то чистое выражение, мгновенное затмение которого так смутило его... и кисть побежала по полотну легко и верно.

Супруги зажили прежней жизнью. Муций для них исчез, как будто его никогда не существовало. И Фабий и Валерия, оба точно условились не упоминать о нем ни единым звуком, не осведомляться о его дальнейшей судьбе: она, впрочем, и для всех осталась тайной. Муций действительно исчез, точно провалился сквозь землю. Фабию однажды показалось, что он обязан рассказать Валерии, что именно произошло в ту роковую ночь... но она, вероятно, угадала его намерение и притаила дыхание, глаза ее прищурились, точно она ожидала удара... И Фабий ее понял: он не нанес ей этого удара.

В один прекрасный осенний день Фабий оканчивал изображение святой Цецилии; Валерия сидела перед органом, и пальцы ее бродили по клавишам... Внезапно, помимо ее воли, под ее руками зазвучала та песнь торжествующей любви, которую некогда играл Муций, — и в тот же миг, в первый раз после

ее брака, она почувствовала внутри себя трепет новой, зарождающейся жизни... Валерия вздрогнула и остановилась...

Что это значило? Неужели же...

На этом слове оканчивалась рукопись.

1881

АЙЗЕК АЗИМОВ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

Лучи солнца проникли сквозь кроны деревьев на поляну, осветив картину хаоса и разрушений. Вчера еще здесь стоял деревянный дом, теперь же от него осталась лишь груда развалин. Казалось, одна стена была начисто снесена взрывом и лежала на земле грудой обломков; крыша провалилась внутрь, словно какой-то великан оставил там свой след.

Однако то, что явилось причиной катастрофы, все еще находилось здесь, на развалинах дома. Погнутые балки и металлические крепления беспорядочно переплелись с остатками лабораторного оборудования, некогда аккуратно размещенного в одной из комнат дома; неподалеку валялись части неизвестного двигателя. Сверху располагалась какая-то труба: возможно, это был космический корабль. Этот огромный металлический предмет, лежавший поперек сломаной крыши, теперь лишь отдаленно напоминал некогда гладкий цилиндр, однако внимательный наблюдатель мог быдогадаться, что здесь разбился космический корабль. В комнате, где когда-то была лаборатория, начался пожар, и языки пламени лизали металлический каркас, медленно расползаясь вокруг.

На поляне распростерлись два тела, примерно одного роста и сложения, но на этом сходство кончалось. Одно принадлежало смуглому обнаженному мужчине средних лет; лицо его было изуродовано до неузнаваемости. Голова его неестественно вывернулась, что безошибочно указывало на перелом шеи. Второй ростом и внешностью напоминал могучее племя некогда живших викингов-мореходов. Однако черты его лица говорили о принадлежности к более развитой культуре. Он был полностью одет, и едва заметное колыхание его груди указывало на то, что он еще жив. Рядом с ним валялась сломанная опорная балка со следами крови. Голова его была сильно окровавлена, однако рана опасности не представляла: его всего лишь оглушило.

Он неловко пошевелился и с трудом поднялся на ноги; слег-

ка пошатываясь, покрутил головой и ощупал рану на лбу. Он медленно обвел глазами поляну и ярко пылающие обломки. Затем его внимание привлек труп, и он перевернул его, чтобы осмотреть шею. Нахмурив брови, он яростно потряс головой, безуспешно пытаясь что-то вспомнить.

Память не возвращалась. Он узнавал то, что видел, но в голове не было для этого ни слов, ни названий; что было до этого — он не помнил. Его первое воспоминание было связано с пробуждением и невыносимой головной болью. Взгляд его равнодушно скользнул по ракете: он понял, что она упала на крышу, потеряв управление, однако вид ее не вызвал у него никаких ассоциаций, и он перестал о ней думать. В момент катастрофы он мог быть как в доме, так и в ракете; сказать, где именно, он не мог. Возможно, что в тот момент раздетый мужчина спал в доме.

В глубине его подсознания возникло смутное беспокойство: оно становилось все сильнее, заставляя что-то предпринять. Ему нельзя терять ни минуты, его ждет задача особой важности. Какая именно? В какое-то мгновение он почти вспомнил, но мысль опять ускользнула, оставив лишь сознание острой необходимости, которой следует подчиниться. Он пожал плечами и направился прочь от развалин к узкой тропинке, которая виднелась между деревьями.

Новый импульс заставил его вернуться к трупу, и он подчинился безоговорочно. Безотчетно он уцепился за труп и, обнаружив, что он довольно тяжел, поволок его к дому. Огонь был теперь повсюду, однако, найдя место, где жар был не таким сильным, он положил труп на груду горящих головешек.

Погасив второй импульс, он с новой силой ощутил действие первого и медленно направился вниз по тропинке. Ботинки ему жали, ноги распухли, но он продолжал угрюмо брести вперед, снова и снова возвращаясь к одним и тем же вопросам. Кто он, где он, как попал сюда?

Хозяин этого дома, будь то он сам или тот другой, безусловно, поселился здесь, ища уединения; казалось, тропинке не будет конца, но он так и не заметил вокруг никаких признаков жилья. Тяжело ступая, он продолжал свой путь, не зная, будет ли конец этой дороге, как вдруг ряд перекрещенных столбов с проводами привлек его внимание. Впереди он различил широкое шоссе, по которому взад и вперед сновали машины; ускорив шаг, он устремился вперед в надежде кого-нибудь встретить.

Ему повезло. На обочине стояла машина, и какой-то человек копался в ее переднем отсеке. Его слух уловил слова, говорящие о крайней степени раздражения. Он усмехнулся и двинулся к машине, устремив взгляд на голову мужчины. Сильное напряжение на миг сдавило его мозг и сразу же отпустило. Он подошел к машине.

— Вам помочь? — Фраза эта вырвалась непроизвольно, и сейчас же на него нахлынули незнакомые слова, мысли, знания, которые были ему доселе неведомы. Однако ни вид этого человека, ни чего-либо другого, что могло бы пробудить к жизни нужный сектор его памяти, не приблизили его к разгадке собственной личности, и в этом было какое-то несоответствие. Побудительный импульс, который им владел, по-прежнему был необъясним.

Услышав его голос, мужчина поднял голову, и его мокрое от пота лицо просветлело.

— Помощь — именно то, что мне нужно, — сказал он с благодарностью. — Маюсь с этой треклятой штуковиной уже битый час, и хоть бы кто остановился. Разбираешься в этом деле?

— М-м-м. — Пришелец, так он сам называл себя за неимением лучшего имени, проверил провода, испытывая смутное беспокойство по поводу примитивности устройства. Зайдя с другой стороны, он поднял капот и осмотрел весь мотор. Затем, ощутив неожиданную уверенность, открыл сумку с инструментами. — Пожалуй, здесь... м-м... зажигание с опережением, — сказал он.

Так оно и оказалось. Через несколько минут двигатель тихо заурчал, и водитель повернулся к незнакомцу.

— Думаю, все о'кэй. Слава богу, что я вас встретил: дорога здесь — хуже некуда, и ни одной мастерской. Вам куда?

— Я... — Пришелец вовремя спохватился. — В город, — сказал он, не придумав ничего другого.

— Тогда садись. Я еду в Элизабет, это как раз по пути. Буду рад компании; дорога длинная, того и гляди начнешь заговариваться. Куришь?

— Нет, спасибо, я не курю. — Наблюдая, как тот прикуривает, он испытал какое-то неприятное ощущение. Запах дыма, достигая его, вызывал тошноту, так же, впрочем, как запах бензина и человеческого тела, но он старался думать об этом как можно меньше. — Вы ничего не слышали о каком-нибудь космическом корабле?

— А как же. Вы про тот, что строит Оглеторп? Прочел все, что было в газетах. — Водитель на минуту отвлекся от дороги, и его маленькие глазки блеснули. — Никак не мог взять в толк, почему бы этим финансовым шишкам не субсидировать ракеты, и вот вам, пожалуйста, Оглеторп берется за это дело. Может, парень, мы наконец узнаем что-нибудь о Марсе?

Незнакомец машинально усмехнулся.

— А как выглядит его корабль?

— Есть фото в «Сенсации», на обложке. Поищи-ка там, сзади. Ага, вот он. Интересно все же, как выглядят марсиане?

— Трудно сказать, — ответил Пришелец. Несмотря на блеклую и размытую фотографию, сразу было ясно, что это не

тот корабль, который разбился, а совершенно другой. — О новых ракетах что-нибудь слышно?

— Нет, во всяком случае, я не слыхал. Знаешь, мне порой кажется, что марсиане могут походить на нас. Как пить дать. — Он не уловил насмешки в словах собеседника. — Как-то раз написал об этом рассказ для журнала научной фантастики, но его вернули. Я там предположил, что когда-то, много лет назад, на Земле была иная цивилизация — ну, предположим, Атлантида — и что они потом переселились на Марс. Только Атлантида в это время затонула, и они остались не у дел. Какое-то время они скитались, а потом прилетели обратно и все начали сначала. Неплохо, правда?

— Интересно, — согласился незнакомец. — Но это где-то уже было. А если вместо этого погружения Атлантиды предположить, что между планетой-колыбелью и Марсом была война, которая уничтожила обе цивилизации? Может, это логичнее?

— Возможно. Можно было бы попробовать, но, похоже, они там предпочитают всякую чертовщину... Вот болван — кто же обгоняет в гору! — Он высунулся и погрозил кому-то пухлым кулаком, затем снова принялся за свои путаные объяснения. — На днях прочел рассказ о двух расах — одни, как осьминоги, другие — 20 футов ростом и синего цвета.

Воспоминания мучительно зашевелились и приняли почти осязаемую форму. Синий... Затем все снова пропало, и осталось какое-то тревожное чувство. Пришелец нахмурился и уселся поглубже, односложно отвечая на монолог собеседника и наблюдая из окна быстро меняющийся пейзаж.

— А вот и Элизабет. Где вас высадить?

Пришелец пошевелился, борясь с полуобморочным состоянием, вызванным страшной головной болью, и огляделся.

— Где угодно, — сказал он. Но побудительный импульс, притаившийся где-то в дальнем уголке мозга, вновь овладел им, и он добавил: — Мне нужен врач.

Это, безусловно, имело смысл. Возможно, изначально этот импульс был всего-навсего естественной потребностью в медицинской помощи. Тем не менее он не ослабевал, требуя конкретного выражения, и Пришелец сомневался в логичности всего, что могло быть с ним связано. Эта потребность никак не вязалась с ощущением страшной угнетенности, которое ее сопровождало. Машина остановилась у дома с табличкой врача, и он почувствовал, как кровь бешено пульсирует в висках.

— Вот мы и приехали. — Водитель потянулся к двери, чуть не задев руку своего спутника. Пришелец резко отдернул ее, едва избежав прикосновения, и почувствовал, как холодный пот струится у него по спине. Если бы эта рука коснулась его... Дверца снова захлопнулась, но одно он понял совершенно отчетливо. Ни в коем случае не должен он допустить, чтобы кто-либо вступил в контакт с его телом, иначе случится непоправи-

мое! Еще один ни на что не похожий безумный импульс, но слишком мощный, чтобы подавить его.

Он выбрался из машины, бормоча слова благодарности, и направился к доктору Ланэхапу: прием от 12.00 до 16.00.

Доктор, уже пожилой человек, отличался тем грубоватым и несколько прямолинейным добродушием, которое столь характерно для врачей общего профиля, и прекрасно гармонировал со своей приемной. Вдоль стены располагались книги по медицине, стеклянный шкаф с различными медикаментами и набор медицинских инструментов. Он спокойно выслушал рассказ незнакомца, подбадривая его улыбкой и постукивая карандашом по столу.

— У вас, несомненно, амнезия, — наконец сказал он, подводя итог. — Хотя в чем-то весьма своеобразная; однако в большинстве своем эти случаи глубоко индивидуальны. Когда поврежден мозг, невозможно предугадать, как он себя поведет. Вам не приходила в голову мысль о галлюцинациях в связи с побуждениями, о которых вы говорили?

— Да. — Пришелец прикинул все возможные варианты и отбросил их как несостоятельные. — Если бы это были обычные побуждения, я бы, пожалуй, с вами согласился. Но они чрезвычайно сильны и, думаю, вызваны чем-то очень серьезным. Я убежден в этом.

— М-м-м. — Врач снова постучал карандашом по столу и задумался. Пришелец сидел, уставившись в основание его шеи, и тут он снова ощутил в голове сильное напряжение: такое же, как и тогда, когда впервые увидел владельца машины. Что-то вспыхнуло у него в мозгу и потухло. — И у вас нет никаких документов?

— Гм-гм, — незнакомец начал шарить по карманам, чувствуя себя до крайности глупо. — Об этом я как-то не подумал, — пробормотал он. Он достал пачку сигарет, грязный носовой платок, очки, какие-то предметы, которые ему ни о чем не говорили, и, наконец, бумажник, набитый деньгами. — Может быть, здесь что-нибудь?

Врач быстро просмотрел его содержимое.

— Деньги у вас, безусловно, были... М-м-м, никаких документов, одни письма. Л. Х. Ага, вот оно: визитная карточка. — Он передал ее незнакомцу вместе с бумажником и довольно улыбнулся. — Вы, без сомнения, мой коллега, доктор Лертон Хейнс. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Ни о чем совершенно. — Обладать именем в известном смысле было приятно. Однако ничего другого при виде визитной карточки он не испытал. И для чего у него с собой очки и сигареты, если ему не нужно ни то, ни другое?

Врач усиленно рылся в книгах и выудил наконец какой-то том в грязном красном переплете.

— Кто есть кто, — пояснил он. — Посмотрим. Гм-гм! Ну вот. Лертон Хейнс Р., М. Д. Странно, я думал, вы моложе. Исследования в областн леченпя раковых заболеваний. Родственникн отсутствуют. Адрес наверняка того дома, который вы помнпте. Суррей. Дейнсвнль. Хотнте взглянуть?

Он передал книгу, н незнакомец — нлн Хейнс — внимательно пролнстал ее, не найдя, впрочем, ничего нового по сравнению с тем, что уже было сказано, за исключеннем того, что ему было 42 года. Он положнл кннгу на стол н, достав из бумажника деньгн, оставнл их на вндном месте.

— Благодарю вас, доктор Лаиэхан. — Было очевидио, что ннчем больше врач помочь ему не может, к тому же запах комнаты н человека вызывал у иего удушье; он явио страдал аллергией на запах другнх людей. — О ране иа голове ие беспокойтесь — она неглубокая.

— Но...

Хейнс пожал плечами и, изобразнв на лнце улыбку, открыл дверь и вновь оказался на улнце. Чувство щемящего беспокойства нсчезло, сменившись глубоким уныиием, н ои понял, что миссня его провалилась.

Оии зиали так мало о врачеваиии, хоть и старалнсь изо всех снл! Вся история меднцины пронеслась перед мыслеииым взором Хейнса с ее поразительиыми успехами и безнадежными поражениями, н ои понял, что даже его случай иаходится за гранью нх поннмаиия. Это прозрение, как и обретеиие речи, было полной загадкой; его осенило после долгого и мучнтельного напряжения, в тот самый момент, когда ои смотрел иа врача, и вслед за этим пришло отупляющее чувство провала. Тем ие менее это ие было заключеиие врача-онколога, скорее он мыслнл категорнями обычиого лечащего врача.

Ответ напрашивался сам собой, ио был слишком невероятен, чтобы в иего можио было поверить! О существовании телепатов подозревали, но не такнх, которые могли бы с одного взгляда извлечь нз глубии памятн целые страницы когда-то прочнтанных книг. Нет, это еще неправдоподобиее, чем внезапное пробуждение к жнзии отдельных участков памятн, вызванное видом этнх двух людей, встретившихся иа его путн.

На углу он остановнлся, томнмый чувством безысходиой тоски, устало размышляя о постигшей его неудаче. Увндев в в нем возможного покупателя, к иему подбежал мальчншка-газетчик.

— Свежне «Новости дия»! — забормотал он прнвычиую скороговорку. — «Сенсацня» и «Курьер»! Все об ужасиом крушеиии поезда! Газету, мистер?

Хейнс вяло пожал плечами:

— Не надо!

— Блондинка убита в ванне, — разносчик пытался соблазнить покупателя. — Все о ракете, летящей на Марс! — Он всячески старался найти уязвимое место.

Однако этот невнятный жаргон едва доходил до сознания Хейнса. Он уже двинулся на другую сторону, усиленно растирая виски, как вдруг новый мощный импульс безжалостно толкнул его назад к продавцу газет. Нашарив в кармане какую-то мелочь, он бросил пять центов на стопку газет и, оставив без внимания протянутую руку, взял номер «Сенсации».

— Козел! — Мальчишка вслух выразил свое мнение и бросился подбирать деньги.

На первой странице этой жалкой газеты уже не было фотографии, и Хейнс нашел нужное ему сообщение с некоторым трудом. «Ракета на Марс отправляется в среду» — заголовок был набран стандартным крупным шрифтом, а под ним располагался текст на три четверти колонки. «Первый полет человека на Марс состоится в срок», — заявил сегодня репортерам Джеймс Оглеторп. Скепсис ученых не поколебал бизнесмена, он претворяет свои планы в жизнь: как и задумано, его экипаж вылетит на Марс в среду, 8 июня. Строительство закончено, двигатель проходит последние испытания».

Хейнс бегло просмотрел всю страницу, отмечая наиболее характерные детали. Автор был довольно сдержан, однако его ироничные замечания снабдили Хейнса всей необходимой ему информацией. Ракета вполне может взлететь; люди подошли наконец вплотную к покорению других планет. И ничего о существовании какой-нибудь другой ракеты. А это значит, что та, другая, должно быть, строилась втайне, в безнадежной попытке опередить Оглеторпа.

Но все это не имело значения. Важно было расстроить все эти планы! Ни в коем случае не должны люди совершить этот полет! Это решение было нелепо, но к нему не годились мерки простого здравого смысла. Его долг состоял в том, чтобы не допустить подобного полета, и обсуждению это не подлежит.

Он быстро вернулся к газетчику и хотел уже было тронуть его за плечо, но почувствовал, как протянутая рука дернулась, стараясь избежать контакта. Мальчишка, видимо, уловил это движение.

— Вам газету? — оживленно начал он, быстро повернувшись и еще не узнавая незнакомца. — А-а... это вы. В чем дело?

— Откуда идет поезд на Нью-Йорк? — Хейнс вытащил из кармана двадцать пять центов и бросил монету на пачку газет.

Глаза у мальчишки снова заблестели.

— Пройдете четыре квартала вниз, повернете направо и там прямо, пока не упретесь в станцию. Сразу ее увидите. Спасибо, мистер.

Тот факт, что телефонный справочник может служить источником информации, был первым и последним радостным открытием Хейса, и то, что первый Оглеторп в списке оказался цветным чистильщиком улиц, не могло его омрачить. И вот он с трудом тащился в направлении центра города, машинально отсчитывая номера, которые ни о чем не говорили; их совершенно очевидно объединяла система простой арифметической прогрессии независимо от улиц.

Плечи его ссутулились, глаза ввалились, и глубокие морщины сошлись на переносице. У него начался долгий приступ мучительного, раздирающего легкие кашля, потом все успокоилось. Это было какое-то новое проявление, так же, как и чувство тяжести в области сердца. И повсюду был этот тошнотворный запах людей, бензина и табака — затхлая смесь, от которой невозможно было укрыться. Он поглубже засунул руки в карманы, чтобы случайно не коснуться кого-нибудь из прохожих, перешел улицу и направился к дому, который искал.

Какой-то мужчина входил в лифт, и он машинально последовал за ним, испытывая облегчение при мысли, что ему не придется тащиться по лестнице.

— Где я могу найти Оглеторпа? — неуверенно спросил он лифтера.

— Пятый этаж, комната 405. — Мальчишка распахнул дверь, и Хейс проследовал в указанном направлении, сразу же оказавшись в отделанной блестящим металлом приемной. В ней было с полдюжины дверей, однако он сразу же заметил дощечку с надписью «Джеймс Х. Оглеторп, личный кабинет» и неуклюже двинулся вперед.

— Вам назначено, сэр? — Девушка появилась словно чертик из коробки, придерживая рукой дверь, которая преграждала ему путь. Лицо ее выражало крайнее разочарование, и в этом, возможно, крылась причина ее резкого тона. Затем она произнесла сакраментальную фразу Горация, охраняющего мост: — Господин Оглеторп сейчас занят.

— У нас ленч, — коротко ответил Хейс. Он успел заметить, что за едой люди чувствуют себя свободнее.

В руках у нее появилась маленькая записная книжка. Внимательно изучив ее, она сказала:

— Приглашение на ленч у меня не записано, г-н...

— Хейс. Доктор Лертон Хейс. — Он кисло улыбнулся, небрежно вертя в руках 20-долларовую бумажку. Было очевидно, что для всех деньги являются слабым местом. Взгляд ее остановился на купюре, и в голосе появилось некоторое замешательство.

Продолжая рыться в записной книжке, она сказала:

— Ну конечно, видимо, г-н Оглеторп договорился с вами уже давно и просто забыл мне сказать...

Он слегка кивнул ей и положил купюру на край стола. Не отрывая взгляда от его руки, она сказала:

— Присядьте, пожалуйста, я сейчас поговорю с г-ном Оглеторпом.

Через несколько минут она вышла из кабинета и подмигнула ему.

— Он совсем забыл, — сказала она Хейнсу, — но я уже все уладила. Сейчас он выйдет, доктор Хейнс. Вам повезло, он сегодня еще не завтракал.

Джеймс Оглеторп оказался гораздо моложе, чем предполагал Хейнс, хотя, возможно, этим и объяснялся его интерес к ракетам. Он вышел из кабинета, надвинув на лоб фетровую шляпу, из-под которой виднись черные волосы, и оглядел незнакомца с головы до ног.

— Доктор Хейнс? — осведомился он, протягивая большую и сильную руку. — Похоже, мы собирались вместе позавтракать.

Хейнс быстро встал и слегка поклонился, прежде чем собеседник успел схватить его за руку. Оглеторп явно не обратил на это внимания и продолжал как ни в чем не бывало:

— Эти телефонные разговоры иногда просто вылетают из головы. А вы не тот самый специалист по раку? Кто-то из ваших друзей был здесь несколько месяцев назад по поводу финансовой поддержки ваших исследований.

Они вошли в лифт, и только когда двери открылись и они направились в ресторан, расположенный в этом же здании, Хейнс сказал:

— На этот раз я приехал не за деньгами. Меня интересует ракета, строительство которой вы финансируете. Мне кажется, из этого выйдет толк.

— Я в этом уверен, хотя вы один из немногих, кто верит в успех. — На лице Оглеторпа отразились одновременно интерес и осторожность. Он сделал заказ и повернулся к Хейнсу.

— Хотите участвовать в полете? Если да, то место врача в команде еще не занято.

— Нет, дело совсем не в этом... Только молоко и гренки... — Хейнс не знал, как лучше изложить дело, не имея конкретных доказательств. Глядя на жесткую линию подбородка своего собеседника и ощущая всю силу настойчивости этого человека, он оставил всякую надежду и продолжал говорить просто по инерции. Он отдался своему воображению, размышляя в душе, насколько он может быть близок к истине.

— Другая ракета уже проделала этот путь, г-н Оглеторп, и вернулась обратно. Но пилот погиб до того, как она приземлилась. Я могу показать вам обломки этой ракеты, хотя навряд ли что-то осталось после пожара — возможно, слишком мало, чтобы доказать, что это был космический корабль. Где-то там, на Марсе, есть нечто, что люди не должны обнаружить. Это...

— Прнвидення? — быстро подсказал Оглеторп.

— Это смерть! И я спрашиваю вас...

Оглеторп снова перебнл его:

— Не надо, не продолжайте. Вчера ко мне тоже приходил какой-то человек, он клялся, что уже побывал там, — предлагал показать мие обломкн *его* корабля. Сегодня утром я получнл пнсьмо: в нем говорится, что марсиане посетнлн автора и угрожалн бог знает чем. Я не хочу назвать вас лжецом, д-р Хейнс, но я слышал слншком много подобных историй; тот, кто рассказал вам об этом, лнбо маньяк, лнбо параноик. Я могу показать вам целую кнпу писем, н в каждом разъясняется, что я не могу лететь по тем нлн нным причннам, начнная от астрологнн н кончая оборотнямн, а в некоторых даже предлагаются фотографнн — в доказательство сказанного.

— А если бы я сказал, что *сам* совершил этот полет? — Визнтиая карточка в бумажннке свидетельствовала, что он — Хейнс, и бумажннк лежал в кармане его костюма, но там же лежали очки н снгареты, которымн он не пользовался.

Оглеторп скрнвил губы: не то от отвращения, не то от удивлення.

— Вы образованный человек, д-р Хейнс; предположим, что н я — тоже. Возможно, это покажется смешным, но строительство этой ракеты — едннственная причнна, заставившая меня сколотить состояние, которым я обладаю, и это отняло столько сил н временн, что непосвященному будет просто трудно в это повернть. И даже еслн зеленый муравей ростом в семь футов войдет в мой кабннет и станет угрожать мне Армагеддоном, я все равно полечу.

Даже владевшнй нм безумный импульс отступил перед сознаннем безумия его попыткн. Оглеторп был из тех людей, которые действуют, не думая о последствнях, пока с ннмн не стрясется беда — и было похоже, что последнее с ним случается крайне редко. Разговор постепенно перешел на повседневные темы, н Хейнс вяло поддерживал его, пока тот не затух сам собой.

Теперь, по крайней мере, он знал одну важную вещь: место расположения стартовой площадки и постов охраны — этого не зналн даже репортеры, так как вся ннформацня и фотографнн поступали к ним через Оглеторпа. Его способность получать нужную информацию с помощью некоего телепатического процесса не вызывала более ннкакнх сомненнй. Либо он страдает умственным отклоненнем, лнбо аварня вызвала в нем некне удивительные нзменения, которые, однако, его ничуть не уднвлялн.

Хейнс взял в аэропорту такси, дав шоферу указания, вызвавшие у последиего гримасу уднвления, но деньги по-прежнему

делали свое дело. Теперь они незаметно продвигались по местности, еще более пустынной, чем леса, окружавшие дом Хейнса; вскоре стало очевидно, что дорога кончается: асфальт сменила глинистая колея, взрытая шинами грузовиков, которые привозили для Оглеторпа необходимые ему материалы. Здесь машина остановилась.

— Здесь, что ли? — неуверенно спросил шофер.

— Здесь. — Хейнс дал ему чаевые и отпустил. Затем он сошел с шоссе и, тяжело ступая, двинулся вдоль разбитой колеи, часто останавливаясь, чтобы отдышаться. В ушах у него сильно шумело, и каждый шаг отзывался болью во всем его теле. Но повернуть назад он уже не мог; он пытался сделать это в аэропорту и понял, что эта внутренняя потребность намного сильнее его слабеющей воли.

— Только немного передохнуть! — невнятно пробормотал он, однако управлявший им импульс заставлял его отяжелевшие распухшие ноги шагать все дальше и дальше, туда, где находилась ракета. Серые облака над его головой на какое-то время закрыли луну, он поднял голову и посмотрел на Марс, ярко сиявший в ночном небе. Какие-то невнятные ругательства готовы были сорваться с его губ, но это требовало бо́льших усилий, чем заслуживала красная планета. И он молча продолжал свой нелегкий путь.

Когда он наконец увидел лагерь, раскинувшийся в длинной узкой долине, Марс уже сместился на несколько градусов. На одном конце располагались жилые бараки, на другом — огромная конструкция, скрывавшая ракету от любопытных глаз. Хейнс остановился, раздираемый мучительным кашлем, и, хрипло дыша, тяжело двинулся дальше.

Посты должны были располагаться по внешнему краю долины. Оглеторп не желал рисковать из-за идиотов, которые писали ему письма и осуждали как безмозглого кретина, готового погубить всю команду. Ракету, даже самую лучшую, достаточно лишь обнаружить, чтобы ее вывели из строя всего несколько человек. Хейнс бегло осмотрел посты и начал обходить их, осторожно пробираясь в траве и выжидая, когда облака закроют луну. Один раз он чуть было не поднял тревогу, но вовремя избежал этого.

К тому же там не было кустарника, но в лунном свете его костюм почти сливался с землей: лежа неподвижно в ожидании периодов темноты, он ползком пробирался к ангару, никем не замеченный. Прикинув про себя расстояние до бараков и цепи часовых, он подумал: они ни в коем случае не должны пострадать от взрыва.

Побережье казалось безлюдным. Затем в тени здания вспыхнул крохотный огонек и медленно угас: там кто-то курил. Всматриваясь изо всех сил, Хейнс разглядел у стены винтовку с длин-

ным стволом. Видимо, этот часовой — дополнительная предосторожность, о которой Оглеторпу ничего не известно.

Неожиданно облака рассеялись, и Хейнс бросился ничком на землю, обдумывая это новое осложнение. В какой-то момент он подумал, не повернуть ли назад, но понял, что просто не сможет этого сделать, — его дальнейший путь четко определен, и ему остается лишь подчиниться. Как только луна скрылась, он тихо встал и двинулся к видневшейся вдали фигуре.

— Эй! — Он постарался придать голосу определенную мягкость с тем, чтобы его мог услышать только часовой возле здания. — Добрый вечер. Подойти можно? Спецпроверка по поручению Оглеторпа.

Луч фонарика пронзил темноту ночи, ослепив его, и он двинулся вперед как можно быстрее. Свет мог выдать его присутствие другим часовым. Но он тут же усомнился, решив, что они больше следят за тем, что происходит вне лагеря, вдали от зданий.

— Подойдите, — последовал наконец ответ. — Как вы прошли мимо других? — В голосе сквозило подозрение, что было, в общем, вполне естественно. Хейнс заметил, что ружье нацелено ему в грудь, и остановился чуть поодаль, чтобы часовой мог его видеть.

— Джимми Дурхэм знал, что я приеду, — сказал он. Судя по информации, которую ему удалось почерпнуть из головы Оглеторпа, Джимми Дурхэм был начальником караула. — Он сказал, что не успел вас предупредить, но я решил рискнуть.

— Гм-м-м. Думаю, что все в порядке, раз они вас пропустили, но отсюда нельзя уйти, пока кто-нибудь не удостоверит вашу личность. Поднимите руки. — Часовой осторожно приблизился, чтобы обыскать его. Хейнс поднял руки как можно выше, всячески стараясь избежать прямого контакта с кожей. — О'кэй. Порядок. Что вам поручено?

— Общий осмотр; шефу сообщили, что могут быть кое-какие неприятности. Велел мне все проверить и предупредить охрану. У вас тут все заперто?

— Нет. Вешать замок на эту хибару без толку. Поэтому я здесь и стою. Позвать Джимми для опознания, чтобы вы могли уйти?

— Не беспокойтесь. — Если бы не одно обстоятельство, условия были бы просто идеальные. Но он не станет убивать часового! Можно же найти способ не усугублять того, что ему еще предстояло сделать. — Я не спешу, все осмотрено. Покурим?

— Только что выбросил. Что? Спичек нет? Вот, пожалуйста.

Хейнс чиркнул спичкой о коробок и осторожно закурил. Сыроватый дым больно обжег его воспаленное горло, но он подавил позыв кашля и выдохнул; в темноте часовой не мог ви-

деть, как исказилось его лицо и на глазах выступили слезы. Все его существо отчаянно восставало против этого импульса, который приказывал ему курить, чтобы отвлечь внимание часового, но он чувствовал, что слабеет.

— Спасибо!

Часовой потянулся за коробком и коснулся его руки. В следующую секунду пальцы незнакомца сомкнулись на горле часового, который, шатаясь, пытался освободиться и позвать на помощь. Внезапность нападения парализовала его сопротивление на нужную долю секунды: Хейис высвободил руку и резко ударил его по шее ребром ладони. Послышался какой-то булькающий звук, и тело сразу обмякло.

Импульс вновь одержал верх! Часовой был мертв, резкий удар сломал ему шею. Хейис привалился к стене, стараясь отдышаться и сдержать тошноту. Взяв себя в руки, он поднял фонарик и вошел в здание. В темноте очертания огромной ракеты едва проступали.

Вытянув руки, Хейис на ощупь двинулся вперед к ракете, затем, чиркнув спичкой, он начал искать входной люк, который оказался открытым. При этом он старательно прикрывал пламя ладонями: слишком яркий свет в окне мог привлечь внимание.

Внутри корабля он поставил фонарик на минимум и двинулся вперед по узенькому проходу к кормовой части, где должен был располагаться двигатель. В конце концов все оказалось не так сложно, оставалось лишь кое-что уничтожить.

Быстро оглядев лишенные обшивки стены, он легко обнаружил рычаги управления и подсоединенные к ним провода. Малое число приборов говорило о том, что эта ракета намного примитивнее той, что разбилась в лесу, однако на ее строительство ушли долгие годы и почти все состояние Оглеторпа. Если ее уничтожить, людям, возможно, понадобится еще не менее десяти лет, чтобы построить новую, самое маленькое — два года, а за эти два года...

Мысли его путались, но начали пробиваться какие-то обрывки воспоминаний: вот он сидит в тесной, обшитой металлом комнате, тщетно пытаясь остановить неуклонную потерю топлива. Заключительный взрыв в дюзах, а затем головокружительное падение корабля через атмосферу. Он едва успел открыть воздушные люки прежде, чем произошло столкновение. Так как удар был смягчен домом, его каким-то чудом выбросило прямо на крону дерева, которая и замедлила его падение на землю.

Человеку, который был в доме, повезло меньше: его выбросило вместе с разбитой стеной, когда он был уже мертв. Незнакомец смутно помнил, как торопливо снимал одежду с трупа, когда вдруг на него упало бревно, и он потерял сознание.

Итак, он все-таки не Хейис, а некто с той самой ракеты, и то, что он рассказал Оглеторпу, в целом соответствует действительности.

Хейнс — он все еще называл себя этим именем — ощутил страшную слабость и ухватился за какой-то торчащий брус, чтобы не упасть. Ему еще многое предстояло сделать; о том, что будет с ним самим, он сможет подумать позже. Ему уже казалось, что с тех пор, как он пришел в себя, он каждую минуту был готов к смерти, и это его нисколько не волновало.

Еще раз окинув взглядом рубку, он заметил раскрытый набор инструментов, из которого соблазнительно торчал большой гаечный ключ. Этим он сможет открыть клапаны. Фонарик лежал там же, где он его бросил; ударом ноги он развернул его в сторону стены и потянулся за ключом. Его скрюченные одеревеневшие пальцы сомкнулись на рукоятке.

И тут впервые за много часов он обратил внимание на свою руку, попавшую в полосу света.

Темные вены вздулись, а кожа приобрела слегка синеватый оттенок. Он тупо уставился на свою руку, потом на другую, стараясь разглядеть ее: кожа на ней тоже была голубая; перевернув руки, он обнаружил на ладонях тот же цвет. Голубой!

Последние обрывки воспоминаний слились наконец в ревущий поток, вызвав в его мозгу круговорот образов и картин. Его разум как бы раздвоился: одна часть работала с клапанами, другая обдумывала вновь обретенную информацию. Он видел безлюдные улицы сказочно красивого города и как бы со стороны какого-то человека, который, еле переставляя ноги, вышел из дома, и, схватившись за горло синими руками, повалился в судорогах на землю! Люди быстро проходили мимо, избегая прикосновения к трупу, боясь даже задеть друг друга.

Смерть настигала людей повсюду. Вся планета была насыщена ею. Она таилась на коже больного, пока кто-либо, коснувшись его, не переносил ее дальше, вызывая все новые и новые жертвы. Уже через несколько секунд микробы погибали на воздухе, но они снова и снова проникали в атмосферу через кожные поры, поэтому вокруг всегда таилась опасность. В случае контакта болезнь начинала вести скрытое наступление в течение многих месяцев, а затем вдруг сразу поражала весь организм, человек синел и в течение нескольких часов умирал мучительной смертью.

Одни говорили, что это — результат какого-то эксперимента, вышедшего из-под контроля, другие, — что эти микробы занесены спорами из космоса. Но так или иначе спасения от этой болезни на Марсе не было. И только легенды о расе людей, живущих на планете Земля, с которой они прилетели, вселяли еще смутную надежду; к ней они и прибегли, когда ничего другого уже не осталось.

Он вспомнил, что его долго обследовали и решили, что в ракете, которую строили в спешном порядке, полетит именно он. Выбор пал на него, поскольку он обладал исключительными даже для марсианской науки телепатическими способностями;

оставшиеся до полета недели были посвящены систематическому развитию этих навыков и внедрению в его подсознание задач, за выполнение которых он должен бороться до последнего вздоха.

Хейнс увидел, как первая порция жидкости выплеснулась из топливопровода, и бросил гаечный ключ. Он вспомнил, что старый Леан Дагх сомневался в его способности извлечь с помощью телепатии знания, принадлежащие цивилизации с иной культурой. Жаль, что старик умер, так и не узнав, какого успеха он добился благодаря его методам, несмотря на общий провал своей миссии, вызванный низким уровнем медицины на Земле. Теперь его основная задача — не допустить гибели этой расы от той же болезни.

Он с усилием поднялся на ноги и двинулся вниз по узкому проходу, бормоча что-то бессвязное. Синева его кожи приобрела более глубокий оттенок; он с трудом преодолел расстояние от ракеты до дверей здания, где на прежнем месте лежало тело часового.

Его слабеющих сил явно не хватало, чтобы преодолеть притяжение этой более крупной планеты и боль, которую причинял каждый новый шаг. Он попытался тащить труп за собой, потом, пятясь на четвереньках, волочил его по земле, вцепившись зубами в воротник униформы и помогая себе рукой. Он постоянно находился на грани обморока, и в конце концов темнота сомкнулась над ним; очнувшись, он обнаружил, что находится внутри ракеты, все еще цепляясь за свою ношу: внушенные импульсы оказались сильнее его воли.

Шаг за шагом он продвигал свой груз вниз по узкому проходу, пока не достиг машинного отсека; там он бросил его на пол, залитый тонким слоем топлива. В воздухе стояли тяжелые холодные испарения, но он едва ли замечал это. Всего одна искра, и его долг будет исполнен.

Конечно, нескольких погибших на Марсе сжечь не удастся, и, если люди обнаружат останки этой несчастной цивилизации, микробы все еще будут активны. Земляне должны избежать этого. И до тех самых пор, пока последний из марсиан не обратится в прах и зараза не будет уничтожена, раса Земли должна оставаться в безопасности в пределах своей атмосферы.

Здесь же только он сам и труп, к которому он прикасался, содержат инфекцию, кроме того, здесь есть ракета, которая может привести людей к другим источникам болезни; все это легко устранить.

Устало улыбнувшись, незнакомец с Марса порылся в карманах в поисках спичек, взятых у часового. И прежде, чем темнота навечно поглотила его, он достал спичку и чиркнул о коробок. Пламя вспыхнуло и рванулось ввысь...

1940 г.

Неведомое: борьба и поиск

ЛЕОНИД КУЗНЕЦОВ

ОПЕРАЦИЯ БЕЗ НОЖА?

«Мы видели, как руки вошли в тело больного и показалась кровь. Четыре пальца врачевателя пронзили живот мужчины. Затем двумя или тремя пальцами он осторожно проткнул череп пациента, каждый раз вынимая оттуда окровавленные кусочки ткани и сгустки крови. Снова и снова мы старались увидеть, как блеснет на свету скальпель или появится выражение боли на лице оперируемого. Но ни скальпеля, ни перемены лица не было. Пациент не испытывал ничего, что вызывало бы напряжение, он сам спокойно наблюдал за работой врачевателя. Через три минуты он встал с ложа. Когда он проходил мимо нас, мы прикоснулись к его лбу, надеясь обнаружить след раны. Кожа была чистой.

Излагая эти впечатления на бумаге, я прихожу к выводу: я учился лечить людей другими методами, указанными наукой. Но, познакомившись с новым видом «врачевания», я спросил себя: что такое десять, двадцать или даже тридцать лет обучения, чтобы овладеть новейшей медицинской техникой, по сравнению с этим? Ничего».

Это рассказ двадцатипятилетнего врача из Западной Германии, опубликованный на страницах одной из самых крупных филиппинских газет «Таймс джорнэл» за 17 сентября 1980 года.

Приехав на Филиппины, я, естественно, старался узнать о стране как можно больше, меня интересовала жизнь, обычаи, традиции и т. д. Статья выпускника современного медицинского учебного заведения Рольфа Куля о филиппинских врачевателях, которую он, кстати, писал вместе со студенткой биологического факультета и которая попалась мне на глаза, не произвела на меня тогда особого впечатления. Это был рассказ о чуде. Что ж, Восток богат чудесами, не менее захватывающими, чем протыкание черепа человека пальцами. Но я вырезал из газеты репортаж Куля и положил его в папку, которую назвал «Традиции, обычаи, чудеса и курьезы».

Надо сказать, что эта папка наполнялась быстрее, чем все остальные. Ну, например, по таким разделам, как «медицинское обслуживание», «положение трудящихся», «кто есть кто в Юго-Восточной Азии» и другие. Чего только нет в этой папке! Вот, скажем, репортаж чуть ли не на всю полосу о том, как начало кровоточить сердце статуи девы Марии, находящейся в одной из церквей города Багио. В репортаже говорится, как от-

крылись вдруг на статуе раны, как потекла кровь, как даже раздался голос самой девы, и написал это для серьезной и широко читаемой газеты г-н Джувинал К. Гереро, член верховного суда Филиппин, бывший губернатор провинции Ла Унион (он занимал этот пост одиннадцать лет, дважды признавался лучшим губернатором страны). Авторитетная личность. Я побывал в церкви, где произошло чудо. Видел статую девы Марии и засохшие капли крови на ней. Правда, врачи Багио сказали: при анализе так неожиданно появившейся крови оказалось, что в ней отсутствуют кровяные клетки, а добавить чего-либо определенного они не могут. Тем не менее популярность церкви в Багио выросла чрезвычайно. Сегодня, пожалуй, никакая другая не собирает столько верующих, чем эта.

Вместе с относительно современными «чудесами» живут на Филиппинах и свои, древние, родившиеся задолго до того дня, когда высадился на их берегах Магеллан с католическим крестом и с девой Марией. Так, например, филиппинский крестьянин не должен начинать уборку риса в полнолуние, иначе он лишится всего урожая, а его жена — подметать двор в момент наступления темноты — она может тем самым потревожить духов, живущих под землей. Это очень опасно, так как духи весьма обидчивы и в отместку, чего доброго, лишат либо женщину, либо ее мужа зрения. Но если неосторожная хозяйка вовремя спохватится и попросит прощения, то все обойдется.

В горах центрального Лусона мне посчастливилось увидеть много диковинного. Например, гадание по внутренностям животного, в результате чего мы узнали, что наше путешествие в Сагаду (а это высоко в горах по опасной дороге) будет успешным. И действительно, уже часа через полтора после того, как мы выехали из города Боиток, где проходило гадание, мы попали в небольшое селение и нам позволили присутствовать на интересной церемонии. Она началась с того, что закололи поросенка, на него положили траву, рису и начали молитвы. Точнее, молилась в основном старая женщина. Судя по всему, она обращалась со своей просьбой (исцелить дочь одного из жителей деревни) к деревьям, горам, пробегавшим по небу облакам.

На самом же деле, пояснил сопровождавший меня преподаватель университета Филиппин, молитва обращена главным образом к «аниту». Аниту — это дух, который живет на земле, но он либо невидимка, либо хорошо прячется. Аниту всемогущ. Он может помочь человеку, но способен и принести ему много неприятностей. Вероятно, он за что-то обиделся на крестьянина, вот почему его дочь заболела.

Надо отдать должное главному лицу в этой церемонии. Воспользовавшись тем случаем, что аниту уже принесены жертвы, то есть за все заплачено, что собрался народ, старуха после изложения просьбы помочь заболевшей девочке не остановилась. Она сообщила аниту о тревогах односельчан, добрых и тру-

долюбивых, намекая на то, чтобы всемогущий вошел в их положение. «Парпакем нан ликхат ми», — начала она, то есть отведи все беды, главным образом крыс, от наших полей, помоги собрать урожай...

Я спросил участвовавших в церемонии, поможет ли аниту. Сомнений ни у кого не было. Даже у ветеринара, который оказался в ту пору в селении.

— А как вообще с верованиями? — обратился я к мужу главы церемонии. — Говорят, вы, бонтоки, не запираете свои дома, не вешаете замки на амбары, а урожай в поле охраняет только срезанная с дерева ветка, которую прежде, чем воткнуть в кучу зерна, заговорят?

— Так-то оно так, — ответил старик. — Но уже нередки случаи, когда воруют рис, без спроса и позволения входят в жилище. И все от книжек, от грамоты. Молодые считают, что они умнее стариков, больше нас знают. Они научились читать, писать да играть в карты. Вот они и нарушают наши обычаи! Хорошо, что родители девочки придерживаются старых правил и не повезли больную к врачу. А что такое врач? Это ведь не аниту. Да и врач берет дорого...

В Сагаде я убедился в том, что действительно игороты хоронят или по крайней мере хоронили до недавнего времени своих наиболее уважаемых родственников в подвесных гробах. В скале вырубается небольшая ниша, потом вбиваются деревянные колья — они-то вместе с выступом и держат гроб. Здесь соблюдают, например, ритуал «апей», проводимый для того, чтобы «согреть поле», которое решено засеять рисом. Разводится костер, на нем кипятят воду и выливают ее на землю, затем приносят в жертву огню курицу, обязательно черную или по крайней мере темную; участники церемонии разогревают себя рисовой водкой и т. д.

Дохристианские верования живы не только в горном Лусоне, на острове Панай беременным женщинам не рекомендуется смотреть на закат, иначе ребенок родится со множеством родимых пятен. На острове Сулу бездетным женщинам предлагается носить пояс из обезьяней шкуры, чтобы забеременеть. На острове Минданао во всех трудных, а тем более сомнительных случаях некоторые народности советуются с луной. Ну и, наконец, повсюду на Филиппинах распространена вера в антинг-антинг. Это амулет, защищающий от дурного глаза, от пули врага. Он приносит удачу и крестьянину, который ставит свои последние гроши на петуха, участвующего в петушиных боях, и богачу, решившему попытать счастья в игорном заведении Лас-Вегаса. Антинг-антинг может быть медальоном, в котором хранится кусочек бумажки с изречением из Библии, или изображением девы Марии, или зубом кабана, монеткой, ракушкой.

Местные верования обогащаются, а точнее пополняются в результате общения с соседями. У каждого есть чем похвас-

таться. В Сингапуре я видел немало официальных учреждений, которые занимаются тем, что обеспечивают безопасность жилья от злых духов, от злых людей, от злых проявлений стихии. В Малайзии мне довелось присутствовать при охоте за икан акунг, то есть за «королевской рыбкой». Когда спели свои последние перед сном песни птицы, убрало предзакатные лучи тропическое солнце, Маджид сел за весла, зажег факел и направился вдоль берега. Вдруг в свете колеблющегося пламени появилась небольшая рыбка с крестиком на голове, сверкающая нежным золотом чешуи. Свет действует на нее как гипнотизер. Она застывает. Тут же сачок переносит пленницу в круглую банку. Это большая удача. Обычно за икан акунг охотятся ночами. Ее ловят на счастье: золотая рыбка должна принести большое богатство. Посему ценится она очень дорого и по карману лишь тем, у кого и без нее уже много золота. Икан акунг приобретают оловянные и каучуковые «короли», владельцы предприятий, производящие современнейшее оборудование на компьютерах — как-никак дополнительный союзник в жестокой конкурентной борьбе.

Меджид рассказал мне еще много интересного. Ну, например, о китайце в их деревне, который поднимает мертвецов и даже заставляет их ходить. Эта операция нужна в том случае, когда кто-то умер далеко от родной деревни, а родственники хотят, чтобы он покоился рядом с могилами предков.

«Этих людей мы называем «ходоками», — уточняет Меджид, — и, когда они приводят умерших в деревню, все прячутся по домам, окна плотно занавешиваются, потому что, если живой человек посмотрит на возвращающегося к могиле мертвеца, он тут же погибнет».

На филиппинском острове Сулу муж, жена которого беременна, не имеет права рыть могилу или делать гроб, ибо тем самым он укоротит жизнь своего будущего ребенка.

Все эти верования, ритуалы, свидетельства и передающиеся из поколения в поколение рассказы о чудесах складываются в определенную систему взглядов, центром которых являются сверхъестественные силы, проявляющие себя по-разному в разных ситуациях. Однако с развалом колониальной системы, распространением знаний благодаря усилиям просветителей магия и все, что связано с ней, уже теряет свои позиции. Люди узнают, что их верования направляются против них же чужеземцами.

В свое время полковник Лэнсдейл, главный представитель ЦРУ США на Филиппинах, организуя подавление крестьянских выступлений, широко использовал веру в вампиров. Специально подготовленные агенты убивали человека, протыкали ему шею в двух местах и подвешивали вниз головой. Одновременно распускался слух о том, что коммунисты обладают способностью превращаться в вампиров. И вот крестьяне находят обескров-

ленный труп. Многие в ужасе покидали родные места, ослабляя тем самым повстанческие отряды. Когда о хитрости Лэнсдейла стало известно, у многих филиппинцев зародилось сомнение, действительно ли существуют небом данные носители недобрых (а значит, и добрых), сверхъестественных сил.

В Гонконге меня поразило огромное количество хиромантов, астрологов, гадалок. Но самые популярные в народе сейчас члены общества «Хак тао» — «Черная тропа». Их называют «да сну ян», или «наносящие удары по людишкам». Как правило, «наносящие» — это старухи, одетые в традиционные черные платья. Они держатся группками, каждая из которых, как сказал мне журналист из «Саус чайна морнинг пост», «шабаш ведьм в миниатюре». Ведьмы популярны тем, что они активно вмешиваются в человеческие отношения.

— Например, рабочего обидел хозяин, — рассказывали мне. — Конечно, властям жаловаться опасно, призывать к стачке еще опаснее, за любой протест — арест. Обиженный идет к «да сну ян» и просит наложить проклятие на хозяина, который в данном случае благодаря своим гнусным чертам переносится в разряд «людишек». Ведьма охотно соглашается. Орудия ее колдовства — чашка риса, кадило и пара шлепанцев. Итак, за дело. Перво-наперво старуха пишет на бумажке имя обидчика. Затем бумажку поджигают и, когда пламя разгорается, в ход идут шлепанцы. «Да сну ян» бьет ими по пламени, нанося таким образом удары по ничтожеству, то есть по обидчику. Одновременно она рассыпает рис, подкармливая и подкрепляя таким образом злых духов, которые должны наказать хозяина. За проклятие обидчику обиженный платит доллар, от силы два. Но, если человек попросит проклинать кого-то целый день, то стоимость экзекуции, естественно, возрастает, порой до десяти-двадцати долларов.

— Ну и как, — полюбопытствовал я, — действует?

В ответ журналист пожал плечами. Но зато другая журналистка Френа Блумфилд, специалистка по народным верованиям, также долгое время живущая в Гонконге, абсолютно уверена в том, что «людишки», как правило, стойко переносят удары «да сну ян».

В этой ситуации все большую и большую популярность приобретают филиппинские врачеватели, ибо их деятельность, их магия представляются как реальность. С годами эта мысль стала утверждаться все настойчивее. Слава о хилерахе («хилер» от английского слова heal — врачевать) разнеслась по всему белу свету. Сопровождаемая, кстати, невероятным количеством описаний впечатлений, комментариев, предположений, догадок, гипотез, вопросов. Еще бы! Хирургическая операция без ножа! Как же не побывать у хилера? На Филиппинах зарегистрировано около пятидесяти известных врачевателей. 15 января 1983 года было объявлено о создании кружка филиппинских хилеров.

Не все, одиако, вошлн в него. Некоторые предпочли остаться вие общества.

Однажды (была суббота) я взял вырезку статьи немецкого врача, к которой прибавилнсь десятки других, перечитал их и отправился к Алексу Орбито, одиому нз ведущих иа Фнлиппннах хилеров. Проехав километров двеиадцать по улнце Эпифаиио де Лос Саитос (оиа иапомииает наше Садовое кольцо и выполняет почтн те же фуикцни, только иесколько у́же и с большнм количеством автомашнн, так что на каждый кнлометр уходит мииут десять-двеиадцать), мы свериули налево и облегченно вздохнулн — тнхнй район, с редкнми прохожими. На улице Мэрнлэид под номером 9 стоит обычиый одиоэтажный дом. Перед иим за плотным забором крошечный саднк со скамейкой, крыльцо. На ием стол с книгой, куда нужно записать свою фамилию. Я уже был в этом спнске пятьдесят седьмым, хотя до начала приема н, естествеиио, операцнй, то есть до 10.30, оставалось полтора часа. Прибывшне ранее пятьдесят шесть человек расположнлнсь тут же, иа крылечке, другне прошлн в узкую комиату, иапоминающую крохотный кнноэал со стульями (штук сорок, ие больше), выстроеиными в два ряда. Вместо экрана стеклянная перегородка. За ней помещенне размером четыре метра иа восемь со столом. На нем Библия, две полуторалнтровые бутыли с водой и тарелка с тампонамн нз ваты.

За столом портрет Христа, перед столом лежак-каталка. Это и есть операционная. Дверь нз нее выходит во внутренний дворик, где я увидел уток, кур, собаку в большой клетке («очеиь злая, выпускаем только ночью», — объясинлн мие), тут же разгружали иебольшой автомобиль, тут же на керосинке что-то варнли или разогревалн. Если с парадного крыльца пойтн направо, то попадаешь в большую комиату. Это гостиная. На стенах газетиые вырезкн статей на медицннские темы, плакаты. В целом же гостиная чем-то напомнила мне антнкварную лавку после распродажи — раскуплеио все ценное, все произведения мастеров, остались вещн, не представляющие ии художествеиного, ни исторнческого ннтереса: фигуры коией, японскне фоиарнки, вазы, темный стол, плетеный диван. Все разиого цвета, стнля, возраста, н все это кажется мрачноватым, думаю, это еще потому, что сюда слабо проннкает солнечный свет.

За узкой дверью — маленькнй кабннет. Пока мы ждали в гостиной, к нам подошла девушка с пачкой книг под иазваиием «Леченне верой н психохирургня». Кнга вышла иедавно. Ее можио купнть. Здесь, в доме хнлера, она стоила несколько дороже, чем в городской лавке.

— Почему?

— Как вы знаете, настоящие хнлеры за лечеиие деиег ие берут. Настоящий хилер ие должен злоупотреблять нн вином, ни амурнымн увлечениямн. Вы можете, конечио, отблагодарить подарком. А если деиьгамн, то их следует отиести в клинику по

соседству. Там их примут. Когда хилеру понадобятся деньги на приобретение ваты или починку, к примеру, стула, он пойдет в ту же клинику и возьмет там со «счета» столько, сколько ему требуется. Нам не хватает средств. Продажа книг в какой-то степени компенсирует эту нехватку».

(Справедливости ради следует сказать, что другие хилеры не столь щепетильны и деньги берут, при этом величина суммы их не смущает, наоборот — чем больше, тем лучше.)

Но вот в комнату вошел Алекс Орбито. Среднего роста, в белой рубашке и темных брюках. Кто-то сказал мне однажды, что ботинки с каблуками чуть выше обычных свидетельствуют, что их владелец страдает комплексом неполноценности. Но хозяин дома Алекс Орбито, которого я увидел, не страдал вышеупомянутым комплексом. Волевое лицо обнаруживало характер твердый, решительный.

Впоследствии, когда мы стали часто встречаться с А. Орбито, я убедился, что он прекрасный оратор, хотя ораторскому искусству ие обучался, так же как и медицине. Солидная голливудская компания хотела пригласить Алекса на роль сурового и мудрого судьи, не знающего никаких эмоций. Но Алекса Орбито можно было бы пригласить и на роль добродушного, простого парня, ибо его улыбка очаровательна. Эта улыбка иа какое-то мгновенье заставила меня забыть, что передо мною человек, чье имя уже вошло во множество книг и статей.

— Да, да, — сказал Алекс Орбито, увидев меня, — вы будете стоять рядом, вы можете фотографировать, а сейчас извините, я вас покину на пять минут, меня ждет австралийский корреспондент, приехал взять интервью.

Алекс Орбито относится к прессе с уважением, однако редкому журналисту рассказывает о себе. Он сын шофера, однажды он во сне увидел лицо незнакомой женщины. А утром сосед привел к нему именно ее и сказал: «Помоги...» — «Чем?» — удивился юноша. В тот момент на него нашло какое-то озарение, и он извлек из живота больной что-то, что, по всей вероятности, было причиной хвори, ибо женщина почувствовала себя лучше. Это была первая операция, после которой последовали сотни других.

Дверь скоро открылась, и Алекс Орбито, обращаясь к своей помощнице, а ею была молодая француженка, выпускница Сорбонны, сказал: «Начинаем». Не переодеваясь в халаты, не облачаясь в какие-либо «доспехи» хирурга, Алекс Орбито сел за стол операционной и, обхватив голову руками, закрыл глаза. И ассистенты и больные запели молитву. Видимо, туча открыла солнце, оно заглянуло в окно, ярко блеснули покрытые лаком ногти хилера.

Но вот молитва кончилась. Алекс Орбито встал. Первой легла на топчан филиппинка лет тридцати. Орбито приспустил ей джинсы, руки ушли в живот, через секунду показалось нечто

похожее на целлофановую пленку в капельках крови. Она оборвалась. Орбито снова «утопил» руку и извлек обрывок. Женщина, чуть покряхтывая, встала и вышла во дворик. Я последовал за ней.

— Что вас беспокоило? — спросил я женщину.

— Моя соседка — женщина злая, мало того, с дурным глазом. Она подбросила мне что-то в пищу. Теперь чувствую себя хорошо.

Я вернулся к операционному столу. На нем лежал уже австралиец, тучный мужчина лет шестидесяти. Снова руки Алекса Орбито ушли в живот, на этот раз он извлек сгусток крови.

— На что жаловались? — спросил я австралийца, когда он встал со стола.

— Болел желудок, — тихо ответил пациент.

Потом операционный стол или операционный стул (Алекс Орбито одновременно удалял кисту, открывал ухо и что-то вынимал оттуда у больных, садившихся на стул) начали поочередно занимать члены западногерманской туристской группы.

— Как вы чувствовали себя в момент операции? — задал я вопрос женщине, которая жаловалась на поджелудочную железу.

— Приятное щекотание и больше ничего, а сейчас чувствую легкое жжение.

— Сложные операции, — комментировал мой знакомый Хаймсе Ликауко, автор четырех известных книг о хилерах. — Но были и сложнее. Одному американцу, страдавшему головными болями, он вскрыл (голыми руками, естественно) затылок, извлек сгустки крови и снова закрыл.

— Следующий... — подавал голос Алекс Орбито.

Операции занимают максимум две минуты. Один из хилеров за одиннадцать месяцев прооперировал две тысячи пациентов.

О филиппинских хилерах издано невероятно много книг и статей. Появились гипотезы и теории (в основном их авторы верят, что операции без ножа возможны), в одной из которых предполагается, что на кончиках пальцев врачевателей сосредоточивается неведомая нам энергия, которая не разрывает ткани и, раздвигая молекулы, позволяет пальцам проникнуть в тело. Высказывается предположение, что хилер способен создавать некое магнитное поле, и, если оно совпадет с магнитным полем Лусона (авторы теории утверждают, что оно есть, что оно особенное, почему, мол, операции могут делать только филиппинцы и только на острове Лусон, а лучше всего в провинции Пангасинан, откуда вышли все знаменитые хилеры), то можно делать операции. Магнитное же поле или неведомая энергия обеспечивает стерильность пространства над образующейся раной, которая бывает открытой лишь на мгновение. Другие считают, что никакого вскрытия тела не происходит. Хилер, являясь носителем астральной энергии, направляет ее в

тело больного, она быстрее, чем рентгеновские лучи или радиоволны, достигает больного места, дематериализует его, выносит из тела, после чего оно снова материализуется и в своем первоначальном виде уже выбрасывается в сосуд для извлеченной хвори. Эта теория принадлежит доктору Хансу Наегели, президенту швейцарского общества физических исследований.

Да, хилерам приписывают сверхъестественные силы: способность создавать неведомую энергию, способность направлять ее именно в то место, которое нуждается в лечении. Утвердилось мнение, что именно отсюда их популярность. Однако я пришел к твердому убеждению, что популярность врачевателей зиждется и процветает главным образом на другой почве. В числе вырезок о чудесных исцелениях у меня лежит статья о хилерах-стоматологах. Они, правда, зубы не лечат, а только удаляют их. Но уж вырывают любой зуб. Причем либо голыми руками, либо с помощью палочки, гораздо реже щипцами. И главное — совершенно безболезненно, почти без всяких неприятных последствий. В университете Филиппин на эту тему была даже защищена диссертация. Ее автор Констанца Фернандес Клементе. Психолог по образованию, она несколько месяцев наблюдала, как хилеры удаляли зубы голыми руками. Однажды у нее самой возникла нужда, необходимость и она пошла к дипломированному стоматологу, — следовало удалить зуб. Но так как она вот-вот должна была родить, то врач, опасаясь возможных последствий, не решился взяться за щипцы. Он посоветовал обратиться к знахарю. И хотя, делится впечатлениями Клементе, коронка зуба не совсем вышла, Родольфо Лаганзод Каминоиг в мгновенье ока, а точнее за три секунды, вытащил его, используя, правда щипцы. Никакой боли ни во время операции, ни после нее Клементе не почувствовала.

Способность избавлять людей от боли Каминоиг объяснил так: «Своим даром я обязан богу. Однажды, когда я жил еще в городе Олонгапо, ко мне прилетел сизый голубь и сообщил о том, что я могу вырывать зубы».

К другому стоматологу Хуну Мелдия озарение пришло в иной форме. «Мне было шестнадцать лет, — передает его рассказ газета «Таймс джорднэл». — Во время праздника, когда я выпил слишком много вина, я услышал, как человек жалуется на зуб. Я попросил его открыть рот, взял зуб. Я даже не знал, что вырвал его, и понял это только тогда, когда пошла кровь». Вот уже десять лет, добавляет газета, Мелдия удаляет зубы. Все тем же способом, то есть голыми руками, только сейчас он кладет на больной зуб носовой платок, чтобы не скользили пальцы.

В городе Замбоанга, на острове Минданао, я остановился в гостинице «Лантака». Я встречался в городе с местными газетчиками, издателями, политическими деятелями, фотографиро-

вал город, его окрестности. И вдруг у меня заболел зуб. Заболел в субботу. За ночь щеку раздуло так, что страшно было смотреть. Надежды на то, что успею долететь до Манилы, не осталось, и я пошел к администратору гостиницы с просьбой указать мне адрес врача. Администратор-девушка, выслушав меня, сказала, что в воскресенье известный стоматолог, выпускник столичного университета, не принимает. Но в десяти минутах ходьбы от гостиницы врачует замечательный умелец. «Идите к нему, — улыбнулась администратор, — не пожалеете, да и берет он недорого».

Скоро такси — «трайсакл» (мотоцикл с коляской) остановился около одноэтажного дома. На стук в калитку появилась женщина и пригласила войти. Комната, в которой меня попросили подождать врача, была обычной. Изредка сюда заходили со двора куры (дверь не закрывалась, потому что сквозняк — единственное спасение при жаре, а жара стояла сорокаградусная), их выгонял мальчик лет семи. Куры убегали, потом появлялись снова. Минут семь я наблюдал за мальчиком, когда наконец появился сам хозяин. После приветствий и короткого знакомства (врачеватель видел, что мне худо) я сел в кресло, отличавшееся от остальных бо́льшим размером. Никаких уколов, никаких протираний. Исцелитель взял щипцы и... Моя операция прошла, может быть, даже быстрее, чем у Констанцы Клементе, во всяком случае, не три секунды. Но зато в отличие от нее боль я почувствовал острейшую. Потом еще часа три после операции я чувствовал боль. Тем не менее я был благодарен за своевременную помощь. Что было бы со мной, если бы не врачеватель?

Вот именно этот вопрос я и задаю сейчас, чтобы объяснить (отчасти, конечно) популярность народных врачевателей. Задачи здравоохранения на Филиппинах далеко не решены. Уже после того, как я стал забывать о вырванном зубе, состоялась беседа с мэром города. И я узнал, что на два с половиной миллиона жителей Западного Минданао, куда входит и Замбоанга, всего 240 врачей. Из этого небольшого количества только сорок специалистов работают в сельской местности. К кому же обращаться больному? Он и смотрит на хилера как на спасителя, он его последняя надежда. Да и платить ему надо несравненно меньше, чем дипломированному врачу. Если в Маниле только за то, чтобы подготовить зуб к пломбе, мне нужно было выложить 150 песо, то в Замбоанге за всю операцию я отдал всего 25. Да и то потому, что я иностранец. Местный пациент заплатил бы в пять раз меньше или отблагодарил за помощь полдюжиной яиц.

Лекарства безумно дороги. Практически недоступны большинству населения. И хилер, который не требует платы за йод, анестезию, таблетки и т. д., который дает настои из трав, выступает в роли благороднейшего спасителя и благодетеля.

Было бы совершенно неправильно утверждать, что филиппинцы только в силу своей неграмотности, отсталого мышления, приверженности отживающим традициям всегда предпочитают хилеров. Раз в год на постоянной торговой выставке, расположенной на бульваре Рохаса в Маниле, устраиваются бесплатные сеансы лечения зубов. Его проводят студенты старших курсов медицинских факультетов. Сколько же народа собирается в этих клиниках без стен! Сотни и сотни! А ведь они могли бы пойти к своему врачевателю, к одному из тех, кого осенил всевышний в образе сизого голубя. Отсюда и вывод: зачастую популярность хилеров возникает на бедности, безысходности, отсутствии лечебных заведений, собственной фармацевтической промышленности. И все-таки хилеры действительно помогают, лечат, многих пациентов они спасли от преждевременной смерти. Это следует иметь в виду при оценке роли врачевателей.

Когда я наблюдал за Алексом Орбито, фотографировал каждый его жест, мне казалось, что я присутствую при рукотворном чуде. Даже не казалось. Я был в этом уверен. После операции ко мне в гости пришел Ханме Ликауко. Он по роду своих занятий бизнесмен. Но все свободное время отдает изучению магии, волшебства и, конечно же, хилерам. Энтузиаст написал, как уже говорилось выше, несколько книг о врачевателях, которые мгновенно разошлись на Филиппинах и заинтересовали даже иностранные издательства. Книги действительно увлекают. Трудно оторваться от рассказа о том, как хилер вынимает из живота толстые жгуты черных волос длиной 14—15 дюймов. Освободив без ножа тело человека от присутствия такого зловредного предмета, хилер приказывает своим ассистентам сжечь его. Но огонь не берет эти «волосы». Или вот другой хилер: у пациента из Японии, страдавшего глаукомой, вынимает пальцами глазное яблоко, держит его какое-то время на высоте до дюйма, чтобы убрать сгустки крови на тыльной стороне. Потом возвращает глаз на место. Автор подкупает читателя тем, что часто ссылается на собственный пример. Первый раз он обратился за помощью к Асунджи. Хилер, осмотрев Ликауко, сообщил, что причина его лицевого неврита — это что-то, что находится под левым ухом и мешает кровообращению. Асунджи взялся за операцию. Прошла она без хирургического инструмента и успешно. На острове Себу другой хилер удалил зуб. Однако в отличие от моего в данном случае боли не было. Хилер Кордеро исцелял Ликауко от астмы простым массированием ступней, а хилер Маиг Клето поставил на место коленную чашечку. До этого Ликауко обращался за помощью в госпиталь, но там не решились взяться за лечение.

— Да, да, я верю в то, что делают врачеватели, — сказал мне Ликауко. — Сильная электромагнитная энергия, которую излучают руки хилера, как-то парализует нервную систему на определенном участке тела и сводит чувство боли к нулю.

В то же время хнлеры, по его мненню, вызывают некие могучие духовиые силы и таким образом происходнт лечеиие скорее внушеиием, чем хнрургнческнм вмешательством. Не случайио, мол, все чаще и чаще по отиошению к хнлерам прнменяется не слово «хирурги», а «пснхохнрургн».

С Хаиме Лнкауко полемнзнровать трудно, потому что ои человек честиый и, если заблуждается, то нскренне. Подкупает ои еще и тем, что порой сомиевается и ие скрывает своих сомнений. Даже в кннгах. Так, желая привести наиболее вескне доказательства реальностн операций без ножа, ои фотографнровал каждое движеине Асуиджи, когда тот оперировал его жеиу. Но, как призиался автор, фотографин оказались испорчениымн. История с безболезнеиным удалеинем зуба, пишет в журнале «Обсервер» Исагаин Круз, представляется неубеднтельной, поскольку были примеиены щипцы. А что касается астмы, то Кордеро не удалось излечнть ее. По словам Ликауко, «прнступы астмы он ощущает по вечерам, хотя и в более мягкой форме», тут же, одиако, добавляя: «Правда, Кордеро н не обещал мгновениого нсцелеиия».

Вера в хилеров распространена на Филнппннах широко. Известный писатель, видиый деятель культуры, лауреат премнн ЮНЕСКО (за учебинк «Паиорама мировой лнтературы», написаиный в соавторстве с жеиой Сари Палаика и призиаиный одиим из лучшнх в Азии), Селсо Карунуигаи — человек трезвого ума, отрицающий мистнку и всякого рода абстрактиые категории, отиоснтся к врачевателям с подчеркиутым уважением. «Оии действительио специалнсты своего дела, — сказал он. — Есть ли у меия основаиия для такого утверждеиия? Есть!» И с этими словами ои посмотрел на жеиу. Сари Карунуигаи приподияла длиииую вечернюю юбку и показала иа левую иогу: «Вндите, иормальная ведь нога? Благодаря Алексу Орбнто. После родов как у миогнх жеищнн, у меня заболели иогн. Вы зиаете, варнкозиое расширеиие веи трудно поддается лечеиию. Я ходила по миогим врачам, прииимала лекарства, дорогне, самые разиые, в том числе и заморские. Ннчего не помогало. Ну и вот. Одиажды Селсо говорит, давай покажемся Алексу Орбито. Я сиачала колебалась. Но потом решилась. И вот видите? Ни одиого «бугорка», все убрал Алекс, нога в полном порядке. Правда, правую ногу излечнть ие удалось».

Как виднм, хнлеры ие всесильны.

Другой мой хороший зиакомый, крупный учеиый-экоиомист Алехандро Лнчауко сам лечился у Алекса Орбито: «Болело сердце. Я ие мог летать иа самолете, мие трудио было даже подииматься по лестинце. После каждого выступлеиия на мнтинге я чувствовал себя очеиь скверно».

Алехаидро Лнчауко как оратор выступает очень часто. Его страстные речи протнв присутствня военных баз США иа Фи-

липпинах, разрушительной для развивающихся стран политики Международного банка реконструкции и развития, Международного валютного фонда, за которыми стоит американский капитал, против многонациональных корпораций, его выступления на антивоенных митингах требовали много сил и здоровья. И вот сердце. Отказаться от участия в движении за мир, против иностранного капитала он не мог, так же, как не мог отложить работу над книгами. И вот почти в отчаянии А. Личауко решил прибегнуть к последнему средству — он поехал на улицу Мэрилэнд номер 9. «Боюсь тебе сказать, — улыбается Алехандро, — что сделал со мной Орбито, какие сгустки, что вынул он из моего тела и вынимал ли. Но чувствую я себя после операции прекрасно. И не только свободно поднимаюсь по лестнице, но летаю на самолете, работаю по многу часов».

Незадолго до того, как я заканчивал данную статью для «Молодой гвардии», Алехандро Личауко попросил у меня материалы о современных методах лечения глазных болезней в Советском Союзе. «Все больше и больше мучает глаукома, — объяснил он. — Хорошо бы показаться вашим врачам... Нет, нет, к Алексу Орбито за помощью не обращался! Почему? Да так...» — Алехандро пожал плечами и перевел разговор на другую тему.

Мне, конечно, неловко было настаивать на ответе. Может быть, человек не решался второй раз испытывать судьбу. А может быть, отпугивают от хилеров критические материалы о них, которых за последнее время появилось немало. Не обратить внимания на них нельзя, иначе рисуемая здесь картина была бы неполной. Противники хилеров утверждают, что их операции — это мастерство иллюзиониста, фокусника высшей квалификации. Хилеров, в том числе брата Алекса Орбито, ловили на жульничестве: извлеченные из тела «больные части» оказывались куриной или свиной печенкой, рыбными пузырями, предварительно спрятанными в вату, салфетки, полотенца, а кровь — заранее приготовленной жидкостью, которая с помощью тампона из ваты, соприкасаясь с телом, превращается в «кровь».

Журнал «Обсервер» пишет, что среди пятидесяти врачевателей число тех, на которых можно более или менее положиться, не превышает двадцати. Противники хилеров задают и такой вопрос: допустим, они проникают в тело без ножа, но как угадывают, что надо извлечь, где больное место? Филиппинская медицинская ассоциация еще в 1978 году классифицировала хилеров в своем официальном документе как «людей, занимающихся заведомо подозрительной практикой, используя методы обмана, которые противоречат закону и медицинским нормам, наживающихся на доверии своих подопечных».

А вот что писал в газете «Филиппин дейли экспресс» (28.6.83 г.) филиппинский врач Пелагио Балдовино, практику-

ющий в местечке Алабат провинции Кэсон (остров Лусон): «Я видел больных, которых после хилеров привозили в госпиталь в тяжелом состоянии. Некоторые из них умирали спустя несколько часов после госпитализации».

Огромный резонанс получила на Филиппинах статья западногерманского врача Хоймера фон Дитфурта, опубликованная в журнале «Шпигель». Он назвал филиппинских врачевателей «шарлатанами, прибегающими к шулерским трюкам и обогащающимися за счет денег пациентов, многие из которых иностранцы».

«Используются, — отмечает автор, — ватные тампоны, смоченные в химических жидкостях, которые, соединяясь и вызывая реакцию, дают жидкость, похожую на кровь. В ватных тампонах и полотенцах, подаваемых ассистентами, спрятаны рыбьи пузыри, кусочки костей, перепонки и другие части, взятые обычно у убитых животных, — все это «вынимается», чтобы поразить зрителей».

Пациенты из Западной Германии, с которыми Дитфурт возвращался домой, чувствовали себя после посещения хилеров, по их словам, «намного лучше». Профессор задал вопрос одному из них:

— Вы считаете, что действительно излечились на все сто процентов?

— Да, без сомнения, — ответил тот.

— Через несколько месяцев после этого, — говорит Дитфурт, показывая кадры кладбища, — он лежал здесь.

Многие филиппинские газеты целиком или в изложении перепечатали статью из «Шпигеля». Одни разделяя точку зрения ее автора, другие резко протестуя против нее. Первым откликнулся Хун Лабо, которого называют «легендарной личностью», «филиппинским Мухаммедом Али среди хилеров» (сам Лабо величает себя «величайшим»). Он вызвал Дитфурта на своеобразную дуэль, заявив, что тут же выложит 50 тысяч долларов, если его уличат в жульничестве или шарлатанстве во время операции. При этом врачеватель ставил одно условие — дуэль или спор, то есть операция без ножа, которую он был готов показать в любой момент, должна была проводиться под наблюдением представителей национальных научных организаций и специалистов по современной технологии. Пока нет сообщений о том, что автор научных трудов принял вызов хирурга-самоучки.

Итак, два подхода к хилерам. Совершенно диаметральных. Одни идут к ним потому, что нет денег для лечения в современных медицинских учреждениях. Но, если организуется бесплатное медицинское обслуживание, многие склонны доверить свое здоровье дипломированным врачам. Другие, напротив, имея постоянную возможность обращаться за помощью к со-

временным хирургам, приобретать самые дорогие лекарства, едут за тридевять земель к неграмотным в общем врачевателям. Это чисто медицинская сторона дела.

Есть здесь не менее важная — политическая и даже идеологическая. Врачевателей поддерживают и прогрессивные элементы, и реакционеры, идеологи равенства, социальной справедливости и убежденные сторонники сохранения системы эксплуатации. Так, на Филиппинах некоторые представители националистических кругов считают, что надо всячески поддерживать хилеров, ибо они идут в массы, являются единственными врачевателями, у которых могут получить помощь бедняки. Кроме того, хилеры избавляют, мол, страну от зависимости от иностранного капитала. В то же время другая группа националистов под прикрытием сохранения традиционной народной медицины оправдывает сокращение ассигнований на развитие современного медицинского обслуживания, строительство больниц, создание фармацевтических предприятий, организацию широкой общенациональной борьбы против эпидемий, таких широкораспространенных болезней, как туберкулез. Для них хилеры — палочка-выручалочка. На самом же деле, сдерживая прогресс, они становятся орудиями консервации отсталости, сохранения зависимости от неоколонизаторов, сохранения архаичного сознания, невежества и предрассудков.

Неоднозначно отношение к врачевателям и в развитом капиталистическом мире. Против хилеров рьяно выступают многонациональные корпорации, действующие в фармацевтическом бизнесе, — они действительно боятся, что с ростом популярности хилеров, знатоков трав сократятся их прибыли.

Однако на Западе все-таки больше тех, кто за хилеров обеими руками. Буржуазная пропаганда, особенно американская и западноевропейская, пытается с помощью хилеров провести свою операцию без ножа. Им нужно чудо. Им нужно подтверждение, «факты», которые укрепят веру в потусторонние сверхъестественные силы. Западногерманский ученый, занимающийся ядерной физикой, д-р Андреас Френунд, обобщая свои впечатления о филиппинских врачевателях, писал: «Мы нуждаемся в новом виде науки для того, чтобы понять этот феномен, являющийся, позволю себе сказать, метанаукой (промежуточной). Это означает, что возникла необходимость в другой структуре мышления и ощущения в одно и то же время».

Так как большинство хилеров не получили знаний высшей школы, рассуждают последователи А. Фреунда, так как они, в общем, не задумываются о том, совместима ли их деятельность с рамками устоявшихся законов, то неизбежно следует сделать вывод, что они верят в существование святого духа, который и дает им силу для лечения. Они, считает, в свою очередь, еженедельник «Обсервер», просто «медиумы», посредники этого духа или дивы.

Такое двойственное отношение не может не заставить серьезно задуматься о хилерах, их роли в жизни общества. И здесь слово за специалистами, учеными. Их призывают внести свой авторитетный вклад. Нельзя же, в конце концов, утверждать, что люди, которые каждый день выстраиваются в очереди к врачевателям, — все жертвы обмана, что никто из них не получает никакой помощи, никакого облегчения. В деревне врачевателя просто побили бы и выгнали, если бы он оказался шулером. Но ведь не выгоняют, наоборот, — почитают. Ибо он лечит или хотя бы облегчает страдания. Как? Это уже другой вопрос. Но он представляется оправданным.

Ю. Старостина в статье «Буддизм и магия» («Азия и Африка сегодня») вспомнила о Максе Вебере, считающемся на Западе основоположником социологии религии. Он писал, что именно магия стала на Востоке непреодолимым редутом на пути возникновения научной мысли и тем самым предопределила особый, отличный от западного «созерцательный» путь развития восточных обществ. Ничто рациональное, по его мнению, не могло вырасти «в саду, где каждый клочок земли был монополизирован неувядающим цветком магии». И не случайно тут же автор статьи ссылается на не менее известного английского религиеведа и этнолога Джеймса Фрэзера, который назвал магию «незаконнорожденной сестрой науки» и считал, что с ее помощью «человечество накопило огромный опыт в познании мира». Видимо, нужен такой подход к хилерам. И он, на мой взгляд, получает на Филиппинах все большую поддержку. Во всяком случае, упоминавшийся уже представитель современной медицины из провинции Кэссон после суровой критики хилеров и высказанного к ним недоверия пишет: «Тем не менее это (операции без ножа. — *Л. К.*) нуждается в исследовании. Хилеры и психохирурги должны набраться храбрости представить свое исцеляющее могущество и способности пред испытующие очи медицинского сообщества. Филиппинская медицинская ассоциация должна подойти к этому непредвзято. И если на самом деле это реальность, в таком случае стоит подумать об организации в обязательном порядке научного учреждения для исследования лечения верой и психохирургией с тем, чтобы рассеять сомнения относительно этого уникального явления».

А что, если в результате исследования будет сделан вывод: «Да это иллюзионисты»? В таком случае трюки иллюзионистов также нуждаются в изучении, но уже других специалистов. Как же и где научился этому трудному и тонкому искусству в данном случае, предположим, искусству иллюзиониста, сын шофера, не имеющий даже полного начального образования, думал я, уходя от Алекса Орбито после того как операции без ножа вновь произвели на меня глубокое впечатление.

Манила, январь 1984

АЛЕКСАНДР ПЛУЖНИКОВ

БИОЛОКАЦИЯ — НЕ МИФ!

С эпохи Древнего Египта и Рима известен способ поиска подземных вод и руд, основанный на природной способности отдельных людей подсознательно чувствовать наличие искомых геологических аномалий; называется этот способ то лозоходством, то даузингом, то биофизическим эффектом, то биолокационным эффектом и биолокацией.

Метод биолокации нашел успешное практическое применение в нашей стране и за рубежом. Геологическое картирование, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых, поиски и оконтуривание местоположения бывших или утерянных сооружений и коммуникаций, разведка аномалий, угрожающих зданиям, людям, животным, — это далеко не полный перечень задач, которые решаются быстро и экономно в геологии, архитектурно-реставрационном, археологическом деле с помощью этого метода. Разумеется, биолокация в сочетании с другими методами инженерных изысканий и документально-архивным анализом дает наилучший эффект.

— Да не миф ли биолокация? — не перестают сомневаться многие ученые, не видевшие работы опытных лозоходцев и даузеров. Наука пока еще бессильна дать строгое объяснение явлениям биолокации.

«Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни и тысячи исследователей, придерживающихся господствующих взглядов», — писал В. И. Вернадский.

В печати немало пишется о лозоискательстве, но при этом допускаются различные домыслы или неточности. Так как мне не раз приходилось работать в качестве биолокатора в содружестве с архитекторами, геологами и моряками, то я расскажу о своем опыте.

Для поиска подземных и подводных объектов мы обычно используем две биоиндикаторные рамки П-образной (типа «двойные усы») или Г-образной (типа «полуторные усы») формы. Рамки я изготавливаю из стальной проволоки диаметром три-четыре миллиметра, с длиной больших усов до трехсот пятидесяти миллиметров, с длиной малых усов до 100 мм и с рукояткой в сто десять — сто двадцать миллиметров. Рамки могут быть цельными и сборными (складными).

Это так называемые «рамки с вертикальной осью вращения» (геологи чаще всего применяют рамки иной формы, в частности, с горизонтальной осью вращения). В исходном (нейтральном) положении рамки должны находиться в вертикальных

параллельных плоскостях, с наклоном усов виив на два-три градуса. Прн движеиии оператора биолокации рамки свободно держатся в руках на уровие пояса, на шириие плеч.

В моменты реакции оператора на искомую аиомалию рамки измеияют взанмиое положеиие, скрещиваясь под каким-то углом в результате действия биолокационного эффекта. В ходе биолокации ассистеит оператора отмечает границы аномальных зон контрастными флажками или плоскими меткамн для последующей топографнческой съемки и фотографирования. При работе с двнжущегося автомобиля илн морского судиа фиксация аиомалнй проиэводится иначе.

Мой многолетний опыт практическнх поисков н отдельных экспериментов по заказам архитектурио-реставрациониых, инженерно-строительиых и других оргаиизаций позволяет сделать следующие выводы.

Опытиый оператор может производить избирательиую биолокацню нскомых объектов со зрительио-словесиой психологической иастройкой одиовремеиио на: а) объект понска; б) иаправленне поиска (вертикальиое, горизонтальиое, иаклонное под задаиным углом к горизоиту и др.); в) дистанцию (нлн глубину) понска.

Работа требует соблюдеиия режима, иначе иаступает переутомление, падает работоспособиость, особеино быстро это обиаруживается при двнжеиии по пересечеииой местиости, при плохой груитовой н погодной обстаиовке, при снльной качке судна нли лодкн.

Мне приходилось исследовать остаткн фуидамеитов здаиий иа глубиие до двадцати пяти метров, а вести разведку иефтяных залежей на глубиие до 3800 метров. Биолокацию больших судов в океаническнх и морских условиях мы вели на расстоянии до сорока кнлометров.

Приходилось работать и в поле, и в лесу, в полупустыне и в горах, на реке и иа море, на улицах и в здаииях, доводилось исследовать почву, асфальт, бетои, камениую мостовую, бнтый кнрпич, чугуииые плиты, пашию, сиег, лед иа водоеме, в ясиую и дождливую погоду, в жару до плюс 35° С и в мороз до минус 30°С, при тихой погоде и прн волиеиии моря до шести баллов.

Можио заниматься биолокацией н поздно вечером, н глубокой иочью, когда меиьше различных помех, пешком и на автомобиле прн скорости до сорока километров в час. Однако подробиую разведку н окоитуриваиие аиомалии лучше вестн пешком, при миогократном пересечеиин аиомальиых зон — с целью повышення надежности и умеиьшения погрешности оконтурнваиия. Физическая усталость, промозглая и ветреиая погода, репликн н помехи со стороны случайных лиц, виезапные препятствня на пути оператора, коиечио, резко сннжают эффективность его работы.

Результаты биолокации подтверждаются или аннулируются раскопками или бурением, натурным обследованием местности или старых построек, сравнительным анализом исторических и других документов, независимыми съемками нескольких операторов. Для повышения эффективности поиска заказчик (например, главный инженер проекта, главный архитектор проекта) должен произвести архивно-исторический и проектный анализ местности, используя научно-литературные источники, архивную и проектную документацию, в том числе о расположении инженерных коммуникаций в зоне поиска. Нельзя заставлять оператора искать что попало, где попало и когда попало! Его работа заключается в том, чтобы узнать искомый объект среди прочих, ненужных в данное время.

В период с 1970 по 1981 год мне пришлось работать по заданиям объединения Росреставрация треста Мособлстройреставрация и других организаций (особенно в содружестве с ведущими архитекторами Н. Н. Свешниковым, Н. И. Ивановым, Л. К. Россовым). Работы проводились на территориях монастырей, кремлей, усадеб, главным образом в Москве, Серпухове, Можайске, Звенигороде, Волоколамске, Александрове, Туле, Киеве, в Бородинском заповеднике, а также в Тульской и Ярославской областях.

В поселке Большие Вяземы Московской области было произведено исследование территории бывшей усадьбы царя Бориса Годунова. Проверка исторических данных с помощью биолокации позволила найти и оконтурить все основные бывшие постройки: деревянный и каменный дворцы, деревянные стены и все шесть башен усадебной ограды, ров по наружному периметру стен, а также фундаменты утраченных элементов собора. В частности, оказалось, что существующая «падающая» звонница, которую ранее уже выправляли, стоит на месте бывшей проездной башни (со сдвигом) и частично перекрывает своей подошвой бывший ров. Не здесь ли кроется причина ее недавнего большого перекоса?

В музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Ясной Поляне в результате биолокации было найдено, оконтурено, а затем подверглось успешным частичным раскопкам каменное основание бывшего деревянного дворца, в котором родился писатель. Позднее для целей реставрации усадьбы была проведена биолокация инженерных коммуникаций, отсутствовавших в послевоенной технической документации, дренажные системы вокруг дома Волконского, литературного и бытового музея, теплотрассы, линии водопровода и канализации, линия газопровода.

Большие биолокационные исследования с частичными раскопками проводились на поле Бородинского сражения 1812 года, главным образом по разведке бывших многочисленных фортификационных сооружений. Биолокация была использована при реставрации разрушенной части Колоцкого монастыря.

Интересные поиски были во Владычном и Высоцком монастырях в Серпухове и Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде.

В январе 1973 года по заданию института Мосгражданпроект на территории Паркового района Подольска была проведена биолокация утраченных, заброшенных подземных горных выработок, где в конце XIX века добывался известняк для отделочных работ. До настоящего времени сохранились лишь четыре заваленных входа в штольни на крутом берегу реки Пахры. Положение штолен н штреков не было известно, так как никаких внешних признаков на поверхности земли они не имеют. Глубина залегания ожидалась около девяти-двенадцати метров, но планов штолен не сохранилось. Оконтуривание штолен было необходимо для определения возможности строительства зданий повышенной этажности и рационального их размещения. Ассистентом оператора выступал геофизик А. В. Дернов, мы протрассировали четыре штольнн на территории парка, прилегающих улиц и дворов на расстоянии до семиста метров от берега реки. По нашему заключению, между штольнями имеются беспорядочно расположенные штреки, их подробное исследование не производилось, но ширина штолен — в пределах 1,3—2,1 метра.

Для контроля положения осей штолен было произведено бурение скважин диаметром 146 миллиметров и глубиной до 20 метров. Из семи пробуренных скважин в четырех были отмечены провалы бурового снаряда, а в трех зафиксированы обвалившиеся выработки с твердой кровлей и подошвой. Штольни оказались расположенымн на глубине десяти-тринадцати метров. Применение биолокации дало возможность инстнтуту сэкономить около 450 тысяч рублей.

В одном поселке у реки Пахры было построено школьное здание из сборного железобетона. Но н биолокация, и работы энтузиастов-спелеологов (А. В. Дернов, И. Ю. Прокофьев и др.) показали, что здание поставлено над густой сетью заброшенных подземных выработок известняка, находящихся всего в нескольких метрах от дневной поверхности. Выяснилось, что две разведочные скважины, традиционно пробуренные перед началом строительства по углам будущего здания, прошли мимо подземных пустот. Так что биолокация оказалась точнее метода официальной экспертизы.

Сознанию лозоходцев открываются подземные ходы и помещения, калориферные системы, заброшенные горные выработки, закрытые каналы с теплотрассами и другими коммуникациями, склепы, братские могилы, засыпанные ямы, рвы и овраги, зоны зыбучего песка, бывшие фортификационные сооружения; остатки деревянных стен и фундаментов, башен, тынов, палисадов н колодцев, облицовка подземных ходов и помещений;

остатки белокаменных и кирпичных стен, столбов, крылец, лестниц и фундаментов, а также мест их бывшего расположения, облицовка подземных ходов, помещений, теплотрасс; кабели и трубопроводы в грунте и в закрытых каналах, металлические связи и арматура бывших построек, затопленные и заиленные металлические объекты...

В последние годы все более актуальным становится применение биолокации для определения различных энергетических аномалий в окружающей среде, не безвредных для здоровья людей и животных. Это зоны восходящих и нисходящих потоков силового поля Земли, по-видимому, приуроченных к икосаэдро-додекаэдрической структуре (Н. Гончаров, В. Макаров, В. Морозов); зоны остаточных излучений, очевидно, связанных с шаровыми молниями и другими явлениями в атмосфере; геопатогенные зоны, способствующие развитию тяжелых болезней, возможно, связанные с тектоническими и радиоактивными процессами в верхних слоях земной коры.

Поисково-разведочные работы на нефть и газ отличаются большой трудоемкостью и высокой стоимостью. При этом большое количество поисковых и разведочных скважин оказывается непродуктивным, что приводит к значительным расходам средств.

Летом 1978 года были проведены предварительные опыты биолокации нефтяных залежей на суше — в одном из районов Ставропольского края.

Опыты проводились на известных геологам нефтяных месторождениях с глубиной залегания продуктивных пластов в диапазоне от 3000 до 3800 метров — при движении оператора пешком и на автомобиле.

Осенью 1979 года были проведены предварительные опыты биолокации газовых залежей на суше — в одном из районов Московской области. Опыты проводились в зоне газохранилища, созданного в двух горизонтах. Планы горизонтов совпадают. Биолокация осуществлялась из автобуса, который шел по дорогам и улицам со скоростью тридцать-сорок километров в час. Регистрация степени реакции оператора проводилась в отдельных точках пути, назначавшихся ассистентами и расположенных на дистанциях до четырехсот метров. Для биолокатора такой режим работы очень утомителен.

Осенью 1979 года мы провели опыты биолокации геологических аномалий в море и в океане с борта большого судна при глубине моря от десяти до двух с половиной тысяч метров. Судно шло со скоростью девятнадцати узлов (тридцать пять километров в час), при волне до шести баллов, крепком ветре. Работу вели днем и до глубокой ночи, сериями наблюдений по пять или десять минут, охватив при этом 250 пунктов. После сопоставления наших наблюдений с известными литературными

данными уже после рейса все убедились в целесообразности таких работ.

Летом 1980 года на судне Черноморской геофизической экспедиции объединения Союзморгео в присутствии геологов и геофизиков из Одессы, Краснодара и Москвы (В. И. Самсонова, А. А. Шиманского и др.) были проведены систематические опыты биолокации газовых и газонефтяных залежей глубиной до 2500 метров.

В ставропольских, подмосковных и черноморских экспериментах разработка маршрутов движения по районам аномалий (известных геологам и неизвестных оператору биолокации), все записи и обработка результатов делались официальными представителями нефтегазовых организаций без участия автора. Были отмечены и погрешности биолокации. В целом же результаты наблюдений на семьдесят процентов совпали с данными геофизическими или буровыми.

В октябре 1979 года в морских и океанических условиях с борта теплохода были проведены отдельные опыты биолокации надводных судов, не видимых наблюдателю. Опыты проводились в светлое и темное время суток, в присутствии вахтенных штурманов и рулевых. Высота мостика над морем восемнадцать метров, дальность видимого горизонта девять миль, максимальная дальность лоцируемого судна — до двадцати двух с половиной миль (около 40 километров). Проверка данных биолокации велась через бинокли. Результаты биолокации признаны весьма положительными.

Во время черноморских экспериментов метод биопеленгации был успешно применен для поиска малозаметного буйка в условиях волнения моря. За ночь судно сдрейфовало в сторону, а, не найдя буек, невозможно было продолжать исследования. Оператор биолокации обнаружил буй за одну минуту, капитан судна, посмотрев в бинокль, подтвердил показания оператора.

В марте 1981 года под Москвой (силами института Мингео) было проведено пятое Всесоюзное совещание по использованию биолокации в народном хозяйстве; в семинаре участвовало девяносто пять специалистов из шестнадцати городов, в их числе было восемнадцать докторов и кандидатов наук, представлявших двенадцать министерств и ведомств.

Большинство докладов и сообщений было посвящено вопросам эффективного применения биолокационного метода при поисках и разведке месторождений пресных, термальных и минеральных вод, при инженерных изысканиях на местах будущего строительства, при изучении причин аварийности дамб, жилых и промышленных объектов. Большой интерес вызвали доклады инженера В. С. Стеценко о практике применения биолокации в руководимой им специальной опытно-методической партии Укрспецбиолокация.

Семинар наметил ряд методических и практических задач

в области инженерной биолокации, предложил оперативно информировать Межведомственную комиссию по биолокационному эффекту о полученных результатах. О биолокации существует немало литературы.

БОРИС ГОРБУНОВ
МИРИАМ ЛЕВИНА

МЕТЕОТРОН — МАШИНА ПОГОДЫ

Магия была дочерью заблуждения и одновременно матерью... истины.

Дж. Фрезер. «Золотая ветвь»

Помните, с чего начинается фильм Федерико Феллини «Амаркорд»? На городской площади — огромный костер, сложенный из отживших свой век и теперь никому не нужных вещей. Горожане спешат на площадь. Шум, гомон, смех и ликование толпы сливаются в мощный гул. Нарастая, он подхватывает слабые язычки занимающегося пламени и, вливая в них силу, возносит над площадью, городом, над людьми.

Вся сцена напоминает языческий обряд огнепоклонников. Огонь — это очищение от грехов, скверны, хлама, осевших за год в человеческих душах. Всепожирающее пламя очистит площадь, по которой завтра пройдут герои фильма, чтобы заново грешить и творить. А сегодня сверкающие языки пламени отражаются в блестящих зрачках толпы первобытным восторгом и надеждой.

Обычай жечь праздничные костры на площадях современных городов достался нам в наследство от долгой истории выживания, становления и взросления человечества. Огонь кормил, согревал и защищал. Вся жизнь древнего человека зависела от его милости. Огонь для него был живым и всемогущим. Сегодняшние костры — дань традиции.

Казалось бы, все очень просто. Но есть одна загадка, которая уже многие десятилетия не дает спокойно спать археологам и историкам. Это остатки древних кострищ, так называемые зольники, сохранившие до наших дней следы таинственных обрядов. Их до сих пор находят на европейской территории нашей страны.

В полутораметровом слое золы археологи обнаружили миниатюрные предметы домашнего обихода, керамические хлебцы, лепешки, зерна, фигурки диких и домашних зверей. Все игрушки тщательно инкрустированы; часто на них встречается изображение мальтийского креста — символ плодородия.

Обычно костры зажигались весной и летом на возвышенностях одновременно на большой территории: от современной

России на востоке до Францни на западе и от Шотландии на севере до Италии на юге. Вечерами возле больших и малых поселений накаиуне праздника вспыхивали огни. Праздник, как водится, сопровождался песиями и плясками, но не ради них зажигался костер: они должиы были «уговорить» огонь пылать жарче, чтобы иебеса заметили этн усилия. Тогда солице будет светить ярче, а дожди будут обильиее — зиачит, и урожай богаче. Крестьяне Верхней Баварии верилн даже, что с помощью костра они предотвращают град. Обычай соблюдался неукоснительно строго, и на иего возлагались большие надежды.

Еще в прошлом веке многие иароды так же запросто, с помощью аграриой магии хлопотали об урожае. До сих пор в различных государствах современиой Европы в разгар лета на Ивана Купалу жгут большие костры. Исторнки дают различное толковаиие праздинкам огня. Одни счнтают, что ритуальиые костры — это обряд очнщеиия, другие приписывают размах празднества аграрной магии.

Можио предположить, что костры-гиганты, сложенные из быстро прогорающей соломы, нужны были как способ добычи удобрений. Но поражает то, что зола в зольннках сохраиилась до наших дней совершенно нетронутой. Этим, вндимо, н вызвано их толкование как обряда священиодействня, не имеющего никакого практического смысла.

Нам кажется, что живучесть древних языческих ритуалов, с которымн не справнлась ии христиаиская церковь в пернод ее расцвета, ни научно-техннческнй прогресс, не случайна. Человеческая память склонна обряжать в красивые ритуалы все полезное и с легкостью забывать все ненужиое, случайиое. Может быть, и в этом древнем обычае есть какое-то рациональное зерио? Человек уже не помиит почему, ио свято выполияет все правила игры, ставкой в которой миого миллионов лет тому иазад была жизнь.

Костры и урожай... Может ли костер повлиять на урожай? Спросите любого земледельца, и он вам ответит, что чередование сезонных дождей с теплой солнечиой погодой — вот условне хорошего урожая. Простой связи здесь действнтельио нет, ио природа иногда так искусио маскнрует свои тайны, что иужиа целая армия ученых для их разгадки.

Посмотрим, ие связаны лн между собой огненные ритуалы наших предков и те абсолютио научные способы «заговаривать» погоду, которыми пользуется человек двадцатого столетия.

БОЙ ЧЕЛОВЕКА С ТУЧЕЙ

Кто вндел, хоть раз бой человека с градовой тучей? Это не романтическнй образ, а будии солдат противоградового фронта. На невысоком холме, средн полей и виноградников стоит несколько белоснежных домиков противоградового гарнизона.

На крыше одного из них — огромный белый шар с яркими красными полосками. Он хорошо виден издалека, а вблизи его гладкой поверхности легко верится в космических пришельцев и тайны внеземной цивилизации. Если заглянуть внутрь, увидите паутину металлических конструкций. Это радиолокатор — страж неба. Его невидимые лучи вездесущи. Они проникают сквозь стену, туман, завесу дождя. Даже самая мрачная туча не может утаить от него свои помыслы.

Если на небе легкие мирные облака, локатор сигналит: «Все спокойно, все в порядке!» Но вот из-за горизонта выползает огромная иссиня-черная туча. Что она принесла — влагу полям или убийственный для них град? Сам человек не может определить нрав тучи, но безошибочный ответ дает радиоглаз. Стоит ему «засечь» тучу с градом, раздается команда, и все приходит в движение.

Вы не сразу заметите притаившиеся на полянках самые настоящие зенитные орудия, а рядом с ними ящики со снарядами. Орудия уже отвоевали свое и теперь приобрели вторую — мирную профессию. Сегодня они охраняют виноградники. Длинные, почти трехметровые зеленые стволы нацелены в небо. Артиллерист осторожно достает блестящий снаряд в латунной гильзе. Щелчок затвора, и пушка заряжена. Теперь стоит только градовой туче приблизиться на расстояние пушечного выстрела, грянет залп, и десяток снарядов разорвется в вышине, заглушая раскаты грома. Что же там произошло?

Внешне туча совершенно не изменилась, но град из нее уже не пойдет. Опасность позади, и неотвратимая градовая туча теплым дождем прольется на зреющие виноградники.

Такая картина стала привычной жителям Кавказа, Средней Азии, Молдавии и Крыма. Локаторы внимательно следят за поведением тучи, а противоградовые ракеты и снаряды охраняют покой виноградной лозы. В век развития техники и космонавтики мы разучились удивляться самым невероятным вещам. Но все-таки как можно несколькими снарядами остановить многокилометровую тучу, в которой заключена энергия, сравнимая с энергией термоядерного взрыва?

СОВРЕМЕННЫЕ МАГИ

Есть лаборатории, где умеют «заговаривать» тучи. Чтобы лучше понять образ действий современных магов, пройдемте вместе с нами в лабораторию, где приручают атмосферные процессы. Наша лаборатория находится в Институте химической кинетики и горения, а институт — в новосибирском академгородке, расположенном среди высоких стройных сосен на берегу Обского моря.

Посреди лаборатории — большой холодильный шкаф. В смотровом окне густым белым молоком повис туман. Туман плот-

ный, белый, ленивый. Сейчас у него обеденный перерыв, и он терпеливо ждет, когда вернутся экспериментаторы и начнутся чудесные превращения. Прирученный умелыми руками, он уже привык становиться то дождем, то самым настоящим снегом.

Туман в камере — младший брат облака. Как и облако, он состоит из мельчайших капелек воды. Эти капли не разглядеть невооруженным глазом. В диаметре они в десятки раз тоньше человеческого волоса. Пример, правду сказать, избитый, зато очень наглядный. Эта невероятно малая капля обладает удивительной морозоустойчивостью, секрет которой почти сто лет был предметом научных поисков.

Ноль градусов может заковать в лед лужу, самый маленький минус легко справляться с движущейся рекой, ему подвластны моря и озера, но не микроскопическая капля тумана, которая сдается только при минус 40°С. Знания школьной физики подсказывают нам, что такого просто быть не может, но природа распорядилась иначе, и маленькая капля тумана превратилась в большое таинственное обстоятельство, требующее специального разъяснения.

Чтобы раскрыть тайну незамерзающей капли, нам придется, подобно Алисе в стране чудес, съесть уменьшительного пирога и, поплотнее завернувшись в непромокаемый плащ, переступить порог холодильной камеры. Температура за стенами холодильной камеры минус 25°С. Видимость плохая, и очень сыро.

Ученым удалось приготовить совершенно особый, абсолютно стерильный туман. Просто туман. Туман, и только — взвесь совершенно одинаковых мельчайших капелек. Таким каплям никогда не превратиться ни в дождь, ни в снег, ни в град, если сам человек не пожелает этого. Хаотичное движение капель ничего не меняет в их однообразной жизни, они сталкиваются, и расходятся, и плывут дальше, такие же прозрачные и равнодушные.

Но они не одиноки. Рядом с ними, подобно духам, возникает и тут же исчезает другая жизнь. Это зародыши ледяных кристаллов. Они возникают по воле случая и, не найдя укрытия и покоя, погибают по воле того же случая. Они так слабы, что у них не хватает сил выжить и превратиться в настоящие ледяные кристаллы.

Но вот щедрая рука экспериментатора засевает туманное поле мельчайшими аэрозольными частицами йодистого серебра. Назвать их просто маленькими недостаточно верно. Они примерно в тысячу раз меньше даже водяных капелек тумана, которые, как вы помните, в десятки раз тоньше человеческого волоса. Стоит этим крохам попасть в туман, как его однообразному существованию приходит конец. Жизнь тумана приобретает новый смысл. Каждая аэрозольная частица, как хорошая нянька, берет под свою опеку только что возникший ледяной

зародыш. Он того и ждет. Поглощая влагу тумана, он начинает бурно расти, прицепившись к поверхности аэрозольной частицы, пока не перерастает сначала «няньку», а потом и водяную каплю. Теперь ему ничего не страшно. Превратившись в настоящий ледяной кристалл, сверкающий совершенными алмазными гранями, он может вести самостоятельное существование.

Конечно, в огромном облаке, где сталкиваются стихии ветра, воды и огня, жизнь суровей, чем в «тепличных» условиях морозильной камеры. И хотя в природном облаке не встретишь умелых экспериментаторов, там тоже могут быть аэрозольные частицы. Как они попали на многокилометровую высоту, мы вам сейчас расскажем.

ГИГАНТСКИЙ ПЫЛЕСОС

Ученые сами лишь недавно ответили на этот вопрос. Для них медленно плывущее по небосклону кучевое облако менее всего похоже на белоснежного небесного барашка или морскую пену. Физики теперь точно знают: облако — это гигантский пылесос. С огромной поверхности прогретой лучами солнца земли устремляются ввысь теплые массы воздуха. Восходящий поток поднимается все выше и выше, увлекая за собой мельчайшие пылинки и аэрозольные частицы, во множестве роящиеся у земли. Каждый кубический сантиметр находящегося вокруг нас пространства содержит несколько тысяч невидимых, микроскопически малых частиц. Они буквально кишат вокруг нас, где бы мы ни были: в лесу, в поле или своей рабочей комнате. Труба гигантского пылесоса увлекает их в морозную высоту.

На холоде водяные пары конденсируются, подобно утренней росе, в мельчайшие водяные капли, образуя густой туман. Вы его часто видите из окна самолета — сплошное белое молоко, — когда самолет пересекает тучу. Этот туман такой же однообразный и бесплодный, как за окном лабораторной камеры холода. С земли он нам кажется легким облачком, но с борта самолета хорошо видно, как восходящий поток расслоил, разметал, вздыбил и нагромоздил его, как айсберги в море.

Вы, наверное, удивитесь, но вы много раз сталкивались с гигантским пылесосом. Вспомните, как трясет самолет под облаками на воздушных ухабах. Это самолет спотыкается, столкнувшись с мощной струей восходящего потока. Когда гигантские пылесосы работают в полную силу, летчикам приходится набирать большую высоту, чтобы избежать тряски. Здесь, в заоблачной солнечной вышине, никогда не бывает облаков. Сюда не забираются даже самые сильные восходящие потоки. Самолет идет как по наезженному тракту.

Судьба облака решается на земле. Чем больше аэрозольных частиц находится у основания восходящего потока, тем больше

поглотит, всосет в себя облако, тем больше хрупких ледяных зародышей встретится с водяной каплей и образует с ней прочный ледяной кристалл.

Казалось бы, теперь все понятно. Аналогии работают отлично: в туче все точно так же, как и в холодильной камере. Все за то, чтобы остановиться на этой аналогии, но дело в том, что, несмотря на все старания ученых, им не удалось обнаружить в облаках йодистое серебро.

ТАИНСТВЕННЫЕ ЯДРА

Может быть, туча живет по иным законам, чем туман в лаборатории? Или не йодистое серебро, а другие, не ведомые еще ученым аэрозольные частицы управляют ее поведением? Маленькую частицу трудно обнаружить даже в специально приспособленных для этого лабораторных условиях — ведь она не многим больше молекулы. Попробуйте «отловить» ее в туче.

Когда многократные опыты не принесли никакого результата, а зонды постоянно возвращались пустыми, как невод в сказке про золотую рыбку, наступила многолетняя полоса растерянности в науке. Похоже, что все мыслимые и немыслимые способы добычи частицы из тучи были опробованы, когда в светлые головы ученых пришла гениальная по своей простоте идея. Зачем гоняться за частицами по облакам, если их можно преспокойно дожидаться на земле. Осадки — капли, снежинки, градины — прекрасно доставят ценный для ученых материал прямо в руки исследователей.

Тут-то и начинается самый захватывающий этап операции «таинственные ядра». Сотни градин были разрезаны на тонкие пластинки. В холодильных комнатах исследователи часами вглядывались в их прозрачные срезы через мощные микроскопы. И вот неожиданность. Градины были полны пылинок. Однако они не годились для образования полноценного ледяного кристалла. Точно такие же частицы можно было найти не только в любой градине, но и в любом ледяном кристалле и даже в дождевой капле. Их очень много, но какая из них была той единственной льдообразующей, которая дала начало росту градин, было неясно. Когда слишком много претендентов, трудно выбрать достойнейшего среди равных.

Не один десяток лет проницательный глаз электронного микроскопа всматривался в частицы, пытаясь выведать их тайну. Может быть, среди них все же прячутся частицы йодистого серебра? Но исследователи лишь убедились в своей полной неудаче.

Должно было появиться на свет новое поколение электронных, еще более мощных микроскопов, чтобы среди множества неактивных частиц обнаружить те, ради которых создавались и разрушались теории и гипотезы возникновения осадков. Уда-

лось ие только их обнаружить, но даже определить, из чего оии состоят. С этого момеита, чтобы отличать их от прочих частиц, их стали иазывать льдообразующими ядрами.

Чаще всего льдообразующие ядра — это окислы металлов, соли металлов и сажевые частицы. В облаке оии выполияют ту же роль, что и йодистое серебро в лабораториом тумаие. Стоит им попасть в облако, как оио заряжается дождем или градом. Коиечио, их ие сравиить с йодистым серебром, которому достаточио всего минус 4°С, чтобы превратить воду в кристалл. Природиым частицам нужеи мороз покрепче: минус 10 — мииус 15°С, а некоторые образуют ледяиые кристаллы лишь при минус 20 — минус 30°С.

Право, даже обидио, что чемпионский титул принадлежит веществу, в природе почти ие встречающемуся. Неужели искусственный чемпиои иепобедим? Тогда почему вода иа поверхиости земли замерзает при 0°? А пока одиими из иаиболее активиых природиых ядер можио назвать сажевые частицы, во миожестве иаходящиеся в околоземиом слое атмосферы.

Мы не случайно столько виимаиия уделили крохотиым ядрам. В иашей истории они должиы сыграть главиую роль.

ДИРИЖЕР НЕБЕСНОГО ОРКЕСТРА

Зимой сииоптики обычио предсказывают осадки в виде сиега, и, как правило, их предсказаиия сбываются. Летом сложиее. Летом может быть все, что угодио, кроме сиега, коиечио. И тогда можно ошибиться. Почему из совершеино одииаковых мельчайших капелек тумаиа образуется то снежная крупа, то дождь, то град?

С тех пор как иа смену аграриой магии пришла иаука, человек пытался поиять природу осадков. Исследовали характер тучи, измеряли скорость ее движения, запускали в иее десаит и даже, как герой повести Даииила Граииия «Иду иа грозу», пытались на самолетах прoиикнуть в самое ее сердце. История науки вписала иемало драматических страииц в киигу позиания природных процессов, ио ие так-то просто было поиять тучу.

Обычное облако питается восходящим потоком, иаполиеииым микроскопическими частичками песка, почвы, минералов, пыли и т. д. Эти частицы не обладают уиикальиыми достоииствами йодистого серебра легко образовывать ледяиые кристаллы, и если их количество к тому же иевелико, облако промчится иад вашей головой, ие обpоиив ии одиой капли. Такие облака — спутиики хорошей погоды и, по определеиию сииоптиков, являют собой наглядиый пример перемеииой облачности.

А теперь горизоит затяиуло сплошиыми тучами. Оии зловеще тянутся к полям, иакрывая их гиетущим холодом. Подиимается сильиый ветер. Мы уже знаем, что это включился ги-

гантский пылесос. Восходящим потоком в тучу затягивает несметное количество аэрозольных частиц. Если среди них много льдообразующих ядер, то, переступив свой холодовый барьер, они немедленно примутся за работу, образовывая кристаллы льда. Влаги вокруг много, кристаллы растут быстро, тяжелеют и падают на землю, тая в теплых слоях воздуха. Так из тучи идет дождь. Но если в облаке мало льдообразующих ядер, это может оказаться весьма серьезной опасностью. Те немногие ядра, которым удалось добраться до облака, соберут на себя всю влагу и вырастут до огромных размеров, иногда с голубиное яйцо. Так рождается разрушительный град.

Поведением туч управляют льдообразующие ядра. На многие тысячи и даже миллионы частиц приходится лишь одно активное ядро. Сначала оно носится по полям и дорогам, влекомое всеми воздушными потоками, а потом попадает в трубу гигантского пылесоса, и начинается его восхождение. Стоит ему попасть в облако, как оно немедленно и точно так же, как мы это видели в лаборатории, соединяется с только что возникшим ледяным зародышем.

В облаках средней полосы нашей страны обычно бывает много влаги. Ее больше, чем может вместить атмосфера. Избыток влаги создает туман, облака и тучи. В небольшой туче, размером всего в один километр, запрятаны сотни и тысячи тонн избыточной влаги. Она так и будет носиться в воздухе. Влажность более ста процентов не редкость: трудно дышать, воздух пахнет грозой, а ее все нет. Влага как бы заперта на замок. Чтобы «отворить» тучу, нужны льдообразующие ядра. Но их мало, вернее, мало активных — тогда жди беды. Опустошающий град в любую минуту может обрушиться на землю.

Человек не хочет ждать. Он может сам отвести беду: в его руках мощное противоядие, точнее, противоградие — ядра йодистого серебра. Стоит им попасть в перенасыщенную влагой атмосферу, как они быстро, соревнуясь друг с другом, поделят между собой всю влагу на небольшие ледяные кристаллы. Града не будет. Будет дождь, который очень нужен будущему урожаю. А пушки, вы помните, — зенитные орудия в начале нашего рассказа, — это лишь транспорт для ядер, лифт, который доставит их на небо.

Так льдообразующие ядра помогают человеку в борьбе с градом. Но это не единственная их профессия.

СИЛЬНЕЕ ОГНЯ И ТУМАНА

Люди давно заметили, что во время страшных лесных пожаров, когда дым поднимается до самого неба и закрывает горизонт, а столетние сосны и кедры выбрасывают под облака трескучие искры и пепел, откуда ни возьмись появляются огромные дождевые тучи и опрокидывают тонны воды на горя-

щий лес. Природа встает на защиту своих богатств. И этим, на первый взгляд необъяснимым явлениям, о которых в старину слагали легенды, ученые смогли найти разгадку. Здесь тоже не обошлось без льдообразующих ядер.

Когда горит лес, в воздух устремляется несметное количество сажевых частиц — мельчайших кусочков не сгоревшей до конца древесины. Горячий восходящий поток подхватывает их, а что происходит дальше, вы уже знаете сами.

На знаменитом полотне Карла Брюллова «Последний день Помпеи» задний план картины затянут зловещей тучей. Она пытается накрыть гибнущий город. Сверкают молнии. Кругом огонь и пепел. Неровная цветовая гамма хорошо передает состояние общей тревоги, усиливающейся приближением грозы. Туча, которая, по замыслу художника, должна обострить ощущение опасности, верный спутник не только лесных пожаров, но и извержения вулканов. Вырывающиеся из-под земли струи горячего газа выносят на поверхность огромное количество вулканического пепла и микроскопических кусочков минералов. Они станут ядрами тех дождевых капель, которые упадут на Помпею, когда город будет уже мертв.

Теперь вернемся в наше время. Как говорится, ложка дорога к обеду; чтобы помочь природе, самолеты пожарной авиации по сигналу тревоги вылетают в зону лесного пожара. Оснащенный специальными приспособлениями самолет в несколько мгновений засеет атмосферное пространство над пожаром льдообразующими ядрами. Теперь не долго ждать дождя, который быстро сделает свое дело.

Мельчайшие, не видимые глазом частицы лучше справятся с пожаром, чем пожарная часть вместе со своей многочисленной и блестящей техникой. Один самолет с небольшим грузом на борту может потушить пожар на площади в десятки и сотни квадратных километров.

Иногда облака опускаются на землю, и тогда земля окутывается туманом. Если ты рано утром идешь на речку ловить рыбу, туман — признак хорошего клева, но если надо посадить самолет на взлетную полосу, скрытую от глаз туманом... Рассеяние туманов над взлетно-посадочными полосами — еще одна профессия льдообразующих ядер. Над полосой медленно пролетает вертолет, распыляя ядра. Через несколько минут вся влага осядет на бетонную полосу. Пилот, ведущий самолет на посадку, сообщает диспетчеру: «Иду на посадку. Видимость отличная».

КАК НАПОИТЬ ОЗЕРО

Воздействие человека на природу не остается без последствий. Чем больше мы отвоевываем у нее, тем искуснее прячет она от нас свои богатства. Человек — царь природы! Это

знает каждый ребенок, но мы бываем по-царски расточительны, что совсем не украшает нашу человеческую породу. Потом нам приходится проводить воду в пустыни, созданные нашими собственными руками.

Кто бы еще в середине нашего столетия мог подумать, что ученым придется решать задачу возвращения воды в озеро Севан — жемчужину высокогорного Кавказа? Севан мелеет катастрофически быстро. Жаль красоту, воспетую поэтами, но не только это тревожит ученых. Столица Армении, почти миллионный город Ереван может остаться без воды. Если не остановить процесс, то и прекрасный климат, которым славится горная Армения, может испортиться.

Как снова наполнить Севан водой? Если перекрыть вытекающую из Севана реку Раздан, уровень воды в озере восстановится. Но сможет ли ждать город? Раздан — основной источник, питающий его. Ученые подумали и довольно решительно объявили, что льдообразующие ядра могут помочь Севану. Прогноз утешителен. Окажутся ли ученые правы, покажет недалекое теперь будущее. А сейчас по скалистым берегам озера расположились небольшие генераторы льдообразующих ядер, засевающие пространство над Севаном зародышами дождя.

Но бывает так, что атмосферный пылесос не действует, тогда и льдообразующие ядра бессильны. Представьте себе полный штиль на суше: даже травинка на шелохнется, а под ногами лежат обычной пылью драгоценные ядра, не способные начать свое восхождение. Чтобы помочь им, на возвышенности, расположенной неподалеку от обезвоженной местности, устанавливают прибор — метеотрон. Изо всех сил гонит он мощную струю горячего воздуха в неподвижное небо, делая ему искусственное дыхание. И вот зашевелились, задышали сонные массы воздуха, подул легкий ветерок. Откуда ни возьмись появились белоснежные шапки облаков. Теперь «поле» готово для засева.

Это дорогое удовольствие. Чтобы расшевелить небеса, одновременно работает более десятка мощных турбореактивных двигателей. Представляете, какая нужна энергия, чтобы околоземный пласт воздуха поднять на высоту в несколько километров? Вместе с теплым воздухом в верхние слои атмосферы доставляются и ядра, делающие погоду.

МУДРОСТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Издалека площадка с метеотронами напоминает гигантский костер. А если приглядеться поближе — точно так же горячий воздух устремляется в небо, прихватив с собой сажевые частицы, мелкие пылинки трав, цветов, земли. Точно так же в верхних слоях атмосферы их ждет зародыш ледяного кристалла,

чтобы... Нам думается, что дальше можно не рассказывать. Кажется, теперь мы можем смело заявить, что предок метеотрона — гигантский ритуальный костер.

Интересно, подозревали ли древние люди о том, что они в самом деле управляют погодой? Чаще всего небеса их слушались, подчиняясь строгим физическим законам, а не пляскам и заклинаниям. Результат ритуала заставлял их еще больше верить в божественную природу огня. Вероятно, постепенно забывалось изначальное знание о том, что большой костер — это большой дождь.

А может быть, никакого знания и не было. Может быть, человек совершенно безотчетно пользовался подарком цивилизации еще более древней, чем земная, по своему невежеству и не подозревая о теореме урожая: огонь+облако=дождь. Был ли наш предок великим физиком или пришельцы из космоса научили его фокусам, сейчас мы вряд ли сумеем ответить. Это второй этап разгадки, который мы оставим фантастам и историкам. Наша гипотеза основана на физической сути природных явлений. Но то, что «богу — богово, а кесарю — кесарево» ложный научный принцип — это мы, кажется, доказали. Путь к истине часто проходит по границе самых разных наук.

Многим суевериям и ритуалам современная наука смогла найти рациональное объяснение. Наша история в ее физическом преломлении не только фантастов может натолкнуть на мысль о том, что идея управления осадками подсказана нашим предкам разумом, превосходящим их на несколько цивилизаций. Оттого они, возможно, и не подозревали об истинной сути обряда, сохраненного многими поколениями людей до наших дней. Как видите, наш способ управления атмосферными процессами не так уж и нов.

Кто знает, какие еще неведомые тайны скрыты за отжившими, как мы привыкли считать, обрядами и поверьями. Журнал «Вокруг света» рассказал однажды интересную историю. Огромную глыбу камня, изображавшую бога огня Тлалока, перевезли с гор, где она простояла, в столицу Мексики. Местные индейцы долго сопротивлялись переселению своего божества, но в конце концов смирились. В тот день, когда монолит весом 167 тонн устанавливали в столице, разразилась невиданная гроза. Многие увидели в этом божественное провидение. Что это — случайное совпадение или тоже физическая закономерность, скрытая от глаз современников? Может быть, эта глыба, по преданию «обслуживающая» целую провинцию, действительно обладала свойством привлекать дожди?

Большинство их суеверий может оказаться замаскированными научными истинами. Кто и зачем рядил законы природы в волшебные одежды магии — нетрудно догадаться: когда фокус известен всем, фокусник рискует остаться без работы. За-

тем было мрачное средневековье, похоронившее многие научные открытия под черной сутаной. После него человечеству пришлось заново открывать законы и истины, хорошо известные еще в Древнем Риме, но преданные анафеме Римом средневековым.

ПОГОДА ПО ЗАКАЗУ

Насколько мы опередили своих предков в осуществлении дерзкого замысла — управление погодой? И опередили ли? Мы только подбираемся к решению этой проблемы, постепенно нащупывая пути, удовлетворяющие «заказчика» и не нарушающие экологического равновесия. Мы уже умеем бороться с градом, тушить лесные пожары, рассеивать туманы, но перераспределение осадков в масштабах больших аграрных территорий остается пока мечтой.

А если древние умели то, что пока недоступно нам? Почему они зажигали свои костры-гиганты в одно и то же время сразу на большой территории? В Европе «взошло» уже не одно поколение неверующих, а обряд со всеми аксессуарами сохранился, несмотря на его трудоемкость, повышенную пожарную опасность и полную бесполезность в глазах современников. Может быть, кострища, пламенеющие одновременно на больших пространствах, — это и есть ключ к управлению погодой?

Мы знаем, что погода зависит от перемещения воздушных масс. Как обидно бывает слышать в разгар уборочной страды неумолимый голос диктора: «Циклон, зародившийся в Северной Атлантике, принес с собой похолодание и обильные дожди на большую часть европейской территории Советского Союза». Не только дождь, но и ясная солнечная погода, ураганные ветры, затяжные туманы, длительная засуха — все это гримасы своенравных циклонов и антициклонов. Укротить буйный нрав свирепых атмосферных вихрей, сделать их покладистыми и поставить на службу человеку — вот задача, волнующая сейчас многих ученых во многих странах мира.

А если попробовать объединить наши знания и многовековой опыт предков? От праздников огня мы можем взять их масштабность и одновременность и попытаемся сразу на большой территории засеять облака ядрами. И сделать это тогда, когда урожаю нужна влага. Тогда у нас появятся основания ждать хорошего урожая. Это так, но если бы еще не было этих неуправляемых циклонов и антициклонв! Если бы могли ими распоряжаться так же свободно, как и дождем.

Можем ли мы это сделать уже сегодня? Теоретически — да. Для этого достаточно перекрыть фронт атмосферного вихря заслоном из современных костров — метеотронов. Они пропустят только те вихри, в которых в этот момент нуждаются поля,

изнывающие от зноя и жажды. Пока это «бумажное» решение проблемы управления погодой, гипотеза, которой, мы считаем, принадлежит будущее. Для управления циклонами понадобится намного больше льдообразующего реагента, чем для борьбы с градом или тушения лесных пожаров. Атмосферный вихрь иногда простирается на многие сотни километров, захватывая моря, океаны и целые материки. Чтобы укротить циклон размером тысяча на тысячу километров, понадобится не менее сотни тонн йодистого серебра. Будем надеяться, что очень скоро на смену йодистому серебру придут достойные, но, не в пример ему, дешевые заменители, а количество аэрозоля, выстреливаемого в атмосферу, удастся свести до минимума.

Остается открытым вечный вопрос науки: насколько допустимо вмешательство человека в природные процессы? Не повлияет ли на биосферу огромное количество аэрозольных веществ, распыленных в воздухе? А вдруг «необращенные» ядра проскочат слой, в котором они должны были превратиться в ледяные кристаллы, и, вырвавшись в верхние слои атмосферы, нарушат ее сложившуюся структуру, продырявят ее и оставят нас беззащитными перед солнечной радиацией? И не получится ли, что, напоив, например, засушливые районы Поволжья, мы иссушим одну из важнейших житниц страны — Кубань?

Блестящие перспективы — это прежде всего гигантская ответственность перед наукой, природой, человеком, самой жизнью на земле. Любая научная гипотеза должна сопровождаться самым точным расчетом, а любая стратегия воздействия на природные процессы должна иметь несколько альтернативных сценариев и хорошо проверена экспериментом.

Ученые считают, что управление циклонами станет возможным уже в нашем столетии, и тогда безоблачное небо и яркое солнце будут добрыми помощниками в уборочную страду, а обильные дожди в разгар лета будут поливать поля по нашему заказу.

ВИКТОР ЯГОДИНСКИЙ

ЧАСЫ ВНУТРИ НАС

Отечественные ученые внесли большой вклад в хронобиологию. Академик А. Н. Бах и профессор Д. А. Сабинин стояли у колыбели исследований внутриклеточных ритмов. Академик И. П. Павлов открыл условные реакции на время и показал их роль в формировании биологического ритма.

Вот результаты последних опытов советского хронобиолога М. М. Атаева. Моллюск получает через каждые пять минут удары слабым электротоком. На некоторое время он скрывается в раковине, но затем продолжает движение. Прекратим воз-

действие тока. Однако ровно через пять минут улитка снова скрывается в своей раковине. Как от электроудара! Это не условный рефлекс. Нет! В простейшем организме, видимо, существует система отсчета времени, своеобразные часы, пригодные для ориентации и изменения поведения в зависимости от внешних раздражителей.

Или другой, более сложный опыт. Воздействуем тем же электрополем на мозг кошки. На энцефалограмме обнаружится своеобразная картина. Животное поспешит уйти из сферы действия электротока, для чего ему нужно нажать на педаль, открывавшую дверцу. Ровно тридцать секунд — ни секундой менее или более, иначе дверь не откроется. Животное быстро ориентируется в задании и выбирает необходимый интервал времени. Дверь открывается!

Это показывает, что ритмы самого различного масштаба и разной сложности могут формироваться повседневно под влиянием внешних раздражителей.

Действительно, свойство ритма у животных может быть приобретено в результате обучения, которое начинается с момента рождения: новорожденный как бы «запечатлевает» те или иные временные последовательности и далее оперирует ими всю жизнь. Это подобно тому, как только что вылупившиеся в инкубаторе утята или гусята начинают считать своей матерью кормившего их человека, не обращая внимания на присутствующих здесь же взрослых своих сородичей. Может быть, и некоторые биоритмы «запускаются» еще с первых суток жизни, когда ребенок постепенно закрепляет ритмы питания, сна, физической активности.

Но внутренние часы не смогли бы достигнуть большой точности и универсальности у разных особей только в результате обучения. Предполагается, что внутренний биохронометр «вмонтирован» в клетки живого организма задолго до его рождения, он запрограммирован природой. По мнению советского физиолога Н. А. Аладжаловой, источник колебаний — регуляторные процессы как на макромолекулярном и клеточном уровнях, так и на уровне ансамблей клеток и далее — на уровне взаимодействия живых систем.

Согласно этой концепции в образовании биоритмов непосредственное участие принимают клеточные мембраны, периодически меняющие потоки ионов в клетку. Изменения ионного градиента переводят мембрану из пассивного состояния в активное. Периодические колебания концентрации ионов вызывают скачкообразные изменения состояния мембраны.

Мембранная гипотеза биологических часов, по данным мировой литературы, обобщенной советским биоритмологом С. А. Чепурновым, наиболее обоснована и тесно связана с ге-

незом физиологических ритмов, с биохимическими процессами, обеспечивающими ионный транспорт.

Исследователь приводит очень интересные в этом отношении данные. У большинства низших позвоночных эпифиз остается связанным с мозгом в процессе эмбриогенеза и содержит клетки, сходные с фоторецепторами, то есть чувствительными к свету образованиями. Клетки эпифиза амфибий реагируют на изменение внешней освещенности. Но оказывается, что такая фоторецепция присуща и птицам. Например, если ослепить попугаев, то их циркадный ритм уже не будет совпадать с периодами освещенности и затемнения. Однако после выщипывания перьев на голове, то есть увеличения светового потока, поступающего через кожу головы и череп к тканям мозга, ритм сразу же восстанавливался. Введение туши под кожу головы птицам приводило к исчезновению синхронности циркадного ритма. Таким образом, доказано прямое действие света на эпифиз. Следовательно, эпифиз трансформирует световую ритмику и подчиняет ей весь организм благодаря своей эндокринной функции.

У млекопитающих в процессе эмбриогенеза эпифиз теряет анатомическую связь с мозгом (за исключением стебля), и его фоторецептирующие свойства исчезают. Сигналы об освещенности организма эпифиз высших позвоночных животных получает от сетчатки глаза. Эта железа выделяет физиологически активные вещества — мелатонин, серотонин, норадреналин; их накопление в эпифизе и выделение зависят от освещенности.

Именно днем или при освещении происходит освобождение серотонина из депо. На суточные колебания серотонина в эпифизе оказывают влияние также стрессовые воздействия, но наибольшая роль в регуляции его уровня все же принадлежит световому периодизму.

Таким образом, центральные звенья временной структуры позвоночных — нервная и эндокринная системы. Они основа биологических часов организма в целом. Благодаря нейроэндокринным воздействиям осуществляется модификация и интеграция клеточных ритмов и тем самым обеспечивается их взаимодействие, целостное функционирование организма, его адаптация к изменяющимся условиям внешней среды. Суточный ритм является основной временной единицей работы живого организма. Ритмикой определенных гормональных изменений можно объяснить также околомесячные — лунные и сезонные циклы.

При этом временные и пространственные стороны жизни настолько взаимосвязаны, что разделить их в биоритмологии не удается, и мы только условно говорим о временной динамике, подразумевая, что развитие процесса одновременно совершается и в пространстве. Как периодические волны моря оставляют на зыбком песке свой четкий след, так и на раковинах моллю-

ска навсегда запечатляются резкие полосы — следствие его жизненных циклов.

Годичные кольца встречаются на деревьях, рогах животных, скелетах карбонатных водорослей и даже на чешуе рыб. А на некоторых ископаемых объектах обнаруживаются не только годовые, но даже и суточные циклы. Так, на морщинистом известковом покрове — эпитеке кораллов можно найти и просчитать своеобразные гребни или «струйки», число которых точно соответствует числу дней в году. Это позволило с величайшей точностью установить, что в кембрийском периоде год содержал не 365, как сейчас, а более 400 дней, в девонском он был равен 396, в каменноугольном и пермском 393—385, в юрском — 377 дней. Рассчитано, что длительность суток в девонскую эпоху была около 21 часа, а затем из-за замедления движения Земли (в основном лунным влиянием) достигла сегодняшней продолжительности в 24 часа.

Как видим, за природными сдвигами зорко следят живые организмы, сообразуя с ними свою ритмику — как многолетнюю, так и суточную. Очевидно, это и привело в процессе эволюции к выработке соответствующей цикличности биологических процессов.

Но каковы же глубинные механизмы образования ритмов биосферы? Оказалось, что у животных, растений и одноклеточных организмов существует весьма совершенный способ измерения времени, основанный на циклическом течении жизненных процессов. Причем в основе измерения времени лежат не одиночные импульсные «подсказки» со стороны внешних факторов (хотя и это влияет на ход биологических часов), а цепные процессы. Центральным звеном в этих процессах является упорядоченность химических реакций. Предполагается, что солнечный свет — смена дня и ночи — способствовал эволюции биоритмов за счет фотосинтетических, фотохимических процессов. Такую же роль могли играть и морские приливы-отливы. Вероятно, возникновение жизни было бы невозможно без формирования в простейших биологических системах колебательных химических и других процессов с их упорядоченностью времени. Биоритмы разной периодичности способствуют регуляции функций организма. Их наличие создает возможности приспособления к множеству циклических изменений во внешней среде, то есть позволяет организму легче адаптироваться к среде. Химический механизм может быть наиболее вероятной основой организации чувства времени, то есть речь идет не о физическом, как мы привыкли считать, глядя на маятник часов, а о химическом метрономе.

Какие же конкретные химические процессы обеспечивают ход наших внутренних часов?

За тысячелетия цивилизации человечество изобрело множество счетчиков времени. Сегодня в службе времени предпочте-

иие отдается атомным часам, которые отстают ие более чем иа одну секуиду за трн тысячн лет. Это время продиктовано молекулами и атомамн. То есть ритм движения времени в прнроде связаи с самой основой существованця матерни — атомом. А иет ли чего подобного и в основе биологических часов?

Оказывается, еще в IX веке существовали хронометры, которые состоялн из двух спиральио перевитых кусков каната, пропнтаиных пчелиным воском и свечным салом. Эти куски горелн с постояниой скоростью, так что на сжнгание определеиной их части уходило практически одно и то же время. Соответствующая разметка позволяла довольно точно различить отрезкн времени в 20 минут.

Чарлз Эре нз Аргонской лабораторни прн Комиссин по атомной энергин США сопоставнл в 1967 году эти часы с моделью ДНК, имеющей подобную же двойную спираль. Как нзвестио, структура иуклеиновых кнслот — носнтелей наследственных прнзнаков — была открыта Д. Уотсоном и Ф. Крнком в 1952—1953 годах, за что онн совместно с М. Унлкннсом былн удостоены Нобелевской премнн по меднцине в 1962 году.

Давайте вспомним кратко строенне нукленновых кислот. ДНК представляет собой две закрученные в внде спнралн нити, построенные нз множества нуклеотидов. Прообразом ДНК может служить вннтовая лестннца, где «перилами» будут элементы ортофосфорной кнслоты и углеводов, а соедннения нз органических оснований служат «ступеньками». РНК построена более просто — в виде однинарно закрученной полинуклеотидной спнралн, которая, однако, способна «вкраплнвать» небольшне участки двойной спнрали — как бы отдельные пролеты лестиицы.

Отличнтельной особенностью ДНК является способность к самовоспронзведению и сохраненю генетической информацни. Процесс репродукцни своднтся к разрушенню водородных связей между основаннями двух закрученных ннтей, в результате чего освобождается энергия для прнсоеднненя другнх подобиых основанн. В этом процессе немаловажную роль нграет фнзнко-химическое состоянне среды, равновесие нонной структуры клетки. Атомная решетка нукленновых кнслот способна выбирать и орнентнровать в пространстве находящнеся вокруг иее «заготовкн». В результате при разделе ннтей ДНК на две части каждая нз ннх формнрует новый цельный экземпляр, абсолютно ндентнчный исходной ДНК.

Но ие будем вникать дальше в этот интнмный акт зачатня новых ДНК. Отметнм лншь свойства, с помощью которых потомство получает необходнмую наследствениую информацию.

Вот эта статья написана с использованнем тридцати двух

букв русского алфавита и нескольких знаков препинания. Но тот же смысл можно изложить и азбукой Морзе, построенной всего из сочетаний двух знаков — точки и тире. Внешне текст будет выглядеть несколько однообразнее, но сохранит все оттенки авторской мысли и даже недостатки его стиля. Зато какая экономия шрифта! А если еще слова заменить символами, подобно тому, как мы сокращаем длинное слово «дезоксирибонуклеиновая кислота» на краткое «ДНК», то тогда вся эта книга уместилась бы на нескольких страницах. И наконец, очень трудно даже самыми подробными и точными выражениями описать внешний вид ДНК, а вот если приложить схему или маленькую фотокопию, то можно мгновенно представить ее характерные черты. И все это только с помощью одного символа-образа.

Вся информация о миллиардах частиц будущего вируса или клеток человека записана сочетанием всего лишь четырех знаков, вернее, на основе чередования двух пар нуклеотидов: аденин — тимин (А-Т) и цитозин — гуанин (Ц-Г). ДНК — это язык живой материи, а сочетания А/Т — Ц/Г — две буквы азбуки.

По шаблону ДНК строится пространственное распределение и подбор определенных аминокислот. Связь между ДНК и белками можно представить переводом книги на другой язык — с кода пуриновых и пиримидиновых оснований на субстрат аминокислот.

Теперь проследим ход рассуждений Ч. Эре. Спираль ДНК — большая молекула, имеющая, например, в ядре клетки человека до метра в длину, но она столь микроскопически тонка и так плотно упакована в хромосоме, что занимает совсем немного места даже в миниатюрной клетке. Если же вообразить ДНК той самой спиралевидной свечой IX века, а ее нити равными по диаметру корабельным канатам, то длина такой свечи-ДНК составила бы около восьми километров. Но есть одно важное преимущество ДНК перед свечой-часами. Если свеча сгорает и требует замены, то живая свечка ДНК продолжает копировать самое себя в течение всей жизни клеток.

Давайте подумаем, а не выполняет ли ДНК функцию счетчика времени на самом глубинном уровне иерархии живых систем? Может быть, клетки «используют» каким-то образом периодическое строение ДНК для отсчета времени? Если да, то каким образом?

В самом деле, периодичность расположения аминокислот в молекуле ДНК вполне может выполнить роль «разметки» или «стрелок» биологических, вернее молекулярных часов.

Но эта догадка породила столько вопросов, что на первых порах их было даже трудно пересчитать. Ну хотя бы такой вопрос: какую роль в отсчете времени может играть информа-

ционная РНК, синтезируемая в ядре и переходящая в цитоплазму, где она связывается с РНК рибосом и работает как матрица для синтеза белков, ферментов и т. п. И следующий, вытекающий отсюда вопрос: существует ли связь между синтезом белков из аминокислот и течением времени? Может быть, любой биохимический и даже биофизический процесс в организме, имея свои единицы развития, служит для отсчета времени? Разве не может быть датчиком микровремени клеточная мембрана, пределы проницаемости которой строго лимитированы? Но вернемся к ДНК.

В истории биоритмологии, как и любой другой науки, огромное значение имеют объект и метод исследования. В данном случае также необходимо было найти подходящий биологический объект и метод, которые бы были оптимальны при решении возникших вопросов. В качестве объекта была выбрана парамеция — известная всем нам с первых уроков биологии простейшая туфелька. У нее существуют свои ритмы, в частности конъюгация происходит в дневное время с циркадным периодом. Биочасы парамеции легко сдвигаются при воздействии света. Но главное, часы туфельки сильно меняют свой ход под действием ультрафиолета. Предполагалось, что ультрафиолет повреждает спираль ДНК, но клетка может исправить положение, если после подействовать обычным белым светом. Это соответствовало другим опытам, в частности, применению антибиотика актиномицина-Д, подавляющего синтез ДНК в клетке и останавливающего часы водорослей.

Результаты опытов с парамецией позволили Эре предложить концепцию так называемого «хронона» — модели биологического циркадного механизма для отсчета времени. Эта гипотеза сводится к следующему.

Основой процесса отсчета времени в клетках являются длинные молекулы ДНК. На разошедшихся нитях спирали строится информационная РНК, достигая полной длины одиночной нити ДНК. Одновременно протекают взаимосвязанные химические реакции, соотношение скоростей которых можно рассматривать как регулирующий механизм часов. В целом вся последовательность этих реакций и служит для отсчета времени. Эре рассматривает такую модель как «скелет, в котором опущены все подробности».

Известный американский ритмолог Клоудзли-Томпсон считает РНК-ДНК «хозяйками» биоритмов. Сейчас эта гипотеза получает все больше подтверждений. Поэтому вполне вероятно, что параметры ритмов организма могут задаваться определенной генетической программой. Однако она реализуется только через систему биохимических и биофизических реакций.

СЛЫШИМ ЛИ МЫ РАДИОВОЛНЫ

В начале 60-х годов в одном из американских городов произошел забавный случай. Два человека обошли почти всех врачей своего городка с жалобой на странный недуг. Время от времени им слышались голоса людей, которые советовали им покупать холодильники, стиральные машины, автомобили, мыло, зубную пасту... Эти советы прерывались, по их выражению, «хорами ангелов».

Врачи недоумевали: никаких психических расстройств у пациентов не обнаружилось. А между тем они продолжали утверждать, что отчетливо слышат голоса. Наконец специалисты узнали, что оба пациента недавно лечили зубы у одного и того же врача. Обратились к нему, и дантист сказал, что он запломбировал им зубы цементом особого состава: в нем была незначительная примесь карборунда.

Понемногу все прояснилось. Кристаллы карборунда — типичного полупроводника — совместно с организмом человека образовали простейший детекторный приемник. Кристалл карборунда служил детектором, выделявшим из радиоволн звуковые сигналы. Звуковые колебания воспринимались нервом зуба и по нему достигали мозга. Эти миниатюрные детекторные приемники принимали сигналы близлежащей радиостанции, передававшей торговую рекламу.

Известно, что детекторный приемник обладает плохой избирательностью. Если он принимает одинаковые по мощности сигналы разных радиостанций, то в наушниках будет звучать какая-то мешанина. Но положение в корне меняется, если сигнал одной из радиостанций будет много мощнее других. В этом случае сильный сигнал автоматически подавит слабые сигналы.

«Больные» потому и слышали голоса, что сильные сигналы близкорасположенной рекламной радиостанции подавляли в «зубном» детекторе более слабые сигналы других станций.

То, что живые ткани могут служить элементами радиоприемника, продемонстрировал еще в конце XIX века наш соотечественник Я. О. Наркевич-Иодко. В 1896 году «Минский листок» сообщил об осуществленной в Минске передаче без проводов, причем антенной и, по-видимому, детектором служил... комнатный цветок. Та же газета в 1902 году писала о подобной передаче в Вильно на сельскохозяйственной выставке. Здесь противоположной станцией беспроволочного телеграфа явились опущенная в воду ветка вербы и телефон.

Эти особенности растений, обнаруженные почти сто лет назад, в наши дни находят практическое применение... В Индии благодаря космической связи телевидение получает все большее распространение. Но вот возникла проблема: во влажном климате металлическая антенна недолговечна, и к тому же она сравнительно дорога. На помощь неожиданно пришли ботаники. Они предложили использовать для приема телепрограмм... кокосовую пальму. Оказалось, пальма — хороший проводник сверхвысокочастотных токов и прекрасно заменяет громоздкую телевизионную антенну.

Интересно, что хлорофилл растений — типичный полупроводник для светового диапазона волн и работает в зеленом листе по тем же канонам, что и его технические собратья. Квант света создает в молекуле хлорофилла, как говорят электронщики, электронно-дырочный тип проводимости. В зеленом листе по «электронно-транспортной цепи», словно по медной проволоке, течет микроток. Для возбуждения электронов молекулы хлорофилла достаточно квантов красного света с довольно скромным запасом энергии. Полупроводниковые свойства хлорофилла порождают надежду создать «зеленые фотоэлементы» (взамен ныне существующих из кремния и арсенида галлия), в которых под действием света будет производиться электрический ток.

Возможно, хлорофилл сохраняет свои полупроводниковые свойства и при воздействии радиоволн, тогда именно благодаря этому комнатный цветок в опытах Наркевича-Иодко работал как детектор.

Незадачливые пациенты дантиста случайно стали обладателями встроенного в зуб детектора, они смогли довольно отчетливо слушать местную радиостанцию. А может ли человек непосредственно, без какого-либо инородного тела, воспринимать сообщения, переносимые радиоволнами?

Эксперименты, поставленные в 1956 году, ответили на этот вопрос положительно. Да, человек непосредственно может воспринимать звуковые колебания, которыми промодулирована радиоволна, хотя частоты радиоволн в тысячи раз превышают наивысшую звуковую частоту, воспринимаемую ухом человека. (Напомню, что на принципе модуляции высокочастотных колебаний — радиоволн — звуковыми колебаниями, которые затем выделяются в приемнике, работает радиовещание.)

Испытуемым казалось, что источник «радиозвука» находился либо в голове, либо непосредственно за головой, причем это ощущение не изменялось при их перемещении в зоне облучения и не зависело от того, в какую сторону повернута голова перципиента. Эффект пропадал при экранировании височной области.

Даже шум в 90 децибелов(а это эквивалентно шуму, создаваемому тяжелым грузовиком с дизельным двигателем на расстоянии семи метров от него) не мог заглушить радиозвук. А если испытуемый пользовался антишумовыми пробками (типа «беруши»), то восприятие радиозвука заметно улучшалось. Исследователи выясиили, что если поместить испытуемого в сурдокамеру, куда ие проиикают мешающие радиоволны от других станций и шум от внешних источников, то чувствительность человека к восприятию радиозвука сопоставима с чувствительностью хорошего приемника. Правда, при этом следует учесть, что в тканях черепа поглощается около 90 процентов эиергии радиоволн.

Были отмечены случаи восприятия радиозвука людьми, живущими в непосредствеииой близости от мощных радиостаиций. Их беспокоили какие-то свисты, жужжания, голоса, но психически люди были здоровы. Стоило только изменить в квартире коифигурацию электропроводки и водопровода, как эти ощущения пропали.

Исследователи предположили, что восприятие человеком радиоволн происходит в слуховых нервах или в клетках головиого мозга. Не исключено, что есть иидивидуумы, обладающие повышенной способностью к восприятию радиозвука. Встречаются же люди, организм которых обладает уиикальными электрическими характеристикамп. Например, один из них, электрик Георгий Иванов из болгарского города Габрова, «экоиомит» на защитных средствах, положеииых по технике безопасности: резиновых перчатках, резииовых ковриках и других. Оии ему просто ие иужны. Он голыми руками может держать неизолированные концы проводов, иаходящихся под иапряжением 380 вольт. (И это не габровская шутка.) Известно, что электрический удар напряжением 380 вольт приводит к смертельному исходу, а электрик из Габрова работает, ие выключая электричества, без всяких защитных средств. Специалисты из разных стран, исследовавшие эту особенность оргаиизма Георгия, пока ие пришли к единому мнению. Устаиовлеио лишь, что электрическое сопротивление тела Г. Иванова в восемь раз выше, чем у других людей.

Возможность человека иепосредственно воспринимать радиоволны объясняет феномен электрофонных, или, как их еще называют, «поющих», болидов. Во всяком случае, по миеиию некоторых исследователей, такая гипотеза иаиболее вероятна.

7 апреля 1978 года иад густонаселениыми райоиами Восточного побережья Австралии пронесся ярко светящийся болид. Его видели сотни людей. Десятки из них слышали звуки, раздававшиеся одновремеино с полетом космического тела. Если бы это было следствием звуковой волны, сопровождавшей полет болида, то звук был бы слышеи только спустя несколько мииут,

потому что трасса болида проходила где-то на высоте 70—100 километров. Местный астроном собрал и обработал все свидетельства очевидцев, а затем провел интересные эксперименты. Он оставлял испытуемых, ничего не знавших об электрофонных болидах, в звукоизолированной комнате и создавал в ней электромагнитное поле, модулированное звуковой частотой. И люди слышали такие же звуки, как и при полете болида. Те, у кого были длинные волосы или очки с металлической оправой, слышали звуки лучше.

По-видимому, в ионизированном следе «поющих» болидов возникают завихрения, которые вращаются и пересекают силовые линии магнитного поля Земли. Создается нечто вроде турбулентного динамо, оно и служит генератором радиоволн. В специальном каталоге зарегистрировано более 350 «поющих» болидов.

Собственное радиоизлучение метеоров регистрировали ашхабадские астрономы еще в конце 40-х годов. Но сейчас стало трудно наблюдать подобные явления: во много раз возрос радиофон Земли. Инопланетяне приняли бы нашу планету за радиоизлучающий объект. Ставится вопрос об экологическом радиозагрязнении Земли, возникла такая дисциплина, как радиогигиена.

Есть интересная гипотеза, которая связывает акселерацию — увеличение среднего роста и ускорение полового созревания у людей — с возрастанием радиофона.

По статистическим данным, акселерация отмечается вот уже на протяжении 140 лет, причем до 30-х годов нашего века она была не столь заметной, а затем резко убыстрилась. В городах акселерация более выражена, чем в сельской местности.

Существует немало объяснений причины акселерации. Тут и массовое использование алюминиевой посуды для приготовления пищи. И убыстряющийся темп жизни, и улучшение питания детей, и более частое их рентгеновское обследование. Но все эти факторы не объясняют глобального характера акселерации. Она же проявляется в разных географических зонах, во всех национальных и социальных группах населения. Поэтому ученые считают, что существует какая-то иная, общепланетарная причина акселерации. Гипотеза, связывающая акселерацию с повышением радиофона, основывается на свойстве гиперкомпенсации, присущей человеку и высшим млекопитающим. Она заключается в том, что организм оценивает изменение воздействующих факторов среды и с опережением приспосабливается к этой тенденции за счет ускорения физиологических процессов. Осуществляется это, по-видимому, отделом промежуточного мозга — гипоталамусом и контролируемыми им эндокринными железами — щитовидной, гипофизом, половыми и надпочечника-

ми. Причем приспособляемость в виде гиперкомпенсации при длительных изменениях среды, например, за время жизни животного и человека, может передаваться последующим поколениям.

Радиофон угнетающе действует на рост и развитие млекопитающих. Об этом свидетельствуют экспериментальные данные. Согласно гипотезе акселерация есть отрицательный ответ на это угнетение: организм отвечает убыстрением своего развития.

Факты свидетельствуют, что до массового использования радиотехники уровень электромагнитного поля медленно, но все-таки повышался. Причина — созидательная деятельность человека. С начала прошлого века и в городах, и в сельской местности все более возрастало число высоких зданий с острыми крышами, громоотводами, шпилями. Они служат источниками «тихих», негрозовых разрядов. Кстати, на таких строениях в некоторых районах нередко наблюдаются огни святого Эльма — свечение в виде языков холодного пламени. Замечено, что оно служит источником помех для радиоприемников. С ростом строительства «тихие» разряды составили солидную добавку к электромагнитным полям, создаваемым грозовой активностью атмосферы. С начала же 30-х годов нашего столетия уровень электромагнитного поля стал резко повышаться за счет увеличения мощности радиовещательных, а затем и телевизионных станций, радиолокаторов, радиорелейных линий, навигационных устройств и пр. По данным зарубежной статистики, в послевоенные годы излучаемые мощности локаторов возрастают за каждое десятилетие в 10—30 раз. Прирост создаваемых искусственно радиоизлучений во много раз превышает общий прирост энергии на земном шаре. Радиофон добавляют и линии электропередачи, служащие источником коронного разряда, и всевозрастающий парк ЭВМ.

Предположительно это и послужило причиной акселерационного взрыва.

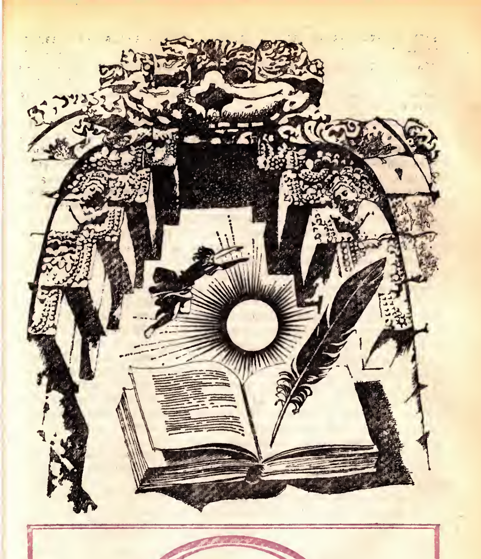
Роль радиоэлектроники в нашей жизни непрерывно возрастает. Вокруг Земли на разных орбитах работают спутники связи. В скором времени телевидением будет охвачена вся территория планеты. Человечество стоит на пороге создания глобальной системы связи. Космические солнечные электростанции, если проекты их будут реализованы в конце этого века, еще более повысят уровень радиофона Земли. Ведь электроэнергию с орбиты предполагается передавать с помощью радиоволн.

Стремительный рост радиофона планеты может ослабить зависимость наших биоритмов от всеобщего суточного ритма. Как полагают ученые, биоритмы нашего организма синхронизируются естественным электромагнитным полем планеты. Природа в процессе эволюции вполне могла отдать предпочтение такому

виду синхронизации, ведь из всех мыслимых видов связи радиосвязь наиболее экономична и надежна. Чем выше уровень помехового фона (в нашем случае искусственного радиофона), тем хуже работает синхронизация. Потеряв извечную синхронизацию с суточным ритмом, мы, по-видимому, сможем выбрать для себя более подходящий ритм.

Представьте себе еще одну, пока фантастическую картину. Перед нами наземная антенна — преобразователь, которая принимает энергетический радиолуч с орбитальной солнечной электростанции и превращает его в промышленный ток. Площадь отчужденной для антенны земли довольно велика — 270 квадратных километров (круг с радиусом 9,25 километра), хотя сама антенна (она прозрачна для солнечного света) занимает 80 квадратных километров.

Эта территория непригодна для жилья: уровень радиоизлучения превышает допустимый. Но ей вполне можно найти полезное применение: под антенной пасутся крупные буренки-акселераты и жуют сочную быстрорастущую травку.

Мечта прокладывает путь

СВЕТЛАНА БЕЛЯЕВА

ЗВЕЗДА МЕРЦАЕТ ЗА ОКНОМ...

Отца я помню хорошо, ио время, прожитое с ним, было очень коротким, так как он умер, когда мне шел тринадцатый год.

Его взрослые дела меня тогда ие интересовали, зато я любила слушать рассказы о его детстве и юношестве. Миогие годы его жизни для меня так и остались тайиой. Однако я все-таки хочу попытаться рассказать о ием, хотя бы то, что сохранила моя память и то, что рассказывала мие о ием моя мама Маргарита Коистаитииовна Беляева.

Родился отец 17, а по старому стилю 4 марта 1884 года в Смолеиске, в семье священиика. Всего у Беляевых было трое детей: Василий, Алексаидр и Нииа. В детстве Вася упал с лежаики, отчего остался иа всю жизиь хромым. Будучи студентом ветериариого института, катаясь на лодке, утонул. Ниночка в возрасте 9 или 10 лет умерла от саркомы печеии.

В доме Беляевых царила атмосфера иабожности. Всегда было полно каких-то бедиых родствеиииков и богомолок. Несмотря иа то что родители отца были людьми глубоко верующими, отец с детства не испытывал перед богом ии благоговения, ии страха. Правда, в церковь он, как и положеио, ходил, одиако вместо того, чтобы молиться, разглядывал икоиы, прищуривая при этом то один глаз, то другой, отчего свет от свечей преломлялся, превращаясь в севериое сияиие. Практикуясь так, однажды отец обиаружил, что видит обоими глазами иеодинаково.

Кстати, о зрении отца. Когда ему было лет 10—12, он качался на качелях. Раскачавшись, он попытался описать дугу, но сорвался и упал лицом вииз, сильио ударив глаз, отчего тот распух и совсем заплыл. Перепуганиая мать велела позвать врача. Пришел местиый эскулап и безапелляциоино заявил: глаз иеобходимо зашить!

— Не дам! — заявила Надежда Васильевиа. И ие дала. Благодаря этому глаз у отца был сохраиен. Одиако падеиие ие прошло даром, и отец стал видеть ушибленным глазом зиачительио хуже, вследствие чего ему пришлось носить очки. В связи с этим мие вспомиился одии глупый и в то же время смешной случай, о котором рассказывал отец. Как-то ои ехал в трамвае. По дороге ои купил газету и хотел ее прочесть, но очки для чтения забыл дома. Ои мог обходиться и без них, ио для этого ему иужио было сиимать очки для дали и приблизить

газету к самым глазам, что он и сделал. Увидев это, кто-то из пассажиров насмешливо заметил:

— Очки-то, видно, для форсу носит, а как читать, так снимает.

Объяснять отец не стал, только посмеялся в душе над незадачливым насмешником.

В семье Беляевых слово «черт» произносить считалось грехом, и о тех, кто его произносил, говорили, что он черным словом ругается. Но отец с детства питал к чертям непонятную симпатию. Часто его ругали за то, что он ногой качает.

— Не качай нечистого, — скажет, бывало, строго няня.

Саша переставал, но стоило всем уйти, как он принимался за то же занятие.

— Пусть покачается, — думал он, глядя на свою ногу, и старался представить себе маленького симпатичного чертика.

Часто в доме родителей появлялся тихопомешанный, которому все время мерещились черти. Иногда он тихонько сидел в кухне на печи и бормотал себе что-то под нос. Но, бывало, черти так допекали его, что он с криком соскакивал на пол, хватал кочергу, быстро поворачиваясь, делал вокруг себя круг и успокаивался.

— Что, не пролезть? — спрашивал он и хихикал. — Не достать? Вот я вам! — угрожал он им, и начинал крестить потолок и стены. А Саша стоял с большими глазами, без страха смотрел на него.

Как-то Саша, когда ему было лет пять или шесть, объелся сырым горохом. Ночью у него поднялась высокая температура, начался бред. Всюду, куда бы он ни смотрел, появлялись чертики. Они выглядывали из-за занавесок, из-под подушки и даже из-за иконы. Чертики весело хихикали и прятались. Саше было страшно, душно и тяжко, но он во что бы то ни стало должен был тоже хихикать. И он делал это, превозмогая слабость. А мать, не на шутку встревоженная его поведением, не знала, чем ему помочь.

Будучи уже школьником, отец любил заходить в один магазин, где за один двугривенный можно было приобрести любую вещь. Здесь была всякая мелочь. Однажды Саша купил в этом магазине маленький, величиной с ладонь, человеческий скелетик. Сделан он был из проволоки и гипса. Все его суставы сгибались. В это время Саша дружил с сыном гробовщика. По просьбе Саши гробовщик сделал маленький гробик, как раз по росту скелетика. Придя домой, Саша привязал ниточки ко всем суставам скелетика и к крышке гроба. Потренировавшись, вечером он пригласил в комнату няню, велев ей сесть, после чего скрылся за ширмой. В комнате было полутемно, и старушка не сразу заметила, что на столе стоит гробик. Вдруг раздался слабый шум, крышка гробика открылась и в нем во весь рост поднялся мертвец. Передернув плечами, он стал при-

топывать в гробу, вскидывал руки и наконец, выскочив из гробика, пустился в пляс. Няня от испуга охнула и закрыла рот рукой. Некоторое время она сидела и будто завороженная смотрела на пляску мертвеца. Потом сорвалась со стула и, крестясь и причитая, кинулась к двери. Вбежав в комнату к Надежде Васильевне, она даже толком ничего не могла сказать, что случилось, только повторяла:

— Непоседа царевич, непоседа царевич...

Так звали Сашу в детстве. Испугавшись, что с сыном опять что-то случилось, Надежда Васильевна поспешила в детскую, но сейчас же убедилась, что это была очередная проделка ее сына. Хотя Саша и был средним сыном, но любимым. Мать простила ему и эту шалость.

В другой раз, купив в том же магазине маленький цветной фонарик, он устроил следующее: забравшись днем на высокое дерево, росшее в их саду, Саша перекинул через сук шпагат, к концу которого привязал фонарик. Вечером, когда стемнело, он зажег в фонарике свечу и подтянул его вверх. В то время на улице собрались старушки. Посидят, соседей посудят, о божьих делах поговорят, о погоде. Подошел Саша к ним и ждет, что будет. Вскорости, как он и ожидал, кто-то заметил его фонарик, но принял его за новоявленную звезду. И пошли тут разговоры...

— Родился кто-то, — сказала одна старушка.

— Должно быть, святой, — сказала другая и перекрестилась.

— Ишь как горит! — воскликнул кто-то восхищенно. Стали вспоминать всякие знамения, предшествовавшие великим событиям. Кресты, круги на небе, явления святых, а фонарик тем временем вертится на ветру и мигает то синим огоньком, то красным, то зеленым. На улице собрался народ, и все на новоявленную звезду смотрят. Послушал Саша разговоры, а потом и говорит:

— Никто не родился, и не звезда это. Просто я фонарик на дерево повесил.

Сначала никто ему не поверил. А когда убедились, что он прав, разочаровались. Жаль было с чудом расставаться.

Часто к Беляевым приезжали родственники, племянники Романа Петровича. Его брат Николай Петрович тоже был священником, но приход его был бедным, и семья жила в нужде. Отец Романа, слывший человеком добрым, брату своему почему-то не помогал, хотя жил в полном достатке. В праздники же еды было столько, что не знали, куда ее девать. Прихожане, любившие своего пастыря, несли ему целыми корзинами яйца, гусей, мед, масло. Так уж было принято в старое время. Единственное, в чем заключалась помощь одного брата другому, это то, что у них несколько лет жила одна из племянниц — Лизонька. Существо тихое и покладистое. Но жилось ей у дя-

ди несладко. Комнатушка, в которой она поселилась, была маленькой, тесной и жаркой. Особенно невыносимо было, когда купали двоюродную сестренку Ниночку. Печь в таких случаях топили так, что до нее нельзя было дотронуться. Лиза, изнывая от жары, долго не могла уснуть. Часто и Саша не давал ей спать. С детства он любил музыку. Кто-то научил его играть на скрипке, и он часто увлекался игрой. Будучи избалованным, он не считался ни с чьими желаниями и, когда на него находило вдохновение, мог играть часами далеко за полночь. Лизонькина комната находилась рядом с его комнатой, и она не могла уснуть, пока он не кончит играть. Иногда, не выдержав, она просила:

— Саша, перестань, мне завтра рано вставать.

Но Саша оставался глух и нем к ее просьбе. Зато, когда ему было весело, он заражал любого своим весельем. А на забавы он был большой мастер.

У дяди Николая Петровича была пара лошадей. Приезжая к нему в гости, Саша любил кататься верхом. Но зрелище это было довольно страшное. Вскочив на неоседланную лошадь, он несся, пришпоривая ее, во весь опор. Несколько раз падал с лошади и разбивался до крови, но это его не останавливало. Потерев ушибленное место, он снова вскакивал на лошадь, и скачки продолжались. И вообще, стоило Саше появиться у родных, все в доме переворачивалось вверх дном. Его многочисленные братья и сестры охотно подчинялись ему. Начинались представления, концерты. А уж о святках и говорить нечего. Тогда на него и вовсе удержу не было. Чего только он не вытворял.

Вспоминается мне еще одна шалость отца. Дело было под праздник Ивана Купалы. В этот день принято было искать клады. Существовало такое поверье, что ночью над кладом зажигается огонек. Об этом можно прочесть у Гоголя «Вечера накануне Ивана Купалы». К этому дню Саша приготовил все заранее — достал старый глиняный горшок, насыпал его доверху черепками, а поверх них положил медяки. Все это он зарыл на кладбище, а когда стемнело, зажег над «кладом» свечу. Придя на свою улицу, он повел разговор о кладах, а потом предложил пойти их искать. Несколько парней ухватились за его предложение и сейчас же, взяв лопаты, двинулись к кладбищу. Незаметно Саша довел их до нужного места, и вот уже один из них закричал:

— Братцы, смотрите, огонь!

— Где, где? — раздались голоса.

— Да вон там!

Все зашумели и смолкли. Вроде бы и верили все в клады, а вот увидели огонек, и страшно стало. Ноги будто к земле приросли. Саша подбадривал их, торопил. Он боялся, что свеча может догореть раньше, чем они подойдут к месту. Потихонь-

ку подошли к огоньку. А свеча уже и впрямь догорала. Еще бы немного, и никто бы ее не заметил.

Принялись копать. Вдруг чей-то заступ стукнулся о что-то твердое. Ребята переглянулись и принялись рыть еще быстрее. И вот из земли показался горшок.

— Тащи его, тащи! — послышалось со всех сторон.

Когда горшок вытащили и поставили на могильную плиту, у всех вырвался вздох облегчения. Клад решили делить здесь же, на месте. Но когда высыпали содержимое горшка, всех, кроме Саши, постигло разочарование. А Саша стоял в стороне и смеялся. Услышав его смех, ребята поняли, что эта шутка его рук дело.

* * *

По воле отца Сашу отдали учиться в духовную семинарию, которую он закончил в 1901 году. Отец его, Роман Петрович, надеялся, что сын пойдет по стопам отца и впоследствии займет его место. Но Саша и думать об этом не хотел. Вопреки желанию отца он поступил в Демидовский лицей в Ярославле, решив стать юристом. Меня такое решение отца удивляет. С его живым и любознательным характером надо было выбрать что-то иное. Впрочем, юристом он был недолго. В это время умер его отец. Оставшись без средств к существованию и не имея возможности платить за учение в лицее, отец был вынужден зарабатывать. Он не гнушался никакой работы. Давал уроки, рисовал декорации для театра, играл на скрипке в оркестре цирка.

* * *

Был у отца верный друг Коля. Он за Сашей готов был хоть на край света. Даже на юридический пошел за компанию с Сашей. Хотя обладал незаурядными способностями к музыке.

Приехав как-то на каникулы, Саша решил сразу заняться поисками кладов. Не помню точно, в самом ли Смоленске или где-то за городом, находился старый монастырь. Монахов там давно не было, кроме одного, который так и остался жить при монастыре. По кельям гулял ветер, церковь не работала. Существовала давнишняя легенда о том, что много лет назад монахи должны были оставить монастырь и уйти. Причина их бегства никому не была известна, но зато все знали, что перед уходом из монастыря монахи замуровали в стене клад, за которым должны были вернуться. Шли годы, за кладом никто не приходил. Только время от времени появлялись кладоискатели, но уходили ни с чем. Саше давно не терпелось побывать в монастыре, да все не удавалось. Но теперь решение было бесповоротным, оставалось только действовать. Коля, как верный Санчо Панса, был рядом. Придя в монастырь, они повстречали мо-

наха. Он был совсем стар и сутул, только глаза его блестели по-молодому. Юноши поздоровались с ним и, не зная что сказать, замолчали. Догадавшись о причине их прихода, монах сказал:

— За кладом пришли? — И, не дожидаясь их ответа, продолжал: — Ищите. Клад есть, только никому не удавалось его взять.

— Не нашли? — спросил Саша.

— Находить-то, может, и находили, да взять не взяли, — проговорил загадочно старик.

— Как это? — не понял Коля.

— А так. Потому что охраняет его сам всевышний, — отвечал монах. — Кто только не искал клад — с каждым случалось несчастье.

— Может быть, лучше уйдем? — предложил Коля, начинающий сомневаться в благоразумии их затеи. Но Саша отступать не хотел.

— Будь что будет, — сказал он.

Излазив почти весь монастырь и простучав много метров стены, друзья не заметили ничего необычного, и только спустившись в подземелье, заметили, что часть внутренней стены имеет массу надолб и небольших углублений. Здесь же на полу валялись куски выбитых из стен кирпичей. Обследовав эту стену, друзья сделали предположение, что за ней находится пустота.

— Здесь был ход, — авторитетно заявил Саша. — Не иначе как клад был замурован именно в этом помещении.

— Что будем делать? — осведомился Коля.

— Долбить, — ответил Саша не терпящим возражения тоном. Кроме ножа, который Саша носил всегда с собой, других орудий труда у них не было. Но это его не смутило. Рассудив, что первый камень вынимать значительно труднее последующих, он решил начать в том месте, где уже были вынуты несколько кирпичей. Несмотря на старания, работа двигалась очень медленно. Известка была настолько плотной и твердой, что невозможно было найти щели, чтобы всунуть хотя бы кончик ножа. Пот катился по лицу градом, но он все долбил и долбил с каким-то непонятным упорством.

— Дай-ка теперь я попробую, — предложил Коля.

Саша отошел, но ненадолго. Ему все казалось, что у Коли ничего не получится и работа идет слишком медленно. Немного отдохнув, Саша снова принялся за работу. Он то работал двумя руками, с силой нанося удар за ударом, то, упираясь левой рукой в стену, орудовал правой. В тот момент, когда он думал, что никогда не одолеет этот кирпич, Коля закричал:

— Качается, качается!

Все произошло так быстро, что Саша не успел убрать руку, и кирпич, свалившись со своего места, отдавил ему палец.

— Вот видишь! — испуганно воскликнул Коля. — Не зря же он говорил!

— Пустяки, — заметил Саша, перевязывая носовым платком ушибленный палец. — Это только случайность. — Затянув зубами узел, он сказал: — Давай теперь ты.

Но Колю невозможно было уговорить. Сам Саша не мог больше работать — палец болел и опух. Вздохнув с сожалением, он произнес:

— Ничего, когда-нибудь я еще сюда вернусь.

Когда они проходили по монастырскому двору, им повстречался монах. Увидев забинтованную руку Саши, он произнес:

— Неисповедимы пути твои, господи!

В голосе его не было ни злобы, ни насмешки, ни жалости.

— Я еще вернусь, — повторил Саша уверенно. Но выполнить свое обещание он так и не смог.

С самого детства отец любил театр. Часто под его руководством устраивались домашние спектакли. Отец был и драматургом, и режиссером, и артистом. Перевоплощался он молниеносно. И роли играл любые, даже женские. Смоленск в то время был невелик, и скоро весь город знал о театре Беляева. Постепенно домашний театр стал кочевать. Играли то у одних знакомых, то у других. А потом пытались гастролировать в других городах. В те времена особых разрешений на выступления не требовалось. Каждый, кто хотел, мог арендовать помещение и ставить спектакли. Успех не всегда сопутствовал труппе, театр прогорал, и артистам не хватало денег даже на обратную дорогу. Домой возвращались по шпалам железной дороги. Но деньги не были самоцелью. Главное было — играть. И друзья вновь и вновь отправлялись гастролировать.

Однажды в город приехала столичная труппа, руководил которой Станиславский. Отец не пропускал ни одного спектакля. И вдруг один из ведущих актеров охрип. Заменить его оказалось некем, и на афишах появился аншлаг: по болезни актера спектакль отменяется. Приезд столичных актеров был не таким уж частым явлением, и все театралы были чрезвычайно огорчены случившимся. Поговаривали, что труппа собирается покинуть Смоленск. Отец был опечален этим не меньше других. И вот однажды вечером, когда его не было дома, к нам зашел высокий худощавый мужчина в пенсне и сказал, что хочет видеть Александра Романовича. Хотя отец был в ту пору уже взрослым, у матери екнуло сердце: а не натворил ли чего-нибудь Саша? — подумала она. Но потом успокоилась и велела его разыскать. Отца нашли. Он провел посетителя к себе в комнату, где долго с ним разговаривал. После его ухода он сооб-

щил матери, что это был Станиславский, и что он просил его заменить заболевшего артиста, и что дня через два он будет играть в спектакле. Мать даже руками всплеснула: мыслимое ли дело — играть со столичными актерами! Попробовала отговорить сына, но он только смеялся.

— Не бойся, мама, все будет хорошо.

— А когда же ты роль выучишь?

— Выучу!

Спектакль прошел блестяще. Смоляне горячо встретили своего земляка и долго ему аплодировали. После этого отец сыграл еще в нескольких спектаклях, пока труппа не закончила свои гастроли и не отбыла в столицу. Правда, Станиславский предлагал отцу остаться в его труппе, но отец почему-то отказался.

Из истории своего пребывания в театре отец рассказал мне три любопытных случая. Не могу точно сказать, в каком театре он тогда играл, профессиональном или любительском, и какие это были пьесы, тоже не помню. Но зрителей было много. Отец играл бедного студента. На сцене декорации дешевой меблированной комнаты, рваные обои. Входит хозяйка и начинает стыдить студента за то, что он задолжал за квартиру. Отец уже должен был отвечать, но в это время начал падать плохо сбитый задник. Не растерявшись, отец подбежал к нему и, привалившись к нему плечом, не дал упасть. А хозяйке вместо реплики крикнул:

— В комнате уже стены падают, а вы за нее плату требуете!

Занавес закрыли под дружный смех и аплодисменты зрителей.

Второй случай был с ним, когда он играл императора. После пушечного выстрела на сцену должны были ворваться мятежники и свергнуть его. Но время шло, а выстрела не было. Вдруг отец услышал голос из-за сцены:

— Выходи!

— Не выйду, выстрела не было.

— Выстрела не будет, шнур оборвался.

— Не могу. Не велено.

Пауза затянулась, и зрители начали проявлять нетерпение. Надо было что-то предпринять. Поднявшись с трона, император начал прохаживаться по сцене. Проходя мимо кулис, он, в свою очередь, попытался вызвать артистов, но те упорно ожидали выстрела. Чтобы спасти положение, отец на мгновение зашел за кулисы и насильно вытолкнул своих врагов на сцену. Потом, пятясь, стал обороняться. Очутившись на виду у зрителей, артисты вынуждены были играть. Император был свергнут, но публика ему аплодировала.

Третья история несколько иного характера. На этот раз у отца была роль старухи. На сцене комната. Ветхая мебель.

На середине сцены стол. На нем бутылка вина и рюмка. Входит старуха. Спина ее согнута, голова дрожит, ноги шаркают по полу. Лицо безразличное, тупое. Вдруг она видит бутылку и заметно оживляется. С опаской оглянувшись по сторонам, подходит к столу, хватает бутылку и рюмку. Хочет налить себе вина, но не может вытащить пробку. Думаю, что спектакль этот был поставлен любителями, так как в бутылке было настоящее вино. Перед спектаклем кто-то налил себе стаканчик, да так закупорил бутылку, что пробка еле выглядывала из горлышка. Театрального опыта у отца тогда еще не было, и находчивости не хватило, чтобы, не открывая пробки, сделать вид, будто налил себе вина. Все его усилия были направлены на то, как открыть бутылку. Он вертел ее в руках, пробуя открыть то правой рукой, то левой. И вдруг, забыв, что он играет древнюю старуху, схватил зубами пробку и вытащил ее. Зубы у отца были белые и крупные. Открыв бутылку, он налил вина, но выпить не успел, в зале раздался смех, перешедший в хохот. Сделав вид, что ничего не случилось, отец принял старческую позу, которую нечаянно изменил, и продолжал игру. Спектакль прошел удачно, но зрители, вспоминая его, долго еще смеялись.

Вообще отец был увлекающейся натурой. Все хотел испытать, всему научиться. До конца довести начатое у него не всегда хватало терпения. Занимался он и фотографией, только обычные снимки его не удовлетворяли. Хотелось сделать что-то из ряда вон выходящее. Однажды он захотел снять человеческую голову, лежащую на блюде. Но как это осуществить? Выпилить дыру в крышке большого ящика не стоило особого труда, но как быть с блюдом? Его не распилить, не разрезать. И все ж таки отец решил попытаться. Помощниками его замысла были два товарища. Много блюд они перепортили напрасно, пока им не удалось выпилить такой кусок, чтобы в блюдо можно было всунуть шею. И вот все готово. Один из друзей залезает в ящик, накрытый простыней, и просовывает голову в дыру. На шею ему надевают блюдо. Саша берет в руки нож и вилку и, как бы собираясь воткнуть их в голову, делает зверское лицо, а голова закатывает глаза и высовывает язык. Коля фотографирует. Отпечаток этой фотографии был сделан на синей бумаге, отчего казался еще более жутким и неправдоподобным. К сожалению, во время войны он был потерян и я храню его только по памяти.

С детства отец мечтал о полетах, но не аэропланах, хотя это и было в диковинку, а просто так, парить в свободном полете, как птица. Но для этого нужны были крылья, и он мастерил их из различного материала. В одном из многочисленных вариантов были даже веники, которые он привязывал к рукам, пытаясь взлететь. Прыгал с зонтом с крыши. И только будучи студентом, поднялся в воздух на маленьком аэроплане. Отец рассказывал, что это был даже не полет, а скакание по кочкам.

Машина была далека от совершенства и так чутко реагировала на все движения авиаторов, что переворачивалась в воздухе от чиха. Зная это, авиатор, почувствовав желание чихнуть, чтобы предотвратить аварию, нажимал пальцем под носом, и желание чихнуть проходило. Этому он научил и отца. Теперь бы это, наверное, назвали правилами по технике безопасности.

Вспоминается мне один забавный случай, происшедший с отцом и его друзьями. Возвращались они как-то вечером из гостей. Небо было в тучах. Луна только на миг освещала дорогу и вновь пряталась. Фонари светили тускло, почти не давая света. И вдруг из темноты вынырнуло несколько дюжих парней, которые потребовали выложить кошельки. Силы были явно неравными. Грабителей было вдвое больше, к тому же на их стороне было и физическое превосходство. Оценив обстановку, друзья остановились в нерешительности, не зная, что предпринять. Пока кое-кто подумывал о бегстве, Александр вышел вперед с протянутой рукой, в которой у него был зажат пистолет, и двинулся на бандитов. Шел он не спеша, шаг за шагом приближаясь к грабителям. Сначала они дрогнули, попятились, потом бросились врассыпную. Когда они скрылись в темноте, друзья, хранившие молчание, разом заговорили. Они были удивлены, что у Александра при себе оказалось оружие, а также его самообладанием, но, узнав правду, они поразились еще больше. Дело в том, что никакого пистолета у отца не было, а бандитов он напугал надетой на палец черной перчаткой. Будь на улице светлее, его обман был бы замечен, но в такой темноте перчатка вполне сошла за пистолет. А надевать ее таким образом у отца вошло в привычку, которая по воле случая помогла выйти из трудного положения.

Вообще привычки у отца были довольно странные, и некоторые из них доставляли ему немало неприятностей. Например, упираясь в стол кулаками, высовывать при этом большой палец между средним и безымянным. Получалось что-то вроде кукиша. Делал он это непроизвольно и часто в самых неподходящих местах. Например, в суде, где он выступал с защитной речью. Кто-то из судейских даже обвинил его в том, что он намеренно показывает залу фигу. Не помню, как уж отец оправдался.

А еще был интересный случай с собакой. Произошло это тоже в Смоленске. Шли как-то целой компанией, весело разговаривая. И вдруг на мостике, через который им надо было перейти, появилась огромная, свирепого вида собака. Остановившись посередине, она зло заворчала и насторожилась, словно готовая прыгнуть. Все остановились. Идти ей навстречу никто не решался. Обходить вокруг было далеко. Кто-то крикнул на нее, замахал руками, но она разозлилась еще больше. Пролаяв басом, она сделала несколько шагов вперед и остановилась. Все стояли в замешательстве, но тут Саша вышел вперед. Сложив

на груди руки, точь-в-точь как изображали Наполеона, и направив взгляд на собаку, он стал медленно двигаться вперед. Собака заворчала, но не бросилась на него. Он стал гипнотизировать ее, и она стала медленно пятиться. Еще и еще, пока не сошла с мостика. После чего она повернула и потрусила куда-то по своим делам. Победитель был вознагражден аплодисментами и криками «ура!». В следующий раз Саша хотел применить этот же метод к маленькой собачке, которая также не давала им пройти, но ничего не получилось. Слишком она была вертлява и не смотрела в глаза, а норовила только схватить за ногу. Как ни обидно, но перед ней пришлось капитулировать.

К воспоминаниям о молодости отца хочу добавить еще один любопытный случай. Как-то отец гостил у своего дяди. День был жаркий, решили пойти покататься на лодках. Собрались все братья и сестры, кроме Васи. Перед тем как сесть в лодку, Саша поднял кусок глины и, усевшись на носу лодки, стал лепить из глины голову. Лепил просто так, сам не зная кого. Потом заметил, что черты лица похожи на Васины. Тогда он решил вылепить бюст, но ему никак не удавалось выражение лица. Было в нем что-то неживое, застывшее. Недовольный своей работой, Саша бросил слепок в воду и в тот же момент почувствовал беспокойство. Он взглянул на часы и заторопился на берег.

— Мне надо идти домой, с Васей что-то случилось, — сказал он с непонятной уверенностью. Его пробовали уговорить, разубеждали, но он никого не хотел слушать. Всем расхотелось кататься, и они вернулись домой вместе с Сашей. Около дядиного дома их встретила заплаканная тетя, которая сообщила, что Вася утонул. Как ни странно, но произошло это именно тогда, когда отец плавал на лодке и бросил Васин слепок в воду.

Закончив Демидовский лицей, отец получил должность частного поверенного в городе Смоленске. Вскоре он стал известен как хороший юрист, у него появилась постоянная клиентура. Отец смог снять хорошую квартиру, обставить ее. Увлекаясь искусством, он приобрел хорошую коллекцию картин известных художников, собрал большую библиотеку. Закончив какое-нибудь дело, отправлялся путешествовать за границу. Неоднократно бывал во Франции, ездил в Италию. Поднимался на Везувий и даже заглядывал в кратер вулкана. О Венеции рассказывал восторженно и в то же время с грустью. Говорил, что первое впечатление было прекрасным. Красивый сказочный город, залитый солнцем. Живописные каналы с отражающимися в них зданиями, медленно плывущие гондолы. Окраины же города, где жила беднота, наводили уныние.

Что рассказывал отец о Франции, в частности о Париже, — я не знаю. А у мамы сохранилось в памяти только то, что отцу очень понравилось во Франции обслуживание и пища.

— Все словно для меня было пригототовлено, — говорил он.

Друзья любили собираться у отца. Они часто устраивали концерты. Отец играл на рояле и на скрипке, декламировал. Он всегда был душой общества, и люди тянулись к нему. Но была у него одна слабость, он любил менять квартиры. Стоило ему узнать, что где-то освободилась хорошая квартира, как он спешил занять ее. Случалось, что друзья, приходя к Александру Романовичу, не заставали его на старом месте и вынуждены были искать его по всему городу.

До женитьбы на моей матери отец был женат дважды. Первая его жена Анечка, бросив его, ушла к его коллеге. Но счастья не нашла. Часто она приходила к своему бывшему мужу и жаловалась. Говорила: «Ты меня никогда не ругал, а он меня бьет». В то время развестись было непросто. Надо было хлопотать через консисторию. Отец взял вину на себя.

Вторая жена Александра Романовича, Верочка, была единственной дочерью, избалованной и капризной. У них часто бывали семейные скандалы. Вернее, Верочка была вечно чем-то недовольна. Отец вспоминал, что, когда она начинала кричать, он спокойно напевал:

— А я мальчик бедненький, бедненький, бедненький. Любить меня некому, некому, некому.

Когда отец заболел плевритом и лежал с высокой температурой, Верочка оставила его, сказав, что она не для того выходила замуж, чтобы ухаживать за больным мужем. Отцу сделали прокол, но очень неудачно, вследствие чего у него сделался паралич ног. Врачи Смоленска не могли поставить диагноз. В поисках хорошего врача отец объездил несколько городов, наконец попал в Ялту, где у него признали туберкулез позвоночника и уложили в гипс. По словам папиного друга Николая Павловича Высоцкого, процесс протекал у него так тяжело, что даже врачи не надеялись спасти его. В Ялту отец приехал вместе с матерью и старой прислугой Фимой, прожившей у Беляевых больше двадцати лет. Поселились они на Борятинской улице в одном доме с соученицей маминого брата Левы, Олей Мейнандер. Лева помогал девушке по математике, а она ему по французскому языку. Оля много рассказывала о больном соседе юристе, который лежит в гипсе. Александру Романовичу в то время было тридцать пять лет. Несмотря на тяжелую болезнь, он был интересным собеседником. Увлекательно рассказывал о своих путешествиях, о театре, который не переставал любить.

Как-то в училище маминого брата решили поставить пьесу «Романтики», и Лева с товарищами зашел к Александру Романовичу с просьбой помочь им поставить спектакль. Отец с удовольствием согласился. С тех пор Лева стал часто ходить к Александру Романовичу и каждый раз, возвращаясь домой, с восторгом рассказывал о прошедшей встрече. Он сообщил, что

Александр Романович хочет познакомиться с его сестрой. Магнушевские жили на той же улице, только выше. Мама работала в городской библиотеке. От брата она знала, что Александр Романович сотрудничает в ялтинской газете, и подумала, что могла бы снабжать его книгами. В воскресенье она пришла к Беляевым. Они занимали квартиру из одной темной комнаты с облупившимися от сырости стенами, так как дом примыкал задней стеной к горе. Вход был через веранду, небольшая часть которой была отгорожена для кухни. О первой встрече с отцом мама рассказывала следующее:

«Меня встретила высокая, худая, седая женщина в черном платье с тихим голосом. Это была Надежда Васильевна, мать Александра Романовича. На веранде стоял топчан, на котором лежал полный, загорелый молодой мужчина, совсем не похожий на тяжелобольного. Я услышала его глухой голос. Через очки на меня смотрели внимательные черные глаза. Большой открытый лоб обрамляли черные, очень мягкие волосы. Я принесла каталог и предложила снабжать Александра Романовича книгами.

Однажды, придя к Беляевым, я застала Александра Романовича за необычной работой — он вязал крючком для себя кофту. Она была особенной, похожей на детскую распашонку, без застежки.

Иногда я заставала у Александра Романовича посетителей. Это были либо его знакомые, либо люди, обращавшиеся к нему за юридической помощью. Часто мы беседовали с Александром Романовичем. Он рассказывал много интересного о своей жизни. Понемногу я узнала о его прошлом».

Нашлись друзья, которые устроили отца в больницу Красного Креста. Теперь он лежал в светлой сухой палате один. В то время трудно было купить бумагу и карандаши. Друзья, навещая его, приносили ему огрызки карандашей, листки бумаги, старые конторские книги. Александр Романович писал много стихов, некоторые из них посвящал няням. Одно стихотворение, которое он написал в те годы, называлось «Звезда мерцает за окном». Через несколько лет он положил его на музыку. Слова в нем были грустные, как сама жизнь.

Звезда мерцает за окном.
Тоскливо, холодно, темно,
И дремлет тишина кругом...
Не жить иль жить — мне все равно...

Устал от мукн ожиданья,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страданья,
Устал я быть самим собой.

Уснуть и спать, не пробуждаясь,
Чтоб о себе самом забыть,
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не быть...

Вскорости мама уехала с родителями из Ялты, на этот раз надолго. Когда они вернулись, Надежды Васильевны уже не было в живых, а Александр Романович работал воспитателем в детском доме в нескольких километрах от Ялты. Мамин брат устроился на работу в милицию, начальником уголовного розыска, а мама регистратором-дактилоскопом.

Мамин брат, навестив Александра Романовича и вернувшись домой, заявил: «Александра Романовича надо спасать! Он будет жить у нас, а на работу я устрою его к себе в милицию». Вся забота теперь была о том, как доставить Александра Романовича в Ялту. Для того чтобы нанять извозчика, не было средств. Надо было добираться пешком. Об этом путешествии мама рассказывала:

— К Александру Романовичу я пришла с вечера. А рано утром, как только встало солнце, мы тихо вышли за калитку и зашагали по шоссейной дороге в Ялту. Имущество у Александра Романовича было невелико: небольшой чемоданчик да гипсовая кроватка. Все это пришлось нести мне, так как Александр Романович ничего носить не мог из-за больной спины. По дороге мы несколько раз останавливались, Александр Романович ложился на траву, отдыхал. Потом я забирала багаж и мы двигались дальше. Шли медленно. Мне казалось, дороге не будет и конца. Наконец дошли до Ялты, но надо было еще пройти почти весь город, чтобы добраться до дома. Дорога шла в гору, и отдыхать было уже негде. Но мой спутник не жаловался. Он стойко переносил это испытание. Но вот, наконец, и наш дом. Нас давно ожидали мои родные. Мы приняли Александра Романовича в свою семью, отдав ему одну из наших комнат. Через несколько дней Лева устроил Александра Романовича на должность инспектора уголовного розыска. Ему выдали спецодежду: черное бобриковое пальто. На службе мы, как и все работники милиции, получали обед и хлеб.

В уголовном розыске не было даже фотографии для регистрации арестованных. Под руководством Александра Романовича была организована фотолаборатория, и он стал по совместительству еще и фотографом. Я помогала проявлять и печатать снимки. Александр Романович недолго работал в розыске и перешел в библиотеку. Хотя мы работали втроем, жить было трудно, особенно, когда надо было купить что-то из вещей.

По воскресеньям отдыхал только Александр Романович. Дядя работал без выходных. Мама с бабушкой занимались заготовкой дров, уходя для этого в горы. Собирали валежник, сосновые шишки. Иногда попадались от срубленных деревьев огромные, в три-четыре метра длиной сучья. Чтобы доставить их домой, женщины привязывали веревку и так волокли вниз с горы. Для городских женщин, не работавших никогда физически, это была нелегкая работа. Из-за нее они вечно ходили в ссадинах и синяках. Но надеяться было не на кого, и они не ропта-

ли. Случалось, что у них отнимали и дрова, и топоры, и они возвращались с пустыми руками.

В 1922 году, перед рождественским постом, мои родители венчались. Венчание было скромным, если не сказать больше. В церкви не было никого из посторонних. Была только мамина мама и свидетели: мамин брат Лева и его товарищ. Жених был в своем будничном костюме, невеста тоже не блистала убранством, она была в затрапезном платье, не было ни фаты, ни цветов. Хотя свадьба была и бедная, но веселая. Единственным гостем был тот же шафер. Александр Романович стал с юмором рассказывать, как он при венчании спешил первым встать на платок, чтобы быть главой дома. И о том, как он собирал оплавившийся воск со свечи, прилепляя его снизу. Существовала примета, что, у кого свеча будет дольше гореть, тот дольше проживет. В эти приметы никто не верил, как и сам отец, и все смеялись.

В 1923 году 22 мая мои родители регистрировались в загсе. Помещался он в крохотной комнате, в которой в одни и те же дни регистрировали браки, новорожденных, покойников. Такое совмещение событий явно не способствовало радостному настроению. Рядом с людьми, вступающими в новую жизнь, сидели люди, оплакивающие своих родственников.

Не знаю, из каких соображений, но отец решил попытать счастья в Харькове. Он пошел на пристань узнать расписание пароходов и случайно встретил свою старую смоленскую знакомую, которую знал еще девочкой. Нина Яковлевна Филиппова узнала Александра Романовича и остановила его. Она жила в Москве со своей семьей. Отец рассказал ей о себе, о своих планах. Нина Яковлевна предложила отцу поехать к ним, сказав, что у них большая квартира. Обещала отдать моим родителям одну из комнат и помочь в устройстве на работу. Отец принял предложение и быстро, вместе с Ниной Яковлевной, покинул Ялту, а мама осталась пока с родителями.

В отсутствие отца приехал его друг Николай Павлович. Он хотел сделать отцу сюрприз и был очень огорчен, не застав его. Всю ночь они проговорили с мамой. Николай Павлович рассказывал о детстве и юношестве отца. Мама слушала с большим интересом, так как отец неохотно рассказывал о своем прошлом. К сожалению, из этих рассказов мама почти ничего не помнила. В 1962 году по ее просьбе Николай Павлович прислал письмо-воспоминание, в котором кое-что рассказывал об отце. Однако многого он уже и сам не помнил.

Николай Павлович вспоминал два случая, едва не стоившие отцу жизни. О них я уже упоминала: это случай с качелями и попытка летать, когда отец спрыгнул с крыши с отцовским зонтом, сильно ударился о землю пятками и в позвоночнике у него что-то хрустнуло. Какое-то время после этого спина болела, потом отец забыл об этом. И только много лет спустя этот пры-

жок дал о себе знать. Возможно, что именно он и был причиной тяжелого заболевания спондилитом.

Пока отец устраивался и обживался в Москве, мама жила с родителями в Симферополе. В Москву она переехала только в сентябре. Папина знакомая, Нина Яковлевна, выполнила свое обещание и отдала моим родителям даже две комнаты вместо одной. Квартира была чудесная, и соседи тоже, но, к сожалению, Филипповых перевели в Ленинград, и в их комнаты переехали двое сотрудников, из-за которых родители вынуждены были выехать из этой квартиры и перебраться в ужасную сырую комнату в полуподвальном помещении. Комната была темная, так как окно выходило в простенок. Со стен свисали отставшие обои. Паркет прогибался под ногами, паровое отопление не работало. Из больших дыр в стенах вылезали огромные крысы и, не боясь людей, смело разгуливали по комнате.

15 марта 1924 года родилась моя сестра Людмила. Все мамаши, лежавшие в роддоме, стремились скорее попасть домой, моя же мама с ужасом думала о возвращении в полутемную комнату с маленьким ребенком. Правда, был сделан ремонт, исправлены батареи, но тем не менее помещение было сырым и невзрачным. Уходя из дому, мама всегда таскала ребенка с собой, боясь оставлять его наедине с крысами.

К рождению сестры на ее приданое отцу выдали на службе деньги. В то время в ходу были червонцы и совзнаки. Червонцы все время поднимались в цене и, получив зарплату совзнаками, все старались как можно быстрее обменять их на черной бирже. Один сослуживец отца в день получки предложил желающим обменять деньги. Несколько человек, в том числе и отец, дали ему свои деньги. На другой день стало известно, что сослуживец проиграл их деньги в карты.

Отец работал в то время в Наркомпочтеле юрисконсультом. Жизнь понемногу налаживалась, и мои родители смогли уже кое-что приобрести из вещей.

Как-то отец написал кому-то из своих знакомых в Смоленск. Они сообщили, что не получали от него никаких вестей, решили, что он умер. Его книги сдали в городскую библиотеку. Ни о квартире, ни о вещах ничего не было сказано, но через некоторое время прислали кровать, зимнее пальто отца, каракулевую шапку и одеяло.

В молодости отец любил одеваться модно, если не сказать, даже с щегольством. Это можно было заключить, глядя на его фотографию тех лет — красивый, хорошо сидящий костюм, крахмальная, с высоким воротником рубашка, элегантная шляпа и тросточка. Эта фотография как-то была помещена в смоленской газете к заметке об отце, но по недоразумению кто-то прокомментировал ее так: «А. Р. Беляев в роли».

Годы болезней и лишений сделали отца нетребовательным. Да и обстоятельства были таковы, что о моде как-то и не ду-

малось. Отца не смущало то, что он в одном и том же костюме ходит на работу, носит его дома, а когда удавалось достать билеты в театр, он шел в нем же. Не замечал он и того, в чем была одета мама. В театре они бывали довольно часто,но ему и в голову не приходило купить ей выходное платье. А она, в свою очередь, стеснялась просить его об этом. Но однажды она все ж таки сказала. А причиной этому был такой случай. Както отец достал билеты в Большой театр. Места были хорошие, в первых рядах партера. Мама с увлечением слушала музыку, но вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернув голову, она увидела, что на нее смотрит женщина, сидящая сзади.

Вернее, не на нее, а на ее платье. Взгляд ее выражал удивление и презрение. Сама она была в вечернем туалете, и мамин вид так шокировал ее, что она даже не могла смотреть на сцену. Так и просидела весь спектакль, меряя маму глазами с головы до ног. Отец был поглощен музыкой, ничего не замечал. А мама, робея от пристального взгляда, не могла дождаться конца спектакля. После этого она и сказала отцу, что ей надо что-то купить на выход. Посмотрев на маму и словно в первый раз увидев ее платье, он сказал:

— Ну, конечно, пойди и купи себе что-нибудь.

Маме трудно было справляться одной с ребенком и с домашними делами, и она вызвала из Крыма свою мать. Вместе они стали хлопотать о дополнительной площади и с помощью Охраны материнства их хлопоты увенчались успехом, и им предоставили еще одну комнату. В квартире был сделан ремонт, и Александр Романович занял одну из комнат под свой кабинет. В это время он перешел работать в Наркомпочтель плановиком. Ему поставили телефон. В свободное от работы время отец занимался литературой. Издали его небольшую книжицу «Спутник письмоносца». В газете «Гудок» стал печататься с продолжением его первый рассказ «Голова профессора Доуэля». Тема рассказа зародилась у Александра Романовича в тяжелое время, когда он лежал в гипсе с параличом ног. Положение было почти такое же, как у головы профессора Доуэля: вокруг были знакомые предметы, книги, но он не мог до них дотянуться, достать.

Отец предложил маме заключить шутливый договор — перепечатать этот рассказ для журнала «Всемирный следопыт» с условием, что если рассказ будет напечатан, мама получит пятьдесят процентов гонорара, если же его не примут, то она вообще ничего не получит. При этом он сказал, что на такие условия согласится не каждая машинистка. Мама согласилась. К этому времени родители купили старую пишущую машинку «Ремингтон». Такие машинки вряд ли кто теперь помнит. У нее был закрытый шрифт, и, чтобы проверить написанное, необходимо было каждый раз поднимать каретку. Отец научил маму

печатать, и с тех пор она стала его постоянной машинисткой.

И вот три женщины: бабушка, мама и моя сестра — выехали на дачу, прихватив машинку. Отец остался в городе, так как ему трудно было ездить каждый день на дачу. Сначала мама печатала очень медленно, поэтому на эту работу у нее ушло все дачное время. Но она трудилась не напрасно: рассказ был принят.

Жизнь налаживалась. Купили рояль. Отец часто покупал ноты. Мама в молодости училась петь, и теперь по вечерам они занимались музицированием. Стали чаще посещать театры и музеи. С отцом было интересно бывать в музее. Отделившись от экскурсии, они ходили от картины к картине, и отец рассказывал маме о каждом произведении, об этом времени.

Мама рассказывала:

«Я много узнала, многому научилась у Александра Романовича. У нас появились друзья. В нашем доме жила очень милая семья Сокольских. Александр Захарович работал корректором в издательстве «Вокруг света», а жена его Валентина Михайловна была врачом. Мы подружились, ходили вместе в театр. Был у нас еще один друг — доктор Томашевич Марианна Ивановна. Очень милая, симпатичная женщина. Она работала гинекологом в роддоме имени Лепехина. Как-то у них в больнице решили устроить своими силами концерт для медперсонала. Марианна Ивановна пригласила и нас с Александром Романовичем. Одна из сестер спела несколько романсов. Пела и я под аккомпанемент Александра Романовича. Для концертного номера, который выбрал для себя Александр Романович, ему достали смирительную рубаху, облачившись в которую, он исполнил стихотворение Апухтина «Сумасшедший». Его выступление произвело такое сильное впечатление, что кое-кто из женщин прослезился. А ребенок одной из нянь от страха закричал во весь голос, так что его срочно пришлось вывести из зала. Даже я, не раз слушавшая до этого декламацию Александра Романовича, была просто потрясена.

В то время Александр Романович сотрудничал в журналах «Вокруг света» и «Всемирный следопыт». В «Следопыте» был тогда редактором Владимир Алексеевич Попов, человек большой симпатии, веселый и интеллигентный. Частенько Попов заходил к нам. Однако дружбы не получилось, так как Владимир Алексеевич любил выпить».

В Москве мои родители прожили до декабря 1928 года. За эти годы отцом были написаны следующие вещи: рассказ «Голова профессора Доуэля», роман «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Человек-амфибия», «Борьба в эфире». Сборник рассказов. Все эти рассказы печатались в журналах «Всемирный следопыт», «Мир приключений» и «Вокруг света», а потом выходили отдельными сбор-

никами или отдельными книгами. Писал отец не только под своей фамилией, но и под псевдонимами — А. Ром и Арбел, прибегая к этому в том случае, когда в одном номере журнала печатали сразу несколько его рассказов.

В декабре 1928 года родители обменяли две московские комнаты на ленинградскую отдельную четырехкомнатную квартиру на улице Можайского. Пока они жили в Москве, мамин отец вернулся из Крыма в Ленинград и, когда они приехали, поселился у них.

Александр Романович больше не служил, а занимался только литературой, продолжал сотрудничать в московских издательствах. Здесь он написал роман «Властелин мира», «Подводные земледельцы», «Чудесный глаз» и рассказы из серии «Изобретения профессора Вагнера», «Гость из книжного шкафа», «Хойти-Тойти», «Человек, который не спит».

По случаю родители купили чудную старинную мебель: кабинет и столовую. Теперь у отца был большой уютный кабинет. В нем стояли: шведская конторка, удобное кресло с откидной спинкой, большой плюшевый диван, рояль и полки с книгами и журналами.

19 июля 1929 года у моих родителей появилась вторая дочь, это была я. Папа называл меня своим вторым изданием, а старшую первым.

Отец писал только по утрам. По вечерам, а иногда и днем садился за рояль. Иногда, чтобы усыпить меня, мама клала на рояль подушку со мной, отец играл что-нибудь спокойное, и я засыпала. Но недолго длилось благополучие. Отец заболел воспалением легких, и доктор посоветовал ему покинуть Ленинград. Николай Павлович Высоцкий давно переманивал отца в Киев. И вот в сентябре двадцать девятого года мы переехали в Киев, на улицу Нестеровского, 25/17. Жизнь в Киеве была намного дешевле, а главное, там был климат, подходящий для всей нашей семьи. Все было бы хорошо, но оказалось, что издательства принимают рукописи только на украинском языке, а отец украинского не знал. Отдавать в перевод не было смысла. Отец продолжал сотрудничать в издательствах Москвы и Ленинграда, но дальность расстояния до издательств отражалась на бюджете семьи. С пересылкой рукописей задерживался гонорар.

Николай Павлович знакомил моих родителей со своими друзьями и знакомыми. В первую очередь познакомил их со своей супругой Натальей Вениаминовной. Это была очень милая, женственная блондинка, с пышными, вьющимися волосами, очень живая и веселая. Рядом с Николаем Павловичем она казалась совсем маленькой. Друзьями Высоцких была семья Карчевских. Тоже очень приятные люди. Вячеслав Аполлонович — инженер, хороший семьянин. Мария Яковлевна —

певица оперного театра. Был у них сын — больной шестилетний ребенок. С этой семьей отец впоследствии переписывался много лет, а после смерти отца переписывалась моя мама. Была еще одна супружеская пара — композитор Федор Надеенко с женой, тоже певицей. И четвертая, совсем молодая пара. О них говорили, что он создал себе имя руками, а она — ногами. Муж был пианистом, а жена балериной.

Одна из знакомых Николая Павловича очень хотела знать от самого писателя о дальнейшей судьбе Ихтиандра, героя романа «Человек-амфибия». И отец специально для нее придумал такой конец: Ихтиандр добрался до старого друга профессора Сольватора. Там Ихтиандр встретил такую же, как он, девушку, и они поженились, и у них родились дети-амфибии.

В начале 1930 года отец поехал в Москву устраивать свои литературные дела. Он остановился в Теплом переулке у своей тетушки Ольги Ивановны Ивановой. В марте заболела моя старшая сестра менингитом. 15 марта ей исполнилось шесть лет, а 19 марта она умерла. Отец приезжал на похороны, после чего вновь возвратился в Москву. В мае он заболел сам. У него опять началось обострение спондилита. И опять его на месяцы уложили в гипсовую кроватку. Отняв меня от груди, мама срочно выехала в Москву. Прихватив пишущую машинку, она с тяжелым сердцем покинула дом.

Маме приходилось не только ухаживать за больным мужем, но и работать. Отец жил в крохотной комнатке, там же поселилась и мама.

После войны, возвращаясь из эвакуации, мы побывали в Теплом переулке, и я со смешанным чувством любопытства и грусти ходила по квартире, рассматривая маленькие комнатки и пытаясь представить себе родителей, ютившихся в одной из них. Здесь тяжелобольной отец продолжал работать. Мама стучала на своем «Ремингтоне», ходила в редакцию и ухаживала за отцом. Для мамы это время было особенно тяжелым: только похоронив старшую дочь и оставив младшую на попечении родителей, она оказалась рядом с тяжелобольным, недвижимым мужем. Я же, несвоевременно отнятая от груди, заболела тяжелой формой рахита.

По субботам мама провожала тетушку в церковь, и пока шла служба, бродила одна по тихим безлюдным улицам. Иногда она уходила из дому по вечерам в любую погоду, оставаясь наедине со своим горем.

Так прошли три долгих томительных месяца, пока у отца не прошло обострение и он не смог вставать, после чего мама смогла вернуться домой. Вернувшись в Киев в сентябре 1931 года, отец объявил: «Мы возвращаемся в Ленинград».

В связи с языковыми трудностями отец переиначил поговорку «Язык до Киева доведет» в «Язык из Киева выведет».

В Киеве мы прожили ровно два года. В эти годы отец сотрудничал в издательствах Москвы и Ленинграда в журнале «Вокруг света», «Знание — сила», «Ленинские искры» и в «Уральском следопыте». Написал рассказ «Подводные земледельцы», «Земля горит» и другие рассказы.

Возвращение в Ленинград.

На этот раз мы обменяли свою чудную киевскую площадь на две комнаты в Ленинграде, в поселке Щемиловка за Невской заставой, недалеко от пивоваренного завода «Вена» и фарфорового завода. Здесь мы прожили всего четыре месяца. Перемена климата повлияла на мое здоровье, и я стала болеть. Выяснилось еще, что у одного из соседей больные легкие. Мои родители поспешили выехать и обменяли одну из наших комнат на две комнаты в Детском Селе. Во второй комнате остался жить мой дедушка. В Детском Селе мы поселились на улице Жуковского, недалеко от вокзала, в деревянном доме на втором этаже. В квартире, кроме нас, жило еще семь семей. И все ж таки здесь было лучше. Чудный воздух, много зелени, бульвары, озера, парки.

В 30-х годах отец заключил трудовой договор и уехал под Мурманск, в Апатиты, в качестве плановика-экономиста. Он немного проработал там, а когда вернулся, вновь занялся литературой. Сотрудничал в пушкинской газете, писал рассказы и очерки, одновременно издавался в Ленинграде.

Отец редко ездил в город. Чаще по его делам в редакции и Союз писателей ездила мама. Он берег время для работы. В Пушкине он написал пьесу в стихах «Алхимики, или Камень мудрецов». Желая узнать мнение о пьесе, отец дал почитать ее переводчице Анне Васильевне Ганзен. Ганзен одобрила пьесу. Тогда отец предложил ее ТЮЗу, но ее не приняли, сказав, что их артисты не умеют читать стихи.

Написав роман «Прыжок в ничто», отец долго не мог придумать названия. Обычно он делал это после окончания работы. Но на этот раз он отнес рукопись без названия. Редактор предложил тому, кто придумает лучшее название, выдать премию. В конце концов придумал все ж таки сам автор, но премии не получил.

В 1935 году отец получил через Союз писателей ордер на две комнаты на Петроградской стороне на углу проспекта Либкнехта и Матвеевской в доме 51/2, в бывшей квартире писателя Житкова. Отец занял комнату поменьше, а мы, три женщины: бабушка, мама и я — большую.

Я очень грустила по Детскому Селу. Вспоминала рощу, через которую мы ходили на вокзал, крики ворон и дальние прогулки.

Пока мы жили на Петроградской стороне с 1935 по 1939 год, отец почти не вставал с кровати, так как у него вновь обо-

стрилась старая болезнь и его уложили в гипсовую кроватку. Гипс ему делали дома. Для этого приехали врач и медсестра. Стоять без корсета, который он носил постоянно, отец не мог. Поэтому его подвязали под мышки бинтами и подвесили между дверей на крюки. Намочив пропитанные гипсом бинты, врач стал его бинтовать. Как раз в этот момент я появилась на пороге и застыла от ужаса. Эта процедура произвела на меня такое угнетающее впечатление, что я со страхом бросилась назад, в нашу комнату. Мне тогда шел седьмой год, я была очень впечатлительна и долго не могла успокоиться. Впрочем, еще и сейчас эти воспоминания вызывают у меня угнетающее чувство. К счастью, сам отец относился к своей болезни не так мрачно. В те годы у нас особенно часто бывали врачи. Но, закованный в гипс от бедер и до самой шеи, отец оставался оптимистом. Шутил и рассказывал мне смешные истории. Впрочем, он занимался не только этим, он еще и писал, и содержал на это всю семью. Лишь только боли стихали, отец сразу же принимался за работу.

Его неподвижность пугала меня. В этом было что-то неестественное, и в какой-то период я даже отдалилась от отца. Несмотря на мою эмоциональность, отец почему-то не вызывал у меня жалости. Я даже перестала входить к нему в комнату. В то время наша семья сняла дачу под Лугой, в Толмачево. Жили мы на хуторе. Места в то время там были глухие. В лесу можно было встретить и лису, и зайца. И я очень жалела, что отец не видит всех этих чудес. Но постепенно он вернул мое расположение, и я вновь с удовольствием усаживалась около него в кресло, чтобы послушать очередную сказку.

В 1936 году отцу дали путевку в Евпаторию, и мама поехала его провожать. В Евпатории отец был два раза. Первый раз из санатория его сопровождала медсестра, а во второй он приехал уже сам. Помню, мы с мамой поехали его встречать. Взяли извозчика. Около вокзала я осталась сидеть в коляске, а мама пошла встречать отца на платформу. Сижу жду. Пассажиры выходят, а моих родителей все нет. Наконец вижу маму, а рядом с ней незнакомого мужчину. Пока они подошли ко мне, я все не могла никак узнать отца, такой он стал полный и румяный. Мама говорила, что таким она его помнила, когда они познакомились в Ялте. Поехали домой. Папа с мамой разговаривают, а я все смотрю на отца украдкой. Все мне не верится, что это он. Будто чужой мужчина. Даже неприятно как-то.

Отец очень любил детей, и дети любили его. В санатории он подружился с небольшой девочкой, дочкой одной из нянь. Она часто навещала «дядю Беляева». Он вырезал ей из бумаги человечков и отвечал на все ее вопросы. Однажды она спросила его: «Дядя Беляев, Чарля Чапля, какая она?» В те годы демонстрировались фильмы с участием Чарли Чаплина, о

нем много говорили. Девочка не видела их, и имя артиста ассоциировалось у нее с какой-то птицей вроде цапли. Как-то она явилась в палату к отцу со странно оттопыренным животом. Оказалось, что она нарвала на клумбе цветы для дяди Беляева и спрятала их под платье.

В палатах не было звонков, и больным приходилось долго звать, пока не приходила няня. Отец не мог громко кричать, и мама купила ему окарино — небольшой фарфоровый инструмент, по звуку напоминавший флейту. Когда ему нужна была няня, он играл на нем, выбрав для этого старинную песенку со словами: «Давно моя лодка готова».

Как-то Александр Романович прочел в центральной газете статью о судебном процессе, происходившем в Буэнос-Айресе. Судили профессора Сальватора, который с согласия родителей делал экспериментальные операции над индейскими детьми. Например, делал суставы рук и ног более подвижными. Сальватора осудили на десять лет, обвинив его в том, что он искажает образ божий. Эта заметка натолкнула отца на мысль написать роман «Человек-амфибия». Этот роман наиболее известен читателям, так как издавался чаще других произведений и продолжает издаваться. По воле редакторов меняли названия глав, изменяли и самый текст. Маму это всегда возмущало, обижало. Отец относился к этому более спокойно.

Издавался сборник рассказов под названием «Борьба в эфире». Ждали выхода книжки, и вдруг приходит как-то отец домой и спокойно рассказывает о том, что редакция, ознакомившись с книгой, решила сократить ее объем. Вскоре после того, как из сборника было изъято несколько листов, сборник вышел в свет.

По причине своей болезни отец нигде не бывал. Ни в кино, ни в гостях. Но к нему приходило много интересных людей. Как-то раз нас навестил его старый знакомый, дрессировщик и помощник В. А. Дурова. Он сообщил, что живет в одной квартире с интересным человеком, неким Томсоном, который хочет познакомиться с Александром Романовичем. И вот Томсон пришел. Это был пожилой, очень симпатичный человек. Он принес с собой большую папку с листами ватмана, на которых были зарисовки зорь, выполненных акварелью. Часа два мои родители смотрели его рисунки. Ни одна заря не походила на другую. Томсон рассказывал, что по соседству с ним есть дом с башней, удобной для наблюдения и зарисовок. Он получил разрешение пользоваться помещением этой башни. Там у него находились наготове краски, кисти, листы ватмана. Он спешил сделать набросок, пока не изменились краски, и уже дома дописывал этюд.

Однажды они с женой отправились в театр, и по дороге к трамваю Томсон увидел необыкновенный закат. Он бросился

бежать к башне, словно за ним гнались. Отец прозвал Томсона «Человек, влюбленный в зори».

Мама рассказывала мне, что когда отец обдумывал новое произведение, то бывал очень рассеян. Даже знакомые обижались на него за то, что он не узнает их при встрече на улице. Отец отвечал на это шутливо: «Я был увлечен собой». Бывали случаи, когда, собираясь куда-нибудь с мамой, он мог пройти мимо нее и захлопнуть перед носом дверь. Что однажды и случилось... Спустившись с лестницы, он спокойно двинулся в нужном направлении, забыв о своей спутнице. Пока мама снимала перчатку, чтобы открыть французский замок, он ушел довольно далеко. Когда мама, запыхавшись, догнала его, он, увидев ее, с удивлением спросил: «Где ты была, детка?»

Но вот новое произведение обдумано. На листке бумаги действующие лица. Отец никогда не запоминал имена своих героев. Сигналом к началу работы была его фраза: «Ну, пиши, карандаш!» Зачастую отец диктовал маме без черновика, прямо из головы, делая это так, словно перед ним лежал готовый текст. После окончания всей работы отец проверял рукопись. Переделок никогда не бывало. Он говорил, что если он будет переделывать, то получится хуже. Здоровые писатели удивлялись его, если можно так сказать, производительности.

Из всех художников, иллюстрировавших произведения отца, он любил и уважал Фитингофа, который умел читать произведения, был высококультурным и эрудированным человеком, благодаря чему хорошо знал стили эпох и никогда не допускал ляпсусов, которые случались с другими художниками. Был у отца такой случай. Если мне не изменяет память, то это произошло с художником Травиным, иллюстрировавшим папин роман «Последний человек из Атлантиды». Старая кормилица говорит своей воспитаннице, собирающейся на свидание, чтобы она приколола к груди розу, а художник изобразил ее с обнаженной грудью. Срочно надо было принимать какие-то меры — либо вычеркнуть розу из рукописи, либо художнику одеть девушку. Сталкивался отец и с такими художниками, которым приходилось долго разъяснять, что от них требуется, и даже самому делать наброски.

В то время в литературе основной важной темой считался технический прогресс. Все остальное имело второстепенное значение. В связи с этим рассказ «Звезда КЭЦ» был настолько сокращен, что превратился, по словам отца, в технический справочник. Отец хотел даже отказаться от этого произведения, но позже переработал его, увеличив до романа.

Как-то нас посетил один изобретатель со своей женой. Он принес отцу для ознакомления статьи о своем изобретении. К сожалению, за давностью лет я уже не помню подробностей. Знаю только, что он вырезал на пластинках знаки раз-

личной формы: кружки, квадраты, треугольники, точки, тире, которые соответствовали определенным звукам. Каким должен был быть проигрыватель, на котором можно было бы прослушать эти пластинки, и какое они имели преимущество перед обыкновенными, я тоже не помню. Отец очень заинтересовался этим изобретением и попросил изобретателя оставить ему на время для ознакомления материал. И сказал: «Возможно, я введу его в какое-нибудь произведение. А я дам вам почитать что-нибудь из своих произведений». Вдруг его жена заявила: «Бывают такие, знакомятся с чужой работой, а потом выдают за свое». Всем стало неловко. Изобретатель даже не нашел, что сказать на это. Отец все-таки предложил ему прочесть только что вышедший роман.

Каждой вышедшей книги издательство выдавало автору 15 авторских экземпляров; первый экземпляр получала мама, как всегда, с автографом. Второй экземпляр был неприкосновенным. На нем отец писал: «Автору от автора». Третий предназначался читателям. Остальные книги раздавались друзьям и знакомым.

На Петроградской стороне мы прожили с 1935 года по 1938-й. За эти годы мы пережили много неприятных минут из-за нашей соседки. Как мама ни старалась наладить добрые соседские отношения, ничего не получалось. Летом 1938 года мы обменялись на Пушкин. У нас был тройной обмен, благодаря которому удалось выменять отдельную квартиру. Мы поселились на улице 1 Мая, в доме 21, во дворе кинотеатра «Авангард». Квартира состояла из пяти небольших комнат и вместительной кухни. Самая большая проходная комната была 14 метров. Отец жил в девятиметровой. В самой маленькой, четырехметровой комнате помещалась библиотека. Все ее стены были закрыты стеллажами. Много книг находилось и в комнате отца. В основном это были словари и энциклопедия Брокгауза в 86 томах, в зеленых кожаных переплетах с золотым тиснением. И вся Советская в синих кожаных переплетах с серебром.

Писал отец очень много. В голове у него всегда было столько идей, что если бы он мог, как герой его рассказов, доктор Вагнер, не спать, он бы, наверное, писал и по ночам. Творческих мук, по всей вероятности, он не испытывал и к тем, кто вымучивает каждую строчку, относился с сожалением и юмором. Помню, отец рассказывал, как однажды, пребывая в Доме творчества в городе Пушкине, придя вечером в номер, услышал, как кто-то за стеной ходит взад и вперед. Постоит и опять ходит. И будто стонет или тяжко вздыхает. Отец решил, что у соседа болят зубы, и посочувствовал ему, так как и сам нередко страдал от зубной боли. На второй и на третий день повторилось то же самое. «И что он не вырвет его?» — подумал отец с удивлением. Не помню, на который день отец не выдер-

жал и решил справиться о своем соседе у горничной. Она ответила с почтением в голосе:

— Писатель он. Сочиняет.

Окончив рассказ, отец заметил:

— А сочинять-то, оказывается, трудно!

В детстве я не задумывалась о том, как отец пишет. И только став взрослой, поняла и оценила его труд. Из своих наблюдений я сделала вывод, что больные мужчины гораздо нетерпеливее женщин. Стоит им заболеть ангиной или воспалением легких, как они чувствуют себя самыми несчастными. А у моего отца был костный туберкулез позвоночника, и он был годами прикован к постели. Месяцами видел перед собой только стены своей комнаты! От одного этого можно было впасть в уныние.

Как-то я смотрела киножурнал об одном научном эксперименте. К сожалению, я не помню ни автора, ни названия фильма, ни фамилии врача-экспериментатора. Осталось в памяти только, как ради эксперимента здоровый человек, врач, уложил себя на месяц в постель. Сперва он активно работал, читал научные труды. Через какое-то время он стал рассеян. Быстро утомлялся. Стал проводить время за чтением художественной литературы. Еще через некоторое время серьезные книги стали его утомлять, и он перешел на детективы, но и они утомляли его. Я смотрела этот фильм и невольно вспоминала отца. И мне было непонятно, как он, лежа годами без движений, мог сохранить внутреннюю энергию, живость, интерес ко всему окружающему, работоспособность. Писал он ежедневно по нескольку часов в день. И только когда умудрялся простыть и схватить насморк, он давал себе выходной, заявляя при этом: «больной заболел».

Лежа в постели, он руководил моими играми, придумывал всякие забавы. А в то время, когда он мог подниматься, фантазия его была неиссякаема. Помню, однажды летом, жили мы тогда в Детском Селе на улице Жуковского, отец предложил мне пускать мыльные пузыри. Соломинок у нас не было, но отец очень ловко скрутил бумажные трубочки, разрезал их с одной стороны и загнул концами наружу. Открыв окно, мы уселись на подоконник. Я так усердно выдувала пузыри, что не заметила, чем занят отец. Вдруг мимо меня пролетел какой-то странный матовый шар. Потом еще и еще. Ребята, гулявшие во дворе, тоже заметили эти шары и побежали их ловить. Один мальчик протянул руку, пузырь коснулся его ладони, лопнул, и из него пошел дым. Мальчик даже вскрикнул от неожиданности. Оказалось, что отец пускал в пузыри дым от папиросы.

А то сказки своего сочинения начнет рассказывать. Вернее, даже не сказки, а одну бесконечную сказку вроде «Тысячи и одной ночи». И рассказывал он мне ее каждый вечер перед сном, в течение всей зимы.

Была такая сказка «Огниво». Так вот отец рассказывал мне ее, а потом, когда она кончилась, стал выдумывать новые приключения про солдата, которого стал называть Солдат Яшка Медная Пряжка. Много разных сказок прочла я в детстве, и русских, и других народов, но таких смешных чудес, как в папиной сказке, нигде не читала. Ну где можно прочитать про черта и чертиков, которые дружили бы с людьми? И о Бабе Яге, которая от старости разучилась колдовать и у нее все получалось наоборот? Смешная была сказка и удивительная. Чтобы ее не забыть, я ее записала, и, быть может, дети когда-нибудь прочтут ее.

Как-то в папиной комнате завелся мышонок, о чем папа и сообщил мне. Он рассказал, что видел, как мышонок выходил на середину комнаты, поводил усами, нюхая воздух. Садился на задние лапки и начинал приводить себя в порядок. Узнав о мышонке, бабушка хотела сейчас же поставить мышеловку, но мы с папой уговорили ее не делать этого. Папа предложил мне принести маленькое блюдечко с молоком и кусочки булки, которые я разложила у стенки, и, затаив дыхание, мы принялись ждать появления мышонка. Не помню, сколько раз я так высиживала, но наконец мое терпение было вознаграждено, и я увидела, как мышонок выбирался из норы, как принялся за угощение.

В тридцатые годы папа приобрел первый четырехламповый приемник. Для него это было большой радостью, так как отец был полностью отрезан от мира. Правда, он получал много газет и журналов, но разве это может сравниться с живым человеческим голосом. С возможностью при повороте тумблера перенестись в «неведомые» страны. Это доставляло отцу огромное удовольствие, а маму частенько выводило из себя, так как его блуждание в эфире наполняло всю квартиру свистом, треском и грохотом. Иногда раздавались обрывки музыки, незнакомая речь, после чего снова свист и звуковой глушитель: па-па-па... Уже тогда отец мечтал о телевизоре, но не о таком, какие сейчас стоят в каждой квартире, а об аппарате, который можно было бы настроить на любое расстояние и увидеть любой уголок земли. Именно это желание он воплотил в романе «Чудесный глаз». К сожалению, рукопись на русском языке бесследно исчезла. Осталась только книга, переведенная на украинский язык, изданная в Киеве, которую я впоследствии снова перевела на русский.

В 1940 году из Одесской киностудии в Ленинград приехал кинорежиссер Ростовцев для привлечения ленинградских писателей к работе в кино. Отец предложил ему свой роман «Когда погаснет свет». Ростовцев остановился у нас, и они вместе с отцом стали писать сценарий. Что-то изменяли, потом возвращались к старому. А мама бесконечно перепечатывала исправленное. Изредка Ростовцев ездил в Ленинград. Закон-

чив работу над сценарием, Ростовцев увез его в Одессу. Мы только получили аванс, как была объявлена война. Сообщение прекратилось. На этом все и закончилось. Только после войны мама написала в Одесскую киностудию, желая узнать о судьбе сценария, но никто ничего определенного ответить не мог, так как архив не сохранился, а новые сотрудники были не в курсе дела.

Была у отца скрипка. Старая, ремонтированная. Он купил ее в комиссионном магазине, в Пушкине. Был тогда такой магазин музыкальных инструментов почти против Гостиного двора на улице Коминтерна. Помню, там даже фисгармонию продавали. Папа сел и стал на ней играть. Меня это очень удивило. Инструмент ведь очень необычный, клавиши в четыре ряда. Где и когда папа научился на нем играть — не знаю.

Перед самой войной отец стал подниматься с постели. Иногда даже на улицу выходил. В эти дни он и на скрипке играл. Рояля у нас тогда уже не было, продали при переезде из Киева. Специального музыкального образования отец не получил, но на скрипке играл без нот, по памяти, такие сложные произведения, что я только удивлялась. Несмотря на болезнь, а может быть, именно из-за нее, у отца был строгий режим дня. Ни в одном доме, где бы я ни была, я не встречала такого режима. Надо отдать должное моей бабушке, маминой маме, которая занималась нашим хозяйством. Не знаю, как уж она ухитрялась любой обед приготовить с такой точностью.

Когда мы были в Пушкине, обедали ровно в четыре часа. А когда жили в Ленинграде, по-городскому — в шесть. После обеда отец никогда не писал; он говорил, что стоит ему начать, и он не сможет остановиться и будет писать всю ночь. Поэтому послеобеденное время уходило на чтение газет и журналов, которые отец получал в большом количестве. В восемь часов вечера у нас был вечерний чай, после которого отец занимался со мной.

Вся наша семья, кроме меня, была музыкальна. Каждый умел на чем-нибудь играть. Отец владел двумя инструментами — скрипкой и роялем. Мама играла на гитаре и, кроме того, пела. У нее было лирическое сопрано. Бабушка играла на гитаре и на цитре.

Как-то ко дню рождения мне сшили новое платье. В 30-е годы это было событием, не то, что для современных детей. Материал было трудно достать. Выстаивали часами. Надела я новое платье, выхожу к отцу и спрашиваю:

— Ну как?

— Что? — не понимает он.

— Посмотри, — выпячиваю я грудь, — видишь?

— Тебя вижу.

— А платье? — спрашиваю я с обидой.

— И платье вижу.

— Красивое?

— Красивое.

— Новое, — объясняю я.

— В самом деле? — удивляется отец.

Да что уж говорить обо мне, если он никогда не замечал, что надето на маме. Иногда она у него пыталась спросить совета, что ей лучше надеть в театр, на что он ей шутливо, но всегда неизменно отвечал:

— Во всех ты, душечка, нарядах хороша!

Мой отец был таким фантазером, что теперь, вспоминая его рассказы, я начинаю сомневаться в их правдивости. Как-то отец рассказывал мне о дарвиновском «Происхождении видов». И, как бы продолжая высказывания Дарвина, сообщил, что люди, происшедшие от обезьян, некоторое время были еще хвостатыми. Только хвосты их почему-то не сгибались, и для того, чтобы сесть на землю, им приходилось делать в земле дырку, в которую они могли всунуть свой негнущийся хвост. В эту «гипотезу» я верила довольно долго, у меня и мысли не возникало, что это фантазия отца. Посетителей у отца бывало много: писатели, ученые, молодые, начинающие авторы, студенты и школьники. С каждым из них отец находил контакт и интересующую обе стороны тему. Многие из них привозили или присылали по почте на суд отцу свои произведения. А один раз какой-то студент прислал отцу несколько тем для фантастических рассказов, прося за них заплатить. Отец ответил ему, что в темах недостатка никогда не испытывает. Наоборот, мог бы даже поделиться с кем-нибудь. Ввиду этого и денег не выслал.

Перед войной, в году сороковом, к отцу приходили ученики из пушкинской саншколы. Они решили поставить спектакль по роману отца «Голова профессора Доуэля» и хотели посоветоваться с отцом. Отец заинтересовался и попросил ребят показать ему несколько отрывков из спектакля. Игру их принял горячо, тут же подавая советы. Показывал, как надо сыграть тот или иной кусок. На спектакль мы были приглашены всей семьей, но пошли только вдвоем с мамой. Саншкола была от нас довольно далеко, в Новой деревне, автобусы в то время не ходили, а пешком отец дойти не мог. Тогда я была в восторге от спектакля. Мы с мамой очень жалели, что отец не смог его посмотреть.

А однажды к отцу пришли дети из интерната для трудновоспитуемых, который находился около Софии, в помещении бывшей гимназии. Воспитатель, который собирался привести ребят, предупредил отца, чтобы он на всякий случай убрал все мелкие предметы. Но отец не сделал этого. И когда ребята ушли, все осталось на своих местах. При их беседе я не присутствовала. Не знаю, о чем они говорили, только тишина стояла у отца в кабинете такая, словно никого там не было.

Перед самой войной отца положили в больницу. Ему долж-

ны были удалять камни из мочевого пузыря. В больнице он познакомился с мальчиком из детского дома, у которого не было родных. По рассказам отца, мальчик был похож на растрепанного воробья. Звали его Гоша. За то время, что они лежали вместе, Гоша очень привязался к отцу и очень жалел, что они расстаются. И тут отцу пришла мысль усыновить Гошу. О чем он и сказал мальчику. Не знаю, что бы получилось из этого, ведь он даже не посоветовался с мамой. Однако сбыться этому так и не удалось, так как началась война, поезда перестали ходить в Ленинград, и мы потеряли Гошу из виду. Помню только, что в своем последнем письме он обижался на отца за то, что тот не выполнил своего обещания. Не сбылись и мои мечты иметь брата.

Вспоминается мне одно необычное знакомство. Несмотря на свой почтенный возраст, — отцу тогда шел пятьдесят четвертый год, отец оставался на редкость любознательным и даже любопытным. Не знаю, где он выкопал этого старика, только стал ходить к нам Ахалай-Махалай — высокий дородный семидесятилетний старик со здоровым румяным лицом. Звали его, конечно, иначе, это отец прозвал его так. Когда-то в цирке отец видел фокусника, который, перед тем как извлечь что-то из ящика, водил над ним руками, повторяя при этом: «Ахалай-Махалай». Действия старика напоминали отцу этого фокусника, в связи с чем он и назвал его так. Так вот, Ахалай-Махалай обладал якобы чудодейственной исцеляющей силой, которая была в его руках. Он даже приборчик смастерил для того, чтобы демонстрировать силу своего магнетизма, как он ее называл. Приборчик напоминал самодельный компас без делений. Вокруг компаса, в подставку, было вставлено несколько вертикально стоявших палочек. Вот и все. Сила магнетизма определялась быстротой вращения стрелки. Делалось это так: Ахалай-Махалай обхватывал компас двумя ладонями, соединяя руки концами пальцев у запястья. Как только круг был замкнут, стрелка начинала вращаться. Когда он менял руки, поворачивая к себе другую руку, стрелка начинала крутиться в обратном направлении. Он предложил и мне проверить свои силы. У меня стрелка тоже вращалась, но совсем медленно. Так вот, этот старик рассказывал, что он вылечил себя от аппендицита. Привезли его в больницу с острым приступом, но операцию почему-то сразу делать не стали, отложив ее до следующего утра. Уже зная о том, что в его руках таится некая сила, Ахалай-Махалай положил руки на голый живот и продержал их так до утра. Сначала боль была острой, почти нестерпимой. Потом стала затихать и, наконец, совсем прекратилась. А утром, когда пришли врачи и осмотрели его, то никакого аппендицита не признали. Так и выписали его. Лечил он и других. У отца был застарелый спондилит. Надежды на его излечение не было никакой. Да и не мог отец поверить в исцеление. Но испытать действие магне-

тнзма решил. Делалось это так: отец ложился на живот, «целитель» прнкладывал к его спине обе ладоии. Когда он, по его словам, начниал чувствовать в пальцах покалываиие, то начннал медленно опускать рукн вниз. Ниже, инже н наконец тряс кнстямн, словно что-то стряхнвая. Прн этом неизменно раздавался треск, как от разряда электричества. И так проделывал он в течение пятнадцати мииут несколько раз. Отец уверял, что после сеанса боли в спнне значительно умеиьшались. Несмотря на свой возраст, я отнеслась к этому скептическн, и мие было даже стыдно, что отец может говорнть об этом серьезио. Тем не менее я согласнлась. Я абсолютно не верила ннчему и была удивлена, почувствовав в иоге от рук старика покалыванне, как от слабого тока. Когда же он опускал рукн к коичикам пальцев, то покалывание двигалось вниз. И так же, как у отца, следовал затем разряд. И все ж такн от последующих сеансов я категорнческн отказалась, счнтая все это глупостью. Потом Ахалай-Махалай перестал ходить н к отцу.

Миого лет назад, когда отец был еще студентом, он попал на концерт, одннм нз иомеров которого было угадыванне предметов, предлагаемых зрнтелямн. На сцеиу выходнлн двое мужчнн. Один становился спниой к зрнтелям, другой ходил по рядам, собирая разлнчные предметы. Возвратнвшнсь на сцену, он брал в руку однн нз предметов и начниал задавать вопросы своему партнеру, стоящему спнной к зрителям. Задавал быстро несколько вопросов, не ожидая ответа. А когда умолкал, угадывающий безошнбочио называл предмет. Номер нмел у зрнтелей большой успех. Артистам неистово хлопалн, счнтая их чуть лн не ясновндцамн. Отца заннтересовал этот фокус, н ему захотелось разгадать его. Для этого отец стал посещать концерты ежедневно. Ввнмательно прнслушиваясь к задаваемым вопросам, он обратнл внимание, что оин однотнпиы н постояиио повторяются. Из этого следовало, что шнфр был в самнх вопросах. Прнчем ответить, какой предмет в руке у ведущего, артнст мог только после последнего вопроса. Тогда отцу пришла мысль, что ключ не во всей фразе, а только в начале, вернее в первой букве первого слова. Проверив это, он убедился, что прав. Предметы, которые предлагали зрителн, былн одиотнпны: носовой платок, очкн, билет, кошелек, и т. д., ио, в сущности, их было ие так н много. Поэтому можно было пользоваться одиимн вопросами. К примеру, у ведущего были в руке очкн. В этом случае он задавал примерио такие вопросы: «Отчего вы молчнте? Что вы можете сказать? Как это называется? Итак, что это такое?» Удовлетворив свое любопытство, отец решнл подшутить иад артистамн. Собнраясь на следующий день на концерт, отец взял с собой маленькую фигурку Наполеоиа. Я ее хорошо помню. Оиа была серебряной н когда-то украшала пробку. В старое время было прнњято украшать пробкн разными фнгуркамн, серебрянымн, металлнческнмн нлн фарфоровы-

ми. У каждой фигурки был металлический стержень, который втыкался в пробку для бутылки. У Наполеона давно отвалился стержень, и он стал самостоятельным предметом и стоял у отца на письменном столе как статуэтка. Так вот, прихватив его, отец направился в театр. Когда ведущий стал ходить по рядам и собирать вещи, отец протянул статуэтку. Необычный для театра предмет смутил ведущего, он явно не хотел брать его и сделал вид, что не заметил протянутой вещи. Но отец настойчиво протягивал руку и, когда артист прошел мимо, спросил нарочито громко: «А почему вы у меня не берете?» — обратив этим на себя внимание. Артисту ничего не оставалось, как взять Наполеона и начать задавать вопросы. Делал он это несколько медленнее, чем обычно, с паузами, так как предмет был необычен и слово имело много букв. Отцу казалось, что все зрители уже разгадали секрет фокуса, но он ошибся. Даже после того, как ведущему пришлось подсказать «ясновидцу», что это статуэтка, восхищение зала не уменьшилось, а возросло. Вот этому-то фокусу и научил меня отец. И когда ко мне приходили подруги, мы показывали его. Даже спустя тридцать и сорок лет этот фокус вызывал удивление и восторг.

Помню, как-то у папиной настольной лампы разбился абажур, а в продаже их не было. Недолго думая, отец смастерил его из матовой кальки, по которой заплясали смешные человечки-силуэты из черной светонепроницаемой бумаги.

Однажды он смастерил проекционный фонарь для просмотра открыток. В его устройстве было несколько зеркал, трубка из картона и вставленное в нее увеличительное стекло. Фонарь ставился прямо на настольную лампу, включался свет. В прорезь фонаря вставлялась открытка, проекцию которой можно было видеть на стене. Аппарат был примитивный, но работал исправно.

Когда началась война, Союз писателей предложил отцу вместе с семьей эвакуироваться, но отец был еще так слаб после операции, что отказался. Если бы он мог предвидеть, что немцы так скоро возьмут Пушкин, то, наверное бы, все ж таки решился ехать. Но у него даже мыслей таких не возникало. Он все повторял, что немцев не допустят к Ленинграду.

Многие соседи из нашего двора эвакуировались, уехали в Ленинград. Наш дом, в котором мы жили, считался домом-угрозой. Между вторым и третьим этажами у него образовалась трещина. Отец написал даже об этом заметку в пушкинскую газету. И как только начались бомбежки, мы перебрались в соседний дом, в квартиру наших знакомых, уехавших в Ленинград и оставивших нам свои ключи.

17 сентября 1941 года — этот день запомнился мне на всю жизнь — мы сидели всей семьей за столом и пили чай. Вдруг раздался страшный гул, дом затрясся как в лихорадке. Звенели стекла. Отец первым выскочил из-за стола и крикнул:

— Скорей, скорей! — бросился в переднюю.

Мама выбежала последней и, схватившись за ручку, тщетно пыталась удержать рвущуюся из рук дверь. Раздался ужасный грохот. Потом сразу наступила такая тишина, словно все вокруг перестало существовать. Мы все были, словно мукой, обсыпаны мелом, в воздухе плавала белая мгла. Мы вернулись в комнату: окна были выбиты, люстра лежала на столе среди разбитой посуды. Пол был усеян битым стеклом и кусками штукатурки. Когда мы открыли выходную дверь и вышли на площадку, то от пелены пыли не увидели лестницы. И мне показалось, что ступени провалились и нам теперь не спуститься. Хотя все стихло, отец уговорил нас пойти в убежище, которое находилось у нас во дворе. Когда мы вышли во двор, то увидели огромную воронку от авиационной бомбы, которая упала перед самыми окнами дома, в котором мы раньше жили. Как ни странно, дом выстоял, только в нем, как и во всех соседних, вылетели все стекла и перекосились двери. Позже, уже после нашего отъезда, он был все ж таки разбит до основания и от него остался только фундамент, на основе которого был позже возведен новый дом, но уже не четырех-, а трехэтажный. Сейчас на этом доме мемориальная доска, которая гласит, что в этом доме с 1938 по 1941 год жил писатель Беляев.

Чугунные ворота были сорваны с петель и так смяты, словно они были из тонкой проволоки. В убежище, куда мы пришли, было полно народа, душно, пахло керосином. Кто сидел, кто лежал на матрацах, прислушиваясь к канонаде. Какая-то беззаботная компания из нескольких человек при свете коптилки играла в карты. Только мы сели на узкую длинную скамью, как около убежища что-то грохнуло, но разрыва не последовало. Мама открыла дверь и выглянула наружу. Около самого выхода лежал огромный бронебойный неразорвавшийся снаряд. Опять мы остались живы. Если бы он разорвался, нам несдобровать, ведь убежище могло спасти нас разве что от осколков.

В это время мама заметила, что из глубины двора к убежищу приближаются двое в сером, с автоматами в руках. Это были немцы. Заглянув в дверь убежища, они скомандовали: раус, раус! Домой мы не вернулись, а пошли в подвал дома, когда-то принадлежащего богатому купцу Кокореву, что находился на Московской улице, к которой примыкал наш двор. Говорили, что Кокорев был болен проказой и жил в доме один. Дом был красивый, впрочем, он стоит еще и сейчас, облицованный светлым кафелем. Огромные окна из зеркального стекла в палец толщиной. Внутренние двери из черного дерева, инкрустированные перламутром. На площадке лестницы большой витраж мадонны с ребенком на руках из цветного стекла. До того как мы пришли в этот дом, туда попала авиационная бомба, но, не разорвавшись, застряла между этажами. В подвале было много народу, преимущественно из нашего двора. Это были старики,

женщины и дети. До войны в этом доме был сельскохозяйственный институт и общежитие. Из служащих осталась только одна кладовщица. И хотя в городе были немцы, она чувствовала себя ответственной за вверенное ей имущество и следила, чтобы ничего не пропало. Она пустила нас в кладовую, где хранились ватные тюфяки, на которых мы и расположились где-то под потолком.

Прожив в кокоревском доме с неделю, мы вернулись в свой двор, но уже в другую квартиру, окна которой выходили на улицу 1 Мая и при взрыве бомбы уцелели. Это была квартира моей подруги, уехавшей с семьей в Ленинград.

Как-то отец, выходивший зачем-то на улицу, привел к нам гостей. Это был профессор Чернов с подростком сыном. В профессоре мама узнала своего попутчика, с которым часто встречалась в поезде, когда ездила по делам в Ленинград. При встрече они здоровались и перебрасывались фразами, но друг другу не представлялись. Сыну было лет 14—15. Оказалось, что он был поклонником отца. Где познакомился отец с Черновым, не знаю, так как дел у него в городе не было и выходил он из дому редко. Мужчины стали почему-то вдруг спорить о том, кто из них раньше умрет. И каждый уверял, что он войну не переживет.

Много лет прошло после той тяжелой зимы, но, наверное, никогда не изгладятся из памяти события тех дней.

В городе не работала канализация, бездействовал водопровод. За водой приходилось выходить на пруд, который находился от нас в двадцати минутах ходьбы. Эта обязанность лежала на маме. У бабушки было больное сердце, я передвигалась на костылях. Об отце и говорить нечего. Был как-то такой случай. Зачерпнув воды, мама пошла домой, но почти у нашего двора ее встретил немец с пустым ведром. Ничего не говоря, он взял у мамы ведро и перелил воду к себе. Маме ничего не оставалось, как повернуться и идти снова к пруду. Когда она подошла к месту, где только что брала воду, то не узнала его — все было черно от разорвавшегося снаряда. Судьба оказалась милостивой к маме и на этот раз.

В ту зиму, как известно, стояли страшные морозы. И снегу выпало как никогда много. Чистить его было некому, так что во дворах и на улице лежали сугробы выше коленей. Только тропинки были протоптаны. Иногда, чтобы не ходить за водой на пруд, мы топили снег. Только его надо было собрать очень много.

Жители нашего двора понемногу куда-то перебирались, и дома совсем опустели. Наши нижние соседи перед отъездом сделали нам шикарный подарок — подарили полбочки квашеной капусты. Была она кисловата и не особенно вкусна, но мы были рады и этому. Наши продуктовые запасы понемногу истощались, и мы начали голодать. Отец стал сдавать первый. Хотя

он ел до войны очень мало, но пища была питательной. Кислая капуста и лепешки из картофельной шелухи, которую выпрашивала бабушка иа иемецкой кухне, не могли заменить этого. В городе был объявлеи комендантский час. После четырех часов вечера нельзя было появляться на улице. Раньше мы жили в доме окнами во двор. Теперь иаши окна выходили иа улицу. На углу, почти против иаших окон, стоял столб со стрелкой «переход». На этом столбе немцы вешали «провинившихся» жителей, созывая прохожих посмотреть иа возмездие.

Отец стал пухиуть и с трудом передвигался. В конце декабря 1941 года он слег, а 6 января сорок второго скончался.

Похоронить покойника было иелегко, и, чтобы сделать это, маме пришлось долго хлопотать. В городской управе зарегистрировали смерть отца, там же мама получила гроб. Но отвезти его на кладбище было не на чем. А кладбище иаходилось от иас далеко, за Софией. Во всем городе была всего одна лошадь, и иадо было ждать, когда она освободится. Мама положила отца в гроб, и оии с бабушкой выиесли его в соседнюю пустующую квартиру. Через иесколько дней его кто-то раздел. Он остался в одном белье. Тогда мама обернула его в одеяло, невольио вспомнив его шутливое пожелание. Как-то он сказал: «Когда я умру, не надо ни пышных похорон, ни поминок. Заверните меня просто в газету. Ведь я литератор и всегда писал для газет».

Почти все так и получилось.

Пока мама достала от врача свидетельство о смерти, пока сделали гроб, ждали лошадь, прошло две недели. В городскую управу приходилось ходить ежедиевио. Как-то, придя туда, она услышала кто-то говорил: «Профессор Чернов умер». И она подумала, что было бы неплохо похоронить их рядом. В дверях мама столкнулась с женщииой и почему-то подумала, что это жена Чериова. И не ошиблась. Они познакомились и договорились, что, как только мама достанет лошадь, они вместе отвезут своих покойников на кладбище. Чериова обещала сходить выбрать место. Накоиец мама достала лошадь, и они поехали. Всю дорогу где-то рядом рвались сиаряды, гудели самолеты. Комеидаит кладбища принял покойииков и поставил их в склеп, как ои сказал, временио. За место иа кладбище было уплачеио в управе, а могильщики брали за работу продуктами или вещами, которые оии ходили куда-то меиять. Когда жеищины приехали, никого из иих не было. Умирало столько, что могилы не успевали рыть. На кладбище в то время находилось иепохорoиеииыми около трехсот покойников. Ими были забиты все склепы. Лежали все без гробов. Кто завернутый в одеяло, кто в рогожу, а кто и в одном белье. Лежали друг иа друге, как дрова. После этого мама еще раз приходила на кладбище, но отец все еще не был похоронен. Мама рассказала комеиданту, что ее муж был известиым писателем, и очень просила похоро-

нить его не в братской могиле, а рядом с профессором Черновым. Комендант пообещал выполнить ее просьбу.

Ровно через месяц после смерти Александра Романовича немцы вывезли нас в Польшу. Через много лет, когда мы смогли вернуться в родной город, мы съездили на Казанское кладбище. Коменданта уже не было, но оказалась жива сторожиха, которая показала нам место захоронения отца. Рядом с ним была могила профессора Чернова. Комендант выполнил свое обещание. В настоящее время над могилой отца стоит белый обелиск с надписью: «Беляев Александр Романович». Ниже изображена раскрытая книга, на листах которой написано: «Писатель-фантаст». И лежит гусиное перо.

Прошло уже сорок лет со дня его смерти, а я все еще вижу его умное лицо, вдумчивые глаза. Таким он мне и запомнился на всю жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Фантастика-84: Сборник научно-фантастических
Ф 22 повестей, рассказов и очерков / Сост. С. Ахметов; Худож. Р. Авотин. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 350 с., ил.

В пер.: 1 р. 70 к. Доп. тираж 100 000 экз.

Традицноиный молодогвардейский сборник иаучио-фантастнческнх повестей, рассказов, очерков и статей.

Ф $\frac{4702000000-246}{078(02)-84}$ 110—84

ББК 84(0)6
Сб 1

ИБ № 3884

ФАНТАСТИКА-84

Редактор **В. Фалеев**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Техиический редактор **Е. Брауде**
Корректоры **И. Тарасова, А. Долидзе**

Сдаио в набор 03.05.84. Подписано в печать 15.08.84. А00789. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 22.0. Усл. кр.-отт. 44,48. Уч.-изд. л. 23,4. Доп. тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 70 к. Заказ 2176.

Типография ордена Трудового Красиого Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21.

За последние годы издательство «Молодая гвардия» выпустило фантастические книги классиков отечественной и зарубежной литературы:

Алексей Толстой. Волшебная дуга

Всеволод Иванов. Медная лампа

Александр Грин. Блистающий мир

Иван Ефремов. Туманность Андромеды

Леонид Леонов. Бегство мистера Мак-Кинли

Рей Брэдбери. Передай добро по кругу

1 р. 70 к.

ФАНТАСТИКА - 84